ЭТЬЕН КАБЕ

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИКАРИЮ

В. П. ВОЛГИН

ЭТЬЕН КАБЕ

Рост классовых противоречий в 30—40-х годах XIX века и связанный с ним рост классового самосознания французского пролетариата вызвали во Франции повышенный интерес к коммунистическим идеям. Коммунистические организации этого времени в идейном отношении находились под значительным влиянием бабувистских традиций. Книга Буонарроти «Заговор равных» была, несомненно, для многих деятелей коммунизма основным руководством в их революционной работе. Но наряду с этим мы видим ряд попыток построения новых коммунистических теорий. Используя очень широко наследие коммунистической мысли XVIII века, эти теории в известной мере отражают также влияние сен-симонизма и фурьеризма. Французские коммунисты 40-х годов оказались не в состоянии дать борьбе за коммунизм научную базу, оказались не в состоянии разрешить поставленную жизнью проблему синтеза коммунизма и рабочего движения. Тем не

менее, они представляют для нас известный исторический интерес. Возникновение новых коммунистических систем является симптомом глубокого идейного брожения, предвещающего и подготовляющего появление научного коммунизма Маркса и Энгельса.

Наибольшей популярностью из коммунистических книг 40-х годов пользовалось, несомненно, «Путешествие в Икарию» Кабе.

Политическая жизнь Кабе началась еще при Реставрации. В начале 20-х годов он был уже членом организации карбонариев и, повидимому, примыкал к ее левому, республиканскому крылу. Социальные вопросы его тогда мало интересовали. Мы знаем, что книга Буонарроти не произвела на него особого впечатления. После Июльской революции Кабе примирился с орлеанистской монархией как с монархией «республиканской» и получил место генерального прокурора на о. Корсике. Будучи избран в палату депутатов в 1831 году, он вернулся в Париж и сблизился с кружком Буонарроти, д'Аржансона и Теста. Однако и в это время социальные идеи Кабе оставались весьма неопределенными. Не принадлежа формально ни к «Обществу друзей народа», ни к «Обществу прав человека», он был близок к ним по своим политическим и социальным построениям. Он сочувствовал положению рабочих, советовал им объединить свои силы, но предъявлять хозяевам только «разумные» требования. Он верил в возможность для рабочих договориться с предпри-

нимателями. Он проповедовал организацию рабочими производственных ассоциаций. В 1833 году Кабе начал издавать журнал «Populaire». Не грабеж богатых, но обогащение бедных; не унижение господствующего класса, а подъем народа; не насилие, но убеждение — таковы были лозунги журнала. Политическая программа журнала была буржуазно-демократической. В 1834 году Кабе как редактор журнала был привлечен к суду и был вынужден эмигрировать в Англию, где ему пришлось прожить пять лет.

В эти годы изгнания Кабе пришел к коммунизму. Сам он изображал процесс своего перехода от политического радикализма к коммунизму как процесс чисто «логический». Занявшись изучением истории в целях составления ряда популярных исторических книг для народа, он был, по его словам, потрясен теми раздорами и революциями, которые всегда и везде нарушали спокойствие общества, потрясен зрелищем вечных несчастий человечества. Чтобы найти средство против этих зол, он начал искать их причину. Эти размышления привели его к убеждению, что «первоначальная и основная причина всех пороков и всех несчастий всех обществ с начала мира заключается в неравенстве..., следовательно, лекарством против них является уничтожение неравенства и переустройство общества на базе равенства». Пытаясь набросать план такого общества, в котором равенство царило бы и в труде, и в

воспитании, и в потреблении, он будто бы был приведен ходом своих рассуждений к общему труду, к общему воспитанию — «словом, к коммунизму». *

Но надо было еще выяснить вопрос, возможно ли практическое осуществление коммунизма, ибо «обычно его считали утопией». Рассмотрев этот вопрос всесторонне, «я увидел,— говорит Кабе,— с удивлением, с радостью, с восторгом, что если бы нация этого захотела, она могла бы организоваться в общину (la communauté), сохраняя тем, кто счастлив сегодня, все их счастье, даже увеличивая их счастье, и обеспечивая то же благополучие всем тем, кто в настоящее время угнетен нуждою. Я увидел затем с возрастающим удовольствием, что преобразование старого общества в новую общину возможно без потрясения, без ограбления богатых (sans depouiller les riches)... Я увидел, наконец..., что вследствие неизмеримого прогресса в индустрии и в машинах община сейчас более осуществима, чем в какую-либо предыдущую эпоху». ** Так Кабе пришел к выводу, что мнение, будто коммунизм — химера и утопия, является предубеждением, которое рассеивается в результате изучения. ***

Кабе утверждает, что, лишь убедившись в истинности коммунизма путем длительного

---

* E. Cabet. Comment je suis communiste, p. 2.
** Там же, стр. 4.
*** E. Cabet. Mon credo communiste, p. 12.

исследования, он приступил к изучению Мора, Оуэна и других социалистических мыслителей. Это, конечно, вполне возможно. Но, для того, чтобы знать основные положения коммунизма, Кабе вовсе не было надобности изучать Мора или Оуэна. Он, несомненно, знал их уже давно из книги Буонарроти, да и во время его встреч с Буонарроти, д'Аржансоном, Тестом беседа не могла не касаться коммунизма. И если Кабе требовались годы, чтобы «рационально» освоить эти положения, то это произошло потому, что путь к коммунизму преграждали для него впитанные им предрассудки мелкобуржуазных революционных группировок,— предрассудки, от которых ему не удалось полностью отрешиться даже тогда, когда он стал коммунистом.

В Лондоне Кабе написал «Популярную историю революции». В первых частях он выступает еще как буржуазный демократ; лишь начиная с IV части сказываются его новые, коммунистические взгляды. Кабе считает, что Робеспьер очень близок к коммунизму, и осуждает его за то, что в соответствующий момент он не проявил должной решимости. Однако к Бабефу Кабе относится отрицательно. Он высказывается решительно против насилия и диктатуры. Враждебное отношение к бабувизму с его революционными методами характерно не только для «Популярной истории революции», но и для всей последующей деятельности

Кабе. «Я не являюсь ни эбертистом, ни бабувистом»,— повторяет он не раз в своих более поздних памфлетах. *

По возвращении во Францию Кабе выпустил в 1840 году свое самое крупное произведение «Путешествие в Икарию» («Voyage en Icarie»), а в 1841 году возобновил издание журнала «Populaire». Новый «Populaire», по мысли Кабе, должен был стать органом объединения всех коммунистов, органом совместного обсуждения проблем коммунизма. Кабе привлек к участию в нем Дезами, Лаотьера и других. Но такое объединение не могло быть длительным. Уже очень скоро «Populaire» стал специфически кабетистским журналом, проповедующим мирный коммунизм Кабе и ожесточенно полемизирующим с коммунизмом революционным. Первая половина 40-х годов была для Кабе временем самой интенсивной литературно-пропагандистской работы, временем наибольшей его популярности.

Число подписчиков «Populaire» росло, дойдя к 1846 г. почти до 4000. Группы сторонников Кабе организовались во многих промышленных городах Франции; они состояли по преимуществу из представителей ремесленного пролетариата и полупролетариата. Несмотря на подчеркнуто мирный характер движения, правительство Луи Филиппа сочло опасными для существующего порядка успехи

---

* Например, Comment je suis communiste, p. 7.

мирной пропаганды икарийского коммунизма. 1846 и особенно 1847 год — год кризиса, приближающего крушение Июльской монархии,— отмечены преследованием икарийских ячеек и корреспондентов «Populaire». В этой обстановке гонений Кабе выдвинул в 1847 году идею организации коммунистической общины в Америке, хотя печальные итоги соответственных опытов Оуэна были ему хорошо известны. Эта идея вызвала в среде французских коммунистов большую оппозицию. Журнал «La Fraternité» Лаотьера характеризовал проект Кабе как жест отчаяния и указывал на вред эмиграции для дела борьбы за коммунизм. Тем не менее, Кабе удалось увлечь своей идеей небольшую группу рабочих. Американский эксперимент Кабе закончился, как и следовало ожидать, полным крахом. Революция 1848 г. и неудача американских коммун нанесли смертельный удар «икарийскому» коммунизму.

Социальная философия Кабе не отражает ни уроков Французской революции, ни достижений социалистической мысли начала XIX века. Она примыкает явным образом к дореволюционной коммунистической традиции. Как теоретик Кабе ближе к Морелли или Мабли, чем к Сен-Симону или Фурье. Если бы Кабе не упоминал в своих произведениях о паровых машинах и росте крупной капиталистической индустрии, его систему можно было бы отнести к XVIII веку.

Мир, учит Кабе, не есть результат

случайности. Первопричиной всего существующего является природа. Но природе Кабе присваивает все атрибуты божества. «Я верю,— заявляет он,— что природа бесконечно разумна, бесконечно предусмотрительна, бесконечно могущественна, бесконечно мудра, бесконечно справедлива и благодетельна». * Эта тождественная божеству природа желает счастья человека на земле. Между тем, человеческая история — цепь несчастий. Причина их — не в природе, а в невежестве людей, в их заблуждениях, в выдуманных ими дурных учреждениях, в дурной социальной и политической организации. Природа — общая мать: все люди — братья, равные в правах и обязанностях, равные в своих нуждах и в своем стремлении к счастью. Природа не делила людей на расы, касты и классы. Она создала все для всех. Нет раздела от природы, все дано ею человечеству сообща (en commun). Природа предназначила землю для общего и неделимого владения. Она дала каждому равное право на землю и на все ее продукты. Общность благ — естественна. Различие людей по их физическим качествам нисколько не противоречит их равенству в правах, обязанностях, счастье. Неравенство — нарушение естественного закона.

Человек предназначен природой к тому, чтобы жить в обществе. Братство, любовь, доброта — инстинкты человека. С таким пред-

---

* Mon credo communiste, p. 3.

ставлением об общественной природе человека мыслители XVIII века обычно связывают идею коммунистического естественного состояния. Не совсем чужда эта идея и Кабе. Однако первобытное общество не может, по его мнению, служить идеалом. В первобытном обществе было возможно угнетение слабых сильными. Но природа дала слабым инстинкт сопротивления и разум, который приводит их к объединению в целях самозащиты, к организации общества, которое должно гарантировать естественное равенство, устанавливая равенство социальное. *

В своем детстве человечество невежественно и неопытно. Это и делает возможным ошибки, ведущие к неравенству, к нарушению естественного закона. Право грубой силы, рабство, касты, классы, неравенство прав — порождение времен варварства и невежества. В невежестве, говорит Кабе, основная причина того, что равенство не было нигде реализовано. Непосредственную причину возникновения класса господ, собственников и аристократов Кабе склонен видеть в завоевании. ** Бессмысленно, по его мнению, искать указаний в мудрости, невинности и опыте древних наций: чем ближе к началу человеческого рода, тем менее он просвещен и опытен. Плохая социальная организация, основанная на неравенстве, портит природу

---

* E. Cabet. Douze lettres d'un communiste, p. 21.
** E. Cabet. Voyage en Icarie, 1842, pp. 305—306.

человека. Злые люди — жертвы социальной организации: их пороки — пороки общества. * Неравенство ведет к изобилию и господству для одних, к нищете и угнетению для других. В обществе вместо гармонии воцаряется борьба. Оно распадается на два класса: один не работает и все имеет, другой все производит и не имеет даже необходимого. Отсюда вырастают все или почти все присущие людям в настоящее время недостатки. Но человеку свойственна также способность совершенствоваться (la perfectibilité). Его знания растут. Разум, просвещенный опытом, неизбежно восторжествует над заблуждениями. Разум и опыт движут гражданское общество по пути прогресса.

Единственное средство исцелить человечество — уничтожение аристократии, или социального неравенства, и установление демократии, или равенства. Человек по природе своей предназначен жить в обществе. Гражданское общество есть продолжение и развитие общества естественного. Дурные учреждения нарушают естественные принципы общественного порядка. Общество должно быть от них «очищено», построено заново в согласии с вечным кодексом природы (code eternel de la Nature).

Отметим, что Кабе говорит о гражданском обществе вообще, не различая специфики различных форм эксплоатации и соответ-

---

* E. Cabet. Les masques arrachés, p. 4.

ствующих им различных форм гражданского общества. Для Кабе существуют лишь две общественные системы: система аристократии и система демократии. Между аристократией, или меньшинством, желающим для себя привилегий, и демократией, или большинством, желающим равенства для всех, идет везде и всегда непрерывная война. * Христианство и Французская революция стремились осуществить демократию. ** Революция провозгласила права человека, но они остались пустыми словами. Всякий раз, когда короли, духовенство, аристократия или буржуазия хотели чего-либо добиться в своих интересах, они призывали на помощь народ и давали ему обещания, чтобы получить его поддержку. И всегда после победы, добытой доблестью, страданиями и кровью народа, его интересы предавались и для него лишь менялись хозяева. Так было в 1789 и 1792 годах, после победы термидорьянцев, во время Директории, Консульства, Империи. Народ помнит, что так же было в 1830 году. Суверенитет народа — насмешка; в обществе нет ни свободы, ни равенства, ни братства. Эгоизм и индивидуализм являются его основой и принципом. ***

Собственность не есть естественное право. Это чисто человеческое изобретение, и ее

---

* Douze lettres d'un communiste, p. 21.
** E. Cabet. Ma ligne droite, p. 33.
*** Les masques arrachés, p. 4.

установление — самая тяжелая ошибка человечества. Кабе, впрочем, готов был бы примириться с собственностью при условии равенства и неотчуждаемости владений. В том виде, в каком она существует, она является институтом, содействующим возникновению и росту неравенства — источника всех общественных зол. Пока она существует, будет существовать богатство и бедность.

Задача состоит в том, чтобы уничтожить богатство и бедность, чтобы обеспечить всеобщее довольство. Эта задача не может быть разрешена путем простой замены монархического порядка республиканским: монархия не является единственной причиной всех зол, и для их устранения недостаточно установить республику. Для этого необходимо реализовать в обществе естественную общность — общность лиц, общность благ, общность производства (la communauté des personnes, des biens, de l'industrie). Только коммунизм может обеспечить равенство. Коммунизм, говорит Кабе, есть ассоциация, построенная на базе равенства, братства и единства (association égalitaire, fraternelle, unitaire). Коммунизм есть цель, к которой движется человечество; все другие улучшения неизбежно ведут к нему. При коммунизме индивидуальный интерес растворяется в общественном, эгоизм вытесняется братством. К провозвестникам коммунизма Кабе относит почти всех выдающихся мыслителей прошлых веков.

Он считает коммунизм реализацией моральных требований христианства, проповедь Христа заключает в себе, по его мнению, принципы коммунизма. Коммунизм предупреждает возникновение неравенства, он исключает злоупотребления, ведущие к ущербу для общества. Общность представляет единственную систему социальной организации, которая могла бы осуществить равенство и братство, предупредить жадность и честолюбие, прекратить конкуренцию и антагонизм, уничтожить зависть и ненависть, сделать почти невозможными порок и преступление, обеспечить согласие и мир, наконец, счастье возрожденному человечеству. *

Существующая система индустрии, говорит Кабе, отличается бесчисленными пороками и ведет к самым пагубным последствиям. В ней царят беспорядок, путаница, хаос, случай, за которыми следуют конкуренция, соперничество, жадность, все эгоистические и враждебные братству страсти. Сколько бесполезных производств, сколько потерь для общества! Сколько нищеты, сколько страданий для работников!

Рабочие составляют основную массу населения. Они родятся в нищете, в то время как другие дети, рождающиеся в богатстве, обладают каждый излишком, достаточным для тысячи несчастных, нуждающихся в необходимом. Сын рабочего не получает ни воспи-

* Voyage en Icarie, p III.

тания, ни образования. Может быть, из него вырос бы гений. Но общество осуждает его остаться невежественным, отказывает ему в развитии его разума. А потом то же общество попрекает его невежеством. Едва лишь сын рабочего подрастет и немного окрепнет, на него возлагают работу, не считаясь с его расположениями и вкусами; преждевременный и непосильный труд его истощает. В течение всей его жизни, в старости, как и в детстве, его используют как машину, осуждая на чрезмерный, отталкивающий, истощающий и опасный труд. Скольким случайностям он подвержен! Сколько есть производств, на которых рабочий теряет зрение, слух, легкие в тридцать или сорок лет!

Хозяин обогащается на труде рабочего. Он эксплоатирует рабочего, как он эксплоатирует поле или лошадь. Но он дает рабочему возможно меньше. Заработная плата обычно так мала, что ее едва хватает для поддержания жизни рабочего. Родившись нищим, он и умирает нищим, после жизни, полной лишений и утомительного труда. А когда он заболеет, когда производство останавливается, когда у него нет работы, у него часто нет и хлеба. Счастливцы земли не видят этого и не хотят видеть. Сколько мужества, самоотверженности, добродетели нужно рабочему, чтобы не притти в отчаяние; какие муки должен был он перенести, чтобы воскликнуть: «Жить в труде или умереть в бою!» Судьбу рабочих признал ужасной даже Гизо.

призывавший серьезно о ней подумать, так как она представляет *большую опасность*.

Когда-то, продолжает Кабе, во всей Римской империи, и, следовательно, почти во всей Европе, рабочие были *рабами*; они принадлежали хозяевам, которые смотрели на них как на рабочий скот, получали весь продукт их труда и кормили их, чтобы они могли работать. В настоящее время рабочие свободны: их более не называют рабами. Но те, кто их нанимает, попрежнему называются хозяевами, или патронами. И это правильно, так как, в действительности, масса рабочих попрежнему находится в рабстве у хозяев. Хозяева, или патроны, одни пользуются политическими правами, тогда как рабочие их не имеют; хозяева являются избирателями, депутатами, присяжными, составляют национальную гвардию, они создают законы посредством своих уполномоченных, и создают их в своих собственных интересах и против интересов рабочих, тогда как рабочие — ничто и вынуждены исполнять эти законы и подчиняться им. Хозяева вооружены как спартиаты или плантаторы, а рабочие безоружны как илоты или негры. Хозяева судят рабочих, а рабочие никогда не судят хозяев. Хозяева, поддерживаемые всей аристократией, могут объединяться и заключать коалиции, чтобы защищать свои интересы против интересов рабочих, а рабочие не могут договариваться и объединяться, чтобы защищаться от хозяев. И их еще заставляют отдавать жизнь для

защиты общества, которое их грабит и угнетает. Разве это не настоящее рабство?

Это современное рабство в общем хуже, чем рабство римских рабочих, заявляет Кабе вслед за Ленге и, вероятно, не без влияния этого публициста XVIII века,— у римского хозяина было основание беречь своего раба и заботиться о нем как о своей собственности, о своей лошади или о своем поле. Хозяин нашего времени, продолжает Кабе, заинтересован, наоборот, лишь в том, чтобы, истощая своего рабочего, извлечь из него возможно больше. Если слабость, утомление, болезнь, какая-либо случайность мешали рабу работать, лишали хозяина возможности продать его по хорошей цене,— это был убыток для хозяина. Таким образом, эгоизм вынуждал его быть гуманным, чтобы извлечь из раба *больше дохода*. Самый жадный хозяин, если только он был разумен, заботился о питании раба, чтобы сохранить его силы и здоровье, и о здоровом помещении для работы. В настоящее время какое дело хозяину, что его рабочий плохо питается, утомлен, истощен, болен, ранен, убит? Он тотчас же находит другого, которого не надо даже покупать. Он тратит возможно меньше на мастерскую, на заработную плату, а с другой стороны, он истощает силы рабочего в труде, чтобы извлечь из него возможно больше дохода. Такова *эксплоатация человека человеком.* *

* Douze lettres d'un communiste, pp. 36—38.

Рабочие находятся полностью в руках предпринимателей и эксплоататоров. Они вынуждены под страхом голодной смерти принимать все условия хозяев. Если бы рабочие могли объединиться во имя общих интересов, они могли бы добиться более справедливой заработной платы, менее продолжительного и менее тяжелого рабочего дня, они могли бы даже потребовать, для себя всех прав человека и гражданина: ведь они составляют самую многочисленную, самую необходимую для производства часть населения, они сильны и способны пренебрегать опасностями. Но хозяева и аристократы, желая удержать их в рабстве, не позволяют им организовать союзы и ассоциации; они применяют в отношении рабочих старый принцип: «разделяй и властвуй». Изолированные рабочие вынуждены всем пожертвовать во имя своих индивидуальных потребностей, вынуждены конкурировать друг с другом, причем в конце концов то, от чего отказывается один, принимает другой.

Чтобы облегчить себе господство над рабочими, хозяева и аристократы вынуждены держать их в невежестве, поощрять распространение среди них дурных обычаев и пороков. *

Отсюда зависть и ненависть рабочих по отношению к хозяевам. И в самом деле, как могли бы они любить хозяев, которые их

---

* Douze lettres d'un communiste, pp. 38—39.

эксплоатируют, обогащаясь за их счет? Кабе, как мы видим, очень близок к признанию неизбежности классовой борьбы. Но такое признание означало бы крах всей его идеалистической общественной теории. Поэтому он спешит предупредить революционные выводы из написанной им картины бедственного положения пролетариата заявлением, что для хозяев эта организация общества столь же пагубна, как и для рабочих. У первых даже больше тревог и беспокойства. Царящие в обществе беспорядок и случайность невыносимы для всех. Жертвой их являются и пролетарии, и буржуазия. Жизнь фабриканта или купца представляет настоящий ад. И рабочие и хозяева одинаково заинтересованы в том, чтобы найти выход из этого кризиса, чтобы найти лекарство от терзающего общество зла. Их общий интерес состоит не в том, чтобы вести войну друг против друга, но в том, чтобы объединиться, заключить братский союз и ввести новую организацию труда, которая сделает всех счастливыми. * Исходя из этих положений, Кабе осуждает коалиции и стачки, которые могут принести рабочим, по его мнению, лишь преследования и страдания. **

---

* Douze lettres d'un communiste, pp. 39—40; 41—42.

** E. Cabet, Réfutation des doctrines de l'Atelier, pp. 12—13.

В чем же состоит искомое лекарство от общественных зол? Его не стоит искать ни в сберегательных кассах, ни в милостыне, ни в проповедях священника, ни в советах моралистов. Не является лекарством, по мнению Кабе, и повышение заработной платы. Кабе считает, что повышение заработной платы автоматически ведет к повышению цен. Если представить себе, что заработная плата всех рабочих повысится, неизбежно повысятся и цены на все товары. Рабочий будет платить за все дороже и потеряет на повышении цен все, что он выиграет на повышении заработной платы. К концу года он увидит себя таким же бедняком, каким был и раньше. А между тем, общее повышение заработной платы — настоящая революция, столь же трудная, как все другие революции.

Все говорят как о средстве спасения *об организации труда*. Но частные ассоциации не решают проблемы. Кабе не верит в возможность при существующем порядке широкого распространения ассоциаций, создаваемых самими рабочими. Если даже все рабочие каждой индустрии образуют ассоциации, если все хозяева будут вынуждены войти в эти ассоциации,— все же эти бесчисленные ассоциации, оставаясь раздробленными, будут страдать от конкуренции и антагонизма. Лекарством может быть только *всеобщая* ассоциация, которая обеспечит счастье всех рабочих, а вместе с ними и хозяев.

А такая всеобщая ассоциация и есть коммунизм. *

Противники коммунизма утверждают, говорит Кабе, что порядок, при котором человек более способный, приносящий бо́льшую пользу, не имеет в обществе никаких преимуществ,— несправедливый, нетерпимый порядок. Если умственное превосходство дано природой, возражает Кабе, то это случайность, а случайность не может служить основанием для права. Но обычно гений развивается под воздействием окружающего общества, от общества человек получает также средства, дающие ему возможность проявить свой гений. Общество вправе потребовать, чтобы гражданин отдал ему свой талант: это только оплата долга. И как может человек жаловаться, что с ним обращаются так же, как с его братьями?

Не менее распространено возражение, будто бы коммунизм убивает соревнование: никто не будет стараться, если он не получит за это ничего для себя и своих детей. Но из соревнования в той форме, какую оно имеет сейчас, заявляет Кабе, из соревнования, дающего возможность обогащения, возникают все беды современного общества. Ничто не может компенсировать это зло. При коммунизме соревнование тоже будет иметь место. Но стимулом этого соревнования будет не обогащение, а моральное удовлетворение, по-

* Douze lettres d'un communiste, p. 40.

чет, общественные отличия. Наконец, в коммунистическом обществе личный интерес будет полностью слит с интересом общим, каждый будет понимать, что работать для общества — значит работать для себя, что уменьшение общественного богатства значит уменьшение его доли.

Говорят, что в обществе всегда будут ленивые. Кабе убежден, что ленивых не может быть в обществе, где праздность рассматривается как кража, где рабочие культурны и всем интересуются, где применение машин делает труд легким и привлекательным. Человек по природе активен; условия коммунизма будут содействовать повышению его активности. Для члена коммунистического общества абсолютная праздность была бы мукой. Ленивый будет считаться человеком неполноценным, больным. Есть, однако, такие работы, продолжают критики коммунизма, которые неприятны для всех, которые всех отталкивают. Как быть с ними? Кабе уверен, что человеческий разум не может не найти решения этой задачи, не может отступить перед таким препятствием. Можно представить себе, что эти работы будут принудительно возложены обществом на тех, кто на основании экзаменов будет признан непригодным для другой работы. Можно привлекать к таким работам, воздавая особый почет тем, кто за них берется, рассматривая их как акт патриотизма. Можно назначать на эти работы по жребию. Можно установить такой

порядок, при котором все будут обязаны в течение короткого срока принимать участие, в известной очереди, в их исполнении. *

Мы уже знаем, что Кабе отрицает возможность осуществления коммунизма при помощи насилия. «Я скорее реформист, чем революционер,— говорит он,— я прежде всего демократ». ** Переход к коммунизму — величайший переворот из всех происходивших на земле, самая обширная реформа, самая глубокая революция, подлинное возрождение человечества. Для того чтобы его осуществить, надо победить столько предрассудков, столько привычек, столько страстей и интересов! Коммунизм, заявляет Кабе, может и должен быть введен единогласным решением народа или решением крупного большинства.

Для достижения такого легального преобразования нужна, конечно, пропаганда. Общественному преобразованию должно предшествовать преобразование духовное. Одним из способов пропаганды коммунизма является пример — организация общин на коммунистических началах. Кабе полагает, как и фурьеристы, что правительство, которое действительно заботилось бы об интересах народа, должно было бы предоставить землю и средства для производства таких опытов. Опыт показал бы, какой из предлагаемых

* Douze lettres d'un communiste, pp. 136—140.

** Comment je suis communiste, p. 7; Ma ligne droite, p. 12.

проектов пригоден. Такая политика предупредила бы революцию. Но существующие правительства не склонны к подобным экспериментам. Очевидно, для организации показательной общины приходится рассчитывать на инициативу самих заинтересованных масс. Кабе считает, что он идет навстречу этой инициативе, составляя проекты создания таких общин. *

Успех пропаганды коммунизма обеспечен тем, что его содержание — истина. Как и большинство утопистов, Кабе глубоко уверен, что коммунизм может быть установлен только силой общественного мнения, силой убеждения. Одна партия, решительное меньшинство, если бы даже оно составляло правительство, напрасно старалось бы навязать большинству коммунизм: это было бы несправедливостью, тиранией, безумием. Переворот, отменяющий собственность вопреки воле мелких и крупных собственников и заставляющий богатых работать, встретил бы такое сопротивление, какого не встречали никогда никакие социальные и политические преобразования. Чтобы погубить это начинание, достаточно было бы одной силы инерции. Что возможно, разумно, полезно,— это проповедывать, распространять доктрину, обсуждать, доказывать, убеждать. «Когда общественное мнение примет коммунизм, его легче будет установить; что касается меня, то

---

* См., например, Petite communauté de dévoués.

я не сомневаюсь, что общественное мнение в конце концов его примет, так как, с моей точки зрения, это единственная истинная доктрина, так как ее истинность может быть доказана с полной очевидностью, так как разум в конечном счете всегда побеждает (la raison finira toujours par avoir raison).* Угрозы и насилия не могут приблизить торжество истины и поэтому бессмысленны. Наоборот, утверждает Кабе, следует постараться по возможности примирить собственников с коммунизмом. Для этого Кабе рекомендует заявить, что живущее поколение не будет лишено собственности, что коммунизм будет обязательным лишь для поколений грядущих, которые будут к нему подготовлены воспитанием. Богатые — наши братья, наивно заявляет Кабе, не следует их ненавидеть, не надо их угнетать. Их пороки, как и пороки бедных,— результат плохого воспитания и плохой социальной организации. Кабе верит в то, что богатые также обратятся в конце концов к истине коммунизма. Ибо, по его мнению, коммунизм больше, чем какой-либо другой строй, способен обеспечить счастье не только бедных, но и богатых.**

Среди социальных мыслителей первой половины XIX века было немало наивных утопистов. Но рационалистический утопизм Кабе

---

* Comment je suis communiste, p. 6; Mon credo communiste, p. 12.

** Ma ligne droite, p. 19.

резко выделяется даже на этом фоне. Трудно понять, как мог писатель 40-х годов до такой степени игнорировать рост классовых противоречий и обострение классовой борьбы в окружающем его обществе. Кабе не может не видеть роста капиталистической индустрии. Кабе понимает ее революционизирующее значение. «Машины,— говорит он,— гром, свист и шум которых ухо улавливает уже издали, заключают в недрах своих раскаленных внутренностей бесконечное количество всякого рода маленьких революций, из которых вырастает великая всеобщая революция. Пар созидает мир будущего, отделяет наше настоящее от прошлого. Он уже царит в Великобритании и Северной Америке, творя чудеса, и никто не в состоянии воспрепятствовать его проникновению во Францию и другие страны».

Кабе понимает, что великие открытия в науке и промышленности производят не только научные и промышленные революции, но также революции социальные и политические, ибо в природе все связано. Кабе видит, что крупная индустрия создает материальную базу для коммунизма. Чем больше развита индустрия, тем легче осуществить коммунизм, говорит он. «Рост промышленности делает возможным коммунизм теперь более, чем когда-либо... Современное безграничное развитие производительных сил при посредстве паровых машин может обеспечить равенство и изобилие». Кабе понимает, что рабочая

среда — среда наиболее восприимчивая к идеям коммунизма, что наиболее активные и сознательные рабочие являются коммунистами. К рабочим обращается он в первую очередь со своей пропагандой, призывая «обездоленных и рабов» решительно, смело и упорно добиваться своего освобождения, реализации своих прав и счастья своего потомства. «Все рабочие,— говорит он,— должны быть коммунистами». * И, тем не менее, мелкобуржуазная мечта о всеобщем примирении, о мирном строительстве нового общественного порядка заставляет его закрывать глаза на классовую структуру общества, на классовый характер грядущей революции. Между тем, значение классовых интересов для дела коммунизма учитывали в известной мере даже некоторые мыслители дореволюционного времени.

Относясь отрицательно к идее насильственного социального переворота, Кабе предвидит в ближайшем будущем возможность революции политической. Он считает, что события подготовляют эту революцию. Однако ее классовое содержание, ее реальные движущие силы, как и следует ожидать, ему совершенно неясны. Кабе боится, что преждевременная революция может привести к гибели всех демократических группировок. Именно к этому стремятся правящие партии. Они хотят как можно скорее провоцировать

* Ma ligne droite, pp. 58—59; 63.

частичное восстание, чтобы раздавить его и воспользоваться им для объявления осадного положения и разгрома сил демократии.

В конце 30-х годов Кабе призывал к осторожности, к спокойствию, к терпению: никаких мятежей, никаких насилий, никаких искушений! «Выждем нападения,— говорил он,— и тогда будем защищаться». Поспешность может все погубить. Пока же Кабе рекомендовал возложить надежды на палату депутатов, предоставить ей дело защиты интересов нации. * Именно в этой обстановке, будучи убежден, по его словам, что революция не принесет пользы народу, написал он свою знаменитую фразу: «Если бы я держал революцию в руке, я держал бы ее закрытой, хотя бы мне пришлось умереть в изгнании».

В начале 40-х годов отношение Кабе к революции, под влиянием реакционной политики правительства, несколько изменилось. Он попрежнему нападению предпочитает оборону, насилию — мирные пути банкетов, петиций и адресов; он не полностью потерял надежду на то, что палата депутатов остановит рост реакции и что власть отступит перед волей суверенного народа, что мирный прогресс вновь станет возможным. Он убежден, что революция не сможет в данный момент привести к коммунизму, он сомневается даже в том, что она приведет к торжеству демокра-

---

* E. Cabet. Vous serez responsable envers la patrie, pp. 3—4.

тии. И все же он готов принять вызов и вступить в борьбу, если эта борьба необходима, чтобы задержать реакцию. «Итак,— резюмирует Кабе свое рассуждение,— без реакционных мер правительства против свободы (sans les bastilles, по его образному выражению) я не был бы революционером; но реакция представляется мне величайшим злом, худшим, чем смерть, и я последую за нацией всюду, куда бы она ни пошла... Я предпочитаю реформу, не отвергая революции, когда ее признает необходимой общественное мнение». * Однако и в это время Кабе ждет инициативы революции от масс, от народной стихии; он против ее подготовки революционерами, в частности, против революционных тайных обществ, организацию которых он решительно осуждает. Революционное настроение, говорит Кабе, и без того достаточно сильно; незачем его искусственно возбуждать.

Против революции высказывается Кабе и в 1847 году, меньше чем за год до февральских дней 1848 года. Противопоставляя революционным попыткам организацию коммун, он утверждает, что революция не соответствует интересам народа. Однако доводы Кабе в этот период не имеют принципиального характера, они направлены не против революции вообще, но против революции в данной об-

* Voyage en Icarie, pp. II, 586; Ma ligne droite, p. 15; Les masques arrachés, p. 27.

становке. Революция, по его мнению, не желательна потому, что власть к ней подготовилась и обладает большими силами; потому что даже в случае успеха революции она пойдет на пользу не народу, а буржуазии; потому что народ недостаточно просвещен, чтобы помешать честолюбцам захватить плоды победы; потому что после переворота, который неизбежно разрушит индустрию и торговлю, участь несчастных пролетариев станет, быть может, еще более нестерпимой. *

Тайным обществам, как наиболее распространенной в 40-х годах форме организации революционных групп рабочего класса, Кабе уделяет особое внимание. При этом он имеет в виду конспиративные и революционные общества, объединяемые политическими целями, определенными правилами приема, периодическими собраниями, присягой. Такие общества могут еще существовать, по его мнению, в среде аристократии, духовенства, буржуазии, студенчества: их не так много, у них есть опыт и богатство, у них есть салоны, обеды, концерты, охоты — всевозможные поводы для встреч и сговора. Для народа конспирация — дело невозможное, встречающее множество затруднений и препятствий. Старый герцог Орлеанский с его состоянием, с такими помощниками, как Мирабо, Ламе-

---

* Réalisation d'Icarie, 1 livraison, 1847; см. P. Angrand, Etienne Cabet et la république de 1848, Paris, 1948.

ты, Сиейсы, Бонапарт, с генералами и членами правительства,— они могли успеть в своих конспиративных начинаниях. Рабочим это не удастся.

Суровые правила конспирации, страшные клятвы, которые приносят члены общества при вступлении,— все это не мешает раскрытию общества полицией. Бытовые условия жизни рабочих зачастую не дают возможности соблюдать тайну, даже если среди них не найдется сознательного предателя. Наряду с честными людьми, доведенными до отчаяния нищетой и деспотизмом, вдохновленными чувством братства, в тайные общества легко проникают агенты — провокаторы. Полиция получает возможность не только знать все, что делается в обществе, но и руководить им в своих целях. Когда общество раскрыто, это дает основание для преследований, вызывает множество жертв. А сколько вреда приносят раздоры между обществами, зачастую тоже направляемые полицией! В конечном счете, все это столь же вредно делу народа, сколь полезно деспотизму, который пользуется тайными революционными обществами для того, чтобы оправдать гонение против всех обществ и ассоциаций. *

Демократия — предварительное условие для осуществления коммунизма; она расчищает дорогу для равенства. Во имя ее торжества, говорит Кабе, коммунисты должны не

---

* Les masques arrachés, pp. 28—36.

только тесно сплотиться, невзирая на различные оттенки мнений, они должны пойти на жертвы, чтобы добиться единения всех демократических группировок. Крайняя раздробленность демократов составляет их слабость и силу правительства. Кабе призывает поэтому не отталкивать от демократического движения буржуазию. «Если буржуазия не может ничего сделать без опоры в народе, то и народ не может ничего сделать без помощи буржуазии». Нас ждут, говорит Кабе, тяжелые дни; бури бушуют над нашими головами; никто не может предугадать судьбу, которая его ожидает; под угрозой находятся отечество, свобода, жизнь; и для демократов всех оттенков союз больше чем когда-либо составляет необходимость.* Тот, кто сеет раздоры между пролетариатом и буржуазией, есть худший враг народа. Исходя из этих соображений, Кабе отказался от участия в первом самостоятельном коммунистическом банкете в Бельвиле в 1840 году, боясь, что такой банкет оттолкнет буржуазию.**

В доказательство необходимости для успеха революции участия в ней буржуазии Кабе ссылается на опыт предшествовавших революций. Никогда и нигде, говорит он, пролетарии ничего не добивались без помощи некоторой части буржуазии, которая бралась

---

* Comment je suis communiste, p. 8; Mon credo communiste, p. 13.

** E. Cabet. Toule la vérite au peuple, p. 21.

с народом. Пролетарии одни не сделали бы, не могли сделать ни революции 1789 года, ни революции 1792 года, ни революции 1830 года. Буржуазия была душой, головой этих революций, а пролетарии — только руками. В прериале и флореале рабочие были раздавлены, потому что они выступили без буржуазии и против нее. Кабе совершенно не учитывает в своих рассуждениях ни различия в классовой структуре общества в конце XVIII века и в 40-х годах XIX века, ни различия в социальном характере буржуазной революции, которая, по его же словам, только провозгласила права человека, но не сумела их осуществить,— и грядущей революции, которая должна, в конечном счете, привести к торжеству коммунизма. Он забывает и о том, как мало дали пролетариату все революции прошлого, и об отмечаемом им в другой связи предательстве буржуазии, всегда использующей победы народа в своих интересах. Развивая дальше свою аргументацию, Кабе подменяет вопрос об участии в революции буржуазии как класса вопросом об участии в ней представителей культурных слоев населения вообще. Наиболее преданные народу вожди, заявляет он,— Робеспьер, Марат, Дантон, Сен-Жюст, Кутон, Бийо-Варенн, Бабеф, Буонарроти — были буржуа. Буржуа руководят народом через посредство журналов; даже пропагандистами коммунизма являются буржуа. Совершенно ясно, что мы имеем здесь явное смешение понятий. Дово-

ды Кабе говорят не о необходимости для пролетариата союза с буржуазией, а о важности для него иметь в своей среде интеллигентных руководителей. *

Защитником единения всех прогрессивных сил выступал Кабе и в первые недели революции 1848 года. Исходя из необходимости единения, он призывал своих сторонников поддерживать временное правительство, «которое объявляет себя республиканским и демократическим, которое провозглашает национальный суверенитет и единство нации». Дальнейшее развитие событий заставило его, однако, вскоре признать, что и на этот раз, как и в предыдущих революциях, «богатые» с успехом отнимают у пролетариев плоды их революционных побед.

Лозунгом единого демократического фронта должна быть, по мнению Кабе, прежде всего избирательная реформа, всеобщее избирательное право, как необходимое предварительное условие осуществления мирным путем всех других реформ — и политических, и социальных. Однако диктатуру как форму временного правительства Кабе не считает противоречащей народному суверенитету, если она установлена волею народа или одобрена народом: после всех революций, напоминает он, народ или победившая партия обычно признавали необходимость диктатуры. ** Но

* Toute la vérite au peuple, p. 21.

** Réfutatlon de la brochure de M. Thoré, p. 9. Réfutation de quatre articles, p. 2.

голитические реформы являются для Кабе не самоцелью, а лишь средством, орудием для достижения главной цели — реформы социальной. По его мнению, «реализовать и организовать демократию» невозможно, не приняв коммунизма. «Для меня,— говорит Кабе,— демократия и коммунизм синонимы». Характеризуя свою позицию среди политических и социальных группировок его времени, Кабе говорит:

«Я прежде всего француз, находящийся в братском союзе со всеми французами против иностранцев (если иностранцы нападают на Францию; если же они не нападают, я хочу, чтобы Франция проявляла к ним справедливое и братское отношение); далее я демократ, находящийся в братском союзе со всей демократией против аристократии; затем я реформист, находящийся в братском союзе со всеми реформистами и дающий им руку для совместного завоевания политической реформы; затем я социалист, находящийся в братском союзе со всеми социалистами и дающий им руку для совместного завоевания социальных реформ, относительно которых мы согласны; наконец, я коммунист, твердо решивший отдать все свои силы, как и прежде, делу обсуждения и пропаганды коммунизма, чтобы убедить в его справедливости и привести к его утверждению». *

---

* Ma ligne droite, p. 39.

Так соединяет Кабе свои новые, коммунистические взгляды со своими старыми буржуазно-демократическими стремлениями.

Между установлением демократии и полным утверждением коммунизма должен пройти, по мнению Кабе, известный переходный период (régime transitoire). Коммунизм будет провозглашен, но, как мы уже говорили, «для будущих поколений». Он будет являться как бы путеводной звездой, по которой будут ориентироваться законодатели. Богатые останутся пока богатыми; они не будут вынуждены работать. Но постепенно неравенство будет ослабевать, а равенство крепнуть. Право собственности не будет отменено, но размеры национального имущества будут расти в результате мероприятий, имеющих целью подготовку коммунизма. В качестве таких мероприятий Кабе намечает отмену наследования по боковой линии, отмену права завещания, запрещение дарений недвижимого имущества, экспроприацию государством частных имуществ, но со справедливым вознаграждением, прогрессивный налог, отмену налогов, падающих на бедных. Правительство будет содействовать организации рабочих ассоциаций и опытных коммун, используя для этого национальные имущества, регулировать заработную плату и длину рабочего дня. Специальное министерство или комиссия общественных работ составит план наиболее необходимых работ, чтобы обеспечить труд всем, кто в нем нуждается.

Правительство позаботится также об организации больших национальных мастерских, рабочие которых будут уже оплачиваться в натуре. Особая комиссия будет заниматься вопросом о жилищных условиях бедных, выделяя для этой цели некоторые общественные здания, добровольно уступленные помещения частных лиц или строя новые дома. Рядом с остающимися частными собственниками будет расти число лиц, живущих в условиях коммунизма, так как непрерывно увеличивающийся национальный домен будет использован для организации на коммунистических началах новых общин, городов, деревень, ферм и мастерских. * Общее обязательное и бесплатное образование будет вести детей к грядущему коммунистическому порядку.

Этот процесс перехода к коммунизму потребует, по мнению Кабе, от двадцати до пятидесяти лет. Но уже переходный режим значительно улучшит положение народа, даст ему относительное благополучие. Переходный период мог бы значительно сократиться, если бы богатые и собственники, поняв свои истинные интересы, согласились отдать в общее владение свою собственность. Но Кабе не считает возможным на это надеяться; на какой-то срок в обществе останется меньшинство, образующее оппозицию. Быть может, наиболее горячая часть демократии бу-

---

* Douze lettres d'un communiste, pp. 147—148.

дет недовольна медленностью преобразования; но, принимая все в соображение, этим путем, не раздражая оппозиции, мы скорее придем к цели. *

Основные принципы коммунистического общества Кабе излагал в своих памфлетах неоднократно. Изображение общества, в котором полностью утвердился коммунистический строй, дано им в его романе «Путешествие в Икарию». Кабе утверждает, что избрать форму романа побудило его стремление сделать изложение идей коммунизма более популярным, доступным для всех классов общества. Во всяком случае, очень характерно, что Кабе, воскрешая рационалистическую социальную философию XVIII века, воскрешает и столь распространенную в XVIII веке форму утопического романа. Англичанин, попавший в фантастическую страну Икарию, рассказывает в этом романе о тех необычайных порядках, какие он там нашел, о том, как эти порядки возникли, о нравах людей, живущих в Икарии. В рассказ вплетена история любви англичанина к икарийской девушке, его любовных страданий и их благополучного завершения.

Коммунизм был введен в Икарии после революции, поставившей у власти в качестве диктатора мудрого законодателя Икара, прямого потомка мудрых законодателей в утопиях XVI—XVIII веков — Утопа,

---

* Douze lettres d'un communiste, pp. 145—146.

Севариса и др. Но конституция страны — как политическая, так и социальная — была принята всеобщим голосованием. Кабе всегда остается верен принципу народного суверенитета, находящего свое выражение в конституции и в законах, утвержденных народом. Закон, принятый всеми, служит, по его мнению, интересам всех; там, где граждане сами творят законы, между ними и законом существует гармония. * Реализации выработанного Икаром плана преобразования общества предшествовала борьба с королями соседних стран, пытавшимися уничтожить республику и восстановить монархию. Эти тираны, говорит Кабе, не могли потерпеть торжества демократической и республиканской революции, которая могла бы послужить примером для их собственных народов. Лишь после разгрома интервентов приступила республика к мирному строительству. Согласно проекту Икара, между установлением демократии и полным торжеством коммунизма должно было пройти пятьдесят лет. Но в действительности в результате энтузиазма, проявленного народом и захватившего даже богачей, срок этого переходного периода был сокращен до тридцати лет.

Икария, конечно, республика. Республика, по мнению Кабе, так же соответствует разуму, как геометрическая теорема: нормальные люди не могут быть недовольны республикой,

---

* Mon credo communiste, p. 8.

как они не могут протестовать против теоремы. Нужно, впрочем, отметить, что в вопросе о форме правления Кабе не очень настойчив. Он готов примириться с монархией, если это монархия «представительная, демократическая, народная». «Общность,— говорит он,— так же совместима с конституционной монархией, как и с республиканским президентом». * Основными принципами республики являются свобода и равенство. Свобода, однако, в Икарии сопряжена с порядком и с дисциплиной, которой подчинены все действия и воли. «Свобода должна быть ограничена во всех случаях, когда этого требует интерес общества, констатированный суждением народа». Человек, вступая в политическое и гражданское общество, принимает заранее его законы и обязуется их исполнять. ** «Свобода есть право делать все, что не воспрещено Природой, Разумом и Обществом». Слепая страсть к свободе — порок, зло, рожденное ненавистью к деспотизму. Истинная свобода, говорит Кабе в другом месте, состоит в том, что в обществе не существует иных правил, кроме тех, которые сам гражданин признал необходимыми. Подчиняться собственному закону, значит быть свободным. Подчиняться закону, навязанному другим, значит быть рабом. Таким обра-

---

* Voyage en Icarie, pp. V, VI.

** Voyage en Icarie, pp. 404—405; Douze lettres d'un communiste, pp. 65—67.

зом, подчеркивает Кабе, закон нашего времени, созданный избранниками 200 000 избирателей, есть *свобода* для этой аристократии законодателей; она есть *рабство* для всего остального народа. Естественно, что аристократия довольна *своей свободой* и стремится ее увековечить. Но разве не естественно, что угнетенный народ стремится сбросить с себя это иго и вернуть себе свободу? * В обществе, где царит неравенство, свободы нет у подавляющего большинства. Коммунизм предоставляет всем истинную свободу.

Равенство в Икарии не есть только равенство прав. Это в то же время равенство в воспитании, в удовлетворении потребностей, в труде. Однако, оговаривает Кабе, это не абсолютное, математическое равенство, а равенство относительное, пропорциональное потребностям и средствам. Равенство служит гарантией свободы. При политическом и экономическом равенстве не может быть угнетенного и недовольного меньшинства. Отметим, однако, что в Икарии все же не знают полного равенства: женщины не пользуются там политическими правами; подчиненное положение занимают они и в семье, носящей патриархальный характер.

Законодательная власть принадлежит в Икарии Национальному представительному собранию и народным собраниям (assemblées populaires). Кабе сторонник руссоист-

---

* Douze lettres d'un communiste, pp. 67, 69.

ской идеи прямого народного законодательства. Вся страна разделена на 100 провинций с равной территорией и равным населением; в каждой провинции — 10 равных коммун. Народные собрания, в которые входят все граждане и которые происходят по коммунам три раза в месяц или раз в неделю, пользуются правом референдума и законодательной инициативы. Именно народные собрания, говорит Кабе, являются выразителями народного суверенитета. В них принимает участие весь народ. Так как труд отнимает только часть дня, так как при коммунизме никого не отвлекает беспокойство о своем собственном существовании, народные собрания посещаются всеми. Собрания созываются в один и тот же час. Таким образом, весь народ может одновременно обсуждать на различных собраниях один и тот же вопрос. Каждое собрание обсуждает и дела национальные и дела местные, по которым коммунальное собрание может самостоятельно издавать распоряжения. Гражданин имеет право предложить народному собранию ту или иную идею, поставить тот или иной вопрос. Если эта идея имеет общественный интерес, народное собрание передает ее Национальному представительству, а последнее ставит ее в повестку всех собраний, т. е. на обсуждение всего народа. Так складывается подлинное общественное мнение, подлинная *общая воля*. Закон разрабатывается Национальным представительством, но ставится, если он имеет большое значение,

на утверждение всего народа на народных собраниях. Национальное представительство избирается всеобщим голосованием. Оно образует одну палату, состоящую из 2000 депутатов. Срок полномочий каждого депутата — два года. Но представительство в целом Кабе называет перманентным, так как оно обновляется по частям: ежегодно наполовину. * Для большей основательности рассмотрения каждого вопроса и Национальное представительство и коммунальные собрания разделяются на комитеты по различным специальностям (например, сельского хозяйства, пищи, статистики и т. д.).

Так как народ — суверен, то все функции в обществе выполняются гражданами, избранными народом на срок, ответственными и подлежащими отзыву. Исполнительная власть никогда не доверяется одному лицу, она вручается корпусу, который называется экзекутивой. В Икарии нет президента республики, а есть только президент исполнительного корпуса. Шестнадцать членов экзекутивы выбираются, подобно Народному представительству, на два года, причем половина их обновляется ежегодно. Все функции представляют мандат, поручение народа, *труд*, так же как всякий труд является функцией. Все функции бесплатны, или, вернее, они вознаграждаются в натуре на основании об-

---

* Douze lettres d'un communiste, pp. 77—78; Voyage en Icarie, p. 37.

щих правил распределения. Так как все граждане возможно полно обеспечиваются всем необходимым, то нет никаких оснований, чтобы должностные лица (fonctionnaires-magistrats) получали больше, чем прочие трудящиеся (fonctionnaires-travailleurs). Вознаграждение должностных лиц — в общественном уважении, которое в коммунистическом обществе ценится выше, чем в обществе буржуазном золото и пустые почести. Исполнительная власть подчинена Народному представительству. Полномочия должностных лиц ограничены исполнением законов. Так как при коммунизме не будет места ни жадности, ни честолюбию, то не будет также заговоров, переворотов, революций. Правительство, которое в течение веков занималось тем, чтобы защищать свое положение, будет заботиться только об общем благе. Поэтому станут ненужными полиция и жандармы, дело управления станет очень простым и легким. * Очень упростится и судебная процедура. В Икарии нет специальных трибуналов. За совершенные преступления судит та организация, к которой данное лицо принадлежит. Трибуналом, таким образом, может быть в отдельных случаях и школа, и семья, и мастерская, и народное собрание, и Национальное представительство.

В организации хозяйства Икарии все продумано до мелочей, все рационально.

---

* Douze lettres d'un communiste, pp. 76, 78—79.

В хозяйственном отношении страна представляет одно целое, как бы одно колоссальное предприятие. Все национальное богатство и вся мощь нации составляют его капитал, весь народ — кадры его рабочих. Этим предприятием руководят единый разум и единая воля — разум и воля всего народа, обсуждающего все вопросы непосредственно или через своих уполномоченных, выполняющего свои решения через избранных им должностных лиц. Громадную роль играет в этом едином хозяйстве статистика. Статистика учитывает качество различных частей территории, характерные для них производства, их подземные богатства. Она учитывает население, число мужчин и женщин разных возрастов, число рабочих разных специальностей. *

Национальная территория является неделимым доменом общества. Эта система имеет своим неизбежным следствием улучшение культуры земли, обработку пустующих земель, многократное повышение продукции. ** Общество организует национальные мастерские для производства необходимых ему предметов, распределяет между ними рабочих, руководит их трудом. Каждая мастерская имеет свою специальность и производит соответствующие продукты в громадном количестве (par masse enorme). Общие законы для всех мастерских вырабатываются Народным пред-

---

* Douze lettres d'un communiste, p. 45.
** Mon credo communiste, p. 10.

ставительством; внутренние правила распорядка обсуждаются и принимаются самими рабочими каждой мастерской, рабочие же выбирают ее должностных лиц. В первую очередь перед этой единой индустриальной системой ставится задача обеспечения общества предметами первой необходимости, затем предметами полезными, наконец — предметами удовольствия. Предметы последней группы производятся лишь в том случае, если их может быть произведено достаточно для удовлетворения всех граждан. Это необходимо для строгого соблюдения равенства в потреблении. Размеры необходимого для общества производства по всем отраслям хозяйства определяются государством. Вредные и бесполезные производства упраздняются. Государство распределяет предприятия по стране в разумном порядке, так чтобы каждый район имел такое сельское хозяйство и такую промышленность, какие соответствуют его природе. Каждая отрасль производства по возможности концентрирована, и вспомогательные производства соединены вокруг основного.

Все граждане — рабочие (ouvriers); бездельников Икария не знает. Труд является общественной обязанностью: для мужчин с 18 до 65 лет, для женщин — с 17 до 50. Каждый, по возможности, выбирает тот труд, который ему нравится. Республика, по имеющимся статистическим данным, знает число рабочих, необходимых в каждой профессии.

В определенное время ежегодно она публикует число вакансий по профессиям для каждой коммуны и приглашает молодых граждан сделать свой выбор. В случае конкуренции профессии распределяются по конкурсу, после экзаменов, согласно решению самих конкурентов, образующих жюри.* Во всех отраслях производства установлен равный рабочий день — семь часов летом и шесть часов зимой. Впрочем, Кабе иногда говорит, что труд должен быть пропорционален силам.

Икарийцы всячески стараются облегчить труд путем введения в производство машин, используя все новые изобретения. Машины, говорит Кабе, часто пагубные для рабочих при существующей системе, не могут быть вредными при системе общности. Все тяжелые, опасные, неприятные работы должны производиться машинами; человеческий разум должен изыскать такие средства труда, чтобы человек был только руководителем машины. Женщины в экономической организации занимают особое место: на них лежит домашняя работа и работа в специальных женских производствах. «В каждой семье женщины и девушки вместе выполняют домашние работы с 5 часов утра до $8^1/_2$; с 9 до 1 часу они работают в мастерских по *своим специальностям*». Все виды труда пользуются одинаковым почетом. Лица, осо-

---

* Voyage en Icarie, p. 106.

бо выдвинувшиеся на трудовом поприще, получают общественное признание и поощрение в форме венков, статуй, гимнов, восхваляющих их заслуги. «В Икарии,— говорит Кабе,— много благородных, славных, знаменитых: это механики, врачи, рабочие, отличившиеся каким-нибудь крупным открытием или крупными заслугами». Непродолжительный труд, вознаграждаемый общественным уважением, становится приятным, привлекательным занятием, источником радости и счастья.

По-иному организовано сельское хозяйство. Оно, конечно, также входит в единую хозяйственную систему Икарии. Но, в отличие от национальных мастерских, мы видим в сельскохозяйственном производстве индивидуальных фермеров. Каждый фермер самостоятельно обрабатывает свой участок, хотя он и является должностным лицом государства. Все, что ему необходимо из пищи, одежды и обстановки, он получает бесплатно, на тех же основаниях, как городской рабочий, от государства. Ферма отнюдь не составляет собственности фермера: это выражается даже в том, что между земельными участками нет разделяющих их оград. Рабочий день фермерской семьи не регламентирован, она работает, сколько необходимо — в зависимости от времени года. В горячие дни уборки, когда рабочих рук семьи нехватает, фермеру приходят на помощь не только соседи, но также школьники и горожане, которые считают такое участие в полезных работах удовольствием

и приходят на уборку, как на праздник. Для них у фермера всегда имеется запасная одежда и необходимые орудия труда. Работы, нужные для нескольких ферм, например, проведение дорог, осуществляются ими совместно. Дети фермера могут в случае желания избрать себе другую профессию, но обычно они остаются земледельцами, как их отцы. Горожанин может стать земледельцем, но для этого необходимо, чтобы какой-либо фермер принял его в свою семью.

Все фермы построены, как и прочие мастерские республики, по утвержденному ею образцу. Инвентарь фермы является общественным достоянием и состоит на учете. Государство определяет ежегодно количество тех продуктов, которые ферма должна поставить на государственные склады. Есть фермы, которые производят только виноград, другие — только зерновые хлеба, есть и такие, в которых земледельческое производство сочетается с промышленным, например, с разработкой минеральных месторождений. Часть поставленных фермой продуктов остается в пределах коммуны для ее нужд, часть поступает на провинциальные склады, часть — на национальные для распределения по другим провинциям и коммунам и отправки за границу. *

Кабе — сторонник сохранения в коммунистическом обществе больших городов. Он до-

---

* Voyage en Icarie, pp. 145—165.

казывает, что отрицательные черты современных городов являются результатом существующей общественной системы и не будут иметь места при коммунизме. Так как коммунизм есть *концентрация*, то большие города, а не маленькие поселки соответствуют природе и сущности коммунизма. Чем больше город, тем в большей степени он служит очагом просвещения, индустрии, наук и искусств. Кабе резко полемизирует с теми коммунистами, которые проповедуют разрушение городов как центров испорченности и господства, и с теми, кто доказывает, что в коммунистическом обществе не должно быть городов, а должны быть только коммуны, по 10 000 человек в каждой (повидимому, здесь имеется в виду Дезами). *

Все произведенное в обществе поступает в его распоряжение. Граждане получают нужные им продукты из общественных магазинов, находящихся в больших, чистых, удобных и величественных зданиях. Теоретически Кабе принимает старый коммунистический принцип распределения — «каждому по его потребностям». Он уверен в том, что при коммунистическом порядке количество производимых продуктов благодаря правильной организации труда может быть удесятерено. Это изобилие благ он считает гарантией коммунистического порядка. И, тем не менее, на практике принцип «каждому по потребно-

---

* E. Cabet. Propagande communiste, p. 9

стям» терпит в Икарии целый ряд ограничений, придающих икарийской системе распределения, несмотря на отказ Кабе от математического равенства, известные черты грубой уравнительности. Кабе считает необходимым полностью удовлетворять потребности граждан лишь в предметах первой необходимости, соблюдая при этом равенство в снабжении отдельных потребителей. Он против «излишеств», против производства предметов роскоши. У икарийцев одинаковые жилища, одинаковая мебель, унифицированные предметы домашнего обихода. Питание икарийцев регулируется законом, который основывается в своих указаниях на данных науки. Организация питания носит в основном общественный характер. Граждане получают первый и второй завтрак в мастерских, за исключением женщин, которые завтракают у себя. Обедают граждане вместе в одном из республиканских ресторанов. Лишь ужин для всей семьи женщины организуют дома. На выходные дни икарийцы получают на дом холодные блюда, приготовленные в ресторанах.

Дома в Икарии имеются различных размеров для семей различного состава. Все они очень удобны, но однообразны. Обстановка во всех домах абсолютно одинакова. Каждому возрасту и каждому занятию присвоена своя обязательная форма одежды, определенная законом по указанию особого комитета. «Особенности одежды,— рассказывает Ка-

бе,— должны указывать на все обстоятельства жизни человека. Детство и юность, возмужалость и зрелый возраст, состояние в браке или вне его, вдовство, профессия или занятие — все это отмечается в форме одежды. Все лица одинакового положения имеют одинаковую форму, но тысячи различных форм соответствуют тысячам различных положений человека». Одеждой снабжают граждан магазины согласно имеющимся в них таблицам, которые указывают, каким семьям и сколько должно быть отпущено. Чисткой и починкой занимаются женщины. Если какого-либо предмета нехватает для всех, его или вовсе не дают никому, или дают в порядке очереди (например, каждая семья может получить верховую лошадь один раз в 60 дней; с другой стороны, если каким-либо ценным металлом нельзя снабдить всех, его употребляют только на общественные постройки).

Многочисленные живописные места, которые когда-то служили исключительно для удовольствия нескольких семейств, скрывавших их за стенами своих парков и замков, в Икарии доступны для всех. *

Внешняя торговля (внутренней торговли в Икарии, конечно. нет) находится в руках государства. В своей внешней политике икарийское правительство придерживается прин-

---

* Voyage en Icarie, p. 51.

ципа невмешательства в дела других государств. Идея завоеваний ему совершенно чужда. Для того чтобы воспрепятствовать вмешательству соседей в дела Икарии, правительство принимает меры к обороне государства и очень строго относится к проникающим в Икарию иностранцам, влияние которых может оказаться вредным для республики. Но такие отношения между государствами Кабе не считает вечными. Граждане его Икарии мечтают о времени, когда восторжествует братство народов, когда все народы образуют единую федерацию, разрушат разделяющие их таможенные барьеры, разоружатся. Они предполагают, что Икария, окончательно окрепнув, должна помочь другим странам притти к коммунизму. Однако это содействие должно выразиться в пропаганде, укреплении всякого рода союзов, в обмене услугами, а отнюдь не в военном вмешательстве.

Брак как форма регулирования отношений между мужчиной и женщиной есть, по мнению Кабе, институт, наиболее соответствующий человеческому достоинству и наиболее способный обеспечить счастье индивидов и порядок в общине. Все неудобства, которые характерны для современных браков, вытекают не из брака как такового, но из неравенства. При системе равенства и общности, при разумном воспитании, при полной свободе выбора, определяемого только личными качествами и влечениями, при возможности в случае надобности развода,— брак

будет свободен от неудобств. Семейная жизнь более соответствует природе, говорит Кабе, чем отделение детей от родителей, любовь родителей к детям и детей к родителям — одна из наибольших радостей, данных человеку. *

Надо отметить в этой связи, что Кабе не чужда мысль об известном контроле государства над заключением брака — мысль, связанная с платоновской традицией. Государство не может не быть заинтересовано в усовершенствовании человечества. Этим вопросом занимается в Икарии особая комиссия, состоящая из врачей и других компетентных людей. Если комиссия устанавливает, что данный молодой человек или молодая девушка могут дать жизнь больным детям, закон предписывает родителям больного предупредить об этом обе стороны и воспротивиться браку; о том же должно напоминать вступающим в брак должностное лицо. Обычно никто не поступает вопреки этому предостережению, хотя оно поддерживается не угрозой какой-либо кары, а исключительно силой общественного мнения. Если брак оказывается несчастливым, то семьи, к которым принадлежат муж и жена, сначала увещевают их примириться с судьбой. Но когда увещания оказываются безрезультатными и

---

* Mon credo communiste, p. 9; более подробно в «Propagande communiste»; Кабе полемизирует здесь с современными ему ультралевыми группировками.

семьи признают необходимость расторжения ставшего невыносимым союза, закон допускает развод. Внебрачные половые связи сурово осуждаются общественным мнением Икарии и, по словам Кабе, практически невозможны.

Громадное значение придает Кабе воспитанию. «Воспитание,— говорит он,— есть все, или почти все». Весь процесс развития человечества, от первых поколений до наших дней, можно рассматривать как процесс его непрерывного воспитания. Человечество все время училось, приобретало опыт, знания, просвещение, идеи. Современный человек есть результат этого воспитания. Но во все времена и во всех странах аристократия и духовенство захватывали монополию воспитания в свои руки. Они препятствовали воспитанию народа, чтобы держать его в невежестве, нищете и рабстве. После изобретения книгопечатания совсем отстранять народ от книг стало невозможно. Тогда духовенство ввело систему ложного воспитания, имевшего целью внушить народу ложные идеи вместо истинных, одурманить его под видом просвещения.

Когда при Людовике XVII Тюрго составил проект новой системы воспитания, способной создавать людей и граждан, один из друзей ему заметил: «Это прекрасно! Но если будут такие люди, зачем будут нужны монархии и наследственное дворянство? Как вы можете надеяться, что двор пойдет на

самоубийство, приняв ваш великолепный план воспитания?». Во время революции Конвент одобрил принципы воспитания граждан и республиканцев. Но эти принципы, разработанные Лепеллетье, оказались не нужны ни термидорианцам, ни Директории, ни Империи, ни Реставрации. Воспитания для народа попрежнему нет. Есть обучение для детей богатых, но оно не заслуживает имени подлинного воспитания. Усовершенствовать воспитание и сделать его всеобщим — одна из первых задач демократии; такое воспитание — одна из главнейших основ коммунизма. *

При коммунизме все заинтересованы в том, чтобы дети получили наилучшее воспитание, чтобы из них выходили самые совершенные люди, самые способные рабочие, самые лучшие граждане. Общество не будет жалеть никаких средств для дела воспитания. Воспитание будет общее для всех; воспитанию будет отдано 17—18 первых лет жизни человека. До 6—7 лет воспитание происходит в семье, затем — в общественных школах. Большое внимание будет уделено физическому воспитанию, укрепляющему здоровье и силы человека, развивающему ловкость и грацию. Дети будут обучаться всем видам гимнастики, усваивать все правила гигиены. Моральное воспитание, начинающееся со дня рождения, будет стремиться привить

---

* Douze lettres d'un communiste, pp. 82—84.

ребенку навыки наблюдения, исследования, рассуждения, духовной честности, будет внушать сознание прав и обязанностей, чувство справедливости. Ребенок будет усваивать ту истину, что его интерес требует от него уважения к правам других. Воспитание внушит ему также, что общество не может существовать без труда, что отдавать обществу свою долю труда — долг каждого, что на своих сограждан он должен смотреть как на братьев.

Интеллектуальное воспитание, или обучение, состоит из двух частей: общего, элементарного, и специального, профессионального. Ребенку должны быть даны в пределах возможного элементы всех знаний, всех искусств, всех видов производства. Следует, однако, отметить, что Кабе видит пустую затрату времени в изучении языков как древних, так и современных. В Икарии особенное внимание уделяется ознакомлению ребенка с основными принципами сельского хозяйства и необходимыми для сельского хозяйства знаниями: эти знания считаются обязательными для каждого. Детям преподают основы естествознания, геологии, минералогии, физики, химии, астрономии. Лишь после усвоения этих предметов им сообщают сведения о религии и божестве.* К 17—18 годам все юные граждане будут уже обладать элементами всех знаний. Им будет нетрудно созна-

---

* Voyage en Icarie, pp. 80—81.

тельно выбрать себе подходящую профессию или несколько профессий, ибо они будут подготовлены к усвоению любой из них. Систему воспитания будет завершать профессиональное образование, которое должно быть одновременно и теоретическим и практическим и которое сделает молодого человека просвещенным и ловким работником в избранном им производстве.

Параллельно интеллектуальному воспитанию идет воспитание гражданское. Ребенок учится быть гражданином с первых лет своей жизни. Все изучают конституцию и главные законы общины; юношей убеждают в том, что социальная справедливость требует свободы обсуждения до голосования, но после голосования мир и необходимость требуют почтительного подчинения меньшинства большинству. Только после завершения гражданского воспитания, после посещения народных собраний и собрания представителей, после экзамена и принесения гражданской присяги имена молодых людей данного возраста вносят торжественно в списки граждан. С этого момента они получают политические права и начинают выполнять свои обязанности как работники и граждане. Воспитание женщин — физическое, моральное и интеллектуальное — должно быть в общем таким же, как воспитание мужчин, с необходимыми отличиями, вызываемыми природой вещей. Общество не может не быть заинтересовано в воспитании женщины, которая

является не только работницей, но и матерью грядущих поколений. *

Научная и литературная деятельность в Икарии — это такие же профессии, как и все другие. К ним допускают лишь после экзамена и после специальной подготовки; только республика имеет типографии, располагает бумагой,— следовательно, только республика может издавать книги. Книги, как и все прочие продукты, не могут продаваться, они могут только распределяться государством. Естественно, что государство не может распределять плохие книги. Естественно, что оно печатает лишь книги, получившие одобрение специального комитета. Такая система, говорит Кабе, предупреждает появление плохих книг и обеспечивает выпуск хороших. Республика не жалеет средств, чтобы обеспечить должную обстановку для научной и литературной работы.

Коммунизм содействует развитию морали братства. Никакая другая система не разрешает с таким успехом все социальные вопросы. При коммунизме не может быть ни воров, ни пьяниц, ни лентяев; суды, наказания, тюрьмы, жандармы станут ненужными. С другой стороны, мораль братства гарантирует прочность коммунистического порядка. В Икарии эта коммунистическая мораль, помимо воспитания, имеет своей опорой граж-

---

* Douze lettres d'un communiste, pp. 86—88.

данскую религию. Кабе — сторонник свободы совести. В 17 или 18 лет юный гражданин, будучи ознакомлен с разными религиозными идеями, сознательно присоединяется к мнению, которое он признает лучшим, свободно выбирает себе религию. Таким образом, в Икарии имеются различные секты. И если секта достаточно многочисленна, республика обеспечивает ей храм и священника. В Икарии есть даже материалисты, которые не подвергаются никаким преследованиям(!). Но число сект невелико и все уменьшается. Истина едина, и республика идет к единству в религии, как и во всех других делах. Можно сказать, что икарийцы придерживаются одного религиозного верования. *

Некоторое количество самых общих морально-религиозных положений Кабе, подобно Руссо, считает, повидимому, необходимым в качестве цемента общественного порядка. В Икарии кодекс таких положений утвержден всенародным голосованием. «Я не могу представить себе,— говорит один икариец, рассказывая о своих религиозных взглядах,— землю, которая не была бы сотворена... Это бесконечное могущество, этот поразительный порядок, предполагающий бесконечный разум... все чудеса минеральной, растительной и животной организации — неужели это только проявление свойств материи?» Исходя из этих соображений, рассказчик склонен верить

* Voyage en Icarie, p. 169.

в бога как творца вселенной. Он считает, что душа человека есть божественная эманация; что она бессмертна; он хотел бы верить в то, что добрые вознаграждаются, а злые терпят наказание в будущей жизни. Икарийцы высоко чтут Христа как провозвестника братства и считают себя истинными христианами по своей морали. Но икарийцы не верят ни в откровение, ни в божественность Христа. Тот же икариец заявляет, что «народная» или «всеобщая» религия икарийцев по существу представляет собою только систему нравственности и философии; ее польза в том, что она учит людей любить друг друга. Религия икарийцев не знает никаких обрядов и суеверий, никаких постов, никакого умерщвления плоти. Культ очень прост. Каждый почитает божество так, как ему угодно, дома или в храмах, которые служат по преимуществу для проповеди морали. Но наилучший способ поклонения божеству икарийцы видят в справедливости и братстве, в подчинении общей воле и в любви к отечеству. Религия совершенно отделена от государства; закон вмешивается в дела религии лишь для того, чтобы охранить свободу верований. Священники, избираемые народом,— это только проповедники нравственности и советники, они не имеют никакой власти, не могут ни наказывать, ни отпускать грехи. *

---

* Voyage en Icarie, pp. 167—173

Тем же целям упрочения морали братства и любви к законам служат в Икарии театр, искусство, пресса. Редакторы журналов, как и священники,— избираемые народом должностные лица республики. Признавая свободу печати важным средством борьбы против аристократии и деспотизма, Кабе резко осуждает «лживую свободу» печати, которая господствует в «известных», т. е. в современных ему, буржуазных странах. «Монополия, денежная спекуляция, личный интерес, партийность, клеветы и оскорбления, на которые нельзя ответить, ложь, неверные новости и ошибки, которые нельзя разоблачить, ежедневные противоречия, ненадежность и путаница доктрин — вот что мы находим в большинстве газет и журналов». В Икарии существуют только государственные газеты, коммунальные, провинциальные и национальные. Задача их давать лишь точную информацию без комментариев к сообщаемым фактам. Пресса, которая публикует все предложения, вносимые в народные собрания, и все дискуссии по этим предложениям, тем самым является, говорит Кабе, подлинным отражением общественного мнения. *

Кабе считает нужным рассеять весьма распространенное в его время представление, будто бы коммунизм уничтожает искусство. Повод для такого обвинения давали документы бабувизма, в которых выражалась

---

* Voyage en Icarie, pp 197—198

идея несовместимости искусства со строгим равенством. Искусство, говорит Кабе, не только не угаснет при коммунизме, наоборот, оно получит развитие, какого оно не могло иметь раньше. Ни при какой другой системе нет такого простора для искусства величественного — в общественных памятниках, для искусства элегантного — в предметах потребления граждан *

* * *

Кабе — не оригинальный мыслитель. Как правильно отметил его биограф Прюдомо, читая произведения Кабе, почти все время чувствуешь, что уже это где-то читал. Ему не удалось внести в теорию коммунизма ничего существенно нового. В его системе может быть отмечен ряд черт, отражающих не изжитые им мелкобуржуазные настроения: идеализация патриархальной семьи, подчиненное положение и политическое бесправие женщин, индивидуальное фермерство в сельском хозяйстве, идея примирения богатых и бедных и мирного осуществления коммунизма, тенденции к «грубой уравнительности» и т. п. Внося эти черты в свою коммунистическую пропаганду, Кабе тем самым содействовал закреплению мелкобуржуазных тенденций в сознании французского рабочего класса. Эта сторона его учения тормозила развитие классового самосознания пролетариата.

---

* Mon credo communiste, p. 12.

Заслуга Кабе — популярное изложение идей, выработанных его предшественниками, главным образом французскими коммунистами XVIII века, живое изображение коммунистического порядка в действии, резкая критика свойственной капиталистическому обществу эксплоатации трудящихся, неустанная пропаганда преимуществ коммунистического строя. «Путешествие в Икарию» немало содействовало распространению коммунистических представлений. Именно это обусловило его успех в рабочей среде. Именно это дает право Кабе на место в истории социализма.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИКАРИЮ

ФИЛОСОФСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ РОМАН

VOYAGE

ET

AVENTURES

DE

LORD VILLIAM CARISDALL

EN ICARIE,

TRADUITS DE L'ANGLAIS

DE FRANCIS ADAMS

PAR TH. DUFRUIT,

MAÎTRE DE LANGUES

Paris,

HIPPOLYTE SOUVERAIN, ÉDITEUR,

De F. SOULIE, H. DE BALZAC, ALPHONSE BROT, JULES LECOMTE, etc.

RUE DES BEAUX ARTS, 5, A L'ENTRESOL.

1840.

Титульный лист первого издания
«Путешествия в Икарию».

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Если принять во внимание богатства, которыми благодетельная природа одарила в такой огромной мере человеческий род, и понимание или разум, который она ему дала, чтобы этот разум служил человеческому роду орудием и руководителем, невозможно допустить, что судьба человека — быть несчастным на этой земле. И если принять во внимание, что человек по самой сущности своей существо общительное, следовательно, сочувствующее и любящее, столь же невозможно допустить, что он по природе своей зол.

И все же во все времена и во всех странах история являет нам только смуты и беспорядки, пороки и преступления, войны и революции, казни и резню, катастрофы и бедствия.

Но если эти пороки и несчастья не являются следствием воли природы, то приходится искать их причину в другом месте.

Не заключается ли эта причина в плохой организации общества? И не является ли коренным пороком этой организации неравенство, которое служит ее основой?

Ни один вопрос, очевидно, не заслуживает в такой степени всеобщего интереса, ибо если бы доказано было, что страдания человечества представляют непреложное веление судьбы, пришлось бы искать против него средство только в покорности и терпении. Наоборот, если это зло представляет только результат плохого общественного строя и, в особенности, неравенства, то, не теряя ни минуты, надо стараться искоренить это зло, уничтожая его причину путем замены неравенства равенством.

Что касается нас, то чем больше мы изучаем историю, тем более глубоко убеждаемся, что неравенство есть причина, порождающая нищету и богатство, все пороки, проистекающие из первой и второго, жадность и честолюбие, ненависть и зависть, раздоры и войны всякого рода, одним словом — все зло, которое угнетает отдельных людей и нации.

И наше убеждение становится непоколебимым, когда мы видим, что почти все философы и все мудрецы провозглашают равенство, когда мы видим, что Иисус Христос, провозвестник величайшей реформы, основатель новой религии, которому поклоняются, как богу, провозгласил равенство,[1] чтобы освободить род человеческий, когда мы видим, что все отцы церкви, все христиане первых веков, Реформация и ее бесчисленные приверженцы, философия XVIII века, Американская революция, Французская ре-

волюция, всеобщий прогресс — все провозглашают равенство и братство людей и народов.

Итак, учение равенства и братства, или демократии, является ныне интеллектуальным завоеванием человечества; осуществление этого учения представляет цель всех усилий, всех боев, всех сражений на земле.

Но когда мы серьезно и страстно углубляемся в изучение вопроса, каким путем общество может быть организовано как демократия, т. е. на основах равенства и братства, мы приходим к выводу, что эта организация требует и влечет за собою общность имущества.

И мы спешим прибавить, что эта общность равным образом была провозглашена Иисусом Христом, всеми его апостолами и учениками, всеми отцами церкви и всеми христианами первых веков, Реформацией и ее последователями, философами, которые представляют собою свет и честь человеческого рода.

Все, во главе с Иисусом Христом, признают и провозглашают, что общность, * основанная на воспитании и общем интересе,

---

* Термин общность (communauté), постоянно фигурирующий в романе Кабе, имеет, как это заметит читатель, не всегда одинаковое значение. Чаще всего он обозначает общественный строй, основанный на общности имущества,— коммуну, а также отвлеченное понятие коммунистического строя.— Ред.

составляющая общее и взаимное обеспечение против всех несчастий и бед, гарантирующая каждому пищу, одежду, жилище, возможность вступить в брак и воспитать семью, при одном только условии умеренного труда,— что эта общность представляет единственную систему общественного строя, которая могла бы осуществить равенство и братство, предупредить жадность и честолюбие, прекратить конкуренцию и антагонизм, уничтожить зависть и ненависть, сделать почти невозможным порок и преступление, обеспечить согласие и мир и дать, наконец, счастье возрожденному человечеству.

Но уже с давних пор своекорыстные и тупые противники общности, хотя и признают чудеса, которые она породила бы, сумели создать предрассудок, что она невозможна, что это только прекрасная мечта, великолепная химера.

Итак, вопрос заключается в том, осуществима ли и возможна ли общность?

Основательное изучение этого вопроса глубоко убедило нас, что общность могла бы быть легко осуществлена, как только народ и правительство приняли бы ее. Мы придерживаемся убеждения, что прогресс промышленности сделает общность более осуществимой, чем это было возможно прежде, а нынешнее безграничное развитие производительной мощности при посредстве пара и машин может обеспечить равенство избытка, и никакая другая социальная система не

является более благоприятной для усовершенствования изящных искусств и всех разумных наслаждений цивилизации.

Чтобы сделать эту истину осязательной, мы написали «Путешествие в Икарию».

В первой части мы рассказываем, описываем и показываем великую нацию, организованную как общность: мы выводим ее в действии в самых различных положениях; мы ведем наших читателей в ее города, деревни, села, фермы; мы показываем им шоссе, дороги, каналы, реки, ее дилижансы и омнибусы, ее мастерские, школы, больницы, музеи, общественные памятники, театры, игры, празднества, развлечения, политические собрания; мы объясняем организацию снабжения пищей, одеждой, жилищем, обстановкой, указываем основы брака и семьи, организацию воспитания, лечебного дела, труда, промышленности, сельского хозяйства, изящных искусств и колоний; мы изображаем избыток и богатство, изящество и великолепие, порядок и единение, согласие и братство, добродетель и счастье, являющиеся неизбежным результатом общности.

Впрочем, общность, как и монархия, как и республика, как и сенат, поддается бесконечному ряду различных организаций; ее можно организовать с городами или без городов и т. д. и т. п., и мы вовсе не претендуем на то, что мы с первого же раза нашли самую совершенную систему для организации большой общности. Мы хотели только предста-

вить пример, чтобы показать возможность и полезность системы общности. Путь открыт. Пусть другие представят лучшие планы организации, лучшие образцы! Кроме того, нация сможет вносить свои поправки и усовершенствования, как и следующие поколения, в свою очередь, смогут изменить и еще более усовершенствовать всю систему.

Что касается деталей организации, то многие применимы к простой демократии так же хорошо, как и к общности, и мы льстим себя мыслью, что они уже и теперь могут быть небесполезны.

Мы предположили, что политическим строем Икарии является республика, но мы берем слово республика в самом широком смысле (res publica — общественное дело), в том смысле, который давали этому слову Платон, Боден и Руссо, называвшие республикой всякое государство или всякое общество, которым правят или которое управляется в общем интересе, какова бы ни была форма правления, единоличная или коллегиальная, наследственная или избирательная. Монархия подлинно представительная, демократическая, народная может быть в тысячу раз предпочтительнее аристократической республики, и общность не более несовместима с конституционной монархией, чем с республиканским президентом.

Во второй части мы указываем, как может установиться общность, как великая и старая

нация может превратиться в общность. Мы искренно и глубоко убеждены, что такое превращение не может быть осуществлено сразу, путем насилия и принуждения, что оно может совершаться только последовательно, постепенно, путем убеждения, показа, общественного мнения, национальной воли. Мы изображаем переходный порядок, который представляет не что иное, как демократию, принявшую принцип общности, применяющую немедленно только то, что пригодно для немедленного применения, подготовляющую вместе с тем последовательное осуществление, воспитывающую первое поколение для общности, обогащающую бедных без ограбления богатых, уважающую приобретенные права и привычки существующего поколения, но уничтожающую без замедления нищету, обеспечивающую всем труд и существование, дающую массе счастье в труде.

Третья часть содержит резюме принципов коммунистической системы.

Написанное в форме романа, «Путешествие в Икарию» представляет настоящий трактат о морали, философии, социальной и политической экономике, плод долгих трудов, обширных исследований и постоянных размышлений. Чтобы хорошо с ним ознакомиться, мало прочитать его,— надо его перечитывать, перечитывать часто и изучать.

Несомненно, мы не можем льстить себя мыслью, что не совершили ни одной ошибки, но наша совесть дает нам утешительное

свидетельство, что наше произведение вдохновлено самой чистой и самой горячей любовью к человечеству.

Осыпанные уже клеветой и оскорблениями, мы должны иметь мужество и не бояться ненависти партий и, быть может, преследований. Благородные и славные примеры научили нас, что человек, которого одушевляет и увлекает преданность благу его братьев, должен всем жертвовать ради своих убеждений, и каковы бы ни были эти жертвы, мы готовы взять их на себя, чтобы всюду и всегда торжественно свидетельствовать об истинности и благодетельности коммунистического учения.

Кабе.

Февраль 1842.

Часть первая

ПУТЕШЕСТВИЕ. РАССКАЗ. ОПИСАНИЕ

Глава первая

ЦЕЛЬ ПУТЕШЕСТВИЯ. ОТЪЕЗД

Читатель, надеюсь, простит меня, если я сначала объясню ему в нескольких словах, что́ побудило меня опубликовать рассказ о путешествии, которое было совершено другим лицом.

Я познакомился с лордом У. Керисдоллом в Париже, у генерала Лафайета.[2] Понятно было бы удовольствие, которое я испытал, встретившись с ним в Лондоне в 1834 году, если бы я мог, не задевая его скромности, говорить о всех качествах его ума и сердца. Я мог бы сказать, что он один из самых богатых сеньоров трех королевств и один из самых красивых людей, каких я когда-либо видел, с самой симпатичной физиономией, какую я знаю. Я мог бы сказать это, не вызывая его недовольства, ибо он не чванится этими милостями случая, но я не буду говорить ни о широте его познаний, ни о благородстве его характера, ни об учтивости его манер. Скажу только, что, лишенный с детства отца и матери, он провел свою моло-

дость в путешествиях и что страстью его было изучение не каких-либо пустых предметов, а только тех, которые представляют интерес для человечества.

Он часто с горечью повторял, что всюду на земле видел человека несчастным, даже там, где природа, казалось, собрала все для его счастья; он жаловался на недостатки общественного строя в Англии, как и в других странах, и все же считал, что аристократическая монархия, наподобие монархии его страны, представляет форму правления и общества, более всего пригодную для человеческого рода.

В один прекрасный день, когда он сообщил мне о своем намерении жениться на мисс Генриетте, одной из богатейших и красивейших наследниц Англии, он заметил на моем столе книгу в красивом и оригинальном переплете, которую подарил мне путешественник, прибывший недавно из Икарии.

— Что это за книга?— спросил он, взяв ее, чтобы рассмотреть.— Какая прекрасная бумага! Какая великолепная печать! Как, это грамматика!

— Да, грамматика и словарь,— ответил я.— Можете радоваться. Вы часто жалуетесь на препятствия, которые ставят успехам просвещения множественность и несовершенство языков. И вот, язык в высшей степени правильный и простой, все слова которого пишутся, как говорятся, и произносятся, как пишутся. Правила этого языка немногочис-

ленны и не имеют никаких исключений, все слова, правильно образованные из небольшого числа корней, имеют совершенно определенное значение, грамматика и словарь так просты, что они содержатся в этой маленькой книге, и изучение этого языка так легко, что любой человек может научиться ему в четыре-пять месяцев.

— В самом деле! Значит, это и есть, наконец, столь желанный всеобщий язык.

— Да, я не сомневаюсь в этом. Рано или поздно все народы примут его взамен своего или в дополнение к нему, и икарийский язык станет когда-нибудь языком всего мира.

— Но что это за страна — Икария? Я о ней никогда не слышал.

— Верю вам. Это страна, которая была до сих пор неизвестна и только недавно открыта. Это нечто вроде Нового мира.

— И что вам о ней рассказывал ваш друг?

— О, друг мой говорит о ней, как человек, которого энтузиазм свел с ума. Если верить ему, это страна, столь же населенная, как Франция и Англия вместе взятые, хотя едва ли больше по территории, чем одна из них. Если послушать его, это страна чудес и сокровищ: дороги, реки, каналы — прекрасны, поля — восхитительны, сады — волшебны, жилища — уютны, деревни — очаровательны, города — великолепны и украшены памятниками, которые напоминают памятники Рима

и Афин, Египта и Вавилона, Италии и Китая. Если верить ему, промышленность этой страны превосходит промышленность Англии, а искусства стоят выше, чем искусства Франции. Нигде не встретить такого числа колоссальных машин, как в этой стране; там путешествуют на воздушных шарах, и празднества, которые устраиваются в воздухе, затмевают своим великолепием самые блестящие празднества на земле. Деревья, плоды, цветы, животные всякого рода — все там вызывает удивление. Дети там прелестны, мужчины сильны и красивы, женщины очаровательны и божественны. Все общественные и политические учреждения отличаются разумностью, справедливостью и мудростью. Преступления там неизвестны. Все живут в мире, удовольствии, радости и счастье. Одним словом, Икария — это поистине вторая обетованная земля, Эдем, Элизиум,[3] новый земной рай.

— Ваш друг настоящий фантазер,— заметил милорд.

— Возможно, и я боюсь этого. Однако он имеет репутацию философа и мудреца. Впрочем, эта грамматика, это совершенство переплета, бумаги и печати, в особенности этот икарийский язык,— не являются ли они первым чудом, предвещающим другие чудеса?

— Правда! Этот язык смущает и волнует меня. Не можете ли вы дать мне эту грамматику на несколько дней?

— Конечно. Можете ее взять.

И он ушел от меня с задумчивым и озабоченным видом.

Через несколько дней я зашел к нему.

— Ну как? — сказал он, увидя меня,— едете? Я решил ехать!

— И куда вы направляетесь?

— Как, вы не догадываетесь? В Икарию.

— В Икарию! Вы смеетесь!

— Ничуть. Четыре месяца — дорога туда, четыре месяца, чтобы ознакомиться со страной, четыре — на обратный путь, и через год я расскажу вам все, что я видел.

— А ваше намерение жениться?..

— Ей нет еще пятнадцати лет, а мне — едва двадцать два года. Она еще не вступила в свет, а я не закончил своего образования. Мы никогда еще не виделись. Разлука и этот портрет, который я уношу с собой, заставят меня еще больше желать оригинал... Я сгораю от желания увидеть Икарию. Вы будете надо мною смеяться, но меня просто лихорадит! Я хочу видеть совершенное общество, вполне счастливый народ... А через год я вернусь и женюсь.

— Мне очень досадно, что друг мой уехал во Францию. Но я напишу ему, чтобы узнать подробности о его путешествии, которые могли бы вам пригодиться.

— Спасибо. Это бесполезно. Мне не нужно больше знать ничего. Я хотел бы забыть даже все, что вы мне сказали. Я хочу испытать полностью удовольствие неожиданности. Паспорт, две или три тысячи гиней в

кошельке,[4] мой верный Джон и ваша икарийская грамматика, которую я стащу у вас,— вот и все, что мне нужно. Зная уже семь других языков, я без особых затруднений изучу и этот язык в дороге.

— А если кто-нибудь скажет, что вы оригинал, эксцентричный человек?

— Сумасшедший, быть может?

— Да, сумасшедший!

— Ну, значит, и вы можете присоединиться к нему. Я буду над ним смеяться, если только буду иметь удовольствие встретить народ в таком состоянии, в каком хотел бы видеть весь род человеческий.

— Вы будете вести дневник вашего путешествия?

— Конечно.

Он вернулся в июне 1837 года еще в большем восторге от Икарии, чем мой друг, которого я назвал фантазером, но больной, терзаемый скорбью, с разбитым сердцем, точно умирающий.

Я нашел его дневник (ибо он сдержал слово) настолько интересным и признания его столь трогательными, что настаивал на его опубликовании.

Он согласился на это, но, слишком больной, чтобы заняться самому этим делом, он передал мне свою рукопись, предоставив мне право сделать все необходимые сокращения и прося меня исправить небрежность стиля, которая вызвана была спешностью работы.

Я, действительно, счел возможным сократить некоторые детали, которые, вероятно, будут опубликованы позже, но я не внес никаких поправок, предпочитая лучше оставить некоторые ошибки, чем изменить подлинник. Благородный молодой путешественник сам расскажет о своих приключениях и путешествии, о своих радостях и огорчениях.

Глава вторая

ПРИБЫТИЕ В ИКАРИЮ

Я покинул Лондон 22 декабря 1835 года и приехал 24 апреля вместе с верным товарищем моих путешествий, моим добрым Джоном, в порт Камирис, на восточном берегу страны Марволей. Ее отделяет от Икарии морской пролив, для переезда через который требуется шесть часов.

Не буду рассказывать о своих многочисленных приключениях в дороге. Меня обворовывали почти на всех постоялых дворах; на одном чуть не отравили; преследовали жандармы или чиновники; терзали и придирались на таможнях. Я был арестован и заключен в темницу на несколько дней за то, что резко ответил на грубость одного таможенного чиновника. Мне грозила часто опасность разбиться вместе с нашим экипажем на отвратительных дорогах. Только чудом спасся я из пропасти, куда меня сбросил нечастный возница, одуревший от пьянства. Раз я был почти занесен снегом, а затем чуть не

погиб в песках. Три раза нападали на меня разбойники. Я был ранен, находясь между двумя путешественниками, которые были убиты рядом со мной. И тем сильнее я ощущал невыразимое счастье, когда, наконец, добрался до цели своего путешествия.

Я был тем более счастлив, когда, встретив там икарийцев, убедился, что говорю на икарийском языке, который я сделал единственным предметом своих занятий в дороге.

Радость моя еще возросла, когда я узнал, что иностранцы, не говорящие на этом языке, не допускаются в Икарию; они обязаны остаться на несколько месяцев в Камирисе, чтобы изучить язык.

Я узнал скоро, что марволи являются союзниками икарийцев, а Камирис — почти икарийский город, что икарийский пароход должен завтра отправиться в Тираму, в Икарии, и нужно сперва обратиться к икарийскому консулу, дом которого находится недалеко от пристани, и что этот чиновник всегда готов принять иностранцев.

Я сейчас же направился в консульство и немедленно был допущен.

Консул принял меня весьма радушно и усадил рядом с собой.

— Если вы хотите,— сказал он мне,— покупать какие-нибудь товары, то не стóит ехать в Икарию, ибо мы не продаем ничего; если вы едете туда продавать товары, то лучше оставайтесь, ибо мы ничего не покупаем. Но если вас влечет туда только любознатель-

ность, вы можете ехать; ваше путешествие доставит вам много удовольствия.

«Они ничего не продают, ничего не покупают»,— повторял я про себя с удивлением.

Я объяснил ему мотивы своего путешествия и передал свой паспорт.

— Вы, стало быть, любопытствуете посмотреть нашу страну, милорд?— спросил он, просмотрев мой паспорт.

— Да, я хочу видеть, действительно ли у вас все так хорошо организовано и вы так счастливы, как я слышал, я хочу изучать и учиться!

— Хорошо, очень хорошо! Мои сограждане с радостью принимают иностранцев, и в особенности влиятельных лиц, которые изучают средства быть счастливыми, чтобы переносить их в свою страну. Вы можете посетить и осмотреть всю Икарию, и икарийский народ, считая вас своим гостем и другом, всюду примет вас, как этого требует честь страны.

— Я должен, однако,— продолжал он,— как в интересах моих сограждан, так и в ваших, указать вам условия допущения в нашу страну.

Вы обязуетесь сообразоваться с нашими законами и обычаями, как это подробно указано в «Путеводителе иностранца в Икарии», который вам дали в отеле; вы в особенности обязуетесь сохранять нерушимое уважение к нашим девушкам и женщинам.

Если почему-либо эти условия вам не подходят, не продолжайте своего путешествия.

После моего заявления, что я подчиняюсь всем этим условиям, он спросил меня, сколько времени я предполагаю провести в Икарии.

Когда я ответил, что хочу провести там четыре месяца, он заявил мне, что паспорт мой готов, и пригласил меня внести в кассу двести гиней за меня и столько же за моего спутника, согласно тарифу цен, соответствующих продолжительности нашего пребывания в Икарии.

Несмотря на всю любезность консула, мне показалось, что двести гиней за паспорт чересчур большая цена, и, опасаясь, что если все цены будут в такой же степени несоразмерны, кошелек мой, хотя он и был хорошо наполнен, окажется недостаточен для других моих расходов, я осмелился спросить у консула некоторые разъяснения на этот счет.

— А сколько мне придется заплатить за переезд?— спросил я.

— Ничего,— ответил он.

— Сколько мне будет стоить экипаж, который отвезет меня в столицу?

— Ничего.

— Как ничего?

— Да, ровно ничего. Двести гиней, которые вы вносите, представляют цену всех расходов ваших в течение четырех месяцев. Вы можете всюду ездить, и всюду вы будете иметь лучшие места во всех публичных эки-

пажах, не платя нигде ничего. Всюду вы найдете отель для иностранцев, где вы будете жить, столоваться, где вам будут стирать белье и где вы можете получить даже одежду. За все это вам ничего не придется платить. Вы будете также бесплатно допущены во все общественные учреждения и театры. Одним словом, нация, получая ваши двести гиней, принимает на себя обязательства обеспечить вас всем, так же как и своих граждан.

— А так как продажа,— продолжал он,— у нас совершенно неизвестна и вы поэтому не сможете ничего купить, и так как пользование деньгами запрещено отдельным лицам с тех пор, как добрый Икар избавил нас от этой язвы, то вы в то же время должны оставить здесь все имеющиеся у вас деньги.

— Как, все мои деньги!

— Не бойтесь, этот вклад будет возвращен вам на границе, через которую вы будете возвращаться.

Я все еще удивлялся всем этим странным новшествам, когда на другой день, в шесть часов утра, мы сели на огромный и великолепный пароход.

Я был приятно удивлен тем, что на пароход можно было попасть непосредственно, что женщины не должны были сначала перейти в маленькие лодки, которые причиняют им больше страха, подвергают их большему риску и часто даже большим страданиям, чем все остальное путешествие.

Я был поражен и восхищен, найдя там пароход, не менее прекрасный, чем лучшие английские и даже лучшие американские пароходы. Хотя его салоны были обиты не красным деревом, а туземным — имитация под красивый мрамор, он казался мне более элегантным и в особенности более удобным и уютным для путешественников.

Житель Пагилии, не видевший еще никогда пароходов, не переставал восторгаться богатством и красотой двух салонов, украшенных коврами, зеркалами, позолотой, цветами, красивыми стульями, даже пианино и другими музыкальными инструментами. Он все время бегал вверх и вниз и приходил в бешеный восторг, когда наблюдал, как в этом плавучем дворце читали, писали, играли, занимались музыкой, и в особенности, когда смотрел, как пароход величественно разбивает волны без гребцов, без парусов, без ветрил на спокойном море.

Что касается меня, то больше всего меня удивляли все меры, принятые для защиты путешественников не только от холода и жары, солнца и дождя, но и от всех опасностей и неудобств путешествия. Кроме длинной и широкой палубы, совершенно чистой и гладкой, уставленной изящными сидениями, где каждый мог гулять или сидеть и наслаждаться прекрасным видом моря, укрывшись под навесом, кроме двух прекрасных салонов, где все могли погреться у хорошего камина, каждый имел свою закрытую каюту, в которой

помещались постель и вся необходимая обстановка.

Икарийский консул простер свою внимательность до того, что приказал напечатать и дать в отеле каждому путешественнику «Путеводитель путешественника по морю», в котором было указано, что каждый должен был делать до путешествия и во время него, соответственно полу и возрасту, чтобы предупредить или смягчить морскую болезнь.

Я просмотрел эту маленькую столь изящно изданную книжечку и мне доставило величайшее удовольствие сообщение, что правительство Икарии объявило большой конкурс среди медиков и предложило большую премию тому, кто укажет средство избавления человека от ужасной морской болезни. Я узнал также с еще большим удовольствием, что эту болезнь удалось сделать почти нечувствительной.

Сейчас же после посадки, еще до отправления, начальник парохода, называемый тегар (попечитель), собрал нас и предупредил, что нам нечего беспокоиться: судно, матросы и рабочие в полном порядке, приняты все мыслимые предосторожности, чтобы сделать невозможным кораблекрушение, взрыв паровой машины, пожар и вообще какой-нибудь несчастный случай. Я нашел все эти уверения в моем маленьком «Путеводителе путешественника по морю». Я прочитал с удовольствием, что капитаны, лоцманы и матросы допускаются к работе только после экзамена,

завершающего прекрасную теоретическую и практическую подготовку, а рабочие, управляющие паровой машиной, тоже являются механиками, получившими хорошую подготовку, опытными, искусными и рассудительными. Я прочитал с удовлетворением, что всегда до отхода парохода попечитель, сам тоже очень искусный человек, осматривает весь пароход, в особенности машину, и составляет детальный протокол, констатирующий, что возможность несчастных случаев исключается. Восхищение, которое вызвала во мне эта внимательность и все эти заботы о безопасности путешественников, еще более усилилось, когда я узнал, что правительство Икарии, как и для борьбы с морской болезнью, объявило большой конкурс и назначило крупную премию тому, кто представит проект парохода, наиболее совершенного во всех отношениях.

После этого я с большим вниманием и удовольствием осмотрел замеченные мною прежде две бронзовые статуи авторов сочинений, получивших премии в обоих конкурсах, вместе с авторами десяти других лучших работ.

Я тогда хорошо понял, каким образом пароход мог предоставить столько удобств путешественникам, и понял это еще лучше, когда увидел большую и прекрасную книгу для записи в ней замечаний и предложений, которые каждый путешественник хотел бы внести для усовершенствования судна.

Около восьми часов утра, когда мы уже проехали треть пути, мы все вместе позавтракали в салоне. Хотя завтрак был весьма примечателен изяществом сервировки, я заинтересовался только пагилийцем, который никак не мог понять, как стаканы и бутылки удерживаются в равновесии, и своими жестами и восклицаниями сильно забавлял всю компанию.

После девяти часов утра со стороны Икарии внезапно поднялся ветер, и мы тотчас же очутились во власти сильной бури, что дало мне случай еще раз удивиться заботливости, которую проявляли по отношению к путешественникам.

Все было рассчитано на то, чтобы устранить всякий повод для испуга. Все предметы были размещены и прикреплены так, что ни один из них не мог скатиться или произвести какой-нибудь шум или беспорядок.

В то время как капитан и матросы занимались исключительно пароходом, попечитель успокаивал пассажиров.

Он говорил нам, что его правительство в тысячу раз больше интересуется людьми, чем товарами, и благополучие путешественников составляет главную цель его хлопот; оно отдает лучшие суда для перевозки людей, кораблекрушения почти невозможны с судами этого рода, и их уже не было больше десяти лет, хотя часто бывали гораздо более сильные бури. Поэтому никто не испытывал страха.

Не находя ничего более красивого, чем буря на море, я остался на палубе, где любовался волнами: зеленые или белые, как пена, они с ревом двигались на нас, как горы, готовые поглотить нас, и, поднимая наш пароход, то, казалось, бросали нас в глубь черной пропасти, причем мы ничего не видели, кроме воды, то поднимали нас к небу, и мы видели только темные тучи.

Заметив несколько больших пароходов, которые, казалось, наблюдали за нами, я спросил капитана, не таможенные ли это суда.

— Таможенные!— сказал он с удивлением.— Уже пятьдесят лет у нас нет никаких пошлин: добрый Икар уничтожил этот вертеп воров, более безжалостных, чем пираты и бури. Пароходы, которые вы видите,— это спасательные суда, выходящие во время бури, чтобы указать путь или помочь другим судам, находящимся в опасности. Вот они удаляются, потому что буря начинает утихать.

Скоро мы заметили берег Икарии, затем город Тираму, в порт которого мы не замедлили войти.

Я едва успел рассмотреть берег, дома и корабли.

Наш пароход остановился у подножия длинного и широкого, напоминающего Брайтонский мост, железного помоста, построенного для удобства высадки и в то же время служащего местом для прогулок. Великолепная лестница, по которой мы поднялись непосредственно с парохода, вела на помост.

В конце его гигантская арка, украшенная колоссальной статуей, имела следующую надпись огромными буквами: «Икарийский народ — брат всех других народов».

Попечитель, предупредивший нас, что мы должны делать после прибытия, отвел нас всех в отель иностранцев, расположенный около арки, на месте старой таможни, куда наш багаж прибыл сейчас же после нас, причем нам не пришлось о нем заботиться или платить кому-либо.

Люди, казавшиеся хозяевами, а не слугами, с предупредительной вежливостью повели нас в отдельные комнаты, похожие одна на другую, изящные и чистые, обставленные всем, что может быть необходимо для путешественников. В отеле были даже ванны.

В каждой комнате висело в рамке объявление, в котором имелись нужные путешественнику указания и сообщалось, что в специальной зале он найдет карты, планы, книги и всякие сведения, какие ему понадобятся.

Немного спустя нам подали прекрасный обед, во время которого пришло нас приветствовать от имени икарийского народа пользующееся уважением должностное лицо. Он уселся среди нас, чтобы рассказать нам о своей стране и дать указания насчет дальнейшего путешествия.

Его очень обрадовало появление в Икарии английского лорда.

— Так как вы приехали, чтобы изучить нашу страну,— сказал он мне после обеда,—

то я советую вам поехать прямо в столицу на дилижансе, который выезжает сегодня вечером, в пять часов. Вы найдете там хорошего спутника в лице прекрасного молодого человека, сына одного из моих друзей. Он с удовольствием будет вам служить в качестве чичероне. А так как вам придется ждать еще три часа, то, если вы желаете взглянуть на наш город, я дам вам проводника, который будет вас сопровождать.

Я еще не оправился от изумления и не успел еще отблагодарить предупредительного представителя икарийского народа за его приветливый прием, как явился проводник, и мы вышли с ним, чтобы бегло осмотреть несколько кварталов города.

Тирама показалась мне новым и правильно построенным городом. Все улицы, которые я обошел, были прямые, широкие, образцово чистые, с тротуарами или крытыми колоннадами. Все дома, которые я видел, были красивы, сплошь четырехэтажные, окружены балюстрадами с изящными воротами и окнами, окрашенными в различные цвета.

Все здания на каждой улице были одинаковы, но сами улицы были различные. Мне казалось, что предо мной красивые улицы Риволи и Кастильоне в Париже или прекрасный квартал Риджент-парка в Лондоне, и я даже находил квартал Тирамы более красивым.

Один из моих компаньонов по путешествию тоже на каждом шагу восторгался изяще-

ством домов, красотой улиц, привлекательностью фонтанов и площадей, великолепием дворцов и памятников.

В особенности показались мне восхитительными сады, которые в то же время служили местами общественного гулянья. Признаюсь, что, поскольку я мог осмотреть этот город, он показался мне самым красивым из всех городов, которые я знал. Я действительно был очарован всем, что видел в Икарии.

Когда проводник предупредил нас, что нам уже пора прекратить осмотр, мы вернулись назад через толпы народа, вид которых свидетельствовал о богатстве и счастье. Я пришел к дилижансу, весьма недовольный тем, что не мог предложить какое-нибудь доказательство моей благодарности лицам, чья предупредительная вежливость меня так очаровала.

Глава третья

ПРИБЫТИЕ В ИКАРУ

Вид кареты, называемой старагоми, запряженной шестью лошадьми, доставил мне невыразимое удовольствие, напомнив прекрасные почтовые кареты и лошадей моей дорогой родины. Рысаки походили на наших самых красивых английских лошадей, горячие и в то же время послушные, хорошо вычищенные и лоснящиеся, едва прикрытые изящной и легкой упряжью. Карета, такая же красивая, как и английские, такая же легкая, хотя и несколько больше, так как в ней должны поместиться путешественники и их ручной багаж, казалась мне более совершенною во всем, что касается безопасности путешественников. Я с удовольствием и удивлением увидел в ней множество мелких приспособлений для защиты от холода, в особенности ног, и для предохранения от утомления и всяких несчастных случаев.

Молодой икариец, о котором говорил мне представитель Икарии, любезно предложил

мне свои услуги; я охотно согласился, поблагодарив его за внимание.

— Погода прекрасная,— сказал он.— Поднимемся на верхнюю площадку, чтобы лучше видеть поля.

Мы уселись на передней скамейке, обращенной к дороге, и лошади, которые шли медленно в городе, пустились вскачь при звуках рожка, исполнявшего боевой марш.

Я не переставал удивляться красоте, горячности и грациозным движениям прекрасных рысаков, которые уносили нас быстро вперед и едва давали время различать множество предметов, мелькавших пред нашими глазами.

Хотя я привык к прекрасной пашне и прекрасным полям Англии, я не мог удержаться от возгласов удивления при виде совершенства икарийской пашни и восхитительной красоты полей, безукоризненно обработанных, поднимающихся посевов, виноградников, лугов, цветущих деревьев, кустарников, посаженных, казалось, для того, чтобы доставлять удовольствие глазам; восхищался фермами и деревнями, горами и холмами, работниками и животными.

Я не менее восхищался дорогой, едва ли не более красивой, чем наши английские дороги: ровная и гладкая, как аллея, окаймленная тротуарами для пешеходов, цветущими деревьями, очаровательными фермами и деревнями, перерезанная на каждом шагу мостами и речками или каналами, со множе-

ством карет и лошадей, мчащихся во всех направлениях, она казалась длинной улицей в бесконечном городе или длинной и великолепной аллеей среди огромного и роскошного сада.

Я скоро познакомился с моим молодым чичероне, который был очень обрадован, когда узнал, кто я и какова цель моего путешествия.

— Вы рассматриваете,— сказал он мне,— нашу карету с большим вниманием.

— Меня больше всего удивляет,— ответил я,— с какой заботливостью предусмотрено все, что необходимо для удобства путешественников.

— Да,— заметил он,— это принцип, установленный нашим добрым Икаром как в нашем воспитании, так и в управлении: во всем искать полезное и приятное, но начинать всегда с необходимого.

— Вы, стало быть, настоящие люди.

— Мы, по крайней мере, стараемся заслужить это название.

— Будьте добры,— сказал я,— объяснить мне затруднительный для меня вопрос, который меня занимает. Ваш консул сказал мне, что вам запрещено пользоваться деньгами,— как же вы платите за ваше место в карете?

— Я не плачу.

— А другие путешественники?

— Карета принадлежит нашей благородной государыне.

— А лошадь?

— Нашей могущественной государыне.

— А все общественные кареты и лошади?

— Нашей богатой государыне.

— И ваша государыня даром перевозит всех граждан?

— Да.

— Но...

— Я сейчас объясню вам.

Когда он сказал эти слова, карета остановилась, чтобы принять двух дам, которые поджидали ее. Если судить по тому уважению и вниманию, с которым каждый предлагал им место или помогал взойти, можно было думать, что это были высокопоставленные дамы.

— Вы знаете этих дам?— спросил я своего компаньона.

— Нисколько,— ответил он,— это, несомненно, жена и дочь какого-нибудь фермера, но мы приучены уважать и помогать нашим согражданкам, как будто бы они были наши матери, наши жены, наши сестры или наши дочери. Разве этот обычай вас шокирует?

— Напротив!

И я сказал правду, ибо этот ответ, сперва смутивший меня, преисполнил меня удивлением пред народом, способным к таким чувствам.

В свою очередь Вальмор (это было его имя) задавал мне множество вопросов насчет Англии, повторяя ежеминутно, что весьма рад видеть лорда, специально приехавшего, чтобы ознакомиться с его страной,

Он сообщил мне затем, что ему двадцать два года, он готовится стать священником, живет в столице с родными, и все они, в числе двадцати шести, живут в одном доме. Я лишь с большим трудом узнал (настолько был он скромен и сдержан), что отец его — одно из первых должностных лиц, а Корилла, его старшая сестра,— одна из самых красивых девушек в стране.

Все, что он рассказал мне о своей семье, внушило мне большое желание познакомиться с ней.

При наступлении ночи мы должны были пересечь цепь довольно высоких гор, но луна, светившая полным светом, позволяла нам наслаждаться живописными видами.

И больше всего меня опять-таки удивляла дорога, которая была проложена великолепно. Она поднималась и спускалась совершенно незаметно, и мы постоянно мчались по ней галопом, даже на больших подъемах, потому что припряженные к первым шести две или четыре или шесть свежих лошадей легко преодолевали всякие трудности.

И больше всего меня удивляли предосторожности, принятые всюду, чтобы сделать невозможным всякого рода несчастные случаи.

Так, мы спускались по очень крутой дороге, на краю ревущего потока и страшной пропасти, и спускались все время галопом, потому что дорога была ограждена длинным парапетом, а карета была снабжена такими

хорошими тормозами, что лошади без всякого усилия могли везти ее вверх и вниз.

Вальмор никогда не упускал случая заметить мне, с каким вниманием его благодетельная государыня все предвидела для безопасности граждан, тогда как я вспоминал с горечью и ужасом, сколько происходит у нас несчастных случаев вследствие беспечности правительств.

— Эти предосторожности,— говорил он мне с видимым удовлетворением,— предпринимаются нашей доброй государыней всюду, на всех дорогах, реках и улицах, потому что в ее глазах безопасность людей есть предмет первой необходимости. Всюду она старается уничтожить или удалить пропасти или принимает все необходимые меры, чтобы устранить всякую опасность, которой они угрожают. Она считала бы нелепым или преступным не произвести всюду, где можно было опасаться падения, все необходимые работы на мостах.

После того как мы проехали много деревень и пять или шесть городов, нигде не останавливаясь (лошади все время быстро сменялись) и не встречая ни разу ни ворот, ни барьеров, ни инспекторов, мы остановились, чтобы поужинать в отеле путешественников, похожем на отель в Тираме.

— Как уплатили вы за ужин? — спросил я Вальмора.

— Я ничего не платил.

— Значит, отель принадлежит вашей государыне, как и кареты и лошади?

— Да.

— Следовательно, ваша государыня кормит и перевозит своих подданных?

— Да.

— Но...

— Терпение! Я объясню вам все, что вас удивляет.

Спустившись в долину, мы перешли на колейную дорогу с желобами из железа или камня, по которым карета летела, как по железной дороге.

Немного спустя мы достигли большой железной дороги, по которой паровая машина понесла нас с быстротой ветра или молнии.

Меня мало удивляла эта дорога, когда она проходила через гору или поднималась над долиной, ибо я видел такие дороги в Англии, но я был очень удивлен, когда увидел дорогу, поднимавшуюся этажами, как канал, и машины, поднимавшие и спускавшие вагоны, как шлюзы поднимают и спускают суда.

— Много ли у вас таких железных дорог? — спросил я Вальмора.

— У нас их двенадцать больших, пересекающих страну в различных направлениях, и множество соединяющих их мелких дорог. Но кажется, что открыли силу, более мощную, чем пар, и производимую *сорубом*, веществом, более изобильным, чем уголь,

которое произведет революцию в промышленности и позволит еще больше расширить сеть железных дорог.

Мы, кроме того, имеем большое число каналов, не говоря уже о том, что почти все наши реки тоже канализированы. Меньше чем через час, мы поедем по одной из наших самых красивых рек.

День едва занимался, когда мы приехали в Камиру, расположенную на берегу широкой реки, с множеством пароходов, предназначенных — одни для перевозки путешественников, другие — для доставки товаров.

Железная дорога доставила нас прямо к пароходу, так что я не имел времени осмотреть город, показавшийся мне, однако, как и все города, которые мы проехали ночью, таким же красивым, как Тирама.

Едва мы оставили за собой город, как нам открылось великолепное зрелище — восходящее пред нами солнце посреди реки, между двумя очаровательными холмами, покрытыми зеленью, цветущими деревьями, беседками и красивыми домами, которые казались замками. Этот вид напомнил мне берега Соны при въезде в Лион.

Вальмор обратил мое внимание на красоту парохода, который вез нас, и в особенности на все мелкие приспособления для восхождения на пароход и спуска с него без помощи небольших лодок. Таким образом, женщины и маленькие дети, даже самые робкие, никогда не испытывают ни малейшего страха.

— И эти пароходы,— спросил я его,— тоже принадлежат вашей государыне?

— Конечно.

— И те, что перевозят товары?

— Тоже.

— И товары, быть может, тоже ей принадлежат?

— Без сомнения.

— Но объясните мне, пожалуйста...

— Да, я вам все объясню... Но посмотрите на людей, ждущих там внизу, чтобы сесть на наш пароход.

Он едва успел кончить, как пароход остановился пред восемью или десятью путешественниками, которые должны были скоро стать нашими спутниками. Среди них были две дамы, казавшиеся матерью и дочерью.

Вальмор побежал к ним, приветствовал их, как очень близких знакомых, и усадил около нас, сам усевшись справа от меня. Я не мог рассмотреть их лиц, так как они были скрыты под большими шляпами и густыми вуалями, но грация их движений, их сложение заставляли меня думать, что обе, и в особенности более молодая, должны быть очаровательны. Я невольно вздрогнул, когда услышал ее голос, один из тех неизъяснимых голосов, которые волнуют душу и вызывают легкую дрожь, голос, какого я больше не слышал с тех пор, как мадемуазель Марс [5] заставила меня плакать от умиления и удовольствия.

Я был убежден, что такой голос может исходить только из божественных уст. Тем не менее я хотел, не знаю почему, убедиться в этом собственными глазами, и чем больше скрывалась ее фигура, тем сильнее хотелось мне ее увидеть, но, несмотря на все мои усилия, ревнивая вуаль и надоедливая шляпа точно хотели наказать мое любопытство.

Но мое разочарование дошло до крайнего предела, и я почти проклинал невидимку, когда часа два спустя Вальмор, занимавшийся почти только ими, пришел сообщить мне, что дамы останавливаются в соседней деревне, а он сойдет вместе с ними и вернется лишь завтра.

Несмотря на то, что я знал его недолгое время, я с большим огорчением расстался с ним. Однако, уходя, он опять повторил свое приглашение. Он прибавил, что его семья примет меня с большим удовольствием, если я удостою ее своим посещением, и он сам будет счастлив, если его дружеские чувства ко мне заслужат ему мою дружбу.

Хотя он и был весьма усердным в своей учтивости, она казалась мне настолько естественной и искренней, что вызвала во мне чувство признательности. Сам он казался мне таким просвещенным, добрым, любезным, что между нами завязалась горячая дружба, которая с каждым днем становилась более тесной и близкой. Но если она сперва была для меня весьма приятна и дорога, то

впоследствии она стала источником больших сожалений и горестей.

Немного спустя я вместе с другими путешественниками покинул реку, чтобы перейти на железную дорогу. К одиннадцати часам мы заметили крыши многочисленных зданий столицы.

Вскоре, проехав между двумя рядами высоких тополей, мы прибыли к западной арке, гигантскому памятнику, под огромной аркадой которого я стоял, не будучи в состоянии ни прочитать выделявшуюся на нем надпись, ни разглядеть его.

Там открылся моему взору самый великолепный вход в столицу, какой я когда-либо видел: вдоль длинной и широкой аллеи со слабым уклоном, наподобие Елисейских Полей [6] в Париже, окаймленной с обеих сторон четырьмя рядами деревьев, пред нами предстал город. Два великолепных дворца с колоннадами открывали вид на широкую улицу, пересекавшую город. Уже один этот величественный вход, признаюсь, заставил меня поверить всем рассказам о чудесах Икарии.

Карета остановилась перед отелем для приезжающих из разных провинций страны. Рядом с этим отелем был расположен отель для иностранцев.

Оба отеля были колоссальны, и, однако, все соотечественники могли там легко встретиться, ибо отели были разделены на столько же секций, сколько было провинций в Икарии или народов, населяющих Икарию.

— Сколько места,— воскликнул я при виде этих колоссальных отелей,— занимают, однако, путешественники в Икаре!

— Думаете ли вы,— ответил мне кто-то,— что они заняли бы меньше места, если бы им были отведены сотни и тысячи маленьких отелей во всех кварталах города?

Мне было досадно, что я не встретил там ни одного англичанина. Это обстоятельство сделало для меня еще более ценной встречу с молодым французским живописцем Евгением, изгнанным из Франции после Июльской революции и приехавшим в Икарию за две недели до меня.

Все, что он видел, до такой степени возбуждало его энтузиазм, что он, казалось, был охвачен лихорадкой. Я сначала принял его за сумасшедшего.

Но затем я открыл в нем столько прямоты, такие благородные чувства, такую прекрасную душу и доброе сердце; он был так рад встретить соотечественника (ибо француз и англичанин, которые встречаются на таком расстоянии от своей родины, считают себя как бы соотечественниками), что я тотчас же ответил ему дружбой.

Глава четвертая

ОПИСАНИЕ ИКАРИИ. ОПИСАНИЕ ИКАРЫ

На другое утро, когда, приняв ванну, я опять улегся в постель, ко мне пришел Вальмор и пригласил меня от имени своего отца провести вечер в его семье. Я охотно принял его предложение, так как горел нетерпением повидать лиц, о которых он рассказал мне в дороге. Мы условились встретиться в четыре часа.

— А прекрасную невидимку,— спросил я,— вы привезли с собой?

— Нет.

— Она должна быть безобразна, если так тщательно скрывает свое лицо.

— Безобразна! Да, ужасно! Но вы, наверное, найдете (так как вы ее увидите позже), что трудно иметь более привлекательный характер.

Когда он вышел, явился Евгений.

— Это мой товарищ по путешествию, о котором я вам говорил,— сказал я ему.

— А как его зовут?

— Вальмор.

— Вальмор! Поздравляю вас. Я слышал о нем, как об одном из самых выдающихся и благородных молодых икарийцев.

— Он говорил мне, что отец его — одно из первых должностных лиц.

— Да, я знаю его. Он — слесарь.

— Сестра его одна из первых красавиц Икарии.

— Да, совершенно верно. Она прелестная швея.

— Но что вы говорите? Слесарь, швея...

— Что же вас удивляет? Разве швея не может быть красивой? Разве слесарь не может быть прекрасным должностным лицом?

— Но здесь имеются благородные?

— Да, очень много благородных, славных, знаменитых: механики, врачи, рабочие, которые отличились каким-нибудь крупным открытием или крупными заслугами.

— Как! Королева не окружена родовитым дворянством?

— Какая королева?

— Королева Икарии, государыня, о которой мне часто говорил Вальмор, расхваливая всегда ее неистощимую доброту, заботливость об общем благе, ее огромные богатства и всемогущество. Я был бы весьма рад узнать, что есть королева, которая приносит столько чести королевской власти.

— Но, еще раз, о какой королеве вы говорите? Как ее зовут?

— Вальмор не назвал мне ее имени. Он сказал только, что именно государыня Ика-

рии владеет каретами, лошадьми, отелями, пароходами, что она перевозит всех пассажиров, заботясь всюду об их безопасности.

— Понял,— воскликнул Евгений, заливаясь смехом: — государыня, которую вы приняли за королеву,— это республика, добрая и прекрасная республика, демократия, равенство. Я понимаю, что вы могли поверить, что королева владеет всей собственностью и располагает всею властью. Но как вы могли подумать?.. Ах, милорд, вам необходимо отказаться здесь от всех ваших аристократических предрассудков и стать демократом, как я, или бежать из этой страны, ибо предупреждаю вас, воздух, которым дышат здесь, гибелен для аристократии.

— Мы еще увидим, мы еще увидим, господин демократ! А пока, согласны ли вы сопровождать аристократа по Икару?

— Охотно, ибо убежден, что я вас дезаристократирую с головы до пяток. Хотите ли вы посмотреть город, не особенно утомляясь?

— Конечно, если это возможно.

— Ну, так следуйте за мной.

Евгений повел меня в громадный общий зал, где развешано было большое число огромных карт и планов.

— Бросим сначала,— сказал он,— взгляд на эту карту Икарии, на которой нанесены только ее границы, провинции и общины.

Вы видите, что Икария ограничивается с юга и с севера двумя горными цепями, кото-

рые отделяют ее от Пагилии и Мирона, с востока — рекой, а с запада — морем. Последнее отделяет ее от страны Марволей, через которую вы приехали.

Вы видите также, что территория делится на сто провинций, почти равных по пространству и населению.

А вот карта провинции. Вы видите, что она делится на десять почти одинаковых по величине общин, что главный город провинции находится почти в ее центре, а каждый город общины — в центре последней.

Теперь взгляните на карту общины. Вы видите, что, кроме города, на ней обозначено восемь деревень и много ферм, правильно расположенных на ее территории.

Посмотрим теперь на другую карту Икарии, показывающую горы и долины, плоскогорья и низменности, озера и реки, каналы и железные дороги, большие шоссе и провинциальные дороги.

Смотрите, большие железные дороги отмечены красным цветом, малые — желтым, желобчатые дороги — голубыми, а все другие — черным. Вы видите также все каналы, большие и малые, все реки, судоходные или канализованные. Вы видите также все копи и каменоломни, находящиеся в эксплоатации.

Посмотрите также на провинциальные дороги на картах провинций и общинные дороги на картах общин.

Скажите мне, можно ли найти более многочисленные и более удачные пути сообщения!

Я, действительно, был очарован, потому что все это было еще лучше устроено, чем в Англии.

Мы ознакомились затем с великолепным планом Икары.

— Он поразительно правилен! — воскликнул я.

— Да,— ответил Евгений.— Он был начертан вполне произвольно в 1784 году, а выполнение его, начатое пятьдесят два года тому назад, не будет закончено раньше чем через пятнадцать или двадцать лет. Смотрите! Город, почти круглый, разделен на две приблизительно равные части Таиром (или Величественным), течение которого было выправлено и заперто между двумя стенами по прямой линии, а русло углублено, чтобы принимать суда, прибывающие морем.

Вот порт, бассейны и склады, которые образуют почти целый город!

Вы видите, что посредине города река делится на два рукава, которые удаляются друг от друга, сближаются и снова соединяются в первоначальном направлении, чтобы образовать довольно обширный круглый остров. Этот остров представляет площадь, центральную площадь, усаженную деревьями; посредине ее возвышается дворец с обширным и роскошным садом, подымающимся террасой, из центра которого выступает высокая колонна, увенчанная колоссальной статуей, господствующей над всеми зданиями. На обоих берегах реки вы видите широкие

набережные, окаймленные величественными общественными зданиями. Вокруг этой центральной площади и вдали от нее вы можете заметить два круга других площадей, рассеянных по всему городу почти на одинаковом расстоянии друг от друга.

Посмотрите на все эти прямые и широкие улицы! Вот пятьдесят больших улиц, которые прорезывают город параллельно реке, и пятьдесят, которые прорезывают его перпендикулярно к реке. Другие тоже более или менее длинны. Те, которые отмечены черными точками и сходятся вместе к площадям, усажены деревьями, как бульвары Парижа.[7] Десять больших красных — это железные дороги; все желтые — это улицы с желобчатыми дорогами, а голубые изображают улицы-каналы.

— А что означают,— спросил я его,— все эти широкие и длинные розовые ленты, которые я замечаю всюду между домами двух улиц?

— Это сады, находящиеся позади этих домов. Я вам сейчас их покажу. Но сперва посмотрите на эти массы, отличающиеся легкими оттенками всех цветов и разбросанные по всему городу. Их шестьдесят; это шестьдесят кварталов (или общин), почти одинакового размера, представляющих каждый по площади и населению обычный город общины.

Каждый квартал носит имя одного из шестидесяти главных городов древнего и нового

мира и представляет в своих памятниках и домах архитектуру одной из шестидесяти главных наций. Вы найдете поэтому кварталы Пекина, Иерусалима, Константинополя, как и кварталы Рима, Парижа и Лондона. Таким образом, Икара,— действительно, земной шар в миниатюре.

Посмотрите на план одного из этих кварталов! Все, что закрашено, представляет собой общественные здания. Вот школа, больница, храм! Красные — это большие мастерские, желтые — большие магазины, голубые — дома собраний, фиолетовые — памятники. Заметьте, все общественные здания распределены так, что они имеются на всех улицах, и все улицы имеют одинаковое количество домов с более или менее многочисленными и обширными зданиями.

А вот план улицы! Вы видите с каждой стороны шестнадцать домов с одним общественным зданием посредине и двумя другими на обоих концах. Эти шестнадцать домов внешне одинаковы или соединены так, чтобы составить один комплекс зданий, но ни одна улица не походит полностью на другие. Вы имеете теперь представление об Икаре. Хотите вы рассмотреть еще план дома и памятника или вы немного пройдетесь?

— Выйдем, поспешим!

— Если хотите, мы сядем на пароход ниже порта, чтобы подняться по реке до центральной площади.

— Да, поспешим, посмотрим сначала несколько садов!

Мы почти тотчас же вошли через великолепный портик в один из этих обширных садов, и я с удовольствием увидел, что это такой же сад, какие я видел в Тираме. Этот сад представлял собой обширный квадрат между домами четырех улиц (из которых две параллельные и две перпендикулярные), перерезанный посредине широким газоном между двумя аллеями, покрытыми прекрасным красноватым песком. Все остальное пространство было занято газоном вплоть до самых стен или покрыто цветами, кустами, плодовыми деревьями.

Все тыловые фасады домов отличались разнообразной сельской архитектурой. Они были украшены разрисованными трельяжами и покрыты зелеными и цветущими ползучими растениями.

Весь этот ансамбль составлял великолепный сад, который наполнял благоуханием воздух и очаровывал взор; являясь восхитительным общественным местом для гулянья, он в то же время увеличивал удобства примыкавших к нему домов.

— Город,— сказал мне Евгений,— покрыт такими же садами, какие вы видели на плане, ибо они имеются на всех улицах, позади домов. Газон посредине часто заменяется то деревьями или крытыми аллеями, то ручейками или даже каналами, окаймленными красивыми балюстрадами, и во все сады, как и

в этот, публика входит через четыре роскошных портика в центре четырех улиц, а каждый дом имеет свой отдельный вход.

— Поистине,— воскликнул я с восторгом,— эти сады столь же прекрасны, как и наши великолепные скверы Лондона!

— Как, столь же прекрасны? — возразил Евгений.— Скажите же, во сто раз лучше ваших аристократических скверов, укрытых за высокими стенами или высокими решетками и оградами, зачастую не допускающими проникнуть туда даже глазу народа, тогда как здесь народ свободно гуляет в демократических садах по этим очаровательным аллеям, уставленным красивыми скамьями, и может наслаждаться всем этим видом, в то время как каждый дом имеет для своего исключительного пользования сад, отделенный от других простой железной проволокой, которую вы даже не заметите. Посмотрите, как прекрасно обработаны все эти маленькие сады, как хорошо почищены эти газоны, как красивы эти цветы и как хорошо посажены и подстрижены эти деревья, которые выращиваются в самых разнообразных формах.

— Как? Каждый дом имеет свой сад? Сколько же садовников нужно иметь, чтобы за ними ухаживать?

— Ни одного или очень мало, потому что каждая семья находит большое удовольствие в выращивании цветов и кустов. Вы видите теперь только детей и их матерей, но вечером вы всюду увидите мужчин, женщин,

юношей и девушек, работающих вместе в садах... Но пойдем, если мы хотим окончить нашу прогулку.

— Здесь, наверное, имеются кабриолеты или фиакры,[8] как в Париже и Лондоне; возьмем какой-нибудь, чтобы поспеть скорее!

— Да, возьмите, возьмите. В этой жалкой демократической стране нет даже фиакров, нет кабриолетов, нет даже экипажей!

— Что вы говорите?

— Правду! Посмотрите, на всем расстоянии этой большущей улицы вы не заметите ни одного экипажа.

— И нет даже омнибусов?

— Имеются только старагоми (народные кареты), которые вы, наверное, видели. Мы сядем в один из них.

Мы вошли, действительно, в старагоми, который проходил по соседней улице. Это было нечто вроде двухэтажного омнибуса, который мог вместить сорок человек. Для них было устроено восемь пятиместных скамеек, каждая из которых имела свой отдельный вход сбоку. Все было устроено для наибольшего удобства пассажиров, чтобы зимой в карете было тепло, а летом прохладно, и в особенности чтобы избежать всяких несчастных случаев и даже всяких неприятностей. Колеса были под каретой и направлялись по двум железным желобам, по которым их быстро влекла вперед тройка прекрасных лошадей.

Мы встречали очень много этих старагоми, которые двигались на другую сторону улицы в обратном направлении. Они все имели различную форму и казались более изящными, чем английские и французские омнибусы.

Евгений сказал мне, что половина улиц (чередуясь попарно) обслуживалась омнибусами. Все пятьдесят больших улиц обслуживались достаточным количеством омнибусов; они могли следовать друг за другом через каждые две минуты, причем среди них были тысячи всяких других со специальным назначением, так что все граждане могли передвигаться с большим удобством, чем если бы каждый имел свой экипаж.

В конце улицы мы перешли железную дорогу и заняли места в другом старагоми, который нас повез вниз, в порт, где мы пересели на пароход, чтобы подняться по реке до центра города.

Мне показалось, что я в Лондоне, и я испытал неизъяснимое чувство удовольствия и сожаления, когда увидел огромный бассейн, каналы, другие бассейны меньшего размера, прекрасные набережные, великолепные склады, тысячи мелких паровых и парусных судов, тысячи машин для погрузки и разгрузки, словом —все оживление торговли и промышленности.

— На другом конце города,— сказал мне Евгений,— мы найдем другой, почти такой же красивый порт для судов, которые привозят продукты из провинции.

Я удивлялся все больше и больше, но был восхищен, когда, подвигаясь внутри города по этому Величественному, покрытому множеством легких разрисованных и украшенных лодок и барок, я любовался, как разворачивались предо мною, с правой и с левой стороны, набережные, усаженные деревьями и окаймленные дворцами и памятниками. В особенности восхищали меня берега реки, которые, хотя и были заключены между двумя стенами по прямой линии, были неправильны и извучисты, сближались или удалялись друг от друга и были покрыты газонами, цветами, деревьями, плакучими ивами или высокими тополями, тогда как стены скрывались под ползучими растениями.

Не доезжая до центральной площади, мы встретили два маленьких очаровательных острова, покрытых зеленью и цветами, и прошли под пятнадцатью или двадцатью прекрасными мостами, деревянными, каменными или железными, из которых одни назначались для пешеходов, другие — для карет и повозок, одни были плоские, другие — изогнутые, одни с одной или двумя арками, другие — с десятью или пятнадцатью.

Центральная площадь, место гулянья у воды, расположенные на ней обширный национальный дворец, внутренний сад и гигантская статуя вызывали мое удивление.

Затем Евгений повел меня к причудливому мосту, по названию Сагал, или Со, сделанному из параллельных и изогнутых канатов,

прикрепленных с одной стороны к верхушке башни на высоте двадцати футов над набережной, а с другой — к пристани на другом берегу реки. К каждой паре канатов привешена лодочка, вмещающая четырех человек: она принимает на башне пассажиров и, тихо скользя по канатам, высаживает их на противоположном берегу. Другая башня, другие канаты и другие лодочки привозят пассажиров обратно.

Я испытал невыразимое наслаждение (потому что мне тоже захотелось прокатиться), когда я вдруг, точно одним прыжком, перемахнул через разверзшуюся под моими ногами пропасть. На этих лодочках катались бы, как когда-то катались на русских горах, * если бы не удалили тех, кто приходил сюда только забавы ради.

Я не оправился еще от изумления, когда Вальмор в условленный час явился в отель, чтобы захватить меня с собой.

— Какие у вас старагоми! — сказал я ему.— Неужели же в вашей республике делают и эти народные кареты, как и кареты для путешественников, как и пароходы, заботясь только об удобстве граждан?

— Вы угадали.

— А эти огромные упряжные лошади, которых я видел (они прямо великолепны, и мне кажется, что ваши упряжные лошади так же красивы, как наши английские

---

* Искусственные горы для катания — Ред.

колоссы), они тоже принадлежат, вместе с повозками, республике?

— Вы опять угадали!

— Но ваша республика в таком случае превосходный хозяин дилижансов, карет, омнибусов и транспорта!

— Так же как ваша монархия — превосходный хозяин почты, пороха и табака, с той только разницей, что ваша монархия продает свои услуги, тогда как наша республика предоставляет свои услуги даром.

— Но если все лошади и все средства перевозки принадлежат республике, то она должна иметь прекрасные конюшни.

— Она имеет их пятьдесят или шестьдесят на окраинах города.

— Они должны быть интересны!

— Хотите вы видеть одну из них? У нас достаточно времени.

— Идем!

Мы садимся на омнибус — и вот мы в квартале, где расположены конюшни.

Я был поражен. Представьте себе колоссальную конюшню в пять этажей или, вернее, пять колоссальных конюшен, одну над другой, чисто вымытых, красивых, как дворцы, и содержащих от двух до трех тысяч лошадей.

Представьте себе рядом с ними огромные склады зерна и фуража.

Представьте себе колоссальные сараи в несколько этажей для экипажей.

Представьте себе такие же колоссальные каретные мастерские, кузницы, шорные мастерские, в которых рабочие изготовляют все необходимое для ухода за лошадьми и экипажами.

Вальмор с удовольствием указал мне на экономию, порядок и все те выгоды, которые являются следствием этой новой системы концентрации: никаких частных конюшен, никаких сараев в отдельных домах, никакого навоза, сена, соломы, разбрасываемых по улицам.

Я был так удивлен и увлечен, что провел бы там всю ночь, если бы Вальмор не напомнил мне, что пора направиться в дом его семьи.

Мы нашли ее в полном составе в салоне. Там соединены были четыре поколения: дед Вальмора, старик семидесяти двух лет, потерявший несколько лет тому назад свою старую подругу, глава всей семьи; отец и мать Вальмора, в возрасте от сорока восьми до пятидесяти лет; его старший брат с женой и их трое детей; его две сестры, Корилла, двадцати лет, и Селиния, которой было всего восемнадцать лет; наконец, двое дядюшек, из которых один был вдовец, и десять или двенадцать кузенов и кузин разного возраста,— в общем двадцать четыре или двадцать пять человек.

Старец, не отличаясь особенной красотой лица, производил, однако, благодаря седым волосам и широкому, покрытому морщинами

лбу, впечатление благородства и доброты, которое делало его для меня весьма привлекательным.

Отец Вальмора являл собой образ силы и достоинства.

Мать его была менее других находившихся там женщин наделена от природы красотой, но, казалось, ее хотели за это вознаградить, или же ее доброта возмещала недостаток красоты, ибо она была главным предметом всеобщей привязанности.

Дети почти все были очаровательны, в особенности маленький племянник Вальмора, часто усаживавшийся у него на коленях.

Одна из его кузин была, к несчастью, крива на один глаз, но две другие были необычайно красивы. Сестра его Селиния, с прекрасными белокурыми волосами, которые спускались буклями по плечам, и прекрасным цветом лица, показалась мне красивой, как англичанка; а ее сестра Корилла, с черными и жгучими глазами, казалась мне еще более красивой: она обладала всей грацией и живостью француженки.

Все дышало великолепием, прекрасным вкусом, исключительным изяществом в этом салоне, который был украшен цветами и наполнен их ароматом. Но больше всего в моих глазах этот салон украшали радость, счастье и довольство, которые сияли на всех лицах.

Я все еще не мог оправиться от изумления при виде слесаря и швеи, о которых говорил мне Евгений.

Вальмор сперва представил меня отцу, который, в свою очередь, представил меня деду, а уж тот как патриарх представил меня остальным членам семьи.

Разговор сперва шел на общую тему. Мне задавали много вопросов об Англии.

— Я знаю вашу родину,— сказал мне старец,— я ездил туда в 1784 году, чтобы выполнить миссию, порученную мне нашим добрым Икаром, моим другом, и я сохраняю благодарное воспоминание о приеме, который был мне там оказан. Она очень богата и могущественна, ваша родина. Ваш Лондон очень велик, и в нем сосредоточено много больших красот. Но, милорд, позвольте мне вам сказать. что там все же есть нечто весьма отвратительное, весьма возмутительное, весьма позорное для вашего правительства. Это — ужасная нищета, которая истребляет часть населения. Я никогда не забуду, как, выходя после великолепного праздника, устроенного одним из ваших богатых лордов, я наткнулся на трупы женщины и ее ребенка, которые, почти голые, умерли от холода и голода на мостовой. [В этом месте дети испустили крик ужаса, который произвел на меня горестное впечатление.]

— Ах, вы совершенно правы,— ответил я ему.— Я краснею за свою страну, и это разрывает мне сердце. Но что делать? У нас есть немало великодушных мужчин и

добрых женщин, которые делают очень много для бедных...

— Я это знаю, милорд: я знаю даже одного молодого лорда, столь же скромного, как и доброго, построившего в одном из своих имений приют, в котором он содержит пятьдесят пять несчастных. [Я невольно покраснел при этих словах, но сейчас же оправился, не понимая все же, откуда он мог знать то, что касалось меня лично...] Эти люди делают честь своей стране,— продолжал он,— да будут они благословенны! Их благотворительность в наших глазах более привлекательна, чем все их богатства и титулы. Их заслуги даже больше наших, ибо им приходится бороться против преград плохого социального строя, тогда как у нас, благодаря нашему доброму Икару, нет бедных...

— Как! У вас нет бедных?

— Конечно, ни одного! Заметили ли вы хотя бы одного человека в лохмотьях? Хотя бы одно жилище, похожее на лачугу? Разве вы не видите, что республика делает нас всех одинаково богатыми, требуя только, чтобы мы все одинаково работали?

— Как, вы работаете все?

— Конечно, и только этим счастливы и гордимся! Мой отец был герцог и один из крупных вельмож страны, а сыновья мои должны были быть графами, маркизами и баронами, но они теперь: один — слесарь, другой— печатник, а третий — архитектор;

Вальмор будет священником, брат его — маляр; а все эти девушки, которых вы видите, имеют каждая свою профессию, и это не делает их ни более безобразными, ни менее привлекательными. Разве наша Корилла не прекрасная швея? Посмотрите на нее в мастерской!

— Действительно, я совершенно подавлен.

— Так как вы, милорд, приехали к нам поучиться, мы покажем вам и много других вещей, но мы не можем вам показать ни праздных, ни слуг.

— У вас нет слуг?

— Их нет ни у кого. Добрый Икар избавил нас от бича слуг, как он избавил их от бича прислужничества.

— Но скажите мне, наконец, кто этот добрый Икар, о котором я так часто слышу? И как вы сумели?..

— У меня нехватит времени, чтобы объяснить вам это сегодня, но Вальмор,— которого вы, кажется, околдовали, так он полюбил вас,— и его друг Динар, один из наших наиболее ученых профессоров истории, доставят себе удовольствие объяснить и показать вам все и ответить на все ваши вопросы. Вы можете даже пользоваться их руководством, изучая нашу Икарию.

— Любите ли вы цветы, милорд? — спросила меня одна из присутствовавших матерей.

— Очень, мадам, я не знаю ничего более красивого.

— Ничего более красивого, чем цветы? — заметила, покраснев, одна из молодых девиц.

— Да, мадемуазель, простите, ничего более красивого, чем... некоторые... розы.

— Вы не любите детей? — спросила меня одна из девочек, примостившись ко мне на колени и посматривая на меня каким-то испытующим взглядом, которого я не мог понять.

— Я люблю только маленьких ангелов,— ответил я, обнимая ее.

— Любите ли вы танцы? — спросила Селиния.

— Я люблю смотреть на танцы, но сам я плохой танцор.

— Так вы научитесь,— заметила Корилла,— потому что я хочу танцовать с вами.

— Любите ли вы музыку? — спросил меня неожиданно ее отец.

— Страстно.

— Вы поете?..

— Немного.

— На каком инструменте вы играете?

— На скрипке.

— Мы не будем сегодня просить милорда,— сказал старый дедушка.— Он уплатит свой долг в другой раз, но так как он любит музыку, споем что-нибудь, дети. Милая Корилла, покажи милорду, что представляет собою икарийская швея.

— Но,— заметил я ему тихо,— не поступаете ли вы, как живописец, который заявляет, что показывает вам все свои картины, а

в действительности показывает только свои шедевры?

— Вы увидите, вы увидите,— ответил он с улыбкой.

Дети уже бросились бежать за гитарой, которую одна из девушек с очаровательной улыбкой передала Корилле, а Вальмор взял свою флейту, чтобы аккомпанировать сестре.

Не заставляя себя больше упрашивать и не придавая особого значения своему таланту, Корилла запела. Непринужденность, простота, грация, блестящая красота, чистота дикции, прекрасный голос, глаза, сверкающие умом,— все это привело меня в восхищение.

Вторая песнь, припев которой был повторен всеми молодыми девушками и детьми, еще больше очаровала меня.

— Наш патриотический гимн! — воскликнул отец Вальмора. И Вальмор взял на себя роль запевалы. Все дети пели хором. Мужчины, игравшие в шахматы, и женщины, игравшие за другим столом, приостановили свою игру, чтобы повернуться к певцам. И все, увлеченные общим энтузиазмом, присоединились к хору, чтобы воспеть отечество, да и сам я увлекся и с третьего куплета присоединился к хору, что вызвало всеобщий смех и аплодисменты.

Я никогда еще не видел ничего более восхитительного.

В одно мгновенье, когда еще смеялись над моим музыкальным энтузиазмом, на стол

были поставлены свежие и сухие фрукты, варенье, сливки, пирожные и различные легкие напитки. Все было сервировано изящными руками молодых девиц, все с очаровательной улыбкой было подано молодежью.

— Так вот, милорд,— сказал мне помолодевший старец,— думаете ли вы, что мы нуждаемся в лакеях, чтобы нам услуживать?

— Конечно, нет, когда (прибавил я тихо, приблизившись к нему) вам прислуживают грации и любовь...

Я сказал, с грехом пополам, несколько комплиментов отцам и матерям по поводу их семейств, поблагодарил за оказанный мне любезный прием и удалился, исполненный сладких воспоминаний. И сон медленно смежил мои очи только для того, чтобы убаюкать меня прекрасными сновидениями.

Глава пятая

ВЗГЛЯД НА ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ И ИСТОРИЮ ИКАРИИ

Песни вчерашнего дня и чарующие улыбки еще услаждали мой сон, когда меня разбудил Вальмор.

— Как вы счастливы, мой дорогой друг,— сказал я ему,— имея такую милую семью.

— Она, значит, удостоилась понравиться вам?

— Больше, чем я могу вам выразить!

— Тем хуже,— сказал он с видом, который меня очень поразил,— мне очень досадно за вас, но я обязан сказать вам правду. Вот что случилось дома после вашего ухода.

— Говорите, я горю нетерпением...

— Знайте же, что хотя мой дед — глава семьи и может допустить к себе кого ему угодно, он не хочет, однако, ввести в дом никого, кто не нравится хотя бы одному из его детей.

— Не имел ли я несчастье оскорбить кого-нибудь? Расскажите, пожалуйста!

— После вашего ухода он собрал всех нас в круг и поставил вопрос, не имеются ли возражения против вашего допущения в нашу семью, заметив предварительно, что я некоторым образом уже наперед расположил ее в вашу пользу.

— Кончайте же!

— Я сказал, что знаю вас хорошо, весьма хорошо, точно прожил с вами несколько лет, и питаю к вам непобедимое чувство дружбы...

— Еще раз, кончайте!

— Все, казалось, отнеслись вполне одобрительно... но Корилла взяла слово... и вы были...

— Отвергнут! — воскликнул я, вскочив с постели.

— Ничуть,— продолжал он, смеясь,— приняты единогласно со всем пылом, какого только мог желать ваш друг. Простите эту шаловливую проделку, внушенную удовольствием, которое доставило мне допущение вас в нашу семью. Вам следовало бы, впрочем, еще больше сердиться на Корилу, ибо именно она мне подала эту мысль. Но дабы знать наверное, что вы не досадуете на нее, она требует, чтобы вы сегодня же вечером сделали ваш торжественный визит как друг дома. Вы увидите ученого профессора истории, о котором вчера говорил мой дед, моего друга Динара, брата безобразной, но любез-

ной невидимки. Вы согласны? Вы меня прощаете? [Я мог ответить ему только объятием.]

— Не будем, однако, спешить. Сговоримся сначала об условиях, ибо Корилла ставит одно условие.

— Какое? Говорите скорей!

— Чтобы Вильям пришел сообщить ей, что милорд вышел. Согласны? [Я обнял его во второй раз.]

— Ладно,— сказал он, смеясь, как сумасшедший,— я счастливо выполнил опасную миссию. Бегу теперь отдать отчет о своей миссии моему грозному господину, который ждет меня. Итак, сегодня вечером, в шесть часов.

Если бы земля вращалась, согласно моему желанию, скорее, то вечер настал бы раньше, чем обыкновенно. Чтобы ждать его с меньшим нетерпением, я принял приглашение Евгения посмотреть с ним вместе одну из национальных типографий.

Осмотр этой типографии доставил мне едва ли не большее удовольствие, чем зрелище египетских пирамид.

Прежде всего следует заметить, что эту типографию построила республика и архитектор получил всю необходимую для этого территорию.

Представьте себе теперь огромное по своей длине здание, где в двух этажах, поддерживаемых сотнями небольших железных колонн, работают пять тысяч типографов.

В двух верхних этажах, против стен, расположены полки со сложенным на них разного рода типографским шрифтом, доставляемым наверх машинами. Посредине, на одной линии, стоят наборные кассы, скрепленные спинками по две: перед каждой из них работает наборщик, имеющий под рукой все, что ему нужно.

Сбоку, на одной линии, расположены каменные доски, на которых ставится набор, сверстывается и замыкается форма.

Около каждого из этих столов есть отверстие, через которое форма механически спускается в пресс, находящийся в нижнем этаже.

В каждом этаже находятся три или четыре ряда касс и столов.

Это, действительно, великолепное зрелище.

В нижнем этаже находятся скоропечатные машины.

Налево от типографии расположены огромные заведения для фабрикации бумаги, красок, шрифта и для хранения сырых материалов или фабрикатов, которые доставляются и увозятся по каналу на машинах.

И эти машины имеются в таком большом количестве, что они исполняют почти все, заменяя, сказали нам, около пятидесяти тысяч рабочих. Все так хорошо налажено, что тряпье превращается в бумагу, переходящую непосредственно на печатную машину, которая печатает на ней с обеих сторон и передает ее, отпечатанную и высушенную, в фальцо-

вочную мастерскую. Последняя находится направо от типографии вместе с другими большими зданиями для комплектования, сшивания и брошировки отпечатанных листов, переплета книг и книжных складов.

Таким образом, все мастерские и все рабочие, связанные с печатным делом, соединены в одном квартале и составляют вместе маленький город, ибо эти рабочие почти все живут по соседству от своих мастерских.

— Подумайте,— повторял все время восхищенный Евгений,— подумайте только, какая экономия места и времени вытекает из этой удивительной организации, не говоря уже об экономии ручного труда, достигаемой благодаря применению машин. И именно республика умеет организовать таким образом свои мастерские, своих механиков и рабочих!

Я был так же удивлен, как и Евгений, при виде этого ансамбля, этого порядка, этой деятельности, и уже предвидел, как много может производить страна, если все отрасли промышленности организованы по такому плану.

Но все это не мешало мне находить, что шесть часов приближались чересчур медленно.

Я пришел, наконец, к Вальмору точно в условленное время и не без волнения входил в салон, где собралась уже вся семья.

Представьте себе мое смущение, когда я увидел, что Корилла быстро поднялась с места, воскликнув:

— А, вот и он! Я хочу его принять!— И подбежала ко мне, говоря:

— Да, подойдите же, Вильям, и дайте мне руку, сегодня я хочу вас представить моему отцу.

— Милорд,— произнес старец торжественным тоном, протягивая мне руку,— полный благодарности за хороший прием, который я получил когда-то в вашей стране, я буду весьма доволен, если дом мой будет вам приятен, и вся моя семья будет польщена, если вы будете рассматривать нас как друзей. Допуская вас в среду моих дорогих дочерей и любимых внучек, я даю вам доказательство моего высокого уважения к вашему характеру и полного доверия к вашей чести. Будьте снисходительны к моим детям, которые в своем невинном и шаловливом веселье обходятся с вами как со старым знакомым.

Все дети после этого столпились вокруг меня и взапуски старались меня приласкать. Я был смущен, проникнут почтением, очарован, восхищен, и слова старца запечатлелись в душе моей, как священные.

— Динар не придет,— сказал мне Вальмор,— потому что он ждет свою мать и сестру. Хотите вы посетить его?

Я согласился, и мы поднялись, чтобы уйти.

— Прекрасно,— сказала Корилла, взяв свою шляпу,— мы имеем только одного холостяка-брата и одного друга дома, и когда бедная Селиния и я хотим повидать наших друзей, эти галантные господа уходят, не удо-

суживаясь даже узнать, хотим ли мы, чтобы они нас проводили... Но подождите, господа, мы желаем вас проводить. Селиния, дай руку Вальмору, а я возьму подруку Вильяма.

Почти опьяненный соседством такого очаровательного создания, я все же чувствовал себя совершенно свободно с Кориллой, хотя вообще я очень робок и стесняюсь в обществе женщин.

Какое-то благоухание невинности и добродетели, казалось, давало моей душе свободу и внушало мне сладостную, лишенную какой-либо тревоги, уверенность.

— Мои искренние чувства к вашему брату и даже к вашей семье,— сказал я ей, идя рядом с ней,— и мое уважение к вам, конечно, должны встретить с вашей стороны некоторый отклик, но вы меня просто осыпаете любезностями, и как бы ни были они драгоценны для меня, какое бы удовольствие ни доставляли они мне, я опасаюсь, что недостаточно заслужил их.

— Я понимаю вас, несмотря на ваше запутанное объяснение. Вы удивлены, что мы так скоро сдружились с вами, вы поражены моей ветреностью, моим сумасбродством. Ну, так не заблуждайтесь. В нашей республике столько же шпионов, сколько и во всех ваших монархиях... Вы окружены шпионами... Ваш Джон, которого вы считаете таким верным,— предатель. Допрошенный Вальмором, он все предал и разоблачил все ваши преступления... Мы знаем, кто построил для пятидесяти

пяти бедняков приют, о котором говорил вам вчера дедушка. Мы знаем, кто содержит школу для бедных девочек его поместий, мы знаем, чье имя несчастные в одном графстве произносят, только благословляя. Я тоже подвергла вас допросу без того, чтобы вы это заметили, и констатировала, что вы любите детей и цветы, а это для нас является свидетельством чистой и простой души. Одним словом, мы знаем, что вы имеете доброе, прекрасное сердце. А так как доброта является в наших глазах первым из всех качеств, так как дедушка уважает вас и любит, то и мы все любим и уважаем вас, как старого друга... Все теперь, надеюсь, выяснено вполне. Не будем больше говорить об этом... Кстати, здесь нам нужно войти. Подождем Вальмора и Селинию, мы не заметили, что обогнали их.

Вальмор, а вместе с ним и Корилла представили меня Динару, физиономия которого мне чрезвычайно понравилась, а манеры и прием — еще больше.

Так как дамы, которых ждали, не приехали и должны были приехать, вероятно, только на другой день, то мы все вместе с Динаром вернулись к отцу Вальмора, пройдя при этом часть афинского квартала.

— У вас, значит, нет никаких лавок, никаких магазинов в частных домах? — спросил я Вальмора, когда мы вошли в дом.

— Нет,— ответил он,— республика имеет большие мастерские и большие магазины; но добрый Икар избавил нас от лавки и лавоч-

ника, избавив в то же время лавочника от всех забот, делавших его несчастным.

— Ну, а теперь, Динар,— сказал маститый дедушка,— объясните милорду чудеса, которые являются для него загадкой, изложите ему принципы нашего общественного и политического строя, расскажите ему о нашем добром Икаре и нашей последней революции. Вас выслушает с удовольствием не один только милорд.

Даже дети бросили свои игры, чтобы послушать своего друга Динара, и молодой историк незамедлительно удовлетворил нашу просьбу.

Принципы общественного строя Икарии

— Вы знаете,— сказал он,— что человек отличается по существу от всех других общественных животных своим разумом, способностью к совершенствованию и общительностью.

Глубоко убежденные опытом, что не может быть счастья без ассоциации и равенства, икарийцы составляют общество, построенное на основе самого полного равенства. Все — члены ассоциации, граждане, с равными правами и обязанностями, все в равной степени разделяют тяготы и блага ассоциации; все, таким образом, составляют одну семью, члены которой связаны в одно целое узами братства.

Мы образуем, следовательно, народ, или нацию братьев, и все наши законы должны иметь своей целью установление среди нас совершенного равенства, за исключением случаев, когда это равенство невозможно физически.

— Однако,— заметил я,— разве природа сама не установила неравенство, одарив людей физическими и духовными качествами, почти всегда неравными?

— Это правда,— ответил он,— но разве сама эта природа не дала всем людям равное желание быть счастливыми, равное право на существование и счастье, равную любовь к равенству, рассудок и разум, чтобы организовать счастье, общество и равенство?

— Впрочем, милорд, не останавливайтесь на этом возражении, ибо мы решили проблему, и вы сейчас увидите самое полное общественное равенство.

Точно так же, как мы составляем одно общество, один народ, одну семью, так и наша территория, с ее подземными недрами и надземными постройками, составляет одно земельное достояние, которое есть наше общественное земельное достояние.

Все движимое имущество членов ассоциации, со всеми продуктами земли и промышленности, составляет один общественный капитал.

Общественное земельное достояние и общественный капитал принадлежат нераздельно народу, который обрабатывает и эксплоа-

тирует их сообща, который управляет ими сам через посредство своих уполномоченных и затем распределяет поровну все продукты.

— Но ведь это общность имущества! — воскликнул я.

— Именно,— ответил дед Вальмора.— Разве вас эта общность пугает?

— Нет... но... ее всегда считали невозможной!

— Невозможной! Вы сейчас увидите...

— Так как все икарийцы состоят членами ассоциации и все между собой равны,— продолжал Динар,— то все они должны принимать участие в производстве и работать одинаковое число часов, но все их способности направлены на то, чтобы при помощи всевозможных средств сделать труд коротким, разнообразным, приятным и безопасным.

Все орудия труда и сырые материалы для обработки доставляются из общественного капитала и точно так же все продукты земли и промышленности складываются в общественных магазинах.

Все мы получаем пищу, одежду, жилище и обстановку за счет общественного капитала, и все это в равной мере, соответственно полу, возрасту и некоторым другим обстоятельствам, предвиденным законом.

Таким образом, именно республика, или общество, является единственным собственником всего, организует своих рабочих, строит мастерские и магазины; это она обрабатывает

землю, строит дома, производит все предметы, необходимые для питания, одежды, жилища и обстановки; это она, наконец, кормит, одевает, доставляет жилище и обстановку всякой семье и всякому гражданину.

Так как воспитание рассматривается у нас как база и основание общества, то республика дает его всем детям в равной степени, как она дает им всем в равной степени пищу. Все получают одно и то же элементарное образование и специальное обучение, соответствующее особенностям даваемой им профессии. Это воспитание ставит себе целью создать хороших рабочих, хороших родителей, хороших граждан и настоящих людей.

Таков, по существу, наш общественный строй, и эти немногие слова позволят вам угадать все остальное.

— Вы должны теперь понять,— сказал старец,— почему у нас нет ни бедных, ни слуг.

— Вы должны также понять,— прибавил Вальмор,— каким образом республика является собственницей всех лошадей, средств передвижения, отелей, которые вы видели, и каким образом она даром перевозит и кормит своих путешественников.

Вы должны еще понять, что так как каждый из нас получает все, что ему необходимо, в натуре, то деньги, купля и продажа для нас совершенно бесполезны.

— Да,— ответил я,— все это понятно... Но..

— Как, милорд,— сказал старец с улыбкой,— вы видите пред собой коммунитарное общество, идущее полным ходом, и вы не желали бы верить этому! Продолжайте, Динар, изложите ему основы нашего политического строя.

Принципы политического строя Икарии

— Так как мы — члены ассоциации, граждане, равные в правах, то все мы избираем и можем быть избраны; все мы составляем народ и входим в состав народной гвардии. [9]

Объединенные, мы составляем нацию, или, скорее, народ, ибо у нас народ есть совокупность всех икарийцев без всякого исключения.

Мне нет нужды говорить вам, что народ суверенен и что только ему вместе с суверенитетом принадлежит полномочие составлять или поручать кому-либо составлять свой общественный договор, конституцию и законы; мы не можем даже представить себе, чтобы какой-нибудь индивид, или семья, или класс могли иметь нелепую претензию стать нашим господином.

Так как народ суверенен, то он имеет право регулировать при помощи конституции и законов все, что касается его самого, его действий, имущества, пищи, одежды, жилища, его воспитания, труда и даже развлечений.

Если бы икарийский народ мог легко и часто собираться в полном составе в одной

зале или в одной долине, он осуществлял бы свой суверенитет, составляя сам свою конституцию и законы. Ввиду физической невозможности собираться таким способом, он передает власти все функции, которые он не может использовать непосредственно сам, и сохраняет за собой все остальные. Он передает Народному представительству * полномочия выработать конституцию и законы, а исполнительному органу (или исполнительному корпусу) — следить за их выполнением. Но он сохраняет за собой право избирать своих представителей и всех членов исполнительного органа, одобрять и отвергать их предложения и акты, отправлять правосудие, поддерживать порядок и общественное спокойствие.

Все государственные служащие являются, таким образом, уполномоченными народа, все они являются выборными, временными, ответственными и сменяемыми. Для предупреждения с их стороны всяких честолюбивых поползновений законодательные и исполнительные функции признаются несовместимыми.

Наше Народное представительство состоит из двух тысяч депутатов, обсуждающих дела сообща в одной палате. Она — перманентна, всегда или почти всегда в сборе и возобнов-

---

* Высший законодательный орган Икарии Кабе называет то Народным, то Национальным представительством.— Ред.

ляется ежегодно наполовину. Наиболее важные законы, принятые ею, как и конституция, подлежат одобрению народа.

Исполнительный орган, состоящий из президента и пятнадцати других членов, половина которых каждый год обновляется, подчинен Народному представительству.

Что касается народа, то он использует все обеспеченные за ним права в собраниях; он производит в них выборы, обсуждает дела и выносит решения.

Чтобы обеспечить народу использование его прав, вся территория разделена на сто небольших провинций, подразделенных, в свою очередь, на тысячу коммун, почти равных по пространству и населению.

Вы знаете, что каждый провинциальный город находится в центре своей провинции, каждый коммунальный город — в центре своей коммуны, и все так организовано, чтобы все граждане могли присутствовать на народных собраниях.

Чтобы интересы всех были соблюдены, каждая коммуна и каждая провинция занимаются специально своими вопросами, в то время как все коммуны и все провинции, т. е. весь народ и его представительство занимаются общими, или национальными, делами.

На тысяче своих коммунальных собраний народ принимает, таким образом, участие в обсуждении законов после совещания его представителей или до этого.

Для того чтобы народ мог обсуждать законы с полным знанием дела, все происходит в свете гласности, все факты регистрируются статистикой, и все публикуется в народной газете, которая распространяется среди всех граждан.

А чтобы каждая дискуссия проходила с полной основательностью, Народное представительство и каждое коммунальное собрание, т. е. весь народ, разделяются на пятнадцать больших главных комитетов: конституции, воспитания, сельского хозяйства, промышленности, пищи, одежды, жилищ, обстановки, статистики и т. д. Каждый большой комитет составляет, следовательно, пятнадцатую часть всей массы граждан; и весь разум народа, состоящего из хорошо воспитанных и хорошо образованных людей, постоянно стремится изыскивать и применять всякие улучшения и усовершенствования.

Следовательно, наш политический строй — это демократическая республика, и даже почти чистая демократия.

— Да, милорд,— прибавил отец Вальмора,— именно весь народ вырабатывает у нас все законы, и вырабатывает их только в своих интересах, т. е. в общих интересах, и выполняет их всегда с удовольствием, потому что они — его собственное создание и выражение его суверенной воли.

Эта единодушная воля, как мы уже сказали, заключается всегда в том, чтобы творить равенство социальное и политическое, равен-

ство благосостояния и прав, всеобщее и абсолютное равенство. Воспитание, пища, одежда, жилище, обстановка, труд, развлечения, право избирать и быть избранным и право обсуждения — все это одинаково для каждого из нас. Даже наши провинции, наши коммуны, наши города, наши деревни, наши фермы и наши дома, поскольку это возможно, похожи друг на друга; всюду, одним словом, вы увидите здесь равенство и благосостояние.

— Но с какого времени и как,— спросил я его,— вы установили это равенство?

— Уже слишком поздно,— сказал дедушка,— чтобы объяснить это вам сегодня, да вы сможете, впрочем, прочитать нашу национальную историю. Однако мы можем дать вам о ней представление, если Динар не устал или если Вальмор хочет его заместить.

— А разве я,— воскликнула Корилла,— не могу рассказать так же хорошо, как Динар и Вальмор?

— Да, да,— закричали со всех сторон,— Корилла, Корилла!

И Корилла начала рассказывать историю Икарии.

Очерк истории Икарии

— Не буду рассказывать вам, что бедная Икария была, как почти все другие страны, завоевана и опустошена злыми завоевателями, затем в течение долгого времени ее притесняли и тиранили злые короли и злые ари-

стократы, которые делали рабочих несчастными, а бедных женщин жалкими. Это печальный жребий человечества во всем мире.

Вот почему в течение столетий происходили ожесточенные бои между богатыми и бедными, революции и случаи ужасной резни следовали друг за другом.

Вот, однако, шестьдесят лет,— я не помню точно года [в 1772 году,— сказал Вальмор],— как старый тиран Коруг был свергнут и казнен, молодой сын его изгнан, и на престол взошла прекрасная Клорамида.

Эта молодая королева сначала приобрела себе популярность своей мягкостью и добротой. Но несчастная подпала под влияние своего первого министра, злого Ликсдокса, и его тирания вызвала последнюю революцию [13 июня 1782 года,— прибавил дедушка] после двух дней ужасной борьбы и страшной резни.

К счастью, диктатор, избранный народом, добрый и мужественный Икар, оказался лучшим из людей! Именно ему и нашим благородным предкам, его соратникам, мы обязаны тем благополучием, которым мы пользуемся теперь.

Именно он и его соратники, жертвуя своей жизнью и проделав огромную работу, организовали республику и общность имущества, обеспечивающие счастье их жен и детей.

Судите поэтому, Вильям, как должны мы любить нашего дорогого Икара и нашего

дорогого дедушку, одного из его ближайших друзей, одного из благодетелей и освободителей своего отечества...

При этих словах старец, который, мне казалось, слушал с удовольствием рассказ своей внучки, мягко упрекнул ее за болтливость, оскорбившую его чувство скромности, но Корилла бросилась к нему на шею, и дед с нежностью обнял ее.

— Нас всех повлек за собою Икар! — воскликнул он. Глаза его блестели, и в них показались слезы.— Ему одному честь и слава! Споем, дети, в честь Икара и родины!

И мы спели все вместе их гимн благодарности Икару и патриотическую песнь.

Вернувшись к себе, возбужденный всем, что я узнал и видел, я не мог успокоиться и своим воображением старался постигнуть или угадать то, что еще оставалось для меня неизвестным.

Я продолжал думать о красноречии, грации и непринужденности, с какими выражались Вальмор, Динар и в особенности Корилла, и я хотел бы иметь возможность уничтожить ночь, чтобы скорее состоялась прогулка, на которую пригласила меня эта очаровательная девушка.

Глава шестая

ОПИСАНИЕ ИКАРЫ

(продолжение)

Я с таким трудом уснул, что когда Евгений, как сумасшедший, вбежал в мою комнату, я спал еще. Он рассказал мне о том, что, благодаря странному случаю, узнал накануне, как и я, об Икаре и Икарии.

— Что за человек или, вернее, что за бог этот Икар!— воскликнул он.— Какой народ! Какая страна! Счастливые икарийцы! Ах, почему так случилось, что судьба не послала нам Икара после Июльской революции! Какие это были прекрасные дни! Такие же прекрасные, как два дня у икарийцев! О, парижский народ, как был ты прекрасен, велик, героичен, благороден, великодушен! Какой новый путь славы и счастья открывался для моей родины! Почему же нужно было?.. Несчастная Франция, Франция, от которой я бегу, которую презираю, которую ненавижу... Ах, нет, которую я обожаю больше, чем кто-либо!

И он ходил по комнате большими шагами, как будто был один; глаза его налились сле-

зами, и его возбуждение, которое сперва меня рассмешило, вызвало во мне затем глубокое волнение.

Когда его возбуждение улеглось, он прочитал мне письмо, которое он написал своему брату. Это письмо показалось мне настолько интересным и поучительным, что я попросил у него позволения списать его. Семья Вальмора, которой я прочитал это письмо, выслушала его с таким удовольствием, что выразила желание познакомиться с автором и дала мне разрешение представить ей Евгения.

Вот это письмо.

Образцовый город

Разорви свои планы городов, мой бедный Камилл, и все же радуйся, ибо я тебе посылаю взамен их план образцового города, который ты уже давно желал иметь. Я крайне сожалею, что ты не здесь и поэтому не можешь разделить со мной мое удивление и восхищение.

Прежде всего представь себе, что либо в Париже, либо в Лондоне обещана великолепная премия за план образцового города, что назначен большой открытый конкурс, а многочисленный комитет из живописцев, скульпторов, ученых, путешественников собирает планы или описания всех известных городов, мнения и идеи всего населения и даже иностранцев, обсуждает все недостатки и преимущества существующих городов и пред-

ставленных проектов и из тысяч образцовых планов выбирает наиболее совершенный. Ты сможешь тогда спроектировать более красивый город, чем все, которые существовали ранее, ты сможешь затем составить себе первое представление об Икаре, в особенности, если ты не забудешь, что все граждане равны, что все делает республика и что правило, неизменно и постоянно соблюдаемое во всем, гласит: прежде всего необходимое, затем полезное и в заключение приятное.

А теперь, с чего начать? Вот это меня затрудняет. Буду держаться правила, о котором я тебе только что говорил, и начну с необходимого и полезного.

Я не буду говорить о мерах предосторожности, принятых, чтобы обеспечить целебность и свободную циркуляцию воздуха, сохранить его чистоту и даже очищать его. Внутри города нет кладбищ, нет вредных производств, нет больниц. Все эти учреждения находятся на окраинах, в открытых местностях, около проточной воды или в деревне.

Мне очень трудно будет перечислить тебе все меры, придуманные для поддержания чистоты улиц. Само собой разумеется, что тротуары каждое утро подметаются и моются, и они всегда безукоризненно чисты. Но улицы так замощены или так устроены, что вода никогда не застаивается на них, так как всюду находятся отверстия, и вода исчезает в подземных каналах.

Не только грязь, собираемая и сметаемая при помощи остроумных и удобных орудий, исчезает, уносимая водой фонтанов в те же самые каналы, но и все средства, которые ты только можешь себе представить, пускаются в ход, чтобы скапливать как можно меньше грязи и пыли.

Посмотри прежде всего на устройство улиц! Каждая имеет восемь колей с железными или каменными желобами для четырех экипажей в ряд, из которых два могут двигаться в одном, и два в другом направлении. Колеса никогда не выскакивают из этих колей, и лошади никогда не сходят с промежуточного тротуара. Четыре тротуара вымощены камнями или щебнем, а все остальные полосы улицы вымощены кирпичом. От колес не остается ни грязи, ни пыли, от лошадей — весьма мало, а машины на улицах — железнодорожных путях — совсем не дают грязи.

Заметь к тому же, что все крупные мастерские и большие магазины расположены по бокам улиц — каналов и улиц — железнодорожных путей; повозки,— впрочем, всегда мало нагруженные,— проходят только по этим улицам; улицы с колеями пропускают только омнибусы и половина улиц города не пропускает ни омнибусов, ни возов, а только небольшие повозки, в которые впрягают больших собак, развозящих необходимые для семейств предметы.

Никакие нечистоты не выбрасываются на улицы из домов или мастерских, никогда по

этим улицам не возят ни соломы, ни сена, ни навоза, так как все конюшни и их запасы находятся на окраинах. Все повозки и тележки запираются так герметически, что их содержимое прекрасно сохраняется, а разгрузка их производится при помощи машин, не грязнящих ни тротуаров, ни улиц.

Фонтаны на каждой улице доставляют воду, необходимую для чистки, поливки и освежения воздуха.

Все, как видишь, организовано так, чтобы улицы были всегда чисты, мало портились и легко чистились.

Закон (ты, быть может, начнешь с того, что будешь смеяться, но кончишь тем, что будешь удивляться) постановил, что пешеходу всегда должна быть обеспечена полная безопасность от каких бы то ни было несчастных случаев со стороны экипажей, лошадей и других животных или с какой-либо другой стороны. Сообрази все это, и ты скоро увидишь, что для правительства, которое хочет блага народа, нет ничего невозможного.

Прежде всего, что касается рысистых и верховых лошадей, то на них не разрешается ездить внутри города,— прогулки на лошадях разрешаются только вне города, а конюшни находятся на окраинах.

Что касается лошадей, обслуживающих дилижансы, омнибусы и транспорт, то, независимо от того, что приняты всякие меры, чтобы они не понесли, они никогда не могут покинуть свои колеи или выскочить на тро-

туары. Кучера обязаны сдерживать их шаг при приближении к тем местам, где пешеходы переходят улицы. Эти поперечные переходы окружены всякими предохранительными приспособлениями: они обыкновенно снабжены колоннами, образующими поперек улицы нечто вроде ворот для экипажей, и промежуточными площадками, на которых пешеход имеет возможность остановиться, пока не удостоверится, что может продолжать свой путь, не подвергаясь никакой опасности. Бесполезно говорить тебе, что эти переходы почти так же чисты, как тротуары. На некоторых улицах переходы находятся даже под землей, как тоннель в Лондоне, [10] а на других переходами служат мосты, под которыми проезжают экипажи.

Другая весьма простая мера предосторожности, дающая возможность избежать множества несчастных случаев и которую плохо используют в наших городах, так как ничего не делается для того, чтобы все ее знали и усвоили привычку соблюдать ее, заключается в том, что все экипажи и пешеходы всегда двигаются вперед по правой стороне улицы или дороги.

Ты поймешь, кроме того, что кучера, которые все являются рабочими республики и ничего не получают от пассажиров, не имеют никакого интереса подвергаться таким авариям, а, напротив, заинтересованы в том, чтобы избегать их.

Ты понимаешь также, что так как населе-

ние находится в мастерских или домах до трех часов, а повозки с грузами циркулируют только в те часы, когда омнибусы не ходят и пешеходы очень немногочисленны, колеса же никогда не могут выскочить из своих колей, то всякие аварии от повозок и между повозками должны быть почти невозможны.

Что касается других животных, то тут никогда не увидишь стада быков и баранов вроде тех, что загромождают и позорят улицы Лондона, вызывая там тысячи несчастных случаев, распространяя беспокойство, а часто ужас и смерть, и в то же время приучая народ к мысли о резне,— ибо здесь скотобойни и мясные находятся вне города, так что животные никогда не проникают в его черту. Поэтому здесь никогда не видят ни крови, ни трупов животных или большого числа мясников, которые приучаются смотреть без содрогания на человеческую резню, потому что привыкли омывать свои руки и ножи кровью других жертв.

Говоря о животных, я не могу не рассказать тебе о собаках, которые в республике содержатся и используются в большом числе. Отличаясь своим ростом и силой, они служат для перевозки различных предметов, а это сопряжено с еще меньшими опасностями, чем перевозка лошадьми. Все собаки, хорошо откормленные, всегда запряженные и в намордниках или на привязи, не могут никогда ни взбеситься, ни укусить, ни испугать, ни вы-

звать скандала, который в наших городах в одно мгновение уничтожает все результаты многолетнего воспитания.

Все так хорошо рассчитано, что никогда ни труба, ни горшок с цветами, ни какой-либо другой предмет не может быть сорван бурей или выброшен через окно.

Пешеходы защищены даже от непогоды, ибо все улицы снабжены тротуарами, которые покрыты крышами, стеклянными навесами, чтобы защитить от дождя, не лишая света, и с подвижными шторами, чтобы защитить от жары. Имеются даже улицы, во всю длину покрытые крышами, в особенности между большими складскими помещениями. Все переходы между улицами тоже покрыты крышами.

Предосторожность доведена до того, что на известном расстоянии друг от друга построены крытые места остановок омнибусов, чтобы можно было подниматься на них или спускаться с них, не опасаясь ни грязи, ни дождя.

Ты видишь, мой дорогой друг, что можно прогуляться по всему городу Икаре — в экипаже, когда спешишь, садами, когда погода хороша, и под портиками, когда погода плоха, не нуждаясь ни в солнечном, ни в дождевом зонтике и ничего не опасаясь, тогда как тысячи аварий и несчастных случаев, ежегодно обрушивающихся на жителей Парижа и Лондона, свидетельствуют о позорном бессилии или варварском равнодушии правительств.

Ты, конечно, представляешь себе, что город прекрасно освещен,[11] так же хорошо, как Париж и Лондон, даже гораздо лучше, так как осветительные материалы не поглощаются ни лавками, ибо таковых нет, ни мастерскими, ибо никто не работает вечером. Освещаются поэтому главным образом улицы и общественные здания. Не только газ не распространяет никакого запаха, ибо найдено средство для его очистки, но и освещение соединяет в самой высокой степени приятное с полезным либо при помощи изящной и разнообразной формы фонарей, либо многочисленными фигурами и цветами, которыми украшают осветительные аппараты. Я видел достаточно много хороших иллюминаций в Лондоне на некоторых улицах в известные праздники, но в Икаре освещение всегда великолепно, а иногда это настоящая феерия.

Ты не увидишь здесь ни кабаков, ни харчевен, ни кафе, ни ресторанов, ни бирж, ни игорных домов, ни постыдных или преступных развлечений, ни казарм и гауптвахт, ни жандармов и шпионов, ни публичных женщин, ни жуликов, ни пьяниц, ни нищих, но вместо них ты всюду найдешь места необходимости, столь же изящные, сколь чистые и удобные, одни для женщин, другие для мужчин, куда может на время заглянуть сама стыдливость, не опасаясь ничего ни по отношению к себе самой, ни в отношении общественного приличия.

Тебе не придется возмущаться такими рисунками, картинками, надписями, которые грязнят стены наших городов и заставляют нас опускать глаза, ибо дети приучены здесь никогда ничего не портить, не грязнить, равно как и не краснеть при виде всего, что непристойно и неприлично.

Ты не будешь даже испытывать удовольствия или досады видеть столько всяких вывесок и табличек над воротами домов или всяких объявлений и торговых плакатов, которые почти всегда обезображивают здания, но зато ты увидишь прекрасные надписи на памятниках, общественных мастерских и складах и всякие полезные объявления, великолепно напечатанные на бумаге различных цветов в специальных рамках, предназначенных для этой цели, так что сами эти афиши способствуют украшению города.

Ты не увидишь также богатых и красивых лавок всякого рода, которые можно видеть в Париже и Лондоне во всех домах на торговых улицах. Но что представляют собой самые красивые из этих лавок, самые богатые из этих магазинов и базаров, самые обширные рынки или ярмарки в сравнении с мастерскими, лавками, магазинами Икары? Вообрази, что все, например, мастерские и лавки ювелирных и драгоценных изделий Парижа и Лондона соединены в одну или две мастерские и в один или два магазина; вообрази, что это проделано также для всех отраслей промышленности и торговли, и

скажи мне, не должны ли эти магазины ювелирных изделий, часов, цветов, перьев, материй, мод, инструментов, плодов и т. д. и т. п. затмить все лавки мира, скажи мне, не доставило ли бы тебе столько же, а может быть, и больше удовольствия побывать в них, чем осматривать наши музеи и памятники изящных искусств! Так вот каковы мастерские и магазины Икары!

И все они размещены с наибольшим удобством для жителей и выгодой для внешнего вида города, и, чтобы украсить его еще больше, все они снаружи построены как общественные здания, отличающиеся простотой и украшенные предметами производства.

Я упомянул об общественных зданиях. Мне нет нужды говорить тебе, что общественные здания, которые можно найти всюду, в еще большем числе имеются здесь: школы, приюты, храмы, здания, отведенные для государственных учреждений, залы для народных собраний, даже арены, цирки, театры, всякого рода музеи и все учреждения, которые благодаря доставляемому ими удовольствию сделались почти необходимыми.

Никаких аристократических отелей, никаких экипажей, но зато и никаких тюрем и домов призрения! Никаких королевских или министерских дворцов, но школы, больницы, залы для народных собраний — это те же дворцы, или, если хочешь, все дворцы служат общественной пользе!

Я никогда не кончил бы, мой дорогой брат, если бы я вздумал перечислить тебе все, что Икара содержит полезного, но я уже достаточно рассказал тебе об этом, быть может, даже слишком много, хотя я уверен, что детали доставят тебе некоторое удовольствие. Я перехожу к приятному, где ты найдешь разнообразие — постоянного спутника единообразия.

Рассмотрим поэтому внешний вид домов, улиц и общественных зданий.

Я уже говорил тебе, что все дома на каждой улице одинаковы, но улицы различны и на каждой воспроизводятся красивые дома других стран.

Взор твой никогда не будет омрачен ни видом лачуг, трущоб и закоулков, которые мы в других местах находим рядом с самыми великолепными дворцами, ни видом отрепьев, которые мы встречаем наряду с роскошью аристократии.

Твой взор не будет также опечален решетками, которые закрывают канавы у лондонских домов и в соединении с мрачными кирпичами придают им вид огромных тюрем.

Дымовые трубы, столь отвратительные во многих других странах, здесь являются украшением или совсем незаметны, тогда как верхушки домов являют глазу изящную железную балюстраду.

Тротуары или портики с легкими колоннами, которые обрамляют все улицы, уже и сейчас великолепные, будут совсем очарова-

тельны, когда, как теперь проектируется, все колоннады будут украшены зеленью и цветами.

Стану ли я описывать формы фонтанов, площадей, мест для гулянья, колонн, общественных памятников, колоссальных ворот города и его великолепных улиц-аллей? Нет, мой друг, у меня нехватило бы слов, чтобы изобразить мое восхищение, да к тому же пришлось бы исписать не один том. Я привезу тебе все планы, а здесь ограничусь тем, что дам тебе общее представление о них.

Ах, как я жалею, что не смогу еще раз осмотреть их вместе с моим братом! Ты увидел бы, что ни один фонтан, ни одна площадь, ни один памятник не похож на другие и что в них исчерпаны все разновидности архитектуры. Здесь ты вообразишь себя в Риме, в Греции, Египте, Индии — всюду, и никогда ты не придешь в ярость, как это случилось с нами в Лондоне перед собором св. Павла [12] при виде лавок, которые мешают охватить одним взглядом весь ансамбль великолепного здания.

Нигде ты не увидишь большего числа картин, скульптурных произведений, статуй, чем здесь в общественных зданиях и в общественных садах. В то время как в других местах произведения изящных искусств спрятаны в дворцах королей и богачей, в то время как в Лондоне музеи, закрытые в воскресенье, никогда не открыты для народа, который не может оставить работу, чтобы посетить их в

будни, здесь все достопримечательности существуют только для народа и помещены только в тех местах, которые посещаются народом.

А так как все это создается в республике при помощи живописцев и скульпторов и все художники, получающие полное содержание — пищу, одежду, квартиру и обстановку — от общества, не имеют других побуждений, кроме любви к искусству и славе, и другого руководителя, кроме вдохновения, то ты легко поймешь, каковы последствия этого.

Ничего бесполезного и, в особенности, ничего вредного, но все направлено к полезной цели! Ничего в угоду деспотизму и аристократии, фанатизму и суеверию, но все в интересах народа и его благодетелей, свободы и ее мучеников или против былых тиранов и их приспешников.

Нигде не увидишь нагих фигур или соблазнительных картин, которые выставляются в наших столицах, чтобы угодить могущественным распутникам. По чудовищному противоречию, непрестанно проповедуя пристойность и целомудрие, у нас выставляют напоказ изображения, которые муж хотел бы скрыть от жены и мать от детей.

Нет здесь и произведений невежества или неспособности, которые нищие продают в других местах за дешевку, за кусок хлеба, и которые портят общий вкус, позоря искусства. Ибо здесь в республике ничего не принимают без испытания. Так же, как в Спарте, где убивали при рождении всех больных

или уродливых детей, здесь безжалостно опускают во тьму небытия все произведения, недостойные света лучей бога искусств.

Я кончаю, мой дорогой Камилл, хотя мог бы еще много рассказать тебе об улицах-садах, реке и каналах, набережных и мостах и о памятниках, которые только начаты или проектируются.

Но что ты скажешь, когда я прибавлю, что все города Икарии, хотя и менее крупные, построены по тому же плану и отличаются от главного города лишь отсутствием больших национальных учреждений!

И мне думается, что вместе со мною ты воскликнешь: «Счастливые икарийцы! Несчастные французы!».

Чем больше я знакомился с городом, тем более точным казалось мне это описание Евгения.

Когда я снял копию с его письма, мы пошли вместе, чтобы осмотреть одну из булочных республики.

Мы обошли пять или шесть огромных, построенных параллельно зданий: одно — для муки, другое — для теста, третье — для печей, четвертое — для топлива и пятое, где складывается печеный хлеб, откуда его на повозках развозят по домам.

По каналу доставляются мука и топливо, которые перевозятся в магазины машинами.

Из широких труб мука сыплется в месильные чаны, тогда как по другим трубам доставляется туда вода в необходимом количестве. Весьма остроумно сконструированные машины месят тесто, режут его и задвигают в печи, куда другие машины доставляют топливо. Особые машины перевозят хлеб в последнее здание.

Евгений не переставал удивляться тому облегчению, которое давала рабочим эта система, и поразительной экономии, являвшейся ее результатом.

Разделяя его восхищение, я думал о нашем плане прогулки и в пять часов побежал к Вальмору.

Там уже были готовы, и почти вся семья в полном составе направилась вместе со мною в путь. Вальмор предложил руку одной из своих кузин, а очаровательная Корилла взяла мою с такой пленительной фамильярностью, что я потерял бы голову, если бы я не был столь неуязвим.

Мы шли улицами-садами; многие сады были полны молодыми девушками, детьми и мужчинами, занимавшимися поливкой растений или другими садовыми работами.

Чем больше я рассматривал эти сады, тем более восхитительными казались они мне; газоны, розы и разнообразнейшие цветы, цветущие кусты, стены, покрытые жасмином, виноградом, лилиями, жимолостью, одним словом, зеленью, перемежающейся цветами различной окраски, ароматный воздух, кар-

тина трудящихся и детей — все это представляло чарующий ансамбль.

Но место гуляния показалось мне еще более привлекательным: усыпанные песком аллеи, прямые или извилистые, обширные газоны, кусты самых различных видов, великолепные деревья; всюду маленькие беседки и арки из цветов, на каждом шагу изящные зеленые скамьи, искусственные гроты или холмики, усеянные птицами, пруды, ручьи, каскады, фонтаны, струи, изящные мосты, статуи и небольшие памятники,— все что плодотворное воображение самого искусного художника может вообразить, здесь соединено вместе, даже всякого рода птицы и животные на воде и газонах.

И еще больше, чем все эти чудеса природы или искусства, это место гулянья украшает бесчисленное множество больших семей, которые заполняют его,— отцы, матери, дети, гуляющие обыкновенно вместе. Тысячи юношей и девушек всех возрастов, все чисто и изящно одетые, бегают, прыгают, танцуют и играют в самые разнообразные игры, всегда группами и на глазах собравшихся родителей. Всюду видишь только радость и удовольствие, слышишь только смех, веселые крики, песни и музыку.

— Кажется,— сказал я Корилле,— ваши соотечественники питают страсть к музыке?

— Да,— ответила она,— нам привил к ней вкус добрый Икар, как и к зелени, цветам и плодам. С того времени наше воспи-

тание распространило эти склонности среди всех нас. Все получают общие знания обо всем, что касается растений и их обработки. Все дети без исключения учатся вокальной музыке и умеют петь; каждый умеет играть на каком-нибудь инструменте. Поэтому всюду и везде вы услышите музыку и пение — в семьях и публичных собраниях, в храмах и мастерских, как и на спектаклях и в местах гулянья.

Мы посещали музыкальные оркестры всякого рода, помещавшиеся в специально устроенных для них красивых салонах, и, кроме того, слушали множество концертов, которые давали музыкальные автоматы, вполне заменяющие музыкантов.

— Сигналы почти все даются трубой, тысячи наших общественных карет отправляются и останавливаются по звуку, который дает рожок. Разве вы не находите их фанфары очаровательными?

— Действительно, они очаровательны.

— И вы еще увидите наши национальные праздники с хорами в пятьдесят и сто тысяч певцов.

Мы тем временем подошли к месту прогулок верхом. Пред нами прошли сотни небольших кавалькад, мужчин и женщин всех возрастов, изящно одетых, хотя и совершенно иначе, чем наши всадники и амазонки в Лондоне и Париже. Так как я выражал свое восхищение грацией дам и красотой лошадей — статных для мужчин, прелестных для

женщин, маленьких и красивых — для детей, то Корилла сказала:

— Не удивляйтесь. Решив, что мы будем иметь удовольствие от верховой езды, республика особенно позаботилась о нашем коневодстве и даже закупила за границей лучшие породы лошадей. В силу этой же причины обучение верховой езде составляет часть нашего воспитания с детского возраста, и вы не найдете теперь ни одного икарийца, который не был бы хорошим всадником.

— Но,— заметил я,— каким образом можете вы располагать достаточным количеством верховых лошадей для всех?

— А вот как,— ответила она:— республика имеет только тысячу верховых лошадей для каждого города коммуны и шестьдесят тысяч для Икары, но она распределяет этих лошадей между всеми гражданами так, что каждая семья может пользоваться ими раз в шестьдесят дней.

— И все эти лошади принадлежат республике?

— Конечно, и содержатся в ее конюшнях, и за ними ухаживают рабочие.

Мы беседовали обо всем: о празднествах, театрах, развлечениях, нравах и обычаях страны. Она рассказала мне даже о народных собраниях и газетах и делала это с такой легкостью и так занимательно, что я не заметил, как наступила ночь, пока я с таким удовольствием учился, слушая столь очаровательную учительницу.

Глава седьмая

ПИЩА

Это был день отдыха, воскресенье Икарии, или, точнее, десятый день икарийской недели, и Вальмор, предупредивший меня об этом за два дня, рано пришел за мною и Евгением, чтобы отправиться с нами в деревню.

Позже я расскажу о средствах, придуманных и применяемых в республике, чтобы облегчить от весны до самой осени эти экскурсии и сельские трапезы, к которым икарийцы имеют большое пристрастие.

Мы отправились все,— одни пешком, другие на красивых осликах, мулах или лошадях, третьи — в омнибусах.

Мы направились к знаменитому источнику, который находится в двух лье от Икары, на склоне прекрасного холма, господствующего над городом.

Я не в состоянии описать зрелище дороги, по которой гуляла публика и двигались кареты, лошади, ослы, мулы, собаки и экипажи с провизией, направлявшиеся в одно и то же место. Я не в состоянии также опи-

сать ни чарующую красоту пейзажа, газонов, беседок и источника, где искусство и природа потратили все свои средства украшения, ни восхитительные картины, которые представляли сотни групп, обедающих на траве, поющих, смеющихся, прыгающих, бегающих, танцующих и развлекающихся самыми разнообразными играми.

Следуя приглашению своего деда, Корилла коротко описала нам два или три десятка сельских мест отдыха, куда население Икары направляется обыкновенно в дни празднеств и отдыха.

Она объяснила нам, что все эти красивые места, составляющие теперь предмет наслаждения всего народа, в прежние времена служили исключительно для удовольствия нескольких семейств, которые закрывали их стенами или рвами своих замков и парков.

Но как бы ни был интересен для меня рассказ Кориллы, которому она умела придать столько прелести, Вальмор заинтересовал меня еще больше, описав мне систему, принятую республикой для обеспечения пищей своих граждан.

Я передал бы здесь сущность его рассказа, если бы не нашел прекрасного изложения этой системы в другом письме Евгения к брату. Это письмо, которое я здесь привожу, заменит, таким образом, мой собственный рассказ. И чтобы перейти сейчас же к нему, я прибавлю только, что возвращение с прогулки было столь же оживленным и радо-

стным, как и сама прогулка, и что душа моя была исполнена счастья; отражение такого же счастья я заметил на всех лицах.

Письмо Евгения к брату

О дорогой мой Камилл, как скорбит мое сердце, когда я думаю о Франции и когда вижу благополучие, которым наслаждается здесь народ Икарии! Суди об этом сам, знакомясь с его учреждениями, ведающими пищей и одеждой.

Пища

Все, что касается этой первой потребности человека, как и других его потребностей, в нашей несчастной стране предоставлено случаю и сопряжено с чудовищными злоупотреблениями. Здесь, напротив, все это весьма разумно и тщательно регулируется.

Представь себе сперва, мой дорогой брат, что нет решительно ничего во всем, касающемся пищи, что не было бы регулировано законом. Именно он дозволяет любой вид пищи.

Комитет ученых, учрежденный Национальным представительством, составил при содействии граждан список всех известных предметов питания, указав хорошие или плохие качества их.

Он сделал больше. Среди хороших предметов питания он указал необходимые, полезные и приятные и напечатал список их в

нескольких томах. Каждая семья имеет один экземпляр.

Сделано было еще больше: указаны были лучшие способы приготовления каждого предмета питания, и все семьи имеют такой экземпляр поваренной книги.

Установив таким образом список хороших предметов питания, республика организовала при помощи своих земледельцев и рабочих их производство и распределяет их между семьями. А так как никто не может иметь других средств питания, кроме тех, которые распределяет республика, то ты поймешь, что никто не может потреблять других предметов питания, кроме тех, которые она одобряет.

Она сперва производит предметы необходимые, затем полезные и, наконец, приятные, и все это в таком количестве, какое только возможно.

Она распределяет их между всеми поровну таким образом, что каждый получает одно и то же количество какого-нибудь предмета питания, если его хватает на всех, и каждый получает только по очереди, если его хватает в течение года или дня только для одной части населения.

Каждый, следовательно, имеет равную часть всех предметов питания без различия, начиная с тех, которые мы называем самыми грубыми, и кончая теми, которые мы квалифицируем как наиболее тонкие, и весь народ Икарии питается так же хорошо и даже

лучше, чем наиболее богатые жители других стран.

Ты видишь, таким образом, мой бедный друг, что правительство поступает здесь совершенно иначе, чем наша монархия: в то время как монархия так много кричит о добром короле,[13] который хотел, чтобы каждый крестьянин мог в воскресенье есть курицу, республика здесь, ничего не говоря, дает всем и ежедневно все, что можно в других странах видеть только на столе аристократов и королей.

Республика не только разводит всех необходимых животных, дичь и рыбу, она не только производит и распределяет все овощи и фрукты, которые потребляются в сыром виде, но и использует все средства, чтобы консервировать их, высушивая, варя и т. д., чтобы распределить их между всеми.

Но это не все. Комитет, о котором я только что говорил, обсудил и указал, сколько раз в день следует принимать пищу, в какие часы, число блюд, какие именно, и порядок следования, беспрестанно изменяя их не только соответственно сезону и месяцам, но и соответственно дням; таким образом обеды в течение недели совершенно различны.

В шесть часов утра, до начала работ, все рабочие, т. е. все граждане, совместно подкрепляются в своих мастерских очень простым первым завтраком (который наши парижские рабочие называли «капля» или

«утренний глоток»), изготовленным и сервированным ресторатором мастерской.

В девять часов они завтракают в мастерской, тогда как жены и дети их завтракают дома.

В два часа все жители данной улицы вместе обедают в республиканском ресторане, где пищу приготовляет один из рестораторов республики.

А вечером, между девятью и десятью часами, каждая семья у себя дома ужинает или ест легкую закуску, приготовленную женщинами.

При всяком обеде первый тост провозглашается во славу доброго Икара, благодетеля рабочих, благодетеля семей, благодетеля граждан.

Ужин состоит главным образом из плодов, печенья и сластей.

Но общий обед в роскошных залах, изящно декорированных и вмещающих от одной до двух тысяч человек, превосходит своим великолепием все, что ты можешь вообразить.

Самые красивые наши рестораны и кафе в Париже в моих глазах ничто в сравнении с ресторанами республики. Ты, быть может, мне не поверишь, когда я скажу тебе, что, помимо обилия и тонкого качества блюд, помимо убранств из цветов и всего прочего, прекрасная музыка чарует слух обедающих, в то время как обоняние их воспринимает запах восхитительных благоуханий.

Таким образом, когда молодые люди женятся, им нет нужды тратить свое приданое на свадебное пиршество плохого качества и разорять своих будущих детей; обеды, которые муж находит в ресторане жены, жена — в ресторане мужа, и обе семьи вместе в своих ресторанах, заменяют самые прекрасные обеды других стран.

И все же ты легко поймешь, что эти общие обеды дают огромную экономию в сравнении с индивидуальными обедами и, следовательно, дозволяют значительно улучшить их качество.

Ты поймешь также, что это общее питание рабочих и соседей имеет и другие большие преимущества, а именно, оно способствует сближению масс и значительно упрощает домашние работы женщин.

А так как республика занята только благом своих детей, ты не будешь также удивлен, что она простирает свою заботливость до того, что дает им возможность по воскресеньям есть у себя дома, в своем кругу, обедать со своими личными друзьями и даже проводить день в деревне. С этой целью во всех ресторанах готовятся холодные блюда, которые доставляются семьям. Когда горожане хотят воспользоваться деревенским воздухом, в их распоряжение предоставляются средства транспорта.

Поистине, брат мой, я не лгу, когда уверяю тебя, что эта страна — рай, который радует душу так же, как и чувства, и, не-

смотря на это, я прихожу в бешенство... я... француз, обожающий свое отечество, я иногда испытываю за него все муки Тантала![14]

Но будем мужаться и надеяться. А пока будем изучать!

Ты, несомненно, пожелаешь знать, как организуется и проводится распределение предметов питания. Нет ничего проще. Но восхищайся снова!

Распределение предметов питания

Республика делает то, что мы часто видим в Париже и Лондоне, что делают иногда наши правительства и что делают теперь почти все торговцы.

Ты уже знаешь, что именно республика заботится о взращивании или производстве предметов питания, получает и собирает их, складывает в своих бесчисленных громадных магазинах.

Ты можешь легко представить себе общие погреба, такие, как погреба в Париже и Лондоне. большие склады муки, хлеба, мяса, рыбы, овощей, плодов и т. д.

Каждый республиканский магазин имеет, как любой из наших булочников или мясников, таблицу ресторанов, мастерских, школ, приютов и семей, которых он должен снабжать с указанием количества, какое он должен каждому доставлять. Он имеет также служащих, тару и все необходимые транспортные средства. Все эти средства снабже-

ния соперничают друг с другом по своим качествам.

Так как предметы питания подготовляются в магазине заранее, то в районе магазина рассылают на-дом большие запасы продуктов на год, месяц или на неделю, а также провизию на каждый день.

Распределение провизии поистине восхитительное. Я не стану говорить тебе о совершенной чистоте, царящей повсюду, как необходимое условие, но я не премину сказать тебе, что магазин имеет для каждой семьи отдельную корзину, вазу, определенную меру, отмеченную номером ее дома и содержащую ее долю провизии, хлеба, молока и т. д.; и все эти сосуды имеются в двойном количестве, чтобы одни относились наполненными, а другие возвращались пустыми. Каждый дом имеет при входе специально устроенную для этого нишу, в которой развозчик находит пустые сосуды и замещает их наполненными. Таким образом, распределение производится всегда в одно и то же время, причем оно возвещается особым сигналом, совершается без всяких забот для семьи и без потери времени для развозчика.

Ты представляешь себе, мой дорогой друг, экономию времени и все выгоды этой системы массового распределения?

В общем все совершенно в этой счастливой стране, населенной людьми, которые достойны, наконец, звания человека, так как даже в самых малых вещах они всегда делают полез-

ное употребление из высшего разума, данного им провидением для их счастья.

А теперь ознакомься еще с их системой обеспечения одеждой, и снова удивляйся и удивляйся, если только ты не придешь в ярость, как я...

Глава восьмая

ОДЕЖДА

(продолжение письма Евгения к брату)

Все, что я сказал тебе о пище, мой дорогой Камилл, относится также к одежде. Все регулирует закон по указанию комитета, который, выслушав разные мнения и ознакомившись с формой одежды разных стран, составил список всех форм и цветов (великолепное издание, которое имеется у каждой семьи) одежды, указал, какие из этих форм и цветов принимаются и какие отвергаются, и классифицировал их соответственно необходимости, полезности и приятности.

Все необходимое сырье выращивается и производится земледельцами по заказу республики. Это она в своих мануфактурах производит все одобренные материи, и она же при помощи своих рабочих и работниц изготовляет всю одежду и распределяет ее между семьями.

Республика начала с производства самых необходимых материй, а теперь заказывает все материи без исключения как самые приятные, так и самые полезные.

Все, что по форме, рисунку и цвету было фантастично или безвкусно, было заботливо устранено.

Ты не можешь себе представить ничего более чистого и приятного, чем выбранные цвета, ничего более изящного и простого, чем рисунки материй, ничего более элегантного и удобного, чем форма одежды.

И ты это легко поймешь, когда вспомнишь, что нет ни одного экземпляра обуви, головного убора и т. д., который не был бы обсужден и принят согласно плановому образцу. И хотя при моей страсти к живописи я, как ты знаешь, всегда был очень требователен по части одежды мужчин и, в особенности, женщин, клянусь тебе, что не мог найти недостатков в одеждах этой страны.

Я говорил тебе о женщинах. О, дорогой мой Камилл, как любил бы икарийцев ты, такой галантный и такой же поклонник, как и я, этого венца творения создателя, если бы ты видел, как они окружают женщин своими заботами, уважением и почетом, как они сосредоточивают на них свои мысли, заботливость и попечение, как они непрестанно стараются нравиться им и делать их счастливыми, как они украшают их, уже от природы красивых, чтобы иметь еще больше удовольствия в обожании их! Счастливые

женщины! Счастливые мужчины! Счастливая Икария! Несчастная Франция!

В особенности одежда женщин вызовет твое удивление: твой жадный глаз будет не только очарован, когда увидит в ней все, что ты знаешь наиболее тонкого, великолепного, восхитительного в материях, цветах и формах, но он в известных случаях будет также удивлен роскошью перьев и поражен блеском драгоценностей и камней.

Правда, перья почти все искусственные, как и цветы; драгоценности редко сделаны из чистого золота, но почти всегда из сплавов или других позолоченных или не позолоченных металлов; все драгоценные камни изготовляются фабричным способом. Но какое это имеет значение? Разве все эти украшения поэтому менее красивы, разве они меньше украшают головы, которые их носят, разве они менее драгоценны как украшения, в особенности когда все женщины носят их и ни одна из них не может выставить напоказ другие? И все эти икарийки, которые презирают и отвергают всякую условную красоту, всякое пустое тщеславие, ценят только настоящие удовольствия и разумные чувства, разве они поэтому менее рассудительны, менее красивы и менее счастливы?

Ты был бы опьянен, вдыхая те нежные и восхитительные запахи, которыми пропитаны одежды женщин и даже мужчин, ибо икарийцы считают привычку к духам не только удовольствием для себя, но и обязанностью

по отношению к другим. Тебя удивило бы разнообразие их масел и эссенций, их помад и паст,— одним словом, их духов для мужчин, как и для женщин, если бы ты и не знал, что вся страна покрыта цветами и что для них нет ничего легче и дешевле, как иметь духи для всего населения.

Если бы ты попал в республиканскую парфюмерию, тебе показалось бы, что ты находишься во дворце феи.

—

Все имеют одинаковую одежду, а это исключает зависть и кокетство. Но не думай, пожалуйста, что одинаковость исключает разнообразие. Напротив, именно в одежде разнообразие может самым счастливым образом совмещать свои достоинства с выгодами одинаковости. Не только оба пола одеты различно, но и в каждом из обоих полов человек часто меняет одежду соответственно возрасту и положению, ибо особенности одежды указывают все обстоятельства и различия положения отдельных лиц. Детство и юность, возраст половой зрелости и совершеннолетия, положение холостяка или женатого, вдовца или вновь вступившего в брак, различные профессии и разные функции — все это отличается в одежде. Все лица одного и того же положения носят одинаковую одежду, но тысячи различных форм одежды соответствуют тысячами различных положений.

Разница в одежде состоит в разнице материй или цветов и в разнице формы или некоторых особенных признаков.

Прибавь к этому, что если материя или форма бывает одинаковой, например у молодых девушек одного возраста, то цвет может быть различным сообразно их вкусу или желанию, так как один цвет, как ты знаешь, идет лучше блондинкам, а другой — брюнеткам.

Прибавь еще, что для одного и того же лица простая и удобная рабочая одежда и одежда домашняя, элегантное платье для салона или публичных собраний и великолепное платье для праздников или церемоний совершенно различны.

И ты поймешь, что разнообразие костюма должно быть почти бесконечным.

Подумай только, что цветы дозволены лишь начиная с определенного возраста, шляпы, перья, драгоценности, камни, прекрасные материи — для других определенных возрастов, и ты легко поймешь, что республика может производить их в достаточном количестве для небольшого числа лиц этих различных возрастов.

Представь себе теперь все население в полном сборе, в праздничных платьях, в цирках, на гуляньях или спектаклях, и ты поймешь, что ложи парижской и лондонской оперы, так же как и салоны и даже дворы этих двух столиц, не кажутся более блестящими и великолепными и что эти маленькие при-

вилегированные общества являются только пигмеями в сравнении со всем населением Икары.

Рассказывать ли об изготовлении и распределении одежды!

Ты понимаешь, как легко для республики установить необходимое количество сырья, материи и одежды, произвести сырье на своих землях при помощи земледельцев или закупить его за границей, изготовить затем материи в массовом количестве в своих огромных мануфактурах при помощи мощных машин и сшить, наконец, платья в своих огромных мастерских силами рабочих и работниц.

Ты можешь даже догадаться, что форма каждой одежды рассчитана была таким образом, чтобы она могла быть изготовлена наиболее легко, скоро и по возможности экономно.

Почти все платья, головные уборы и обувь эластичны, так что могут подойти нескольким лицам разного роста и объема.

Почти все изготовляются при помощи машин, целиком или частично, так что рабочим остается сделать немного, чтобы закончить их.

Почти все делается в четырех или пяти разных номерах по ширине и величине, так что рабочие не имеют нужды предварительно снимать мерку.

Вся одежда, как и материи, изготовляется в огромных количествах и часто одновременно, а затем она складывается в огромных магазинах, куда каждый может всегда притти

с уверенностью, что тотчас же найдет все необходимые предметы, которые ему полагаются по закону.

Мне нет нужды отмечать для тебя ни совершенство работы, выполняемой машинами или рабочими, которые всегда выделывают одну и ту же вещь, ни поразительную экономию, которая вытекает из этого массового производства, ни огромные потери, которых избегает республика, предупреждая капризные и смешные изменения моды.

Что касается распределения одежды, то каждый магазин имеет таблицу семей, которые он должен снабжать, с указанием количества, которое он должен доставлять. Он открывает счет каждой из них и посылает то, что ей следует, когда она выбрала, что ей подходит.

Чистка и починка составляют труд женщин в каждой семье, но эта работа очень невелика, а стирка, более хлопотливая, лежит на обязанности национальных прачечных.

Суди о прочем по всему тому, что ты теперь знаешь!

И если я хочу кончить пожеланием тебе счастья, то пожелаю тебе, мой дорогой Камилл, скоро иметь такое отечество, как Икария.

Я направился к Вальмору, который назначил мне свидание в часовой мастерской, где работал один из его кузенов. Я привел с собой Евгения.

Нет нужды говорить, что Вальмор хорошо принял моего товарища и показал нам все до последних мелочей.

Это нечто удивительное! Все там собрано вместе — от необходимых материалов, находящихся в первом магазине, до стенных часов, маятников, карманных часов, аппаратов всякого рода, расположенных в последнем магазине, который кажется блестящим музеем.

Специальная часовая мастерская представляет собою здание площадью в тысячу квадратных футов. Все три этажа его поддерживаются железными колоннами, которые заменяют самые толстые стены и позволяют сделать из каждого этажа одну залу, прекрасно освещенную при самой простой системе освещения.

Внизу находятся огромные и тяжелые машины для резки металлов и изготовления вчерне разных частей. Наверху — рабочие, разделенные на столько групп, сколько изготовляется различных частей. Каждый рабочий всегда выделывает одни и те же части. Порядок и дисциплина господствуют среди них в такой степени, что их можно назвать армией солдат.

Приятно видеть также, в каком порядке расставлены полки, привязаны и привешены все инструменты.

Кузен Вальмора объяснил нам весь распорядок работы этой маленькой армии.

— Мы приходим в шесть часов без четвер-

ти,— сказал он,— снимаем свое платье в раздевальне, которую я сейчас покажу вам, и надеваем наше рабочее платье.

Ровно в шесть часов мы по звуку колокола приступаем к работе. В девять часов мы спускаемся на двадцать минут в столовую, чтобы позавтракать молча, пока один из нас громко читает утреннюю газету. В час работа прекращается, и когда все приведено в порядок, вычищено, мы спускаемся в раздевальню, где мы переодеваемся в свои костюмы, чтобы в два часа пойти пообедать вместе с нашими семьями и затем свободно располагать остатком дня.

Я забыл вам сказать, что в первые два часа работы мы соблюдаем строгое молчание, но в течение двух других часов мы можем говорить с нашими соседями, а в течение остального времени каждый поет для себя или для других, которые слушают его, и часто мы поем хором.

Мы вышли, удивляясь этому разумному распорядку, и направились посмотреть роскошный памятник, о котором я буду говорить позже.

Немного спустя после моего прихода к Корилле вошла дама и шесть или семь детей различного возраста, среди которых находилась молодая девушка прелестной наружности.

Вскочить, побежать к ней, снять с нее шляпу и обнять ее — все это для Кориллы было делом одного мгновенья.

— Я имею удовольствие,— сказал отец Вальмора, взяв меня за руку,— представить любезной госпоже Динаме почтенного милорда Керисдолла, о котором ей должен был рассказать ее сын. Он наш друг...

— А следовательно, и наш,— прибавила эта дама самым любезным тоном.

— А я,— сказала в свою очередь Корилла, взяв меня за руку и стараясь говорить торжественно,— имею честь... представить доброго мистера Вильяма злой... [я бы сказал: очаровательной, точно и без меня не видят этого] Динаизе, которая скрывает дьявола под наружностью ангела и расцарапала бы мне лицо, если бы никого не было, чтобы меня защитить.

— Ты никогда не перестанешь сумасбродничать,— ответила мадемуазель Динаиза, покраснев.

Трудно сказать, что испытал я, услышав этот голос: это был голос невидимки! Я чувствовал, что краснею или бледнею. К счастью, пылкие ласки детей, которые бегали от одной к другой, мешали заметить мое смущение.

Но каково было мое замешательство, когда насмешливый Вальмор громко сказал мадемуазель Динаизе:

— Вы узнаете пассажира, который ехал с вами, но вы не знаете, что он сказал о вас...

— А что он сказал? — воскликнула Корилла.

— Что сказал он? — воскликнули все.

— Могу ли я повторить это, Вильям?

— Да, да! —закричали со всех сторон.

— Ну, так вот, он сказал... он сказал, что скрывающаяся под вуалью и шляпкой невидимка была, несомненно, ужасно безобразна.

Это вызвало продолжительный взрыв смеха и град шуток по поводу моего искусства угадывать.

— Я не мог тогда думать,— сказал я, почти пролепетав мои слова,— что наружность человека должна быть красива, когда он обладает таким божественным голосом.

Но мой комплимент показался таким неудачным, что заставил Динаизу еще больше покраснеть; он не помешал Корилле и другим беспощадно повторять: «безобразная», «ужасная», «страшная».

Скоро, однако, занялись музыкой, и Корилла, которая подала пример, пела еще лучше, чем прежде.

Мадемуазель Динаиза не хотела петь, но Корилла так настойчиво и ласково просила ее, что она в конце концов согласилась. Она пела робко и плохо, но таким голосом... голосом, который заставлял меня тихо дрожать с головы до ног.

— Не судите о Динаизе по ее робости,— сказала мне мать Вальмора, около которой я сидел,— она очень умна и образованна; это лучшая из дочерей, сестер и подруг. Она привязана к другим, любит их, мила и обходительна, как никто, она забывает о себе и заботится только о других; она обожает своего

брата Динара, и если бы была менее застенчивой, менее меланхоличной или менее робкой, она была бы так же любезна, как моя Корилла. Семья ее тесно связана с нашей; брат ее — друг детства Вальмора; она первая подруга моей дочери, она любит меня, как свою мать, я люблю ее, как свое дитя, и скоро буду иметь удовольствие дать ей это имя, ибо Вальмор безумно влюблен в нее, родители ее так же желают этого брака, как и мы, и через несколько дней мы назначим день их свадьбы.

— Довольно, довольно,— сказала мне Корилла, приближаясь к нам,— теперь ваша очередь петь, г-н Вильям, одному, или с Динаизой, или со мной, выбирайте. Вы очень счастливы, что я предоставляю вам выбор, но вы будете петь.

Мне не хотелось петь, и я извинился насколько мог лучше.

— Вы мне отказываете,— сказала она,— и никто не присоединяется ко мне, чтобы заставить непокорного! Ну, хорошо! Я отомщу вам всем и распоряжусь вами: завтра мы все поедем смотреть подъем воздушных шаров, и мы подымемся вместе с милордом. Послезавтра мы проведем вечер у госпожи Динаме и будем заниматься музыкой. Милорд изучит эту пьесу во время воздушного путешествия, и если под чистым небом к нему вернется его голос, он в случае счастливого возвращения будет петь один, затем с Динаизой, затем со мной... Так я постановляю, правда, с

согласия доброй госпожи Динаме и с утверждения нашего грозного суверена и господина.

Дедушка и госпожа Динаме засмеялись, мать назвала ее сумасбродкой, мадемуазель Динаиза, казалось, была на нее сердита, но дети аплодировали, прыгая от радости, и вопрос об увеселительных прогулках был решен.

Глава девятая

ЖИЛИЩЕ. ОБСТАНОВКА

Я писал письмо в Англию, когда вошел Евгений, чтобы пригласить меня осмотреть внутренний вид дома одной знакомой семьи, хозяйка которого обещала ему показать его во всех деталях. Я принял его предложение, и мы вышли.

Жилище

Зная, что Икар установил образцовый план дома после совещания с жилищным комитетом и всем народом, после того как исследовал дома различных стран, я ожидал найти дом, совершенный во всех отношениях, в особенности с точки зрения удобства и чистоты. И все же мои ожидания были превзойдены.

Я буду говорить здесь не о внешнем виде и не о том, что касается украшения улицы и города, но о том, что интересует жильца дома.

Здесь было собрано все, что можно представить себе необходимого и полезного и даже приятного.

Каждый дом имеет четыре этажа (не считая партера), каждый в три или четыре или пять окон шириною.

Под партером находятся погреба, погребки, дровяные и угольные сараи, пол которых на пять или шесть футов ниже, чем тротуар, а свод на три или четыре фута выше. Хозяйка объяснила нам, каким образом дрова, уголь и все остальное доставляется машинами от возов до этих подземных помещений без прикосновения к тротуару и без загрязнения его. Она показала нам затем, как все эти предметы поднимаются в корзинах или вазах через отверстия в своде до самой кухни и верхних этажей при помощи небольших машин, которые делают ненужным употребление человеческой силы.

В партере нет никаких лавок, нет помещения для швейцара, нет конюшен, сараев, ворот, ни вестибюля, ни двора, зато мы находим там столовую, кухню и все необходимые для нее помещения, небольшую приемную, которая служит библиотекой, ванную с домашней аптечкой, маленькую мастерскую для мужчин и другую для женщин, со всеми инструментами, в которых имеется нужда в хозяйстве, небольшой птичий двор, кладовую для садовых орудий и сад, расположенный за домом.

В первом этаже помещается большой салон, где находятся музыкальные инструменты. Остальные комнаты первого этажа, равно как и комнаты других этажей, представляют спальни или помещения, назначенные для всякого иного употребления.

Все окна открываются внутрь и снабжены балконами.

Все расположено так, чтобы сделать лестницы удобными и изящными, не отводя для них слишком много места.

— Какой прекрасный вид! — воскликнул я, поднявшись на террасу, окруженную балюстрадой и обсаженную цветами. Она как бы окружает дом венком и образует еще другой прелестный сад, из которого открывается великолепный вид.

— В хорошие летние вечера,— сказала хозяйка,— почти все семьи собираются на своих террасах, чтобы подышать свежим воздухом. Они там поют, занимаются музыкой и ужинают. Вы это увидите. Это нечто очаровательное!

Другая маленькая терраса, украшенная цветами поверх нависающей над тротуаром галлереи, и цветы почти на всех балконах еще более усиливают привлекательность жилища и наполняют окружающий воздух благоуханием.

Дождевая вода, спускающаяся с террас, не причиняет никаких неудобств; собираемая в резервуаре или цистерне, она используется так же целесообразно, как источник

и колодцы, из которых легко черпают воду при помощи насосов.

Мы — Евгений и я — удивлялись также устройству каминов и системе отопления, распространяющей всюду, с соблюдением величайшей экономии, одинаковую и мягкую теплоту с полной гарантией от дыма и пожаров.

— Эти две маленькие статуи, которые вы видите на камине, республика присудила изобретателям средств против пожаров и дыма. Посмотрите, как все скомбинировано в конструкции здания и в выборе материалов, чтобы охранить их от огня! Вот почему мы почти не знаем пожаров ни в наших домах, ни в мастерских, и если вспыхивает пожар, то его почти мгновенно тушат. Говорят даже, что уже нашли средство, чтобы в случае надобности делать дерево и материю несгораемыми.

— Посмотри,— сказал мне Евгений,— двери и окна двигаются без всякого шума на шарнирах, плотно закрываются и совершенно преграждают доступ внешнему воздуху.

— И, несмотря на это,— сказала хозяйка,— вы видите, как, не открывая дверей и окон, мы прекрасно вентилируем все наши помещения при помощи этих отверстий, которые выходят наружу и закрываются или открываются по желанию!

Но в особенности удивила меня система, придуманная для соблюдения чистоты, а также система, ставившая целью освобожде-

ние женщины от всякой тяжелой и грязной работы в домашнем хозяйстве.

Для соблюдения чистоты приняты все меры. Нижние части помещений, больше всего подвергающиеся загрязнению, покрыты оглазуренным фаянсом или краской, которая не допускает грязи и легко моется. Питьевая и непитьевая вода, получаемая из высоких резервуаров и поднимающаяся до верхней террасы при помощи труб и кранов, распределяется по всем этажам и даже по всем комнатам или спускается машинами для мытья, тогда как грязная вода и нечистоты, нигде не застаиваясь и не распространяя никакого дурного запаха, уносятся широкими подземными трубами, которые проведены под улицами. В местах наиболее зловонных техника потратила особенно много усилий, чтобы изгнать из них все неприятное, и одной из самых красивых статуй, присужденных республикой, является та, которую можно видеть во всех домах над дверью маленького очаровательного кабинета: она должна увековечить имя женщины, которая изобрела средство для устранения неприятных запахов.

Даже грязь, которую ноги могут принести с собой извне, составляет предмет особого попечения. Независимо от того, что тротуары в высшей степени чисты, устроено бесконечное множество мелких приспособлений, чтобы грязные ноги не пачкали комнаты и даже порог двери и лестницу, между тем

как воспитание приучает детей к соблюдению чистоты как одной из первых обязанностей. Мусор и всякие отбросы складываются таким образом, что если их нельзя использовать как удобрение для сада, то можно убрать, не испытывая к этой операции отвращения и не тратя на нее большого труда.

Что касается хозяйства, которое должно вестись в каждой семье не слугами, а женщинами и детьми, то я не переставал удивляться той заботливости, с какой республика устраняет из домашних работ все, вызывающее утомление и отвращение.

— Подметать не представляет почти никакого труда,— сказала мать семейства,— а другие работы еще менее утомительны. Не только воспитание и общественное мнение приучают нас, женщин, выполнять наши обязанности без стыда и раздражения, но они делают для нас эти обязанности приятными, беспрерывно напоминая нам, что это единственное средство пользоваться неоценимым преимуществом обходиться без наемных людей в обслуживании нас и наших семей.

К тому же благодаря нашему доброму Икару и нашей возлюбленной республике все помыслы наших мужей постоянно устремлены к цели — сделать нас счастливыми и упростить наши домашние работы. Завтрак и обед, две главных трапезы, происходят вне дома и приготовляются общественными поварами, тогда как пошивка всей нашей одежды, мужской и женской, а также стирка белья выполняются

мастерскими республики, так что нам приходится заботиться только о содержании в порядке одежды и о приготовлении самых простых блюд для двух трапез, требующих лишь наиболее приятной кухонной работы.

А наша кухня — посмотрите ее. Обратите внимание на плиту, печь, краны для холодной и горячей воды и на все эти маленькие инструменты и орудия. Скажите мне, можно ли себе представить что-нибудь более чистое и более удобное, и разве не правда, что архитектор, который все это так построил, чтобы мы любили свои работы, столь же остроумен, сколь и галантен!

Поэтому наши молодые девушки любят петь чудесную песню в честь молодого и галантного строителя кухонь.

— Но главная заслуга принадлежит не архитектору,— заметил Евгений,— а республике, этому самому отеческому правительству или самой нежной из матерей, которая все устроила к благу и удовольствию своих детей. Несчастная Франция!..

— Вы правы, мой дорогой друг,— прибавил я сейчас же, чтобы прервать его и предупредить повторение его патриотического энтузиазма.

— Да,— сказала хозяйка,— если бы наша республика подверглась когда-либо нападению наших мужей, мы немедленно развелись бы с ними, старые и молодые, мы стали бы ее защищать! Вы имели бы даже удовольствие слышать, как наши дочери каждое утро

клянутся сделать это в другой песне, ибо они работают по хозяйству или в мастерских всегда при звуке песен (так все мы счастливы), и вы можете верить, что их платье хозяек и работниц нравится им больше, чем платье для праздников или отдыха.

Таков дом в Икарии! И все дома города внутри абсолютно одинаковы, и каждый дом занят только одной семьей.

Но дома имеются трех размеров — в три, или четыре, или пять окон в ряд для семей, насчитывающих меньше двенадцати, двадцати пяти или сорока человек. Когда семья более многочисленна (что случается часто), она занимает два небольших дома, сообщающихся при помощи внутреннего хода; так как все дома одинаковы, то соседняя семья обыкновенно охотно уступает свой дом, чтобы занять другой, или коммунальное должностное лицо принуждает ее к этому в случае отказа, если многочисленная семья не может найти два свободных смежных дома.

В этом случае, ввиду того, что обстановка абсолютно одинакова, как и дома, каждая семья уносит с собой только личные вещи и покидает свой вполне благоустроенный дом, чтобы занять другой, столь же благоустроенный.

Эти перемены жилья, впрочем, так редки, что республика избегает огромной потери мебели и труда, вызываемой в других странах перемещением и перевозкой всего движимого имущества в постоянных переездах с одной квартиры на другую.

Но самый остов дома или его расположение — это только одна часть, и, чтобы получить полное представление об икарийском жилье, нужно еще рассмотреть его обстановку.

Обстановка

В отношении обстановки сохраняют свою силу те же самые правила: все необходимое, все полезное (что мы называем комфортабельным) и, поскольку возможно, приятное; во всем предусмотрительность и рациональность.

Поэтому всюду можно видеть паркеты и ковры, всюду вместо острых выступов и углов округленные формы для того, чтобы избежать несчастных случаев с детьми, а также и со взрослыми. Дверцы шкафов так герметически закрываются, что пыль не может в них проникнуть. Вообще, как заметила хозяйка, по отношению к мебели заботливо приняты такие меры, что пыль не может сесть на нее, или же пыль легко ежедневно сметать.

Эта милая дама объяснила нам также с некоторой гордостью, что все выступы и углубления (например, образуемые стенами или панелями) заботливо покрыты гипсом или мастикой и всюду округлены, для того чтобы их легче было чистить.

Она показала нам также с видимым удовлетворением все меры предосторожности, принятые для предохранения жилищ от вся-

ких насекомых, которыми они некогда изобиловали, к прискорбию обитателей, и я должен признать, что все эти маленькие меры предосторожности понравились мне столько же, сколько самые большие красоты квартир.

Все эти квартиры снабжены стенными и простыми шкапами, буфетами, полками и т. д. Стены устроены так, что эта мебель неподвижна; она вделана в них, прислонена или прилажена к ним и состоит только из внутренних отделений или ящиков с дверцами спереди и, иногда, с полками сверху, что обеспечивает огромную экономию труда и материала.

Все стены обиты обоями или материей или разрисованы, покрыты лаком и снабжены плакатами в рамках, содержащими не картины, а весьма поучительные прекрасные наставления из области общеполезных знаний.

Плакаты в кухне, например, указывают наиболее обычные рецепты, так что кухарка может в них сейчас же найти необходимые ей указания, не обращаясь к большой книге. В ванной плакаты указывают температуру, время и т. д., необходимые для пользования ванной. В комнате кормилицы плакаты напоминают с одного взгляда обо всех необходимых мерах предосторожности для кормилицы и ее питомца. В комнате детей плакаты указывают все, что они должны делать в течение дня. Но в этих рамках очень мало гравюр или картин, так как каждый может в

национальных музеях и в общественных зданиях видеть коллекции картин, гравюр и статуй.

Все кровати — из железа, спальни меблированы очень просто, хотя и содержат все необходимое, а также особые уборные для мужчин и женщин.

Столовая и небольшая приемная убраны лучше, ванная комната очаровательна, а гостиная великолепна.

Мы знали, что всякая часть мебели в комнатах, спальне, столовой и т. д., находящаяся в доме, допущена законом, изготовлена и доставлена по распоряжению правительства и каждая семья имеет нечто вроде атласа или большого портфеля, в котором содержится список этой «законной» движимости с гравюрами и эстампами и описывается вид и качество каждого предмета. Мы пожелали видеть эту любопытную книгу и пробежали ее с таким же интересом, как и удовольствием.

— Каждый предмет из этой мебели,— сказала нам хозяйка,— был выбран из тысяч такого же рода и принят по конкурсу соответственно рисунку-образцу. Предпочтение отдано было наиболее совершенному с точки зрения удобства, простоты, экономии времени и материала, наконец, изящества и красоты. И результаты налицо!

Мы были, действительно, очарованы всем, что нас окружало. В коврах, обивке, обоях, мебели разного рода, одним словом, всюду, мы с удивлением замечали простоту, изяще-

ство и вкус в выборе цветов, рисунков и форм.

И еще больше удивляло меня то, что во всей этой мебели блистали самые ценные материалы, все металлы, золото и серебро, мрамор и камни, фарфор и всякого рода глины, кристаллы и стекла, дерево всех видов, материи разных качеств и разного цвета,— одним словом, всякие минеральные, растительные и животные продукты.

Когда я на каждом шагу выражал свое изумление, Евгений сказал мне:

— Я сперва удивлялся, как и вы, но мне объяснили, что все материалы, добываемые из недр Икарии, в глазах республики одинаково ценны, если она имеет их в изобилии, и республика, например, доставляла бы семьям лопаты из золота и серебра, столь же охотно, как лопаты из железа, если бы все три металла были одинаково распространены. Она делит все золото и серебро между гражданами, как она делит между ними железо и свинец. Когда какое-нибудь вещество слишком редко встречается, чтобы его можно было дать всем, его не дают никому, и если оно полезно или приятно, то его используют только для общественных зданий.

— Так вот,— продолжал он,— не понимаете ли вы теперь, как и я, что драгоценные предметы, собранные некогда в дворцах королей и аристократии, имеются в достаточном количестве, чтобы каждый дом получил свою долю?

— Заметьте, между прочим,— продолжала хозяйка,— что лёгированное золото и серебро, искусственные кристаллы и сфабрикованные камни в наших глазах так же хороши и прекрасны, как и чистое золото и серебро, алмазы и драгоценные камни, и республика имеет достаточно сплавов и смесей, чтобы доставить их каждой семье в нужном количестве. Таким образом, зеркала, кристаллы, стекла, люстры, бронза, алебастр и гипс, искусственные цветы и духи,— одним словом, все, что республика добывает или производит, все она делит между гражданами. И заметьте, как совершенно все, что касается освещения! Не только наши лампы, наши сальные свечи и наш газ не распространяют никакого дурного запаха, но наши масла, наши восковые свечи и все наши другие материалы парфюмированы, и все вместе чаруют обоняние и зрение, не утомляя их.

Внимательно рассмотрите и наш салон.

Хотя я видел уже такие салоны, я был, однако, поражен, осмотрев его с большим вниманием во всех деталях. Не буду перечислять здесь всех его удобств и красоты и ограничусь лишь утверждением, что ни в одном дворце я не видел ничего более изящного, более элегантного и великолепного.

— И все дома в Икарии похожи на этот!— воскликнул восторженно Евгений.— Счастливая страна!

— И это однообразие не утомительно,— прибавил я.

— Прежде всего, это бесценное благо,— сказала хозяйка,— даже необходимость и является основой всех наших учреждений; затем оно комбинируется с бесконечным разнообразием в каждой части. Посмотрите: в этом доме, как и во всех других, вы не увидите двух комнат, двух дверей, двух каминов, двух ковров, которые были бы похожи друг на друга, и наши законодатели сумели соединить все привлекательные стороны разнообразия со всеми выгодами однообразия.

Мы ушли, вполне очарованные, поблагодарив хозяйку за ее любезную предупредительность и поздравив ее с тем, что она является членом такого разумного и счастливого народа.

Я с нетерпением ждал полета на управляемых воздушных шарах, а Евгений, которому я предложил пойти со мной, горел не меньшим нетерпением увидеть мадемуазель Динаизу. Но представьте себе мое разочарование, когда, придя к Вальмору, я узнал, что мадемуазель Динаиза не может притти, она не может нас принять даже завтра, а только на третий день, Корилла же находится у своей подруги и тоже не может пойти с нами. Мы отправились одни, Евгений, Вальмор и я, и не знаю, кто из нас больше всех досадовал, хотя мы все, казалось, философски покорились своей судьбе.

— Как это возможно,— спрашивал я по пути Вальмора,— управлять шаром в воздухе?

— А разве не говорили то же самое,— ответил Вальмор,— до изобретения кораблей, компаса, до открытия Америки, введения оспопрививания, до изобретения громоотвода, садовых машин, воздушных шаров и тысячи других вещей?

— Нужно было найти точку опоры, и казалось невозможным найти ее в воздухе. Но ведь говорили также, что необходимы вещи, которые невозможно открыть, и все же их открывали. А затем, кто может сказать, что безусловно необходима точка опоры? Или кто может сказать, что эта точка опоры не может быть найдена в воздухе? Конечно, можно сказать, как скажет слепой: «Я не вижу солнца». Но точно так же, как слепой был бы неправ, говоря: «Нет солнца», так никто не имеет права сказать: «Невозможно управлять воздушным шаром».

— Но,— сказал Евгений,— теперь это уже не проблема, ибо мы сейчас увидим, что можно управлять воздушным шаром по своей воле.

— Сначала было много несчастных случаев,— прибавил Вальмор,— как и с паровыми машинами и даже с паровыми повозками. Многие шары сгорели, или были разбиты молнией, или спускались слишком быстро, или падали на острые возвышения или в море, многие воздухоплаватели погибли, но наши ученые были так убеждены, что дело кончится успешно, что республика предоставила в их распоряжение все средства, чтобы

возобновить опыты. В результате всех этих опытов случай помог открыть то, что начинали считать невозможным. Найдено было средство разрешить все трудности, и вот уже два года, как воздушное путешествие является не только самым скорым и самым приятным, но и таким, которое представляет менее всего риска и опасности.

Когда он заканчивал свои объяснения, мы прибыли на место. Какое зрелище! В огромном дворе, наполненном зрителями, пятьдесят колоссальных воздушных шаров, из которых каждый в своей украшенной различными цветами гондоле вмещал от сорока до пятидесяти человек, ожидали начала отправления, как пятьдесят почтовых карет или пятьдесят дилижансов.

По сигналу, данному рожком, пятьдесят шаров величественно поднимаются среди взаимных приветствий пассажиров и зрителей, при звуках рожков, которые слышны еще некоторое время вверху. Затем, достигнув определенной высоты, различной для каждого из них, они выбирают себе разные направления и исчезают, как ветер, но еще долгое время за ними можно следить с помощью сотен направленных на них телескопов.

— Их направляют по желанию,— сказал мне Вальмор,— направо или налево, вверх или вниз, замедляют или ускоряют их полет. Они останавливаются и часто спускаются в городах, расположенных на их пути, чтобы высадить пассажиров или взять других.

Говорят даже, что они скоро возьмут на себя перевозку почтовой корреспонденции. Прибавляют еще, что ими будут пользоваться вместо телеграфа.

В это время мы услышали крик: «Вот он!» Это был шар из Моры, прибытия которого ждали; он уже виднелся, как точка, на горизонте.

Мы его скоро увидели над нашими головами. Он сделал поворот и медленно опустился на землю, высадил пассажиров и выложил пакеты.

Никогда не забуду я впечатления, которое произвел на меня вид этих прибывающих и отбывающих шаров. Размышления, которые оно породило, вызвали во мне состояние, похожее на экстаз. Мне казалось, что это сон, и я, должно быть, был похож на безумного.

— Эта новинка сначала произвела на всех такое же впечатление,— сказал Вальмор.— Теперь это зрелище удивляет нас не больше, чем вид пароходов или вагонов без лошадей, которые мы видим каждый день. Но что скажете вы, когда вы через несколько дней увидите воздушное празднество!

— Я слышал даже,— сказал Евгений,— что вы имеете подводные суда, которые двигаются в воде, как воздушные шары в воздухе.

— Это правда: мы нашли средство подражать механизму рыб, как и механизму птиц, и передвигаться в воде, пробегая все глубины, как мы передвигаемся в воздухе, пробе-

гая все высоты. Вы прочтете описание наших подводных и воздушных путешествий, и вы увидите, что море представляет удивленному взору людей почти столько же чудес, сколько небо и земля. Вы будете одинаково удивлены,— я убежден в этом,— когда вы узнаете все наши другие открытия за последние пятьдесят лет и все чудеса нашей промышленности.

— Но так как вы хотите,— прибавил он, обращаясь ко мне,— чтобы мы руководили изучением вами нашей страны, то я приглашаю вас сперва хорошо ознакомиться с нашей системой воспитания. Динар, который обещал вам объяснить ее, поручил мне сказать вам, что завтра он будет в вашем распоряжении, и если случайно господин Евгений пожелает вас сопровождать, то я уверен, что наш друг имел бы такое же удовольствие видеть его, какое я испытал, познакомившись с ним.

Глава десятая

ВОСПИТАНИЕ

Так как Евгений получил приглашение, помешавшее ему пойти вместе со мной, я отправился один к Динару.

— Вы, значит, желаете, милорд,—сказал он мне,— ознакомиться во всех деталях с организацией и состоянием нашей счастливой страны и хотите начать с воспитания. Вы вполне правы, ибо воспитание является для нас основой и фундаментом всей нашей социальной и политической системы, и именно ему народ и его представители посвятили, быть может, наибольшее свое внимание.

Вспоминаю прежде всего, что в эпоху нашего возрождения многочисленный комитет подготовил организацию общественного воспитания, изучив предварительно все древние и новые системы и собрав все мнения.

Затем закон регулировал различные виды воспитания (физическое, умственное, нравственное, профессиональное и гражданское) и для каждого из этих видов — предметы вос-

питания, время и порядок учебы и методы преподавания.

Все икарийцы, без различия пола и профессии, получают одинаковое общее, или элементарное, воспитание, охватывающее элементы всех человеческих познаний.

Все лица, работающие по одной и той же промышленной или научной профессии, получают, кроме того, одинаковое специальное, или профессиональное, образование, включающее всю теорию и практику этой профессии.

Воспитание разделяется на домашнее, которое проводится родителями в семье, и общественное, или общее, вверенное народным учителям в общественных школах.

Вы сами понимаете, что республика может легко найти любое число нужных ей воспитателей или воспитательниц, потому что учительство считается самой почетной профессией, если принять во внимание, что оно наиболее полезно для общества и наиболее влияет на общее благосостояние.

Вы поймете также, что эти учителя могут легко приобрести в учительских семинариях все желательные знания и практическую сноровку, а в особенности искусство терпения, мягкости и отеческой доброты. Но вам трудно самому разобраться, и я должен вам тут же объяснить вот что: за последние пятьдесят лет в результате абсолютно одинакового воспитания для всех, каждый приучался передавать приобретенные им познания другим, и теперь нет отца, который не

был бы в состоянии воспитать своих сыновей, матери, которая не была бы способна воспитать своих дочерей, нет брата или сестры, которые не были бы достаточно обучены, чтобы обучать своих младших братьев или сестер. Нет даже просто мужчины или женщины, которые в случае нужды не могли бы воспитать своих более молодых соотечественников.

Я начинаю теперь с физического воспитания, которое мы считаем основой всех других видов воспитания.

Физическое воспитание

Комитет все предвидел и все обсудил; народный закон все регулировал.

Вам надо с самого начала знать, что республика заботится о своих детях не только со времени их рождения, но даже и в период беременности их матерей.

Сейчас же после брака молодые супруги обучаются всему, что они должны знать в интересах матери и детей, так как республика распорядилась, чтобы были составлены сочинения по анатомии, гигиене и т. п., и открыла необходимые для этого курсы.

Новые инструкции на время беременности указывают все предосторожности, которые мать должна принимать для себя и будущего ребенка.

Роды происходят в присутствии членов семьи и почти всегда нескольких акушерок.

Врачи постоянно составляют новые инструкции, указывающие в мельчайших деталях все, чего требует здоровье матери и физическое состояние ребенка.

Не думайте, что хотя бы одна женщина не знает того, что она должна знать. Так как создание для республики возможно более совершенных и счастливых детей считается наиболее важной из всех общественных функций, то конституция ничего не упускает для того, чтобы воспитание сделало матерей способными в совершенстве выполнять эту функцию.

Нет ничего интереснее курсов материнства, которые читаются специально подготовленными для этого матерями семейств для будущих молодых матерей, счастливых тем, что они несут в себе первый плод самой чистой любви, ибо только в период беременности они посещают эти курсы, на которых могут присутствовать из мужчин только их мужья.

Там обсуждаются тысячи вопросов, относящихся не только к кормлению ребенка и отнятию его от груди, прорезыванию зубов, обучению ходьбе, его питанию, одежде и купанию, но и к развитию и усовершенствованию каждого его органа, так как мы убеждены, что ребенок может быть известным образом так же сформирован, как и растения и животные, и что пределы усовершенствования человеческого рода еще неизвестны.

Я прибавлю, забегая вперед, что так как на матери лежит воспитание ребенка до пяти лет, то ее инструктируют также по всем

вопросам, касающимся умственного и нравственного воспитания.

И мы придаем такое значение этому начальному воспитанию, проводимому матерями под руководством отца, что республика издает журнал для матерей, где печатаются все полезные указания. Судите, сколько собирается указаний такого рода, когда все женщины и все мужчины достаточно обучены, чтоб делать их!

Вы замечаете уже, что, в то время как прежде наши женщины и мужчины были только большими детьми, неспособными воспитать других, наши матери и отцы теперь являются женщинами и мужчинами, достойными этого имени и вполне способными вести воспитание своих семей и сделать из детей настоящих мужчин и настоящих женщин.

Следствия этого первого большого нововведения неисчислимы, и вы найдете еще массу нововведений такого же рода.

Если ребенок рождается больным или уродливым, то ему оказывается всяческая помощь на-дому у матери или, в случае необходимости, в специальной лечебнице, и мало таких болезней или уродств, которых врачебное искусство не могло бы излечить или исправить при помощи недавно изобретенных искусных инструментов, доставляемых республикой, никогда не останавливающейся перед расходами.

Бесполезно говорить вам, что мать всегда сама кормит своего ребенка, и в тех редких

случаях, когда она не может выполнять этот долг и наслаждаться этим счастьем, всегда находится достаточно родственниц, или подруг, или соседок или согражданок, которые с удовольствием соглашаются стать второй матерью ребенка. Для этой цели коммунальное должностное лицо и акушерки имеют всегда список всех женщин, которые в случае нужды способны заменить мать.

Мать не покидает своего ребенка ни во время кормления, ни после него. Она всегда имеет его перед глазами, она окружает его нежностью и, как благодетельная богиня устраняет все несчастные случайности, которым подвергали ребенка некогда наемные руки.

Если бы вы знали, как заботятся и ухаживают все окружающие за нашими матерями во время беременности и кормления, как их почитают и уважают, как спокойны они, без забот,— одним словом, как счастливы и какое хорошее молоко приготовляют детям их счастье и здоровье!

Вы не можете себе представить все открытия, которые сделаны за последние сорок лет в области воспитания детей, все улучшения, введенные за это время, все старания, которые пускают в ход теперь матери, чтобы развить физическую силу и красоту, совершенство зрения, слуха, рук и ног детей!

Посмотрите на наших детей! Видели ли вы где-нибудь более красивых, более сильных и лучше сложенных? И если вы сравните наши

различные поколения со времени нашей счастливой революции, то увидите, что наше население непрерывно улучшалось и совершенствовалось.

Со дня рождения ребенка мать старается привить ему все физические навыки, которые впоследствии пригодятся ему.

С трех до пяти лет все дети с одной улицы, мальчики и девочки, вместе играют и гуляют под надзором своих матерей или некоторых из них.

С того момента, когда ребенок достаточно окреп, начинаются в родительском доме, а затем в школе все гимнастические упражнения, заботливо установленные законом, чтобы развить и усовершенствовать все члены и органы тела.

Все игры ставят себе целью развить грациозность, силу и здоровье.

Хорошо ходить, бегать, прыгать во всех направлениях, карабкаться, взбираться, спускаться, плавать, ездить верхом, танцовать, кататься на коньках, фехтовать, проделывать, наконец, военные упражнения,— все эти упражнения и игры укрепляют тело и совершенствуют его. Некоторые производственные и земледельческие работы, самые простые, дают тот же эффект и доставляют то же удовольствие.

Я сказал сначала — хорошо ходить (т. е. ходить легко, с грацией и долго), потому что в наших глазах — это талант, и талант первой необходимости, которому мы учимся с детства,

присоединяя к нему затем танцы и разного рода упражнения. Все прогулки школьников почти всегда носят военный характер.

И большинство этих упражнений обязательно для девочек, как и мальчиков, даже плаванье и верховая езда с подходящими упражнениями.

Наблюдайте нашу молодежь и все население, когда дети, мужчины или женщины ходят одни, или парами, или группами! Разве не правда, что наши мужчины совмещают гибкость с силой, а женщины — грацию с здоровьем? Вполне естественно, что от них должны рождаться поколения детей более крепких и более красивых, чем их отцы и матери.

Но вы увидите, что наше умственное воспитание ни в чем не уступает физическому.

Умственное воспитание

Нет нужды повторять вам, что и в этой области тоже все было предусмотрено и обсуждено комитетом и предписано народом или законом.

Вы не забыли также, что либо книги, либо курсы материнства обучают молодых супругов хорошо воспитывать детей.

Однако вы не можете себе представить заботливость, с которой во всех семьях республики наблюдают, изучают, культивируют развитие ума! Если бы вы видели, с какой настойчивостью и удовольствием, в особенности в первые годы детства, мать постоянно, а

отец после работы, занимаются воспитанием своего ребенка и соревнуются, лаская его!

Так, еще раньше, чем он научится выражать свои мысли, ребенок обнаруживает поразительную понятливость, которая позволяет ему приобрести массу положительных сведений, часто меня поражавших.

До пяти лет проводится домашнее воспитание, и в течение этого времени матери и отцы обучают детей родному языку, чтению, письму и множеству положительных и практических сведений.

Всегда именно мать требует для себя чести и славы дать как сыну, так и дочери первые элементы человеческих знаний. Каждая икарийская женщина всегда готова ответить, как мать Гракхов, [15] указав на своих детей «Вот мои драгоценности!»

В пять лет начинается общественное воспитание, до семнадцати и восемнадцати лет совмещающееся с домашним, ибо дети отправляются в школу только в девять часов, после завтрака, а возвращаются в шесть часов, после учения и двукратного приема пищи в школе.

Как и все остальные члены семьи, дети всех возрастов встают в пять часов.

До восьми часов с половиной дети под руководством старших занимаются хозяйством, туалетом и уроками.

Вечером, по возвращении, они находятся в семье и распределяют свое вечернее время между прогулкой, играми, беседой и урока-

ми, но все так рассчитано и согласовано, что всегда является частью воспитания.

Ребенок затем приучается хорошо читать вслух, хорошо произносить, а позже он проходит курс декламации, чтобы быть в состоянии доставить удовольствие другим, прочитав какой-нибудь отрывок — исторический, политический, драматический, или речи оратора.

Таким образом, в то время как прежде трудно было найти одного человека на тысячу, который умел бы хорошо читать и хорошо говорить, вы теперь не найдете ни одного на тысячу, кто не мог бы этого делать. Вы услышите наших детей, наши беседы, наших профессоров, наших священников, наших врачей, наших ораторов и наших актеров!

Ребенок учится также письму под руководством своей матери, и с того момента, как он научился писать, не допускают, чтобы он писал неразборчиво. Таким образом, вы увидите, что многие икарийцы пишут очень хорошо, многие (имеющие специальность копиистов) пишут великолепно; но вы не найдете ни одного неразборчивого почерка, ибо, по нашему мнению, нет ничего легче, как писать разборчиво, а потому ничего более непростительного, как неуменье делать это, а также нет ничего более смешного и более дерзкого, чем писать свое имя, адрес или письмо таким манером, что другие лишь с великим трудом могут разобрать написанное.

Наш язык так правилен и легок, что мы усваиваем его незаметно, и менее месяца

достаточно, чтобы хорошо усвоить его правила и теорию под руководством наставника, который не столько занимается простым изложением грамматики, сколько заставляет своих учеников составлять ее.

Литература является более поздним занятием, точно так же как и ораторское искусство. Но как только ребенок научился писать, мать приучает его сочинять коротенькие письма и небольшие рассказы для отсутствующих родных и товарищей. Она приучает его также рассказывать устно, отвечать, спрашивать и даже дискутировать.

Вас удивила, как мне показалось, плавность, с которой наши дети рассказывают что-нибудь, но вы были бы еще более удивлены, если бы знали плавность и грацию их письменных рассказов.

Что касается изучения латинского, греческого и других древних и живых иностранных языков, то мы не хотим, чтобы наши дети теряли на эту скучную учебу драгоценное время, которое может быть употреблено более полезным образом.

Наши ученые могут найти в наших публичных библиотеках все иностранные произведения, древние и новые, мы находим там также переводы всех этих произведений, по крайней мере наиболее полезных, и, следовательно, мы можем использовать опыт всех времен и всех народов, не зная их языков.

Что касается изучения этих языков только с филологической и литературной точки зре-

ния, то это такое слабое преимущество, когда есть столько других вещей, более полезных для изучения, и в особенности когда владеешь таким совершенным языком, как наш, что мы считаем чудовищной нелепостью старый обычай тратить все время молодости на изучение греческого и латинского. Мы даже убеждены, что наши старые тираны навязывали эти бесполезные занятия, чтобы помешать своим подданным учиться.

Мы, однако, имеем известное число молодых людей, которые изучают древние языки и иностранные, но к ним принадлежат лишь те, кто превращает это в профессию, как переводчики, толкователи, профессора, ученые и путешественники, посылаемые республикой в чужие страны.

Изучение этих языков является, следовательно, профессией, и эта профессия, как и все другие, составляет часть специального воспитания, которое начинается с восемнадцати лет.

Технический чертеж — одно из первых занятий ребенка, поэтому нет молодого человека или молодой девушки, которые не могли бы зарисовать какой-нибудь предмет, нет рабочего, нет работницы, которые, имея карандаш и альбом, не были бы способны набросать чертеж, выражающий их мысль. Вы не можете исчислить всего влияния рисования на развитие вкуса, искусства и промышленности.

Что касается живописи, гравюры, скульп-

туры и всех остальных искусств, то это профессии, которые впоследствии являются предметом специального изучения.

Уже очень рано детям преподаются элементы естественных наук, геологии, географии, минералогии, истории животных и растений, физики, химии, астрономии.

Судите, каким должен быть народ, который, вместо пустяков старого воспитания, владеет в полном составе элементами этих великолепных наук!

Только после всех этих занятий детям говорят о религии и божестве.

Элементарное исчисление и геометрия также преподаются, а потому нет ни одного икарийца, который не умел бы считать, измерять и даже снимать планы.

Вы знаете, что вокальная и инструментальная музыка также составляет предмет общего воспитания, и каждый обучается ей уже с детства. Поэтому все у нас — мужчины и женщины, дети и старики — музыкальны, тогда как прежде мы имели почти только иностранных музыкантов. Вам трудно представить себе счастливые следствия этой музыкальной революции!

Изучение элементов сельского хозяйства, механики и промышленности также составляет часть нашего общего воспитания.

И все это элементарное воспитание почти одинаково как для девочек, так и для мальчиков, хотя часто в отдельных школах и с различными учителями.

И наши девушки хорошо отомстили за то презрительное мнение, которое существовало о них некогда, будто их умственные способности ниже способностей их братьев, ибо они почти во всем соперничают с ними, и если есть некоторые науки, в которых вообще отличается мужчина, то есть и некоторые другие, в которых пальма первенства, повидимому, принадлежит женщинам.

Судите теперь, если вы можете, о благодетельных последствиях этой революции в воспитании женщин!

Вы восхищаетесь каждый день изысканным вкусом наших икариек и в их украшениях и во всем, что выходит из их рук. Но что значит эта грация и ум в сравнении с выдающимися талантами, которые ставят многих наших женщин в первом ряду в медицине, педагогике, красноречии, литературе, изящных искусствах и даже астрономии! [16] Если бы Динаиза не была моей сестрой, я сказал бы вам, что ее ум и образование гораздо выше прелести ее лица. Да, мой дорогой, мы не можем оспаривать у них венец красоты, а эти очаровательные повелительницы оспаривают у нас венец ума!

В семнадцать лет для девушек и в восемнадцать для юношей начинается специальное и профессиональное воспитание с целью дать каждому все теоретические и практические познания, необходимые для преуспеяния в научной или промышленной профессии.

Но общее воспитание еще не прекращается, ибо только тогда начинается изучение элементарных курсов литературы, всеобщей истории, анатомии и гигиены, так же как и полных курсов материнства, о которых я говорил вам, и все то, что входит в область гражданского воспитания.

Изучение всех этих курсов, обязательных для всех молодых людей, продолжается до двадцати и двадцати одного года; их проходят после дневного труда.

Но воспитание не заканчивается и после двадцати одного года, ибо республика устраивает много курсов для лиц всякого возраста, например курс истории человека.

Журналы и книги (ибо мы умеем учиться и самостоятельно при помощи хороших книг) опять-таки являются средством образования, которое длится всю жизнь. Хотя это дополнительное образование и необязательно, все же очень мало найдется таких икарийцев, которые жадно не стремились бы к нему и не хотели бы говорить, подобно древнему философу: «Я учусь, старея».

Но как можем мы усвоить столько вещей? А вот как.

Метод преподавания

Мы желаем сообщить ребенку как можно больше сведений, а потому употребляем все возможные средства, чтобы сделать для него всякую учебу легкой, скорой и приятной.

Наш великий принцип состоит в том, что каждое обучение должно быть игрой и каждая игра — обучением.

Члены комитета поэтому напрягали свои усилия в поисках средств для этого, и, как только опыт открывал новое, его старались применить.

Красота и удобство школ, терпение и мягкость наставников, а равно их искусство, простота методов, ясность доказательств, смесь учебы и игры — все это вместе способствует достижению цели.

Так как мы имеем счастье обладать совершенно правильным языком и все говорят на нем одинаково хорошо, то ребенок усваивает его естественно и без усилий. Тем не менее, мы следуем определенной системе, действенность которой доказана опытом, в выборе и порядке слов и идей, сообщаемых учащемуся, заботясь при этом, чтобы всегда, называя ему какую-либо вещь, одновременно показывать ее. С этого момента, и даже раньше, мать и отец с особенным вниманием стараются не внушать любимому ребенку никаких ложных идей, заблуждений или предрассудков, которые им прежде внушали слуги или невежественные и плохо воспитанные родители.

Вы не поверите, к каким только способам не прибегал комитет воспитания, чтобы научить детей чтению как можно скорее и доставляя им при этом максимум удовольствия.

После длительного обсуждения лучшего метода был выбран тот, который проводится обычно матерью, превращающей учебу в такое удовольствие для ребенка, что он сам хочет дальнейших уроков, и пыл его, искусно разогреваемый, приходится даже сдерживать. Притом же слова в нашем языке пишутся точно так же, как произносятся, в нем нет ни одной бессмысленной или бесполезной буквы, и вследствие этого легко научиться читать на нем. Вот почему эта первая большая ступень воспитания, которая когда-то стоила стольких слез и времени ребенку и стольких хлопот наставнику, представляет теперь в течение нескольких месяцев столько забав для ребенка и его матери.

Должен ли я сказать вам, что выбор первых книг, употребляемых для обучения чтению, кажется нам настолько важным, что наша республика поручила их составление нашим наиболее знаменитым писателям? Мы имеем только одну книгу для детей одного возраста, и я покажу ее вам (он направился в соседнюю комнату, чтобы взять ее). Смотрите, вот «Друг детей»! Смотрите, какой изящный переплет, какие прекрасные цветные гравюры, какая хорошая бумага и великолепная печать! Возьмите ее с собой и прочтите: вы увидите, сколько простоты, ясности, интереса, очарования и поучительности заключает эта маленькая книга, в которой нет ни одного слова, ни одной вещи, ни одной мысли, недоступных пониманию ребенка, ибо в

ней нет ни одной мысли, ни одного выражения, ни одного мнения, которое не было бы взвешено и выбрано автором. Маленькая книга, которая у нас служила для этой цели и получила премию в конкурсе среди множества других, была уже почти совершенством, но эта, принятая только двадцать лет назад (ибо мы улучшаем непрерывно),— настоящий шедевр. Что касается меня, то я не знаю более совершенного и более полезного произведения и никакой другой статуи, которая была бы лучше заслужена, чем та, которую республика присудила автору этой книги.

Мать все объясняет ребенку, задает ему вопросы, чтобы убедиться, что он понимает и хорошо знает все прочитанное. Затем в школе, когда все дети одного возраста собираются вместе, наставница (ибо это женщина) заставляет их читать и расспрашивает их, чтобы таким образом приковать внимание каждого. Если один колеблется, отвечает другой, и наставница сама объясняет только тогда, когда никто не может дать объяснение И когда в конце шести месяцев ребенок прочитал или, скорее, проглотил эту маленькую книгу, вы будете удивлены теми поразительными сведениями, которые он приобрел!

Бесполезно говорить вам, что наставница — это почти вторая мать по той ласке и нежности, с какими она обращается с каждым из своих маленьких воспитанников, потому что один из наших великих принципов требует,

чтобы наставник был всегда для своих учеников тем же, чем является самый нежный отец для своих детей. Ругать ребенка, ненавидеть его и вообще раздражаться против него из-за какого-нибудь порока или недостатка кажется нам бессмыслицей и безумием, которые поставили бы человека ниже уровня самого ребенка.

Итак «Друг детей» — первая книга, которую читают все наши дети, достигшие пяти лет. У нас есть для каждого возраста книги того же рода, и детская библиотека очень немногочисленна, потому что мы думаем, что небольшое число прекрасных книг, которые ребенок хорошо знает, стоит бесконечно больше, чем куча хороших и, в особенности, смесь посредственных и плохих.

Мы ввели даже большое нововведение в составление учебных книг: все наши книги первых лет, например книги по географии, счету, когда-то такие скучные, написаны в форме очаровательных рассказов.

Дитя обучается письму согласно тем же принципам, забавляясь в игре, под руководством своей матери, которая объясняет ему цель всего, что она делает и заставляет его делать, ибо всегда имеется причина, почему действуют таким образом, а не иным, и один из наших великих принципов состоит в том, что мы упражняем ум детей и их способность рассуждать, приучая их всегда добиваться причины и всегда объяснять мотивы того, что они видят. Мать объясняет ребенку, как

он должен держать перо и почему, как он должен положить бумагу и почему. Когда дети собраны в школе, наставник приучает их задавать себе вопросы: «как?» «почему?», какой почерк произведет такое-то положение и какое положение произведет такой-то почерк. Это теория письма. И во всех частях воспитания, даже в гимнастике и играх, мы всегда соединяем теорию и практику. Из этого вам должно быть ясно, что все, кто умеет писать, могут преподавать это искусство другим.

Этот метод упражнять способности рассуждать применяется ко всему и всегда употребляется всеми, кто имеет дело с ребенком. Нисколько не подавляя его любопытства, когда это любопытство вызывается желанием научиться, его поощряют, отвечая на все вопросы, и даже возбуждают беспрестанно, спрашивая у него всегда мотив или причину всего, что он видит.

Его приучают также не краснеть, если он не знает того, что ему еще не сообщали, и отвечать без всякого колебания: «Не знаю», когда он не знает. Вы можете себе представить следствия этой привычки все исследовать и всегда рассуждать!

Элементарный счет и геометрия преподаются в школе при помощи инструментов и таких приемов, что изучение их доставляет детям большое удовольствие, тем более, что здесь совмещают практику с теорией и большинство практических операций производится

в национальных мастерских и магазинах, чтобы приучить ребенка считать, взвешивать и измерять всякие виды материалов и продуктов, или в деревне, чтобы научить его измерять поверхности и решать тригонометрические проблемы на земле.

Вы не нуждаетесь в объяснении средств, которые придуманы для того, чтобы научить рисованию, географии, музыке и пр. Впрочем, я вам покажу их, когда мы посетим школу. Но вы должны понять, что если вся нация непременно хочет, чтобы преподавание каждой науки или каждого искусства было приятно и доступно даже самым ограниченным способностям, эта нация обязательно должна найти средства осуществить свою волю.

Вы будете изумлены, когда увидите наши пособия для преподавания и наши музеи. Я не говорю вам о музеях естественно-исторических, минералов и растений, живых животных или их чучел, геологии, анатомии (мы имеем разные научные музеи и музеи искусств, не говоря уже о том, что наши крупные мастерские и крупные национальные магазины являются в то же время и промышленными музеями). Я назову вам только наши географические музеи, где тысячи карт и машин всякого рода представляют земной шар во всех его различных аспектах,— одни только с его странами или народами, другие только с его реками или горными цепями; наши музеи религии, где статуи и картины

представляют богов и церемонии всех различных религий; наши астрономические музеи, в одном из которых чудеснейшая машина представляет вселенную в движении и делает совершенно осязательными и наглядными все астрономические явления, которые иначе было бы весьма трудно понять.

Вы должны понять, что благодаря применению всех этих средств, ежедневным прогулкам в деревне в хорошую погоду или посещениям музеев в плохую погоду, нет больше ни усталости, ни отвращения, ни трудностей при усвоении элементов наук и искусств.

Но мы не довольствуемся инструментами и материальными средствами, употребляемыми для облегчения понимания. Один из наиболее действенных приемов преподавания состоит в том, что мы беспрерывно упражняем мысль и способность к суждению и обязываем каждого учащегося обучать младших тому, что он уже знает сам. Преподаватель объясняет только то, что необходимо объяснить, чтобы ускорить обучение, руководит своими учениками в их занятиях и больше заставляет их думать самих, нежели думает за них. Талант его проявляется больше всего в искусстве спрашивать или, скорее, в искусстве заставлять своих учеников учиться друг у друга. Так, один из учеников объясняет или повторяет объяснение, другой спрашивает, каждый отвечает, а преподаватель вмешивается только тогда, когда его вмешательство безусловно необходимо.

Но я должен уйти до завтра! Если вы придете до половины девятого, мы пойдем посмотреть школу нашего квартала, и я расскажу вам о нашем нравственном воспитании.

Глава одиннадцатая

ВОСПИТАНИЕ

(продолжение)

Нравственное воспитание

Я пришел к Динару до указанного часа, и мы вышли, беседуя.

— Вы догадываетесь,— сказал он мне,— что комитет воспитания и наши законодатели сделали для нравственного воспитания то же, что и для воспитания физического и умственного. Они сделали даже больше, если это только возможно, потому что душа и сердце человека нам кажутся более важными, чем его тело и ум.

Вы будете поэтому удивлены, если прочтете дискуссии наших философов и моралистов по этому предмету, а также огромное число рассмотренных ими вопросов и правил, одобренных ими.

Начальное нравственное воспитание опять-таки доверено семье, и главным образом матери, под руководством отца,[17] а потому и на

курсах материнства, о которых я вам уже говорил вчера, объясняют отцам и матерям все, что они должны делать, чтобы дети их, по мере возможности, стали совершенными нравственно и физически.

Вы были бы восхищены, если бы видели, с какой тщательностью матери и все те, кто находится около них, внимательно исследуют и направляют первые душевные движения и первые влечения молодого существа, чтобы пресечь дурные наклонности уже при их зарождении и развить в ребенке хорошие качества. Нигде, я убежден в этом, вы не найдете более нежных матерей и детей менее плаксивых, менее крикливых, менее сердитых, менее капризных, одним словом, менее избалованных.

Первое чувство, которое мать старается развить в своем ребенке,— это любовь к родителям, безусловное доверие и, следовательно, беспрекословное повиновение, крайности которого умеет устранить сама мать. Мать приучает ребенка нежно любить отца, а последний осмысливает его любовь к матери. Поэтому наши дети приучены почитать мать и отца и слушаться их, как высших благодетельных и мудрых божеств.

Как только ребенок физически окрепнет, его приучают самого себя обслуживать и делать все, что он может, без посторонней помощи. Так, например, ребенок с удовольствием чистит сам свое платье и приводит в порядок свою комнату, не подозревая даже,

что в старое время он делал бы это только с чувством отвращения и стыда.

Потом его приучают даже обслуживать мать и отца, затем — более пожилых родных, за ними — старших братьев и сестер, затем — друзей и гостей, и нет ничего менее надоедливого и более любящего, чем наши дети, старающиеся хоть чем-нибудь услужить другим.

Ребенка приучат также заботиться о младшем брате или сестре, обслуживать и охранять их, и эта братская заботливость является одним из первых благ детства.

Так ребенок приучается ко всем домашним работам под руководством старших, которые предоставляют более молодым делать все, что они могут, и все эти работы, где каждый подает и получает пример, выполняются весело и с песнями.

Ежедневно ребенок встает в пять часов, зимою так же, как и летом. В продолжение часа или двух он занимается домашними работами в особом рабочем костюме, затем, всегда под надзором старшего, справляет свой туалет, о чистоте которого его приучают заботиться, так же как и о вкусе, грации и изяществе, но не из чувства тщеславия, а из чувства долга и приличия по отношению к другим. Затем он приступает к своим учебным занятиям, под надзором матери или старших, и готовит их до завтрака и отправления в школу.

Вы понимаете, сколько уроков заботливости, внимания и сноровки получает ребенок во время этих занятий по хозяйству и туалету и сколько других полезных уроков ему дают во время занятий и еды, всегда сопровождаемых лаской!

Вы понимаете также, как должны укорениться чувства любви между родными, покровительства и нежности со стороны старших к младшим, уважения и признательности со стороны младших по отношению к старшим!

Я уже сказал вам, что после трех лет, когда ребенок научился говорить, на несколько часов соединяют вместе всех детей с одной улицы, девочек и мальчиков, чтобы под надзором одной или нескольких матерей устроить прогулку или игры для укрепления здоровья детей. Но главная цель объединения — приучить их к обществу, равенству и братству — привычка, которую неустанно стараются еще больше развивать, как только дети начинают посещать школу.

Но вот и школа квартала. Посмотрите, какое монументальное здание, сколько надписей, сколько статуй, какой великолепный фасад! Сколько пространства кругом и какие прекрасные деревья! А сейчас вы увидите, какое великолепие внутри. Разве все это не свидетельствует о том, что республика рассматривает воспитание как первое из благ, а молодежь — как сокровище и надежду отечества! Разве не внушает все это детям нечто

вроде религиозного почтения к воспитанию и к республике, которая дает его детям! Видите вы людей, входящих в ту дверь? Это наставники, которые направляются в свою залу.

Бьет девять часов, подождем немного, чтобы увидеть, как собираются дети.

Вот они! Смотрите! Вот дети со всей улицы! Разве не похожи они на маленькую армию, составленную из двенадцати рот, различного роста, возраста и в различных формах? Все дети всех семей собрались под руководством старшего в одном из зданий их улицы; и все дети с этой улицы, соединенные в этом здании, разделились по возрасту и по школам и отправились все вместе в школу.

Сегодня вечером, уходя из школы, они расположатся в порядке домов их улицы, и когда вся эта маленькая армия пройдет по улице, дети каждой семьи войдут в свой дом, дружески попрощавшись со своими товарищами.

Вы видите, как опрятны все они в своих особых формах для каждого возраста и какими они выглядят счастливыми, дисциплинированно приходя в школу! Теперь, когда пред вами прошли дети со всех улиц квартала, поспешим в большую залу!

Мы вошли в огромную залу, украшенную статуями людей, оказавших величайшие услуги делу воспитания, и я был приятно поражен, увидев столько же девочек, сколько и мальчиков.

— Смотрите,— сказал мне Динар,— вот все преподаватели и школьники, разделенные по школам. Послушайте теперь.

Я был восхищен, слушая, как эти тысячи детей пели все вместе два куплета гимна: первый — в честь Икара, второй — в честь какого-то другого благодетеля молодежи.

— Гимн имеет более ста куплетов,— сказал мне Динар,— и каждое утро школьники поют куплет об Икаре вместе с одним из других куплетов. Так приучаем мы детей к благодарности.

Я вижу, вы удивлены тем, что нашли здесь девочек. Знайте, что они вошли в другую дверь; все здание разделено на две большие отдельные части; одна — для девочек, другая — для мальчиков, с несколькими общими залами.

— Как,— воскликнул я, девочки от пяти до шестнадцати лет в одной зале вместе с мальчиками того же возраста?

— Конечно! И без всякого неудобства, и даже со множеством преимуществ, потому что мы приучаем мальчиков с детства, в семье и школе, относиться ко всем девочкам, как к собственным сестрам, а девочек — внушать к себе уважение своей благопристойностью.

Рассматривая стыдливость как охрану невинности и украшение красоты, мы развиваем в ребенке чувство стыдливости не только в отношениях между обоими полами, но и между девушкой и ее подругами, даже между мальчиком и его товарищами.

Дети теперь в классах, войдем в один из них.

— Смотрите,— сказал мне Динар — как внимательны и почтительны дети, как ласково говорит с ними учитель! Смотрите также, как все чисто! Ни одного чернильного пятна ни на столах, ни на платьях! Перочинный ножик служит только для чинки перьев! Так могущественная привычка к порядку и чистоте!

Посетив классы, составленные либо из мальчиков, либо из девочек, и другие — для обоих полов, разделенные легкой перегородкой, мы последовали за детьми в гимнастический зал, где увидели множество аппаратов и приспособлений для гимнастических упражнений. Мы там видели также мальчика десяти лет, который забрался на мачту, вышиной в тридцать футов, отвязал веревки, привязанные к горизонтальному блоку, и спустился, соскользнув вниз вдоль столба.

Нам рассказали, что накануне другой мальчик того же возраста взобрался на блок и прыгнул с высоты в тридцать футов, не причинив себе никакого вреда. Но так как это было запрещено, потому что он рисковал сломать себе ногу, его будут судить за непослушание, и мы сможем присутствовать на этом суде.

В то время как дети возвращались в класс, мы пошли осмотреть две школы плавания, которые находились во дворе; одна — для мальчиков, другая — для девочек. Динар

показал мне купальный костюм для каждого из обоих полов и объяснил, что когда ребенок уже умеет плавать, его приучают это делать в полном одеянии, чтобы он мог спастись, если бы упал в воду одетый; его обучают также, как надо спасать другого человека, если он тонет, ибо не пренебрегают никаким случаем, чтобы научить детей быть полезными своим близким.

В ожидании суда над маленьким недисциплинированным прыгуном мы пошли погулять по двору.

— В чем заключаются,— спросил я Динара,— награды, присуждаемые с целью возбудить соревнование?

— Ни в чем, ни в премиях, ни в венках, ни в отличиях, потому что, желая укоренить в детях чувство равенства и братского благоволения, мы весьма остерегались бы создавать отличия, которые возбуждали бы эгоизм и честолюбие одних и в то же время зависть и ненависть других. Мы, впрочем, имеем столько других средств развивать в детях любовь к занятиям, что считаем полезным скорее сдерживать, чем разжигать пыл учащихся. Единственное отличие, которого желают дети, это быть выбранным — в качестве самого способного и самого достойного — руководить и наставлять товарищей под наблюдением учителя. И это отличие тем более почетно в их глазах, что выборы, как и все экзамены, производятся самими школьниками под надзором учителя.

Поэтому у нас нет лентяев, а если случайно и находятся такие, то вместо того, чтобы еще увеличить их отвращение к занятиям, перегружая их в виде наказания трудом, мы удваиваем мягкость, ласки и заботы, чтобы внушить им вкус к занятиям.

Неспособных детей у нас не больше, чем ленивых, и если такие находятся, то вместо того, чтобы сердиться на них, мы удваиваем терпение, интерес и усилия, чтобы помочь им победить несправедливое неравенство природы.

Ненавидеть неспособных и даже ленивых детей и дурно с ними обращаться кажется нам несправедливостью, нелепостью, безумием, почти варварством, менее простительным для наставника, чем пороки для ребенка.

У нас даже весьма мало других проступков, заслуживающих наказания, а сами наказания — легкие, и состоят они в лишении виновного некоторых удовольствий или даже некоторых занятий, а главным образом в публичном порицании.

Впрочем, все наказания школьников установлены так же, как и их обязанности и проступки в «Своде школьника». И чтобы облегчить выполнение правил этого свода, школьники сами его обсуждают и голосуют, принимая его, таким образом, как собственное произведение и заучивая наизусть, чтобы лучше его применять. Пять лет назад этот свод обсуждался одновременно во всех школах и был принят школьниками почти единогласно.

Когда совершен проступок, школьники организуют свой суд, определяющий проступок и выносящий по нему приговор. Но вернемся в большую залу, и мы, вероятно, скоро увидим один из этих школьных судов.

Зал был уже полон. Как и утром, все учителя и школьники были налицо.

Один из самых старших школьников должен был выступить обвинителем, пять других — предложить наказание, а все остальные составляли жюри.

Изложив дело, учитель, руководивший прениями, призвал обвинителя к умеренности обвинения, обвиняемого — защищаться без страха, свидетелей — давать показания без лжи, присяжных — отвечать, следуя своей совести, и судей — применять закон без пристрастия.

Обвинитель выразил сожаление, что ему приходится обвинять брата, и свое желание, чтобы он оказался невиновным. Но он понял, что Свод — дело всех школьников и обвиняемого; предписания Свода, все его запреты и все наказания установлены в интересах всех и каждого; обвиняемый мог убить или ранить себя, прыгая с высоты мачты, и общий интерес требует его наказания, если он виновен, но еще больше — его оправдания, если он невиновен.

Маленький обвиняемый защищался с уверенностью. Он откровенно признал, что спрыгнул, он признался, что нарушил закон и заслуживает наказания, хотя и раскаи-

вается в своем непослушании. Но он был увлечен желанием показать товарищам свою смелость и уверенностью, что не причинит себе никакого вреда.

Другой школьник заявил, что он сам совершил проступок, побуждая его спрыгнуть и забыв запрещение закона.

Третий, вызванный в качестве свидетеля, сказал, что видел, как обвиняемый прыгнул, и ему, к сожалению, приходится заявить об этом, по обязанности говорить правду.

Защитник признал, что совершен проступок, но он выставил как смягчающее и извиняющее обстоятельство признание обвиняемого, его раскаяние и подстрекательство товарищей. Он просил жюри принять во внимание, что его друг — самый бесстрашный прыгун среди его товарищей по возрасту, и именно его бесстрашие и ловкость были причиной того, что он дал себя увлечь.

Обвинитель признал, что обвиняемый заслуживал бы венка, если бы его давали за бесстрашие прыгуна, но поставил вопрос, не было ли установлено запрещение именно с целью сдерживать бесстрашных и не следует ли применять этот закон главным образом к ним, чтобы охранить их от слишком рискованных затей.

Жюри единогласно признало обвиняемого виновным в нарушении Свода, но незначительным большинством присоединилось к мнению, что проступок извинителен.

Комитет пяти предложил не выносить другого наказания, кроме опубликования факта в школе.

Собрание приняло это предложение, и Верховный совет учителей одобрил это решение.

Один из учителей в заключение напомнил детям, что они не должны теперь меньше любить маленького прыгуна, последнему — что он не должен меньше любить своих судей, всем — что они должны еще больше любить республику, которая столько сделала для их благополучия, и любить друг друга еще больше, чтобы быть достойными республики.

Я вышел изумленный и взволнованный всем, что видел, и проводил Динара, который возвращался к себе домой.

— Практический курс морали! — сказал я ему.— Я теперь хорошо понимаю ваших детей, ваших женщин, вашу нацию!

— И мы имеем, кроме того, специальный курс морали, который каждый проходит в течение двенадцати лет и познает все свои обязанности, все достоинства и добродетели, которые нужно приобрести, все недостатки и пороки, которых следует избегать. И этот курс, некогда столь пренебрегаемый и столь скучный, теперь является не менее привлекательным, чем другие, так как с ним связывают историю всех великих добродетелей и великих преступлений, знаменитых героев и знаменитых преступников.

Самые интересные книги, написанные нашими наиболее талантливыми авторами, наши романы, наши театральные пьесы — все содействуют воспитанию в его усилиях привить любовь к нравственности, и республика, неограниченная повелительница, не разрешает издавать никаких безнравственных произведений.

Вы даже можете сказать, что жизнь семьи есть постоянный практический курс морали, как вы только что назвали его, потому что, как только дитя раскрывает глаза, оно познает, повторяет и практикует только то, что нравственно: никогда, например, вы не увидите, чтобы дети лгали.

И зачем икарийские дети будут лгать, когда общность делает их такими счастливыми? Как могли бы они не любить эту общность и равенство, когда они дают им столько счастья!

Прощайте, я оставляю вас. Скажу вам только, что специальный «Журнал воспитания», распределяемый между учителями, держит их всегда в курсе всех новых открытий и улучшений, касающихся обучения.

Но вы ведь проведете вечер у моей матери вместе с Вальмором и его семьей. Мы сможем там поговорить немного о нашем гражданском воспитании.

Я уже два дня не видел Кориллу, и, несмотря на все мое возбуждение, мне казалось, что с тех пор прошло уже два века.

Я испытывал сильную потребность видеть ее и слышать.

Поэтому я рано направился в дом ее семьи, чтобы провести там некоторое время, прежде чем направиться вместе с ними к госпоже Динаме.

Я еще не видел Кориллу такой красивой и любезной.

— А, вот и вы, наконец,— сказала она, подходя ко мне.— Видно, что вам доставляет большое удовольствие видеть нас! Как могли вы не приходить два долгих дня и не засвидетельствовать своего почтения моему дедушке!.. Это плохо, очень плохо, и дедушка вами недоволен. Правда, дедушка? Но вы здесь... и мы прощаем..: Ах да, мы должны вместе петь у Динаизы! Посмотрим, не скомпрометирую ли я себя, когда буду петь с вами.

Мы спели.

— Не плохо,— сказала она,— и выйдет еще лучше, надеюсь, во второй раз.

Во все время пути она была чарующе весела.

Вся маленькая семья госпожи Динаме была в сборе, и нас оказалось около сорока человек. Как все были ласковы, в особенности дети, какое было веселье, радость, счастье!

— Поистине, вы счастливый народ,— сказал я Динару, с которым уселся в углу.

— Вероятно, самый счастливый народ на земле,— ответил он,— и это — влияние нашей общности.

— И вашего воспитания.

— Да, и нашего воспитания, ибо без него общность была бы немыслима, а именно она приносит нам все радости и обязанности общественной и политической жизни.

Можно сказать, что уже с первых лет своей жизни дитя учится быть гражданином. Оно учится этому главным образом в школе, где обсуждение Свода школьника, экзамены, выборы и дискуссии учащихся подготовляют детей к гражданской жизни.

Но собственно гражданское воспитание начинается в восемнадцать лет, когда молодой человек знакомится с элементами литературы, ораторского искусства и всеобщей истории.

В более узком смысле оно состоит в углубленном изучении национальной истории, общественного и политического строя, конституции и законов, прав и обязанностей должностных лиц и прочих граждан.

Каждый школьник заучивает наизусть всю конституцию, и нет икарийца, который не знал бы в совершенстве всего, что касается выборов и избирателей, Национального представительства и представителей, народных собраний и национальной гвардии; нет ни одного, который не знал бы всего, что должностные лица могут и чего не могут делать, и всего, что закон разрешает или запрещает. Тот, кто пренебрег бы своим гражданским воспитанием, был бы лишен пользования гражданскими правами, и это было

бы позором и несчастьем, которым никто не хотел бы себя подвергнуть.

Даже женщины знакомятся с элементами гражданского воспитания, чтобы не быть чуждыми ничему, что их интересует, и понимать все, что так сильно занимает их мужей. [18]

Наконец, хотя мы надеемся, что у нас всегда будет мир, внутренний и внешний, все граждане являются членами национальной гвардии и обучаются от восемнадцати до двадцати одного года употреблению оружия и военным упражнениям; эти упражнения являются одновременно большим украшением национальных праздников, дополнением к гимнастике, полезным для тела и здоровья дополнением к гражданскому воспитанию.

В двадцать один год молодой человек — уже гражданин, и вы видите, что молодые икарийцы воспитаны так, чтобы быть хорошими патриотами, а также хорошими супругами, хорошими отцами, хорошими соседями, наконец, настоящими людьми.

Я мог бы прибавить, что это — люди мира и порядка, ибо основной принцип гражданского воспитания, принцип, который их всегда заставляют применять на практике, состоит в том, что после свободного и исчерпывающего обсуждения, когда каждый может изложить свое мнение, меньшинство должно подчиниться без всякого сожаления большинству, потому что иначе не было бы

другого способа решения, кроме грубой силы и войны, победы и завоевания, влекущих за собой тиранию и угнетение.

— При вашей общности и вашем воспитании,— сказал я ему,— у вас не должно быть много преступлений.

— Какие преступления у нас могли бы совершаться? — ответил Вальмор, который нас слушал.— Может ли у нас встречаться воровство какого-либо рода, когда у нас нет денег и когда каждый владеет всем, что он может пожелать? Не сумасшедшим ли нужно быть, чтобы воровать? И как могли бы быть у нас убийства, поджоги, отравления, когда невозможно воровство? Как возможны были бы у нас самоубийства, когда все у нас счастливы?

— Но,— ответил я,— убийства, дуэли и самоубийства могли бы совершаться и в силу других причин, например из любви или ревности.

— Наше воспитание,— опять ответил Вальмор,— делает из нас людей и учит нас уважать права и волю других, следовать во всем советам разума и справедливости. Икарийцы почти все философы, и они с детства умеют укрощать свои страсти.

— Вы видите, следовательно,— сказал Динар,— что общность одним ударом уничтожает и предупреждает воровство и воров, преступления и преступников, и мы не имеем поэтому нужды ни в трибуналах, ни в тюрьмах, ни в уголовных карах.

Простите меня, милостивый государь,— вскричала Корилла строгим тоном, приближаясь к нам,— имеются воровство и преступления, воры и преступники, нужны трибуналы, чтобы их судить, и кары, чтобы их наказывать. И я, отнюдь не профессор истории, сейчас докажу это вам самым неопровержимым образом. Слушайте вы все! [Все дети подбежали к ней.] Я за полчаса успела уже охрипнуть, распевая, чтобы заслужить аплодисменты этих господ, а они не только лишают меня аплодисментов, которых я заслуживаю, но их болтовня мешает другим мне аплодировать. Вы, следовательно, воры [«браво!»]. Больше того,— и это преступление еще ужаснее,— сейчас будет петь Динаиза, а эти господа продолжают трещать, чтобы мешать нам слушать ее! Они хотят принудить нас слушать их, точно они находятся на кафедре, ораторствуя о республике и общности! Вы, следовательно, смутьяны, захватчики [«браво»!], и я обвиняю вас пред августейшим трибуналом, который заседает здесь [«браво, браво!»], и призываю против вас всю строгость правосудия и законов [продолжительные аплодисменты]. Или, скорее, так как я опасаюсь, что могут подкупить недобросовестных судей [ропот], я вас хочу осудить сама, чтобы быть уверенной, что приговор будет справедлив [взрыв смеха]. Я вас поэтому объявляю виновными, уличенными в ужасном преступлении: в оскорблении музыки, и в наказание изгоняю вас из общности

[ропот] или, вернее (так как сочувственные замечания, которые я слышу, предупреждают меня, что я хотела наказать невиновных вместе с виновными), я осуждаю вас обоих, солидарно и сообща, сначала слушать соловья, который будет петь, а затем самим выступить соловьями [повторное «браво!»].

— Суровые исполнители закона,— сказала она детям,— привести в исполнение приговор! Сперва установите тишину, а затем вы заставите осужденных петь.

Мадемуазель Динаиза пела, смущаясь и неуверенно, но таким божественным голосом, который вызвал аплодисменты, а у меня — почти слезы.

— А теперь,— сказала Корилла,— очередь за соловьем старшим [все дети подбежали к нему и, ухватившись за него ручками, тащили или толкали его.] И пусть он поет хорошо, или иначе ему грозит музыкальная юстиция!

— Сумасбродка, сумасбродка, — сказал Динар.

— Да, пусть сумасбродка, но вы, господин мрачный философ, имейте мудрость подчиняться время от времени сумасбродству.

Я тоже был принужден петь, сначала с Кориллой, а затем с мадемуазель Динаизой.

— А теперь,— сказала Корилла,— я буду присуждать призы и сделаю это со всем присущим мне беспристрастием. Внимание!

Ученый и красноречивый профессор пел, как простуженный соловей [взрыв смеха];

великий ученик коммунизма пел с Динаизой, как лиса, попавшая в западню [новый, еще более бурный взрыв смеха], а Динаиза пела, как испуганный соловей [продолжительный смех].

Что касается меня, Кориллы, то где безумец, который осмелился бы отрицать, что я богиня или королева пения? Я поэтому ожидаю аплодисментов такой просвещенной аудитории [гром аплодисментов] и приказываю, чтобы сейчас же были выданы прекрасные пирожки, которые приготовила Динаиза [да, да, да!], и все вкусные вещи, которые, как я видела, приготовлены, чтобы эти прекрасные певцы, отличающиеся в искусстве... красть лакомства... имели удовольствие... видеть, как мы будем их поедать [смех и «браво!»].

Вечер прошел восхитительно, в играх и смехе. Корилла просила у меня извинения за свои шалости таким тоном, который продолжал еще чаровать мой слух после того, как я уже долго не слышал ее голоса, и я провел ночь в чарующих снах: как маленькая птичка, прыгал я с цветка на цветок, преследуемый роем молодых девушек, избегая со страхом мадемуазель Динаизы и позволяя приблизиться ко мне Корилле, чтобы счастливо ускользнуть от нее как раз тогда, когда ее руки собирались меня поймать.

Глава двенадцатая

ТРУД. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

— Люблю ли я ее? — проснувшись, спросил я себя со страхом.— Люблю ли я ее? Ведь я слышу еще голос консула в Камирисе, рекомендующего мне нерушимое почтение к икарийским девушкам, ведь я слышу в особенности голос почтенного деда, доверяющего своих детей моей чести? Люблю ли ее я, почти связанный словом по отношению к прекрасной мисс Генриетте и желающий выполнить свое обязательство? Люблю ли я ее? Посмотрим, исследуем...

И я вышел, чтобы захватить Вальмора, который должен был повести меня в мастерскую для обработки камня.

— Находишь ли ты ее прекрасной, остроумной, любезной, очаровательной? — говорил я себе на ходу.

— Да.

— Не испытываешь ли ты удовольствия, любуясь ее волосами, глазами, ртом, зубами, руками, ногами?

— Да, все мне нравится в ней.

— Испытываешь ли ты радость, встречаясь с ней, и сожаление, когда расстаешься?

— Да.

— Думаешь ли ты о ней днем и снится ли она тебе ночью?

— Да.

— Несчастный! Я думаю, что ты ее любишь.

Однако радость, которую я испытываю, спокойна и приятна; сожаление, которое я испытываю, расставаясь с ней, лишено горечи и принуждения; я думаю о ней без волнения, я не мечтаю о ней безумно, я встречаю ее без смущения; я прикасаюсь к ее руке без трепета... Нет, я люблю ее только как сестру или как друга!

А она?.. Если бы я смутил ее покой и счастье!.. Ах, как я был бы виновен и как терзался бы! И, однако, когда я вспоминаю... Но нет... Впрочем, мы отправимся сегодня вечером на прогулку, и я хочу, если только смогу, спросить ее сердце.

Я зашел к Вальмору, который уже ждал меня. И мы сейчас же вышли, беседуя, чтобы осмотреть мастерскую для обработки камня.

— Так как мы идем посмотреть рабочих,— сказал он мне,— то я хочу объяснить вам нашу организацию труда и промышленности, ибо труд есть одна из главных основ нашего общественного строя.

Труд. Промышленность

— Вспомните сперва несколько главных фактов, которые являются ключом ко всем другим.

Я уже сказал вам и хочу повторить в немногих словах: у нас установлен режим общности имущества и работ, прав и обязанностей, прибылей и убытков. У нас нет ни собственности, ни денег, ни купли, ни продажи. Мы равны во всем, за исключением случаев, когда это абсолютно невозможно. Мы все одинаково работаем для республики, или общности. Она одна собирает все продукты земли и промышленности и делит их поровну между нами; она одна нас кормит, одевает нас, дает нам жилище, учит нас и доставляет всем нам в равной мере все, что нам необходимо.

Вспомните еще, что цель всех наших законов — сделать народ в меру возможности наиболее счастливым во всем, начиная с необходимого, продолжая полезным и кончая приятным, не ставя при этом никаких пределов. Так, например, если бы можно было дать каждому экипаж, то каждый имел бы экипаж, но так как это невозможно, то никто не имеет их, и каждый может пользоваться общими средствами передвижения, которые стараются сделать возможно более удобными и приятными.

Вы сейчас увидите применение этих принципов в области организации труда.

Республика, или общность, ежегодно устанавливает список всех предметов, которые необходимо производить для пищи, одежды и жилища народа. Она, и только она, предписывает производить их, с помощью своих рабочих, на своих предприятиях, так как все отрасли промышленности и все мануфактуры являются национальными и все рабочие также работают для нации. Она строит свои мастерские, выбирая всегда наиболее пригодное местоположение и наиболее совершенные планы, организуя огромные фабрики, соединяя некоторые из них, если это представляет выгоду, и не отступая никогда ни перед каким необходимым расходом для получения полезного результата. Она выбирает способы обработки, отдавая предпочтение всегда наилучшим и стараясь всегда опубликовать все открытия, все изобретения и все усовершенствования. Она обучает своих многочисленных рабочих, доставляет им все сырье и орудия труда и распределяет между ними работы, на основе разделения труда, наиболее производительным образом и оплачивая их натурой вместо денег. Она, наконец, получает все произведенные предметы и складывает их в своих огромных магазинах, чтобы затем распределить их между всеми своими рабочими или, вернее, детьми.

И республика, которая всем распоряжается таким образом, это — комитет промышленности, Национальное представительство, это — сам народ!

Вы должны сразу же увидеть неисчислимую экономию и все неисчислимые выгоды, которые неизбежно вытекают из самых основ нашего строя.

Все являются национальными рабочими, и все работают для республики. Все, мужчины и женщины, без исключения, занимаются каким-нибудь ремеслом, или каким-нибудь искусством, или какой-нибудь профессией, предписанными законом.

Юноши начинают работать с восемнадцати лет, девушки — с семнадцати лет, так как первые годы их жизни посвящены развитию их сил и их воспитанию. Старики освобождены от работы — мужчины от шестидесяти пяти лет, женщины от пятидесяти, но труд так мало утомителен и даже так приятен, что очень немногие требуют для себя освобождения от работы, и все продолжают свое обычное занятие или используют свои силы в другой области.

Нет нужды говорить вам, что больные освобождены от работы. Во избежание каких бы то ни было дурных последствий, больной должен отправиться или быть перевезен в больницу, которая имеет вид дворца.

Нет нужды также прибавлять, что каждый рабочий может получить отпуск в случаях, определенных законом, и с согласия товарищей по работе.

Я сказал вам, что труд приятен и неутомителен. Наши законы, действительно, ничего не жалеют, чтобы сделать его таковым,

потому что никогда еще не было фабриканта, столь благожелательного к своим рабочим, как республика по отношению к своим работникам. Число машин огромно: они заменяют двести миллионов лошадей или три миллиарда рабочих; они выполняют все опасные, утомительные, нездоровые или грязные и неприятные работы. Именно в этой области с особенным блеском проявляются разум и та изобретательность наших соотечественников, так как все, что, например, в других местах возбуждает только отвращение, здесь скрывают с наибольшей заботой или содержат в наибольшей чистоте. Поэтому вы не только не увидите на улицах ни сочащегося кровью мяса, ни навоза, но вы никогда не увидите даже в мастерских, чтобы рука рабочего касалась какого-нибудь неприятного предмета.

Все способствует тому, чтобы сделать труд приятным: воспитание, которое с детства приучает любить и уважать труд, чистота и удобства мастерской, пение, которое возбуждает и радует массы рабочих, равенство труда для всех, его умеренная продолжительность и почет, которым окружены все работы в общественном мнении, и все в равной степени.

— Как,— воскликнул я,— все ремесла в равной степени уважаемы, сапожник в такой же мере, как и врач?

— Да, без сомнения, и вы перестанете этому удивляться, потому что только закон

устанавливает, какие ремесла или профессии допускаются и какие продукты следует производить. Никаким другим ремеслам не обучают и их не допускают, как не разрешают никакие другие производства. У нас нет, например, профессии кабатчика, в наших мастерских ножевых изделий не изготовляются кинжалы. Все наши профессии и наши производства являются поэтому в равной степени законными и в известном отношении в равной степени необходимыми: раз закон предписывает, чтобы были сапожники и врачи, нужно, чтобы были и те, и другие. И так как все не могут быть врачами, то нужно, чтобы сапожники были так же счастливы и довольны, как врачи. Следовательно, нужно установить между ними, в меру возможности, самое полное равенство, и нужно, чтобы оба, посвящая одно и то же время республике, пользовались равным уважением.

— И вы не делаете различия для ума, образования, гения?

— Нет, разве все это не дар природы? Разве справедливо было бы наказывать того, кого судьба одарила меньше? Разве разум и общество не должны компенсировать неравенство, созданное слепым случаем? Разве тот, кого гений делает более полезным, недостаточно вознагражден удовлетворением, которое он испытывает? Если бы мы хотели проводить различие, то это было бы в пользу самых тяжелых профессий или работ, чтобы в известной мере вознаграждать и

поощрять занятых ими работников. Одним словом, наши заботы делают врача настолько уважаемым и настолько счастливым, насколько это возможно. Почему же будет он жаловаться на то, что сапожник так же счастлив и уважаем, как и он?

Хотя воспитание в достаточной мере внушает всякому желание быть наиболее полезным общности, все же, чтобы возбудить полезное соревнование, всякий рабочий, делающий из чувства патриотизма больше, чем он обязан, или делающий в своей профессии полезное открытие, пользуется особым почетом или получает публичное отличие, или даже всенародные почести.

— А лентяи?

— Лентяи? Мы таких не знаем. Как могут они быть, когда труд так приятен, когда праздность и леность у нас в такой же степени позорны, как воровство в других странах?

— Следовательно, неправы те, кто говорит, как я слышал во Франции и Англии, что всегда будут пьяницы, воры и лентяи?

— Они правы, поскольку речь идет об общественном строе этих стран; но это неверно по отношению к строю Икарии.

Продолжительность рабочего дня, которая сначала составляла от десяти до восемнадцати часов, постепенно сокращалась и теперь установлена в семь часов летом и шесть часов зимой, от шести или семи часов утра до часа пополудни. Ее будут сокращать и даль-

ше постольку, поскольку это будет возможно, если новые машины заменят рабочих или сокращение производства (например, построек) сделает ненужным труд большого числа рабочих. Но продолжительность труда, вероятно, теперь достигла минимума, потому что если некоторые отрасли производства сократятся, то вместо них будут возникать новые отрасли, тем более, что мы будем постоянно работать над тем, чтобы расширять наши потребности. Так, например, в прошлом году новая мебель была прибавлена к старой, и так как понадобилось сто тысяч рабочих, чтобы доставить эту мебель всем семьям, то эти сто тысяч рабочих были завербованы из рядов трудящегося народа, и общая продолжительность рабочего времени была увеличена на пять минут.

В каждой семье женщины и девушки выполняют вместе все домашние работы от пяти или шести часов утра до восьми с половиной, а от девяти часов до часа пополудни они работают по своей профессии в мастерских.

— Конечно, все беременные или кормящие женщины освобождены от работы?

— Именно так, и даже женщины, находящиеся во главе семьи, освобождены от работы в мастерских, потому что забота о семье и доме есть тоже полезное занятие для республики.

Все рабочие каждой профессии работают вместе в огромных общих мастерских, где во

всем своем блеске обнаруживается проницательность и разум нашего правительства и народа.

— Я посетил несколько мастерских, вызвавших мое глубокое удивление.

— Не правда ли, это великолепно? В особенности следует посмотреть женские мастерские. Видели ли вы их?

— Нет.

— Так вот, я попрошу разрешения, и мы пойдем осмотреть ту мастерскую, где работает моя младшая сестра Целиния, или ту, где работает Корилла.

И вас не удивит совершенство наших мастерских, когда вы вспомните, что план каждой из них был установлен после конкурса, после совещания с рабочими данной профессии, учеными и всем народом.

Передвижные и портативные мастерские для всех работ, которые выполняются на открытом воздухе, представляют равным образом все возможные удобства, как вы увидите сами, потому что мы приближаемся к мастерской для обработки камня, которую я хотел вам показать.

Это была целая улица в процессе постройки: пятьсот или шестьсот рабочих разного рода работали там.

Сбоку находился обширный передвижной амбар, покрытый непромокаемым полотном и содержавший раздевальню и столовую, как в больших обыкновенных мастерских.

Все помосты, на которых работали камен-

щики, были также покрыты, чтобы укрывать работающих от солнца и дождя.

Все материалы, камни и кирпичи, дерево и железо, цемент и даже известковый раствор, доставлялись в обработанном виде и были вполне готовы к употреблению.

— Камни,— сказал мне Динар,— обрабатываются в огромных мастерских около каменоломни при помощи машин, которые их распиливают или начерно обрабатывают.

Кирпичи всех размеров также заготовляются при помощи машин в огромных мастерских, воздвигнутых на участке, глина которого используется для их изготовления.

Цемент и известковый раствор тоже приготовляются в массовом количестве в других мастерских, а иногда на месте, но всегда при помощи машин.

Все эти материалы, доставляемые по каналам в большие складочные помещения, перевозятся затем на всякого рода возах и фурах к строящимся зданиям.

Посмотрите, как все эти транспортные средства хорошо приспособлены для погрузки и разгрузки, чтобы ничего не испортить или не уронить.

Посмотрите на транспортные приспособления, по которым самые большие тяжести легко двигаются или скользят, и эти бесчисленные машины, большие и малые, которые переносят все вверх, вниз, во все стороны! Так, в этой толпе работающих вы не заметите ни одного с тяжестью на голове или на

плечах: они не имеют иной задачи, кроме управления машинами или подачи материалов.

Посмотрите, какие предосторожности приняты, чтобы избежать пыли и грязи! Посмотрите также, как все эти рабочие платья сохраняют чистый вид!

Сегодня утром все эти рабочие, т. е. все граждане, пришли в шесть часов, причем почти все прибыли на общественных омнибусах. Они сняли свое гражданское платье, чтобы надеть рабочее, которое было приготовлено в раздевальне, и в назначенное время, когда они прекратят свой дневной труд, все они переоденутся в свои гражданские платья и уедут в общественных омнибусах, и если вы их встретите, то вы, знающие только каменщиков других стран, никогда не примете их за каменщиков, возвращающихся со своей работы.

— Я понимаю,— сказал я ему,— почему здесь профессию каменщиков избирают так же охотно, как и всякую другую профессию.

— И все рабочие, которые работают вне мастерских, пользуются таким же вниманием республики; все в равной мере находят в своих мастерских орудия, рабочее платье и все, что им необходимо. Даже возчик, как вы видите, имеет всегда место на своем возу.

Замечаете ли вы также, какой порядок господствует среди этого всеобщего движения? Здесь, как и во всех наших мастерских, каждый имеет свое место, свое занятие и,

так сказать, свой чин. Одни руководят другими, те доставляют материалы, и все выполняют свою работу точно и с удовольствием. Можно сказать, что весь этот ансамбль образует только одну обширную машину, каждое колесо которой выполняет регулярно свою функцию.

— Да, эта дисциплина кажется мне изумительной.

— Почему изумительной? Во всякой мастерской правила распорядка обсуждаются и должностные лица избираются самими рабочими, в то время как общие законы для всех мастерских вырабатываются выборными всего народа, т. е. выборными рабочих всех мастерских. Гражданин должен всегда подчиняться правилам или законам, в составлении которых он сам принимал участие, а потому он подчиняется им всегда без колебания и без отвращения.

— Но каким образом,— сказал я ему, возвращаясь вместе с ним,— распределяются профессии? Каждый волен выбрать ту, которая ему нравится, или вынужден принять ту, которую ему навязывают?

Распределение профессий

— Чтобы ответить на ваш вопрос, нужно сперва изложить вам систему нашего промышленного или профессионального воспитания.

Вы помните, что до восемнадцати лет дети получают элементарные сведения в области

всех наук и все учатся рисованию и математике.

Мы даем им общее представление о всех искусствах и ремеслах, о сырье (минеральном, растительном и животном), об орудиях и машинах.

И мы не ограничиваемся теоретическим объяснением, а совмещаем его с практикой, приучая детей в особых мастерских обращаться с рубанком, клещами, пилой, напильником и основными инструментами, и это упражнение, которое делает молодого человека умелым и подготовляет его к освоению всяких профессий, является для него настоящим развлечением и, вместе с тем, первым трудом, полезным для общности.

Молодой человек, таким образом, способен выбрать себе профессию, когда ему исполнится восемнадцать лет. Вот как он делает свой выбор.

Ежегодно в течение десяти дней, которые предшествуют годовщине нашей революции, республика, которая на основании статистических данных знает число рабочих, необходимых в каждой профессии, публикует их список для каждой коммуны и приглашает молодых людей восемнадцати лет сделать свой выбор.

В случае конкуренции профессии распределяются по конкурсу, после экзаменов и согласно приговору самих конкурентов, образующих жюри.

Все молодые люди восемнадцати лет, нахо-

дящиеся на территории республики, распределяются таким образом в один день, ежегодно, по всем профессиям и по всем местностям; это — день рождения рабочего, один из наших больших дней, один из самых главных праздников.

Но это не все! Можно сказать, что до этого времени молодой человек получал в школе индустриальное образование, элементарное и общее. Теперь, в восемнадцать лет когда он выбрал свою профессию, для него начинается специальное, или профессиональное, обучение.

Это обучение длится довольно долго, потому что требует более или менее обширных специальных занятий для научных профессий.

Оно является теоретическим и дается на курсах, где преподают теорию и историю всякой профессии.

Оно является практическим и дается в мастерской, где ученик проходит через все ступени ученичества и начинает более полно уплачивать общности свой долг труда и пользы.

Точно так же поступают и с молодыми девушками, чтобы обучить их домашним работам или дать им общие понятия, общие навыки в отраслях промышленности, свойственных женщинам, или дать им возможность выбрать профессию в семнадцать лет, или дополнить их профессиональное образование. Судите сами, каковы рабочие и каковы

работницы, получившие элементарное и специальное образование!

Видите ли вы теперь все следствия нашей системы труда и промышленности?

— Мне думается, что я вижу некоторые из них: все мужчины должны уметь использовать свои способности, чтобы расширить границы человеческой изобретательности; все женщины должны знать в совершенстве домашние работы; в домах не должно быть магазинов, все дома предназначаются только для семейных квартир; все мастерские должны быть распределены по различным кварталам и снаружи декорированы, чтобы таким образом способствовать украшению всего города; ни у кого нет интереса скрывать или красть полезное изобретение; никто не знает, что такое уплата по векселям и что такое банкротство!

— Наша система имеет еще и другие полезные последствия. В старое время наши рабочие, вынужденные думать только о денежном заработке, работали скоро и плохо; часто они даже сговаривались портить взаимно работу, чтобы обеспечить друг другу дополнительный заработок. Так, когда слесари, или столяры, или маляры работали в каком-нибудь доме, то слесарь, например, портил нарочно дверь или окраску, чтобы сделать таким образом необходимой новую работу столяра или маляра. Теперь, напротив, рабочий не имеет никакого другого интереса, как только сделать возможно лучше

свою работу; все его движения отмечены предусмотрительностью и разумом, и все работы почти совершенно безупречны.

Вы можете поэтому легко заметить чувство достоинства, которым дышат лица наших рабочих или, вернее, наших граждан!

Каждый рассматривает свой труд как общественную службу, точно так же как каждое должностное лицо рассматривает свою службу как труд.

Заметили ли вы также, как регулярен распорядок для движения нашего населения по улицам города. В пять часов все встают; к шести часам все наши общественные средства передвижения и все улицы переполнены мужчинами, которые направляются в свои мастерские. В девять часов вы видите женщин и детей. От девяти до часа пополудни все население находится в мастерских или школах. В половине второго вся масса рабочих оставляет мастерские и соединяется со своими семьями и соседями в народных ресторанах. От двух до трех все обедают. От трех до девяти все население наполняет сады, террасы, улицы, места для гулянья, народные собрания, курсы, театры и все другие общественные места. В десять часов все ложатся спать, и в течение ночи, от десяти до пяти, улицы совершенно пустынны.

— У вас, стало быть, также есть закон о тушении огней, закон, который казался таким тираническим?

— Предписанный тираном, он, действительно, был невыносимым притеснением, но принятый всем народом, в интересах его здоровья и хорошего порядка в работе,— это наиболее разумный, наиболее полезный и наиболее тщательно исполняемый закон.

— Да, я понимаю это, и понимаю также, как должны быть счастливы ваши рабочие.

— Они настолько счастливы, что потомки нашего старого дворянства гордятся званием слесарей, печатников и т. д., которое заменяет титулы герцогов или маркизов.

Все эти детали, сообщенные мне с любезностью, которая удваивала их цену, меня бесконечно интересовали, хотя и не уменьшали моего нетерпения подвергнуть Кориллу допросу, необходимому для моего спокойствия.

Представьте мою досаду, когда, найдя в ее семье госпожу Динаме, ее дочь и сына, которые зашли к ним, чтобы вместе отправиться гулять, я услышал, как Корилла сказала:

— Мне нужно взять урок истории у профессора, и я пойду с ним: вы, мсье Вильям, дайте руку Динаизе!

Вальмор предложил руку госпоже Динаме.

Я почти хотел бы найти предлог, чтобы уйти, но это было невозможно, и я предложил свою руку как только мог непринужденно. Я бы охотно избил себя, до такой степени я чувствовал себя смущенным рядом с молодой очаровательной девушкой, которую считал еще более любезной, чем красивой, и

которую я так горячо желал видеть, когда я впервые услышал ее голос.

Она казалась так же мало довольной, как и я, и ее смущение еще больше увеличивало мое.

Пройдя некоторое время, не говоря ни слова или говоря о хорошей погоде и прекрасных деревьях, я думал доставить ей удовольствие, заговорив о Вальморе и расхваливая его со всем пылом, который мне внушила живейшая и искренняя дружба, тем более, что мне казалось, будто она слушала меня с волнением и некоторым удовольствием.

В свою очередь, она мне говорила о своей подруге Корилле, восхваляя ее ум и веселость, выражая к ней самую нежную привязанность и уверенность, что никто не заслуживал больше, чем она, быть любимой и счастливой.

Но судите о моем удивлении, когда она прибавила, что Корилла с нетерпением ожидала приезда друга ее брата, которого она любила и за которого должна была выйти замуж.

— Мадемуазель Корилла выходит замуж!— воскликнул я.

— Я думала, что вы это знали,— заметила она в крайнем смущении.

Я таким образом узнал случайно тайну, которую желал знать, и все же не знаю (настолько человеческое сердце неисповедимо), доставило ли мне это открытие огорчение или

удовольствие. Но оно погрузило меня в мечты и неопределенное смущение, в которых я не мог отдать себе отчета.

Я проводил назад мадемуазель Динаизу, нежный голос которой не мог восстановить спокойствие в моей душе. Я испытывал такое сильное желание остаться наедине с самим собой, что ускользнул, как только получил возможность сделать это.

Глава тринадцатая

ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗДРАВИЕ. ВРАЧИ. БОЛЬНИЦЫ

«Очень любезно с вашей стороны, Вильям! Вы бросаете нас, чтобы проводить Динаизу, и не возвращаетесь даже, чтобы попрощаться со мной!.. Я рассердилась!..

Однако я готова вас простить: нужно лишь, чтобы вы пришли просить извинения. Приходите сегодня вечером, в восемь часов, чтобы проводить меня к Динаизе.

Приходите непременно! Я сообщу вам нечто весьма приятное. Приходите!»

Эта записка снова повергла меня в замешательство: «Что означают,— говорил я себе,— этот гнев и прощение? Что собственно хочет она мне сообщить? О своем браке? Не кокетка ли она? Нет, нет, она — сама искренность! Увидим!»

После завтрака я пошел вместе с Евгением и его знакомым врачом, который нас сопровождал, осматривать больницу квартала.

Я думал, что придется оставить там моего бедного товарища, чтобы излечить его от

возбуждения, вызываемого его постоянно возрастающим энтузиазмом от всего, что он видел в Икарии.

Признаюсь, что и сам я все больше и больше приходил в восхищение и целиком разделял взгляды, которые он изложил в своем рассказе брату о нашем посещении. Я сейчас приведу его письмо, но раньше сообщу о своем разговоре с Кориллой.

Она была готова, когда я пришел, и мы сейчас же вышли.

— Идите же,— сказала она мне, взяв меня под руку,— я хочу сообщить вам мою радость! Вы знаете, что брат мой любит Динаизу, он сходит с ума по ней, бедный мальчик!.. Но ведь она так мила, добра, любезна, очаровательна!.. Мне не нужно об этом говорить вам; услышав и увидев ее в первый раз, вы нашли ее голос божественным... наружность ангельской... Да, это ангел по отношению ко всем своим родственникам и друзьям, и если бы она была менее скромной, более уверенной в себе, менее дикой или робкой с людьми, которых она знает очень мало, она была бы совершенством.

— Она, стало быть, любит Вальмора? — спросил я ее.

— Да и как бы она не любила его, такого образованного, уважаемого славного юношу, брата ее лучшей подруги, лучшего друга ее брата, юношу, с которым она, так сказать, вместе выросла!.. О, как были бы мы все несчастны, если бы она не любила его!..

Сколько огорчения она мне иногда причиняла, когда у нее случайно вырывалось замечание, что она не могла бы никогда покинуть свою мать и поэтому не желала бы выходить замуж!.. Она, казалось, избегала Вальмора, хотя относилась к нему весьма дружески, когда они встречались. Бедный Вальмор не осмеливался говорить ей о своей любви, и все мы, мои родные и ее родные, которые желают этого брака так же, как мой брат, не осмеливались настаивать на положительном ответе. К счастью, однако, плохие дни прошли: с некоторого времени она бывает у нас чаще. Брат ее и мать подают нам самые лестные надежды; они даже больше не сомневаются в ее согласии, и мы условились, что послезавтра наши матери потребуют у нее положительного ответа, который нас всех переполнит счастьем. Вы увидите наши свадьбы... И, чтобы знать наверное, что у меня будет кавалер, который мне нравится, я заранее вас приглашаю: вы будете моим кавалером, Вильям.

Хотя я весьма искренно разделял ее пожелания, надежды и радость по поводу Вальмора, я чувствовал недовольство и был почти задет ее молчанием по поводу ее самой.

— И вы не имеете ничего больше доверить мне? — спросил я ее.

— Нет.

— Ничего?

— Да нет, несомненно, ничего.

— Вы скрываете от меня свой собственный брак.

— Как? Мать моя вам рассказала об этом...

— Нет.

— Так как же...

— Да нет, говорю я вам...

— Я так и думала...

— И этот брак вам нравится?

— Он дополнит их счастье... Это лучший из людей... Вы, несомненно, полюбите его, когда он вернется через два месяца... В письме, которое мой отец получил от него сегодня утром, он пишет, что, узнав вас по нашему описанию, он уже разделяет нашу дружбу к вам... Он будет одним из лучших мужей, а я буду одной из наиболее счастливых жен.

— А я, чем был бы я, если бы любил вас?

— Если бы вы меня любили... Ха, ха, ха [захохотав]... а прекрасная мисс Генриетта, которая вас любит, которую вы любите, на которой вы обещали жениться и на которой вы женитесь через восемь или десять месяцев...

— Вы смеетесь!.. Но если бы я вас любил, снова повторяю вам...

— Что вы хотите этим сказать? — воскликнула она с ужасом.— Сколько упреков, сколько сожалений, сколько угрызений, как была бы я несчастна!.. Вильям, милорд, пожалуйста, успокойте меня скорее!..

— Так вот, да, я вас люблю, я вас нежно люблю... Я вас люблю, как самый нежный брат, как самый почтительный и преданный друг...

— Ах, я могу вздохнуть свободно,— сказала она.— Какую тяжесть вы с меня снимаете. Какое благо вы мне доставляете!.. Я была в этом уверена!.. Но какой урок для девушек!.. Прощайте, мой друг, не заходите к нам, оставьте меня. Я побегу к матери рассказать ей, как ваша сестра счастлива дружбой своего нового брата!

«Святая дружба,— говорил я себе, удаляясь,— я знаю только тебя, но когда ты даешь нам такую подругу, кто лучше, чем ты, может заслужить наше поклонение и наше почитание!»

А теперь следует письмо Евгения к его брату.

Общественное здравие. Врачи. Больницы

Почему ты не здесь, около твоего брата, мой дорогой Камилл, ты, чье сердце исполнено любви к человечеству! Почему ты не находишься около твоего друга, чтобы делить с ним его восхищение и сожаления, его восторг и скорбь! Я только что осмотрел икарийскую больницу вместе с одним из здешних лучших врачей, который любезнейшим образом все показал мне и все объяснил. Слушай!

Не буду описывать тебе колоссальное здание, или, скорее, великолепный дворец, расположенный на небольшой открытой возвышенности, среди обширного и очаровательного сада, перерезанного красивым ручьем. Так как ты уже знаешь, что республика всегда стремится к удобству и привлекательности всех своих общественных зданий, воздвигаемых в соответствии с образцовым планом, то легко себе представишь, чем должна быть в Икарии больница, которая принимает не бедных и нищих, а всех граждан без исключения (когда они страдают серьезной болезнью), и граждан, живущих так хорошо! Я не лгу, говоря, что внутренность так же великолепна, как и внутренность роскошного дворца; она еще более прекрасна, чем внутренность домов, ибо республика думала, что больных граждан следует устроить еще лучше, чем граждан, находящихся в добром здравии.

Среди зелени и цветов видны статуи тех людей, которые оказали больше всего услуг лечебному искусству.

Но сильнее всего удивили меня меры предосторожности против шума, скверных запахов и вообще всего, что может раздражать больных, в особенности заботы о том, чтобы доставить им удовольствие — то гармонической и нежной музыкой, доносящейся из невидимого автомата, то приятными благоуханиями и всегда красочными предметами, услаждающими взоры.

И в такой же степени вызывали мое восхищение подвижные и эластичные постели, бесчисленные инструменты и машины, придуманные для переноски больных, а также чтобы дать им возможность принять любое положение, могущее принести им облегчение, или чтобы избежать несчастных случаев и боли, или чтобы облегчить операции и перевязки.

Все устроено так, словно самая заботливая и нежная мать употребила все усилия, чтобы удалить страдание от постели своего горячо любимого ребенка. Если бы ты видел, сколько здесь проявлено забот, чтобы сделать лекарства менее горькими, перевязки менее мучительными и даже операции менее страшными и менее жестокими! Можно сказать, что больной является любимцем благодетельного божества.

Я был глубоко тронут, но, однако, уже больше ничему не удивлялся, когда сообразил, что республика предписала комитету общественного здравия организовать все к наибольшему благу больных, не останавливаясь ни перед какими расходами. Меня уже больше ничто не поражало, когда я подумал, что в этой больнице нет ни одного наемного работника и ни одного бедного, а только граждане, которые ухаживают за больными, как за своими детьми, и больные, которые видят вокруг себя только братьев.

Каждый больной, его семья и друзья к тому же имеют удовольствие видеться так

часто и так долго, как это позволяет благоразумие и разрешает врач.

Когда этого требует характер болезни, больной помещается в отдельной палате, но обычно больные лежат в обширных залах, в которых помещаются кровати, а когда является семья, то место больного сразу превращается в закрытую комнату, куда можно войти, не проходя мимо других больных.

Посмотри, как все прекрасно устроено для ухода за больными!

Врачи, хирурги, аптекари и сиделки живут в районе больницы и, можно даже сказать, в самой больнице. Они настолько многочисленны, насколько это необходимо, и никогда не утомляются чрезмерно, так как каждый из них работает не больше шести или семи часов в день.

Ежедневно врачи навещают три или четыре раза всех больных, а в промежутках они всегда остаются в достаточном числе в больнице на случай, если бы потребовалась их экстренная помощь какому-нибудь больному. Кроме того, там находится много молодых врачей, которые всегда остаются в залах, чтобы перевязывать больных и следить за течением болезней, а также вызывать врачей в случае нужды.

Лечение больных производится по крайней мере тремя врачами, а операции — хирургом в присутствии двух других; в очень тяжелых случаях на консультацию собираются все врачи и хирурги больницы.

Ты понимаешь, насколько полезнее для больного лечиться в больнице, ибо, оставляя в стороне те удобства, которые он нашел бы дома в кругу своей семьи, он в больнице находит бесконечное число преимуществ, которые ему невозможно было бы получить в другом месте.

Впрочем, только в случае серьезных болезней больные перевозятся или переносятся в больницу, а эти заболевания, устанавливаемые врачами, хорошо известны во всех семьях из книг по гигиене.

Что касается легких болезней и недугов, которые не требуют помощи врача, то их лечат в семьях, главы которых, проходившие курсы гигиены и умеющие пользоваться книгами, прекрасно знают все случаи, когда вмешательство врача является необходимым, случаи, когда в них нет нужды, и способ лечения, которому надо следовать, и умеют готовить лекарства, большинство которых приготовляется в небольшой домашней аптеке.

Это всеобщее знакомство с гигиеной, в соединении с небольшими аптеками в каждой семье, представляет неоценимое нововведение, ибо если прежде семьи не умели приготовлять самые простые лекарства, которые прописывались врачами, не дававшими себе труда объяснять способ их приготовления, то теперь нет никого, кто не умел бы приготовлять обычные лекарства. В то время как большинство этих лекарств обычно при-

менялось наугад или даже во вред больному, теперь нет ни одного, которое не употреблялось бы осмотрительно и целесообразно.

В виде примера я возьму ножные ванны. Больные или другие члены семьи пользуются этими ваннами по предписанию, а часто без предписания врачей, причем врачи даже не осведомляются, хорошо ли в семье умеют приготовлять эти ванны. А между тем, ты хорошо знаешь, что ножная ванна может быть приготовлена на тысячу ладов, очень горячая или недостаточно горячая, очень длительная или недостаточно длительная, с большим или малым количеством воды и т. д. и т. п., и из тысячи способов только один полезен, а все остальные вредны, а иногда и гибельны; однако невежественные люди избирают почти всегда один из вредных способов. Сколько несчастий вызывалось таким образом, тогда как теперь в Икарии нет женщины или мужчины, которые не умели бы отлично приготовить ножную ванну.

Гигиена доводится до того, например для зубов, что ежедневный уход за ними с детства почти целиком охраняет их от мучительных и опасных заболеваний, которые были так часты в прежнее время.

Другое большое и ценное нововведение заключается в том, что к каждой мастерской, работа в которой может вызвать какие-нибудь несчастные случаи, приписан хирург с маленькой аптечкой, чтобы оказать сейчас же необходимую помощь пострадавшему.

Таким образом, врачи, особенно в городе, посещают семьи лишь изредка и только в экстренных случаях (ибо они чаще всего разъезжают по деревням). Для таких дальних поездок в небольшой общественной конюшне, устроенной при каждой больнице, всегда имеются наготове верховые лошади.

Стало быть, только в больнице врачи лечат больных, нуждающихся в их помощи, и главным образом только в больнице производятся почти все хирургические операции.

Из этого проистекает для успехов медицинского искусства неизмеримая польза, которую ты, конечно, понимаешь, а именно, все старые врачи или хирурги, молодежь и студенты, могут присутствовать — и присутствуют — при всех важных операциях и при лечении всех серьезных болезней. Таким образом опыт одного идет на пользу всем другим, и опыт этот весьма велик, потому что каждый врач или хирург наблюдает всех больных квартала или коммуны.

Но и другое важное нововведение должно вызвать твое удивление!

Икарийцы, убежденные, что серьезные и многочисленные неудобства проистекают оттого, что врачами, помогающими при родах, оперирующими и лечащими женщин, являются только врачи-мужчины, установили, чтобы среди врачей и хирургов было столько же женщин, сколько и мужчин, и чтобы только женщины осматривали, помогали при родах, оперировали и лечили женщин, в то время

как мужчины предоставляются исключительно заботам врачей-мужчин.

Ты не можешь себе представить, сколько преимуществ вытекает из этой медицинской революции!

Ты понимаешь, что женщина может быть столь же умна и образованна, как мужчина, в общем более терпелива, более обходительна, в особенности более приветлива, что она должна внушать больше доверия, менее оскорбляя стыдливость, и она может даже лучше знать болезни, свойственные ее полу. Но ты, быть может, скажешь: откуда у женщины возьмутся мужество и сила, особенно необходимые при хирургических операциях?

У женщин нет недостатка в мужестве. Более привычные, чем мужчины, к своим страданиям и к зрелищу чужих страданий, они умеют совмещать с мужеством большую ласковость, помогающую переносить страдание, а также большую отзывчивость к скорбям и способность утешать их.

Что касается силы, то женщины обладают ею в достаточной степени, так же как и достаточной сноровкой для всех обыкновенных случаев, в особенности пройдя хирургическую школу, и если в некоторых редких случаях оказывается необходимым вмешательство мужчин, то это вмешательство испрашивается самой женщиной-врачом, делающей операцию.

Таким образом, в республике нет акушеров, а есть только акушерки, нет хирургов и

врачей для женщин, а есть только женщины — хирурги и врачи.

Когда женщины серьезно заболевают, то их, как и мужчин, направляют в больницу. Поэтому каждая больница состоит из двух одинаковых отдельных зданий: одного — для женщин, где лежат только женщины, и другого — для мужчин, где находятся только мужчины.

А вот и другое нововведение. Почти все женщины рожают в больнице, куда они переходят за несколько дней до родов и остаются в течение необходимого времени. Из опасения, что это нововведение отпугнет многих женщин, республика долго откладывала его применение, пока воспитание и общественная польза не убедили женщин, что эта мера не представляет для них никаких реальных неудобств и что они, напротив, найдут в ней неизмеримые преимущества для своих детей, для себя и для нации.

Ты понимаешь, что при таких условиях установить факт рождения очень легко. Именно в больнице, в самый момент родов, регистрируется рождение согласно заявлениям акушерок.

Ты понимаешь также, что при наличии системы общности нет никаких мотивов скрывать рождение и гражданское состояние ребенка.

Некоторые женщины, однако, рожают у себя, но всегда в присутствии по меньшей мере трех акушерок, и исключительные слу-

чаи, при которых женщины пользуются лечебной помощью вне больницы, более многочисленны, чем для мужчин.

Маленьких детей большей частью лечат надому, и до пятилетнего возраста и мальчиков и девочек всегда лечат женщины.

Детей старшего возраста лечат в небольшой школьной больнице или в обычной больнице.

Что касается немощных или стариков, которые могут пользоваться уходом как в семье, так и в больнице, то их окружают нежным уходом родные.

Никогда не увидишь здесь такого возмутительного зрелища, как слепой, передвигающийся с помощью палки или собаки и вынужденный, в упрек людям и природе, просить милостыню. Нет, напротив, более трогательного зрелища, какое видишь здесь в местах гулянья, когда юноши или девушки катают в прекрасных маленьких колясках старых родителей или братья и сестры — маленьких детей, в сопровождении отцов и матерей!

Ты легко догадаешься, что все службы, больницы, кухня, прачечная, бани представляют собою огромные и великолепные постройки, но, что тебя больше всего очаровало бы,— это меры, принятые, чтобы всюду при помощи машин, без шума и почти без помощи рук, поднимать все кушанья, лекарства и снадобья, ванны и воду до самой постели больных.

Еще более удивили бы тебя аптека, ее лаборатория и армия фармацевтов.

Представь себе, если можешь, ее огромные размеры, когда я скажу тебе, что в квартале или коммуне имеется лишь одна такая аптека, которая доставляет не только все необходимые лекарства для больницы, но и снабжает ими все домашние аптеки.

Но всего этого мало, мой дорогой Камилл,— нужно ознакомиться с системой медицинского образования.

Молодых девушек семнадцати лет и молодых юношей восемнадцати лет, желающих посвятить себя какой-нибудь отрасли медицины или хирургии, сперва подвергают экзамену, чтобы проверить их элементарное образование.

Все допущенные к изучению медицины проходят в специальной медицинской школе в течение пяти лет общие курсы, целью которых является ознакомление их, одинаково для всех, со всем состоянием медицины и хирургии.

После нового экзамена каждый выбирает медицину или хирургию и проходит затем в течение двух лет курсы, представляющие для него специальный интерес.

После третьего экзамена каждый хирург или врач опять-таки выбирает себе одну из многочисленных специальностей и в течение года проходит еще новые частные курсы.

Таким образом, имеются врачи по всем болезням и врачи-специалисты; врачи по

детским болезням, врачи-психиатры и врачи по разным глазным болезням; точно так же имеются хирурги вообще, затем дантисты, окулисты, акушерки и другие специалисты-хирурги для сложных хирургических операций.

Только после четвертого экзамена учащийся получает звание врача или хирурга и может заниматься своей профессией.

И никто не может жаловаться на продолжительность обучения, ибо каждый получает содержание от республики.

Но представляешь ли ты себе, что за люди все эти врачи-хирурги, и, например, эти дантисты, которые так же учены, как и самый ученый врач и самый ученый хирург?

Поэтому (ты, быть может, будешь смеяться, а между тем это правда) искусство и наука дантиста настолько усовершенствованы, дети до такой степени приучены ухаживать ежедневно за своими зубами, дантисты так часто посещают семьи, что икарийцы почти не знают уже ни страшной зубной боли, ни потери зубов.

Прибавь теперь к этим средствам все, что можно придумать с целью облегчить и усовершенствовать занятия: анатомические музеи (содержащие препараты всех частей человеческого тела и картины всех болезней — в виде костей, скелетов, в воске и рисунках); музеи краниологии (содержащие тысячи замечательных черепов со всеми их особенностями); музеи сравнительной анатомии (демонстрирующие строение всех животных);

хирургические музеи (содержащие все инструменты и описание операций) и т. д. и т. п.

Прибавь также практику в связи с теорией, ибо, как только учащиеся получили достаточную подготовку, они присутствуют в больницах при всех лечебных процедурах и всех операциях, делают больным перевязки и следят за их лечением.

Прибавь, наконец, такое неизмеримой важности нововведение, что все трупы без исключения вскрываются в огромном амфитеатре в присутствии всех учащихся, под руководством одного или нескольких врачей, которые пользовали усопшего, и протокол, составляемый при всяком вскрытии, регистрирует все поучительные факты, не упоминая имени данного лица.

Республика долго не могла победить предрассудок в отношении вскрытий, как она долго не могла победить предрассудок в отношении родов в больнице в присутствии многих других женщин, но, наконец, при помощи непреодолимого могущества воспитания и общественного мнения, она сумела убедить каждого, что его рождение и смерть, как и его жизнь, должны быть посвящены благу ему подобных. Первые обращенные сами завещали вскрывать их, тогда как другие запрещали это делать; в настоящее время разум одержал окончательную победу над предрассудком.

Эти два главных акта — роды и вскрытие — окружены, впрочем, по постановлению

республики, известного рода религиозным почитанием.

В течение нескольких лет имена рожениц и лиц, подлежащих вскрытию, оставались неизвестны присутствовавшим при нем лицам; даже в настоящее время тела женщин доверяются только женщинам. Это священная реликвия, которую не должен профанировать глаз мужчины, тем более, что вскрытия, производимые женщинами-хирургами, опубликовываются как сделанные мужчинами-хирургами. [19]

В другой раз я расскажу о погребении, а пока скажу только: вместо того, чтобы быть предоставленными гниению и червям, останки людей посылаются в небо, превращенные в пламя, которое не нуждается в кладбищах и не боится никаких профанаций.

Я не кончил бы, если бы хотел, дорогой мой брат, описать тебе все выгоды, которые вытекают из этой системы погребения, родов и наблюдений над трупами, производимых врачами и хирургами всех специальностей, из которых одни исследуют сердца, другие печень или иные части тела. Скажу, однако, что роды совершаются не только без всякой опасности как для матери, так и для ребенка, но что их умеют обставлять и облегчать почти до полного устранения всякой боли. В настоящее время умеют даже производить на теле ребенка операции, которые имеют огромное влияние на его здоровье, силу, физическое и умственное совершенство.

Что касается вскрытий, то открытия, к которым они дали повод, заставляют смотреть на них как на одно из величайших благодеяний, полученных человечеством.

Мне не нужно говорить тебе о журналах по медицине и хирургии, которые публикуют все наблюдения, усовершенствования и открытия.

Мне не нужно также говорить тебе о фармацевтах и о фармации. Ты, конечно, понимаешь, какая революция совершилась в этой важной профессии: исследования фармацевтов, их теоретическое и практическое образование, в особенности их безукоризненная честность, проистекающая из высокой квалификации и стремления заслужить общественное уважение при отсутствии всякого интереса к обогащению.

Могу тебе сказать, что их искусство сделало такие успехи, что им удалось нейтрализовать все неприятные свойства лекарств и сделать их даже почти все приятными.

Ты можешь сам догадаться, что сиделки имеют необходимую подготовку, но я прибавлю, что эта профессия вообще избирается лицами, которым их плохое здоровье запрещает брак и которые, будучи лишены возможности дать отечеству новых граждан, посвящают себя сохранению тех, которых оно имеет, в то время как республика ничего не щадит, чтобы обеспечить им все другие средства быть счастливыми, а больные почитают их, как служителей божества!

Суди теперь, мой дорогой друг, каковы последствия всех этих революций в медицине, хирургии, гигиене и фармации! Результаты таковы, что несколько болезней, которые считались неизлечимыми, теперь легко излечиваются, другие совершенно исчезли, и смертность необычайно уменьшилась.

Икарийцы не только заимствовали из-за границы оспопрививание с целью предотвратить такой бич, как оспа, которая обезображивала людей и уносила их массами в могилу. Они ввезли или открыли много других средств с целью предотвратить другие, почти столь же страшные бедствия, и в то время как гений воспитания учит заик говорить плавно, глухонемых — все понимать глазами и все говорить пальцами, слепых — все видеть при помощи осязания, хирургия возвращает речь немым, слух — глухим, зрение — слепым и члены тела — тем несчастным, которые лишились их. Таким образом, теперь можно сказать: в Икарии нет больше ни слепых, ни глухих, ни немых, ни беззубых и т. д. Республика доставляет также каждому все инструменты и все лекарства, необходимые для его здоровья.

И все эти инструменты безукоризненны, так как никто не заинтересован в том, чтобы производить и распределять плохие.

Нет ничего более любопытного, чем магазин, в котором они содержатся.

Их распределяет опытный хирург-механик, весьма искусно приспособляющий их к нуж-

дам больного. Если бы ты видел, например, как внимательно выбирает окулист стекла, которые необходимы для исправления зрения, подбирая почти всегда различные стекла для каждого глаза.

И ты можешь быть уверен, что такого рода приборы выдаются только тем, кто в них действительно нуждается.

Ты не найдешь здесь смешной моды носить бесполезные и вредные очки.

И тебе никогда не приходилось бы здесь возмущаться, как это ты часто делал, привычкой, обыкновенно столь же бесполезной и стеснительной для того, кто ее имеет, как и неудобной и неприятной для присутствующих, столь же расточительной для бедного, сколько смешной для молодых девушек и юношей, мерзкой привычкой к табаку — нужно назвать ее настоящим именем!— ибо ты увидел бы здесь курящими или нюхающими табак только незначительное число людей, которым врачи выдают табак, как необходимое лечебное средство.

Ко всем улучшениям, которые общественное здравие получает от медицины, прибавь, мой дорогой Камилл, все те, которые оно получает от нового общественного строя.

Так, например, нет больше вредных производств, нет чрезмерного труда ни для женщин, ни для детей, ни для мужчин, почти нигде нет несчастных случаев, нет нищеты, плохих съестных припасов, пьянства, неумеренности, а следовательно, почти нет пода-

грических заболеваний, нет больше сильных страстей, а потому и почти нет сумасшедших; нет больше разврата, а потому нет больше позорных болезней, которые под покровом тайны уносили столько жертв.

Прибавь, наконец, что исчезли и те гибельные привычки, которые с детства истощают тело, губят разум, иссушают сердце и душу и приносят человечеству, быть может, больше зла, чем чума. Республика, комитеты воспитания и здравия, отцы и матери так много сделали и так много делают, что этот враг юности почти совершенно исчез.

Вот какая колоссальная революция в общественном и индивидуальном здравии. В республике нет теперь и сотой части больных, которые были в стране до революции.

Какая разница также в продолжительности жизни. Детство счастливое и лишенное труда, зрелость без усталости и забот, благополучная старость без печали почти удваивают средний возраст человеческой жизни.

Какой рост населения, которое увеличивается непрерывно благодаря плодовитости женщин, не знающих безбрачия, всегда здоровых и счастливых, в то время как молодежь не истребляется теперь ни путем детоубийства или войн, ни избиениями или казнями, ни убийствами, дуэлями или самоубийствами. Таким образом, с двадцати пяти миллионов жителей, которых Икария насчитывала в 1782 году, она теперь дошла

почти до пятидесяти миллионов, не считая нескольких колоний!

И это еще не все! Больше всего приходится удивляться улучшению чистоты крови, цвета лица, красоты форм.

Ты знаешь, как сильно влияют избыток или нужда, спокойствие или горе, достаток или нищета на физическую красоту и умственные способности. Ты знаешь, насколько дети богатых в общем более красивы, чем дети бедных, как известные категории населения красивы и как некоторые другие обезображиваются нищетой.

Рассчитай поэтому, какое действие на физическое и нравственное совершенствование должны были произвести все нововведения и все благосостояние, которым наслаждаются икарийцы.

В первые дни после моего приезда я почти не верил своим глазам, когда видел столько сильных и величественных мужчин, прекрасных женщин, красивых молодых людей, очаровательных девушек и детей, которых можно было принять за ангелов. Но теперь я уже ничему не удивляюсь!

Прими еще во внимание, что вот уже пятьдесят лет, как многочисленная комиссия, учрежденная Икаром, состоящая из врачей и наиболее сведущих людей, занимается непрерывно усовершенствованием человеческого рода в убеждении, что человек во всех отношениях бесконечно более способен к усовершенствованию, чем другие животные и растения.

Республика прежде всего устанавливает при помощи этой комиссии случаи, в которых молодой человек или молодая девушка могут дать жизнь больным детям, а закон тогда запрещает им вступать в брак. Он предписывает родителям больного не только предупредить юношу и девушку о болезни, но и воспротивиться браку; он обязует должностных лиц напомнить им их долг в этом отношении до торжественного обручения, и хотя этот закон не имеет никакой другой санкции, кроме общественного мнения, никто его не нарушает,— такова его сила и сила воспитания!

Но это еще не все. Из всего, что я видел здесь или узнал, ничто не поразило меня до такой степени, как труды, опыты, наблюдения, открытия, достижения и перспективы этой комиссии усовершенствования, журнал которой жадно читается всеми учеными. И когда я размышляю об этом, ничто не вызывает во мне большего раздражения против аристократии и монархии, которые в продолжение стольких веков совсем не заботились об усовершенствовании человеческой расы и в то же время столько трудились над усовершенствованием пород собак и лошадей, тюльпанов и персиков.

Заметь только эту непоследовательность. Почти всегда и почти всюду запрещали брак между братом и сестрой. И почему? Потому что знали, что если бы братья и сестры вступали между собою в брак в течение не-

скольких поколений, то дети их все больше вырождались бы. Стало быть, уже была понята необходимость смешивать кровь, смешивать семьи, скрещивать расы. И несмотря на это, ограничились одним только запрещением браков между близкими родственниками.

Здесь, напротив, республика, добрая республика, Народное представительство, комиссия усовершенствования, сам народ думают и работают постоянно над улучшением человеческой расы; брюнет выбирает блондинку, блондин — брюнетку, горец — дочь равнины, и часто северянин — дочь юга. Республика ведет переговоры с несколькими наиболее красивыми чужеземными народами, чтобы получить большое число красивых детей обоего пола, которых она усыновляет, воспитывает и сочетает со своими гражданами. И, как бы ни были уже великолепны результаты этих опытов, я не осмелился бы сказать тебе, как далеко заходят надежды икарийских ученых по вопросу о физическом и умственном усовершенствовании человечества.

И все эти чудеса, которые преисполняют меня восхищением и в то же время гнетут меня скорбью при мысли, что Июльское солнце могло вырастить такие же прекрасные плоды на плодородной земле нашего прекрасного отечества, а произвело только бунты и гражданскую войну, расстрелы и обстрелы картечью, проскрипции и казни вместе с извращением умов, раболепством душ и трусостью сердец!.. О мой брат! О мое отечество!

Глава четырнадцатая

ПИСАТЕЛИ. УЧЕНЫЕ. АДВОКАТЫ. СУДЬИ

Я собирался выйти, когда ко мне вошел Вальмор, сияя радостью.

— Я слишком счастлив,— сказал он, бросившись ко мне на шею,— чтобы не сообщить тебе сейчас же о моем счастье! Ибо мы теперь почти братья, так как моя сестра почти твоя сестра, и я хочу с тобой обращаться, как с братом, так как жду от тебя всех свидетельств братской дружбы... Мое счастье поэтому должно быть твоим счастьем, как твои муки были бы моими страданиями. Корилла вчера мне сказала и всем нам рассказала после твоего ухода, и я не знаю, что доставляет мне большее счастье: дружба моей сестры к тебе или нежность Динаизы к твоему другу. С каким нетерпением я жду ее согласия! Какими долгими покажутся мне эти два дня, хотя брат ее и мать почти уже дали мне за нее слово!

О друг мой, как я буду счастлив! Если бы ты знал, какое это сокровище, какой ангел!.. Ты ее видел и слышал. Но ты не знаешь ее

ума, ее души, ее сердца... Если бы ты знал ее, как я, ты понял бы мой энтузиазм, мои восторги... Ты, быть может, полюбил бы ее тоже... но тогда я убил бы тебя!..

— Хорошо, очень хорошо,— сказал я ему со смехом.— Как икариец-мудрец, философ, умей укрощать свои страсти! Как ты торопишься, мой бедный Вальмор! Ты стало быть, Каин в Икарии, священник-человекоубийца!

— Да, так... но мисс Генриетта ведь существует... И ты был бы бессмертен,— прибавил он, обнимая меня,— если бы тебе пришлось умирать только от руки Вальмора!

Но будем говорить серьезно; мы проведем вечер вместе, и Корилла просит тебя притти пораньше. Не забудь же!

Когда он закончил эти слова, вошел со смехом Евгений.

— Вы еще не знаете?— спросил он.— Я вчера чуть не подрался!

— Вы — драться! В этой стране! Вы шутите?

— Да, я все еще смеюсь над этим... Он весь покраснел от гнева, это большое животное, прибывшее уже дня три-четыре тому назад неизвестно откуда, что-то весьма трудно определимое. Вы, вероятно, заметили его огромную бороду и острый чуб.

— А что было серьезной причиной вашей ссоры?

— Вы сейчас узнаете! Разговор шел о прелестной песенке, посвященной женщине, и по

поводу этого кто-то сказал, что все икарийские песенки очень хороши, потому что никто не может напечатать какое-либо сочинение без разрешения республики. «Вы ошибаетесь,— воскликнул человек с острым чубом, грубо прервав его.— Невозможно, чтобы республика налагала цензуру, как это делала монархия! Это невозможно!» «Не знаю,— сказал я в свою очередь,— но я также думаю, что писать можно только с разрешения республики.» — «Так вот, вы неправы, думая это!» — «Однако разве это не простое следствие принципа общности?» — «Такое следствие было бы явной нелепостью!» — «Но мне кажется, что республика могла бы позволить печатать книги лишь известным людям, как она позволяет только фармацевтам приготовлять лекарства.» — «Ваша столь хваленая республика была бы более деспотической, чем деспот!» — «Но, милостивый государь, свобода не есть право делать все без различия, она состоит только в том, чтобы делать лишь то, что не вредит другим гражданам, а некоторые песенки могут представлять собою нравственный яд, столь же смертоносный для общества, сколько и физические яды.» — «Вы противник свободы печати!» — «Нет, милостивый государь, я желаю, чтобы она была в деспотических монархиях, но в Икарийской республике...» — «Вы переодетый аристократ!..»

Я, быть может, оборвал бы грубияна, если бы взрыв смеха слушателей, когда он назвал

меня аристократом, не заставил меня самого рассмеяться и не положил конец спору.

Так вот, что скажете вы по этому вопросу, вы, посещающий ученых,— прибавил Евгений, обращаясь ко мне,— или скорее вы, господин икарийский ученый?— сказал он, обращаясь к моему другу.

— Вам ответит Вильям,— сказал Вальмор.

— Право, я не знаю ничего определенного по этому вопросу,— ответил я,— но я думаю, как и вы, основываясь на том, что мне известно об организации Икарии, что писание сочинений должно быть профессией, как и медицина; я думаю, что здесь имеются национальные ученые, писатели, поэты, как имеются национальные врачи, священники, профессора; я убежден даже, обдумывая этот вопрос, что одна только республика может печатать книги, так как только она имеет типографии, печатников, бумагу и т. д., и республика, несомненно, печатает только хорошие произведения. Никто не может продавать книг, потому что никто не имеет денег, чтобы купить их: никто не может иметь никаких книг, кроме книг, распределяемых бесплатно, и опять-таки несомненно, что республика не может распределять плохие книги.

— Да, ваши аргументы грубияну мне кажутся неопровержимыми. Я убежден, что никто не может печатать свои произведения без согласия республики, и в этом нововведении, которое на первый взгляд удивляет, я не вижу никакого неудобства, ибо кто мог бы

жаловаться, что он не может напечатать плохую книгу (которую все равно не читали бы), когда республика дает каждому пищу, одежду и жилище? И если какой-нибудь хороший гражданин, посвящая свои досуги общему благу, пишет полезное произведение, то как можно допустить, что республика не позаботится принять его и напечатать?

— Что касается меня,— заметил вновь Евгений,— то я не только не вижу никаких неудобств, но предвижу огромные выгоды. Я предполагаю, что труд писателя рассматривается как профессия; в восемнадцать или семнадцать лет молодой человек или молодая девушка, которые желают выбрать эту профессию, получают разрешение на это только после экзамена, свидетельствующего о наличии соответствующих способностей; будущий писатель получает тогда, в течение пяти или шести лет, необходимое специальное образование, и его произведения печатаются в силу закона по докладу комитета. Разве в этом случае мы не имели бы гарантию, что не будут печатать больше плохих книг, и в то же время все возможные шансы получить желаемые хорошие книги? Республика имела бы таким образом национальных историков, романистов, поэтов, сочинителей песен, как в былое время короли имели получавших пенсии писателей. Она требовала бы у них таких сочинений, которые она считала бы полезными. Не было бы тогда ни скабрезных романов, ни грязных песен; ни-

кто не имел бы нужды спешить, чтобы написать посредственное произведение. И эта система, примененная ко всем отраслям литературы, наук и искусств, могла бы привести к совершенству. По зрелом размышлении это и есть система Икарии!

— Вы оба хорошо разобрались,— сказал Вальмор,— и я вижу с большим удовольствием, что вы уяснили себе основы нашего строя. А теперь продолжайте!

— Так как все мальчики и все девочки,— сказал я,— обучаются элементам всех наук и проходят курс литературы, то все икарийцы без исключения имеют представление обо всем и умеют выражать свои мысли устно или письменно. Совершенство икарийского языка и привычка к лаконизму,[20] которую каждый приобретает с детства, должны еще больше распространить умение легко писать. Нет, несомненно, ни одного рабочего, который не был бы способен послать в комиссии и журналы хорошо написанные заметки, содержащие полезные указания, и, вероятно, среди них имеется множество таких, которые после своих обязательных работ в мастерской составляют хорошие произведения всякого рода, лучшие из которых могут быть приняты и напечатаны республикой.

— Именно так,— сказал Вальмор.

— Что касается многочисленных профессиональных ученых (химиков, геологов, механиков, физиков, астрономов и т. д.), то здесь дело обстоит совершенно иначе. В

течение долгого времени, начиная с семнадцати и восемнадцати лет, их специальные занятия должны быть до такой степени глубокими и основательными, чтобы в самых различных отраслях ученые двадцати пяти лет могли в общем овладеть своей наукой или своим искусством во всех деталях и посвятить остаток долгой и счастливой жизни экспериментам и открытиям, расширяющим пределы этого искусства или этой науки. Именно в этой массе ученых нашлись бы экспериментаторы, специалисты прикладных наук или искусств, профессора, авторы и редакторы научных и промышленных трактатов и журналов.

— Очень хорошо!

— И точно так же, как существуют мастерские для слесарей, печатников и других рабочих, будут устроены мастерские для писателей (историков, поэтов и т. д.), ученых (химиков, астрономов и т. д.) и художников (живописцев, скульпторов и т. д.); и эти мастерские, с огромными залами для экзаменов, конкурсов и дискуссий, будут все построены по особому плану-образцу.

— Очень хорошо!

— И республика,— прибавил Евгений,— не будет жалеть никаких расходов для экспериментов, исследований, лабораторий, музеев химии и других полезных или приятных практических применений, для образования, редактирования трактатов и журна-

лов, печатания и распределения принятых произведений.

— Очень хорошо!

— И все произведения,— прибавил я от себя,— будут одобрены или приняты на основании конкурса или отбора между учеными таким образом, что всегда будет отобрано лучшее из большого числа хороших и прекрасных трудов.

— Очень хорошо! Очень хорошо!

— И республика,— продолжал Евгений,— печатает получившие предпочтение книги, чтобы распределять их бесплатно, как и все остальное, либо только между учеными, либо между всеми семьями, и таким образом библиотека гражданина составляется только из шедевров.

— Очень хорошо!

— И республика,— прибавил я,— могла распорядиться переделать все полезные книги, которые были не совсем удовлетворительны, например национальную историю, и сжечь все старые книги, которые найдены были опасными или бесполезными.

— Сжечь! — сказал Евгений.— Если бы мой грубиян вас слышал, он обвинил бы вас в подражании свирепому Омару,[21] который сжег Александрийскую библиотеку, или китайскому тирану, который сжег летописи страны, чтобы услужить своей династии!

— Но я ему ответил бы,— сказал Вальмор,— что мы делаем в пользу человечества то, что угнетатели делали во вред ему; мы

развели костры, чтобы сжечь дурные книги, тогда как разбойники или фанатики разводили костры, чтобы сжигать невинных еретиков. Однако мы в наших больших национальных библиотеках сохранили несколько экземпляров всех старых произведений, чтобы иллюстрировать невежество или безумие прошлого и прогресс настоящего.

— И счастливая Икария,— воскликнул Евгений, который постепенно приходил в возбуждение,— счастливая Икария двигается гигантскими шагами по пути прогресса человечества! Счастливая Икария не имеет больше ничего плохого, не имеет даже ничего посредственного и достигла почти во всем совершенства, тогда как мое несчастное отечество, которое также могло бы устремиться вперед с орлиной быстротой, терзается и мучается, как Прометей на своей скале, скованное деспотизмом, столь же гибельным для других народов, сколько и для моих соотечественников!

— Какой прекрасный молодой человек,— сказал Вальмор, когда Евгений вышел,— как он любит свое отечество и как он вместе с тем благороден!

После обеда Евгений проводил меня к Вальмору.

Мы нашли там госпожу Динаме и ее семью, и хотя Евгений бывал уже в нескольких семьях Икарии, он показался мне очень смущенным, когда случайно оказался между Кориллой и Динаизой: обе, казалось, сорев-

новались в дружбе к нему и наговорили ему много комплиментов по поводу его писем к брату, которые я давал им читать.

Со своей стороны, дедушка похвалил его за любезность, патриотизм и хорошее мнение, которое он составил себе об икарийцах.

— И икарийках,— прибавила Корилла.

Вальмор рассказал об утренней сцене, и все много смеялись, когда он говорил о грубияне с острым чубом, который назвал Евгения аристократом.

— Так как вы столь хорошо разобрались во всем, что касается наших писателей и ученых,— сказал дедушка,— то посмотрим теперь, верно ли вы себе представляете также и то, что касается воспитания наших юрисконсультов и должностных лиц.

— Да это вовсе не трудно! — ответил я.

— Посмотрим,— сказал старец.

— С вашими законниками,— сказал я,— дело обстоит так же, как и со всеми вашими учеными: в восемнадцать или семнадцать лет (ибо вы имеете, возможно, также и женщин-адвокатов)...

— И они вовсе не принадлежат к наименее способным,— сказала Корилла.

— ...молодые люди, желающие избрать эту профессию, допускаются к ней только после экзамена, свидетельствующего, что они завершили элементарное образование.

— Хорошо,— сказал с улыбкой дедушка.

— Будучи допущены, они в течение пяти или шести лет посвящают себя в юридиче-

ских школах и под руководством опытных профессоров специальным занятиям, имеющим своим предметом законодательство.

— Хорошо,— сказал старец.

— Хорошо! — повторили все другие.

— Они изучают не только все своды национальных законов, но и историю древних и иностранных законодательств.

— Хорошо! Хорошо! — закричала вся компания, аплодируя.

— Они изучают судопроизводство и законы, практику и теорию. Их приучают хорошо рассуждать и выражать свое мнение с надлежащей осторожностью. А так как они не имеют никакого побуждения обманывать своих клиентов, потому что находятся на содержании республики, то они берут на себя только такие дела, которые считают справедливыми. Им не приходится, как в былое время, унижаться перед прокурорами, которых они презирают, чтобы получить сомнительные процессы для защиты.

— Очень хорошо! Очень хорошо! — кричали со всех сторон, смеясь еще сильнее.

— И стряпчие почти так же образованны, как адвокаты, и не менее честны... И даже судебные пристава отличаются своим образованием, вежливостью и прекрасным почерком.

— Очень хорошо! Очень хорошо! — воскликнул Вальмор, смеясь еще больше.

— И судьи, выбранные из наиболее опытных и уважаемых адвокатов, совмещают в

себе добродетель с наукой и являются достойными служителями справедливости и закона. В особенности уголовные судьи...

— Но, дорогой мой Вильям, в какой стране вы теперь находитесь? — воскликнул Евгений, разражаясь смехом.— Обретаетесь ли вы во сне? Или вы сошли с ума? Разве вы забыли, что мы находимся в Икарии, в стране общности, где не может быть ни преступлений, ни процессов, потому что нет ни денег, ни собственности?

— Хорошо,— сказал Динар, потирая себе руки.

— Кому нужны эти своды и законы о собственности, продаже, гипотеках, векселях, банкротствах? Кому нужен уголовный свод, свод уголовного судопроизводства, свод гражданского судопроизводства? И не представляют ли собою все эти огромные своды негодные книги и глупые измышления?

— Очень хорошо! Очень хорошо! — воскликнула Корилла.

— И когда эти дамы только что вам аплодировали,— прибавил он, смеясь еще громче,— разве вы не видели, мой бедный Вильям, что они смеялись над вашей простотой!

[Все посмотрели на меня тогда с насмешливым видом.]

— А я думаю,— ответил я,— что именно таким образом должны быть воспитаны законники в Икарии... если бы они существовали; но я знаю так же хорошо, как и вы, мой милый друг-насмешник, что их не может

быть, и, в то время как вы забавлялись моей простотой, вы не видели, ни вы, ни другие, что я сам издевался над вашим легковерием!

Все тогда засмеялись еще больше.

— Таким образом,— продолжал Евгений,— все эти карикатуры или маски в черном платье, с просвечивающими под пудрой огромных париков свежими и розовыми щеками (каких мы видели много, мой дорогой Вильям), эти стаи черных гарпий с крючковатыми пальцами, эти банды голодных воронов — все это не существует больше в икарийском раю.

— А эта армия судей или палачей,— прибавил я,— в красном платье, чтобы скрыть кровь, которой они покрыты, эти негодяи осуждали истину (как много их, мой бедный Евгений),— в какой ад их отправили с тех пор, как их не видно в Икарии?..

— Как вы счастливы! — сказал Евгений, обращаясь к дедушке.— Нет больше никаких адвокатов, стряпчих, нотариусов, биржевых агентов, маклеров в Икарии! Никаких приставов, ни понятых, ни жандармов, ни полицейских, ни шпионов, ни тюремщиков, ни палачей! Нет больше ни великих, ни малых судей, красных и черных, приспешников тирании и пособников Люцифера![22] О, общность, какой бог был более благодетелен, чем ты!

И бедный Евгений даже не замечал, что молодые девушки смеялись над его энтузиазмом.

— И все же у нас есть,— заметил Вальмор,— преступления, уголовные законы и трибуналы.

— Но какие преступления,— сказал Евгений,— можно совершить здесь при системе общности и счастье, которым она вас затопляет? Воровство — невозможно. Банкротство, фальшивые деньги — невозможны. Никакого мотива для убийства. Никаких мотивов для поджогов, насилий, даже оскорблений. Никакого повода для заговоров. Поистине, я не нахожу места ни для каких, кроме эксцесса добродетели или маленьких грешков.

— И все же мы имеем крупные преступления,— прибавил Динар.

— Но какие преступления, скажите!

— Например, запоздание или неаккуратность при выполнении какой-нибудь обязанности; распределитель, пославший недостаточное количество; чрезмерные требования; убыток, причиненный неблагоразумием...

[При этом Евгений разразился смехом.]

— Одно из наиболее ненавистных преступлений для нас,— это клевета.

— Вы правы. Когда она обдуманна, клевета является воровством, трусливым убийством.

— Но у нас клевета приносит вред только клеветнику: оклеветанного защищают, как защищали бы жертву, на которую напали убийцы, и всякое обвинение, которое не доказано, производит так мало впечатления, как будто оно никогда не было выдвинуто.

— Стало быть, здесь нельзя сказать: «Клевещите — всегда что-нибудь останется». [23]

— Действительно, кое-что останется, но только против клеветника, зато против оклеветанного ничего, абсолютно ничего, не больше, чем если бы кто-нибудь сказал, что Динаиза ужасно безобразна...

— Кто тот преступник, который мог?..

[И все дети указали на меня пальцем, говоря: «Это Вильям. Это Вильям».]

— Но воспитание,— сказал Вальмор,— внушает нам такой ужас к клеветникам, чувство братства, развитое воспитанием, так неизменно, что вот уже больше двадцати лет нельзя было бы привести ни одного случая клеветы, тогда как, наоборот, иногда возбуждают преследование против граждан, не донесших о преступлении, свидетелями которого они были.

— И каковы наказания за преступления, которые оскверняют вашу несчастную страну? — спросил Евгений.

— Страшные,— ответил Вальмор.— Оглашение преступления трибуналом, осуждение, более или менее широкая публичность выговора (в пределах коммуны, провинции или всей республики); лишение известных прав в школе, в мастерской или в коммуне; исключение на более или менее продолжительное время из общественных мест, даже из дома граждан... Вы, кажется, смеетесь! Так знайте же, что воспитание приучило нас

бояться этих наказаний столько же, сколько в других странах боятся позорного столба или эшафота. *

— У вас нет даже тюрем?..

— Мы не нуждаемся в них.

— Но,— сказал я в свою очередь,— если бы нашелся какой-нибудь зверь, насильничество которого грозило бы общественной безопасности?

— У нас нет животных этого рода... а если бы нашелся, то его лечили бы в больнице...

— Но, в конце концов, как бы вы ни были в общем разумны и бескорыстны, не могли ли бы у вас иметь место убийства из ревности?

— Нет.

— Однако ты знаешь так же хорошо, как и я, кое-кого...

— Кто, кто? — воскликнули молодые девушки.

— Молчи!.. С убийцей обошлись бы, как с сумасшедшим. **

— Но тогда вы не нуждаетесь,— сказал Евгений,— и в том измышлении зла, в той адской машине, которую называют полицией.

---

* Я видел, как маленькая девочка в отчаянии кричала, потому что мать, в виде наказания, заставила ее есть гренки, намазанные вареньем снизу.

** В Англии все самоубийства приписываются временному умопомешательству. В противном случае труп вывозится в плетенке и лишается погребения.

— Говорите о своей Франции,— сказал я ему,— и квалифицируйте, как вам угодно, вашу полицию, но относитесь с уважением к нашим английским полисменам, которые следят только за ворами и пьяницами и вечером удостоверяются, хорошо ли заперты двери лавок и домов, чтобы каждый мог спать спокойно.

— Удивляйтесь скорее,— ответил он,— Икарийской республике, которой не нужно запирать свои двери и в которой нет ни пьяниц, ни воров, ни полиции.

— Вы ошибаетесь,— заметил Вальмор.— Нигде вы не найдете такой многочисленной полиции. Ибо наши общественные служащие и даже все наши граждане обязаны следить за выполнением законов и преследовать или изобличать все преступления, свидетелями которых они являются.

— И вы не боитесь ненависти или мести обвиняемого против обвинителя?

— Никогда. Ибо, с одной стороны, обвинитель обвиняет без страсти и без злости и, с другой стороны, обвиняемый хорошо знает, что закон вынуждает обвинителя выполнять свой долг из общих интересов. И если случайно осужденный увлечется чувством раздражения, то это было бы новое преступление, возмущение против закона, враждебный акт против народа, который бы вызвал всеобщее негодование. Но вы сейчас увидите тому пример, ибо сегодняшний журнал содержит приговор, который был вынесен по

такому поводу народным собранием одной из коммун нашей провинции.

— Корилла,— сказал дедушка,— прочти нам этот приговор, или лучше дай его маленькой Марии, которая покажет нашим гостям, как умеют читать икарийские дети.

Милая девочка, которой едва исполнилось семь лет, прочитала нам приговор с такой чистотой произношения, пониманием и изяществом, которые нас очаровали не меньше, чем доставили удовольствие старцу.

Вот этот приговор.

Приговор в Икарии

«Докладчик дисциплинарного комитета говорит, что Т..., будучи пред этим осужден собранием за преступление, в котором признался на основании показания Д..., обвинил последнего в его отсутствии в том, что он действовал злостно.

Докладчик добавляет, что это обвинение было бы бесчестящим для Д..., если бы оно было заслуженным, но что собрание может вспомнить поведение Д..., когда он давал свое показание; что никто не обвинял его тогда в злостности; что поэтому обвинение Т... является ложным и клеветническим, что эта клевета против гражданина, который только исполнил свой долг, тем более серьезна, что могла бы смутить общественный мир и отвратить граждан от повиновения закону и оказания услуг народу, и, наконец, что Т... заслуживает наказания, если он виновен.

Докладчик затем называет информатора и свидетелей.

Президент приглашает их предстать пред судом и допрашивает их. Они подтверждают изложенный факт.

Обвиняемый, вызванный в свою очередь, признает главный факт, указав только на незначительную ошибку свидетелей.

Тоном глубокого убеждения он заявляет, что закон в высшей степени справедлив и полезен, что Д... только выполнил долг хорошего гражданина, что он глубоко сознает, что поддался первому движению досады, но хочет исправить свою ошибку тем, что сам призывает своих сограждан применить к нему закон.

Некоторые члены берут на себя его защиту, хотя и не извиняют его целиком.

Докладчик затем выступает против него, признавая, однако, благородный и патриотический характер его раскаяния.

Затем президент обращается к собранию:

— Виновен ли Т... в клевете?

Собрание отвечает утвердительно вставанием.

— Имеются ли смягчающие обстоятельства?

— Да,— почти единогласно.

Наконец докладчик и два других члена дисциплинарного комитета, быстро обсудив между собою вопрос, предложили в виде наказания публикование дебатов в коммунальном журнале с указанием имен сторон и

публикование приговора в провинциальном и национальном журналах без указания имен. Предложение это было принято народным собранием единодушно».

— Как! — сказал Евгений, в то время как я обнимал маленькую чтицу,— народное собрание и есть трибунал?

— А почему нет? Разве вы не повторяете постоянно, что гражданин должен быть судим равными себе, т. е. своими согражданами?

— Всеми?

— А почему нет? Разве трибунал из двух или трех тысяч не имеет большего значения, чем трибунал из двух или трех?

— И народное собрание судит все преступления?

— О нет! У нас есть и другие трибуналы... Каждая школа является трибуналом, который судит школьные преступления; каждая мастерская судит преступления в мастерской; Национальное представительство судит преступления, совершенные в его среде; каждая семья превращается в судебную палату и судит семейные преступления... Вы видите, что нигде нет такого числа трибуналов и нигде обвиняемые не могут так справедливо похвалиться тем, что их судят равные.

— Женщин, стало быть, судят женские трибуналы?

— А почему нет? Женские проступки, совершенные в мастерской, подлежат суду товарок по мастерской, которые являются

ничуть не менее опытными судьями. За другие проступки женщин судят старшие женщины в семьях. А если имеется налицо серьезное преступление, то они должны предстать пред народным собранием.

Но икарийские женщины...

— Ангелы, не правда ли?

— И ваши народные собрания, несомненно, не часто имеют удовольствие увидеть их в качестве обвиняемых.

— Никогда. Вы можете легко сообразить,— прибавил Вальмор,— что маловажные проступки, совершенные во время общего обеда в ресторане округа, подлежат суду собрания обедающих, а так как это всегда все граждане с одной улицы, и все они собираются, естественно, каждый день, то они ежедневно судят все незначительные публичные проступки, совершенные накануне жителями улицы.

— Это, наверное, очень удобно и целесообразно,— заметил я,— но если многие из судей окажутся пьяными...

— Пьяными! Ты забываешь, что ты говоришь об Икарии!

— Ко всем этим трибуналам прибавьте еще, что каждый гражданин имеет право и обязанность вмешаться в спор двух других, если он грозит выродиться в ссору, и спорящие должны разойтись, если третий приглашает их сделать это магическим именем закона.

Прибавьте также, что когда у нас возникает какое-нибудь разногласие, мы имеем обыкновение выбирать священника или другого гражданина в качестве полюбовного арбитра-примирителя.

— Я вижу,— воскликнул Евгений,— что раздор и фурии могут остаться в аду или источать свои яды в других местах, а не у вас!

— У нас есть даже,— прибавил Динар,— трибунал для мертвых.

— Ах! Меня это очень радует,— воскликнул Евгений,— ибо ничто меня не возмущает так сильно, как торжество преступления, и я часто желал, чтобы трупы тиранов были вырыты, судимы и преданы вечному позору.

— Этот трибунал,— продолжал Динар,— был учрежден по предложению Икара. В первый год нашего возрождения Национальное представительство постановило, чтобы все историки Икарии собирались ежегодно в течение одного месяца, с целью высказаться, после обсуждения, о спорных пунктах истории и судить людей и дела прошлого.

Этот исторический трибунал сперва судил память главных икарийских исторических личностей с 1772 года, потом деятелей предшествующего периода, затем — наиболее знаменитых иностранцев, всегда стараясь тщательно расследовать истину.

— Вы, стало быть,— сказал я ему,— имеете официальную биографию всех знаменитых людей древности?

— Мы имеем биографии всех наших соотечественников, но, хотя труд этот начат еще пятьдесят лет назад, он все еще не закончен для других стран.

Мы имеем, кроме того, Исторический музей, настоящий храм справедливости, нечто вроде Пантеона и Пандемониума,[24] где, по предложению дисциплинарного комитета, Национальное представительство присуждает славу старым друзьям народа и позор врагам человечества.

Вы увидите там Икара во главе славных и Ликсдокса во главе негодяев.

— Я увижу его,— вскричал Евгений,— я спустился бы в самый ад, чтобы увидеть там злодеев и тиранов, изобличенных и опозоренных.

— Счастливая Икария,— прибавил он,— которая показывает, наконец, народам пример справедливости. Несчастная Франция, которая может показать только пример несправедливости!

Эта новая выходка Евгения опять вызвала смех молодых людей. И старец, опасаясь, чтобы их веселье не показалось насмешкой, уверил моего демократического друга, что вся семья любит и уважает его за искренность, пыл и патриотический энтузиазм.

Глава пятнадцатая

ЖЕНСКАЯ МАСТЕРСКАЯ. РОМАН. БРАК

Вальмор, казалось, не мог усидеть на месте. Бедный юноша горел нетерпением узнать свой приговор из уст Динаизы.

Битый час рассказывал он нам — мне и Евгению — о совершенствах своего божества, о своей любви и счастье.

— Но,— воскликнул он, наконец,— мы болтаем, тогда как мы должны были уже быть в пути! Пойдем скорее, не то мы опоздаем.

— Вы пойдете с нами? — сказал он Евгению.

— Нет, мне нужно писать...

— Бросьте, напишете завтра, пойдемте с нами посмотреть наших красивых работниц в их мастерской.

— Ваших работниц! — воскликнул Евгений.— Бегу туда! Подождите только минуту, я сейчас же вернусь.

Мы сели в омнибус, и через десять минут уже входили в мастерскую модисток.

Вальмор повел нас в салон директрис, который господствовал над всей мастерской и

откуда можно было видеть все, не будучи замеченным.

Какое зрелище! Две тысячи пятьсот молодых женщин, работающих в одной мастерской, одни сидя, другие стоя, почти все очаровательные, с прекрасными волосами, стянутыми на голове или падающими на плечи буклями, все с изящными фартуками поверх изящных платьев. В руках у них шелка, бархат ярких цветов, кружева и ленты, цветы и перья, роскошные шляпы и изящные шапочки.

Это были работницы, столь же образованные, как и самые воспитанные женщины других стран. Все они были художницы, у которых привычка к рисованию развила прекрасный вкус. Это были дочери и жены различных граждан, работавшие в мастерской республики, чтобы украшать своих сограждан ок или, скорее, своих сестер.

Вальмор показал нам одну из дочерей высшего должностного лица столицы, затем жену президента республики. Вблизи от нас сидели его сестра и сестра Динаизы, и ни одной из них не приходило в голову, что она может стоять выше какой-либо из своих товарок.

И как здесь все было приспособлено, чтобы доставить удобства и удовольствия этой женской молодежи, цвету нации! Как чудесно разукрашена вся мастерская! Каким тонким благоуханием был напоен там воздух! Какая чудесная музыка слышалась там

время от времени! Все говорило о народе, поклоняющемся женщинам, о республике, более внимательной к удовольствиям своих дочерей, чем к благу других своих детей. [25]

Одна из директрис объяснила нам основы управления мастерской, правила распорядка, обсуждаемые работницами, выборы всех шефов самими работницами, разделение труда и распределение работниц. Можно было подумать, что видишь пред собой великолепно дисциплинированную армию.

Другая рассказала нам, что мода никогда не меняется, имеется только определенное число различных фасонов для шляп, токов, тюрбанов и шапочек, модель каждого из этих фасонов была выбрана и установлена комиссией модисток, живописцев и т. д. и каждый головной убор так скомбинирован, что может по желанию суживаться или расширяться и подходит почти ко всем головам, так что нет надобности снимать мерку с каждой головы.

Так как республика желает, чтобы всякая вещь производилась как можно быстрее, то каждая шляпа, например, комбинируется таким образом, что делится регулярно на большое число отдельных частей, которые фабрикуются в огромных количествах механическим способом, и работнице приходится только сшивать и скреплять эти части; поэтому она может закончить шляпу в несколько минут.

Навык, который приобретает каждая работница, выделывающая всегда одну и ту же вещь, удваивает скорость работы и придает ей совершенство.

Самые изящные головные уборы рождаются тысячами каждое утро в руках их прекрасных создательниц, как цветы в лучах солнца и дыхании зефира.

Хотя регламент предписывает молчание только в течение первого часа, чтобы шефы могли давать свои инструкции всем и уроки ученицам, в мастерской царила такая глубокая тишина, что я был удивлен, хотя уже давно был убежден, что языки собравшихся вместе женщин не более активны, чем языки собравшихся мужчин, и что женщины умеют сохранять молчание и даже тайну так же хорошо, как и их несправедливые обвинители.

Но я весь вздрогнул, когда сейчас же после того, как пробило десять часов, две тысячи пятьсот прекрасных ртов раскрылись, чтобы запеть великолепный гимн, слишком, однако, короткий, в честь доброго Икара, который рекомендовал своим соотечественникам культ женщин, как культ божеств, от которых зависело их счастье. Мне казалось, что среди этих голосов я различаю голос Динаизы, и я был бы убежден, что это ее голос, если бы не знал, что она находится в другом месте.

Затем несколько голосов спели остроумную и изящную песню, посвященную радостям

мастерской, и я очень жалею, что не запомнил веселого припева, который вся мастерская подхватывала с очаровательным весельем.

Этот час пения промелькнул, как молния, и опять уступил место тишине. Мы продолжали восхищаться порядком, который поддерживался во время движения директрис, обходивших все ряды.

Я очень хотел видеть час, когда разрешается беседа между двумя тысячами пятюстами соседок. Я хотел также видеть, как эти красивые работницы снимают свои красивые передники, прячут снова свои красивые головки под своими красивыми шляпками с вуалями и всходят на омнибусы, которые должны отвезти их в различные кварталы города... Я хотел также посмотреть все пристройки, огромный склад материй и других необходимых для мастерской материалов и огромный магазин шляп, шапочек и других законченных произведений... Но Вальмор должен был уйти, и мы вышли вместе с ним, хотя директриса приглашала нас остаться.

— Все женские мастерские,— сказал нам Вальмор, расставаясь с нами,— мастерские швей, цветочниц, белошвеек, прачек и т. д., похожи на эту почти целиком, так что, посмотрев эту, вы в сущности видели все.

— Нет, нет! — воскликнул Евгений,— я хотел бы видеть их все и всегда!

И хотя я разделял его восхищение галантностью икарийцев, все же на обратном пути его энтузиазм часто вызывал у меня смех.

Вернувшись в отель, я нашел следующую записку:

«Мы будем в четыре часа иметь столь желаемое *да*. Приходите, приходите! Я сама хочу вам сообщить эту новость. Корилла».

Как же было велико мое изумление, когда два часа спустя я получил другую записку, без подписи, но в которой я сейчас же узнал почерк Вальмора.

«Не приходи... завтра утром в пять часов жди меня у входа в Северный сад».

Почему эта перемена, это новое свидание, это место, этот час. Я решил все-таки пойти.

Я побежал к Корилле: «Их нельзя видеть». Я побежал к госпоже Динаме: «Они выехали в деревню».

В сильном беспокойстве и смущении, не зная, куда деться, я шел машинально вперед и очутился, не заметив того, на берегу ручья, в одном из больших мест гулянья Икары. Найдя себе местечко в уединенном убежище, я, желая немного отдохнуть, хотел начать чтение романа, который мне дала Корилла, но это чтение так сильно захватило меня, что я пожирал книгу — страницу за страницей и остановился, только дочитав ее до конца. Картины, рассказы, анекдоты, стиль — все в этой книге было очаровательно.

Правда, что и сюжет был сам по себе весьма интересен: речь шла о браке, его счастье или несчастье, о качествах, необходимых

для супругов, и их обязанностях, чтобы быть счастливыми, о неудобствах и катастрофах, которые являются следствием каждого из их недостатков. Легко догадаться, какие изящные картинки, какие пикантные историйки, сколь полезные уроки мог дать подобный сюжет!

Этот же роман был, что касается вопросов брака, прекраснейшим руководством морального воспитания для молодых людей, супругов, отцов и матерей.

Поэтому роман был премирован Национальным представительством. Все национальные писатели были призваны представить свои произведения, все граждане были приглашены представить свои отзывы, и этот роман получил премию среди большого числа других.

Я жалею, что не могу дать здесь детальное изложение этого романа, но рассказ до того сжат, что мне трудно было бы дать его анализ, и я предпочитаю ограничиться некоторыми размышлениями, чем уродовать такое прекрасное произведение.

Начинаю с двух наиболее важных замечаний. Во-первых, согласно системе общности, приданое в Икарии так же неизвестно, как и наследство. Молодые люди и их семьи при вступлении в брак никогда не обращают внимания на состояние, а интересуются только личными качествами. Во-вторых, так как все юноши и девушки одинаково хорошо воспитаны, то все они могли бы быть одинаково

хорошими супругами даже в том случае, если бы пары составлялись при помощи жребия.

Но молодые икарийцы, рассматривая брак как рай или ад в этой жизни, вступают в брак только тогда, когда хорошо знают своих избранных, и чтобы лучше узнать друг друга, женихи и невесты должны быть знакомы по меньшей мере в течение шести месяцев, а очень часто они знакомы с самого детства и в течение долгого времени, так как молодая девушка не выходит замуж ранее восемнадцати лет, а молодой человек не женится раньше двадцати.

Чтобы молодые девушки могли хорошо изучить характер своих будущих супругов, им предоставляют полную свободу говорить и гулять с юношами их возраста, но всегда под надзором их матерей, на прогулке, как и в салоне. Воспитание внушает в такой сильной степени мужчинам уважение к женщинам и приучает к их обществу, а общественное мнение так строго отнеслось бы ко всякой слабости, что можно было бы без всякого риска оставлять наедине молодых людей, которые любят друг друга. Не говоря уже о крайней бдительности матери, семьи и общества в целом, о почти непреодолимой фактически трудности избежать людских глаз, воспитание считает преступлением со стороны дочери желание скрыться с глаз матери или иметь от нее какой-нибудь секрет. Молодой человек питает такое же доверие к своему отцу.

Так как мать или отец всегда знают первые чувства своих детей и чувства, которые могут к ним питать другие, то всякое неподходящее знакомство может быть прекращено с самого начала.

Впрочем, отцы и матери никогда не препятствуют браку, который нравится их детям, и не навязывают того, кто им не нравится, в то время как дети привыкли выслушивать советы своих родителей как советы своих богов-покровителей.

Как только возникает вопрос о браке для молодой девушки или молодого человека, им преподают все обязанности и обязательства, которые он налагает. Это преподавание в первую очередь берут на себя отцы и матери, которым помогают книги и священники, как мужчины, так и женщины.

Поэтому супруги прекрасно знают, что они соединяются на всю жизнь, отдаются друг другу без оговорок, все должно быть у них общее, горе и радость, и счастье каждого из них зависит от счастья другого. Каждый из них, вполне добровольно и сознательно обязуется выполнить все эти обязанности.

Но нужно ли говорить об обязанностях супругам, которые любят и уважают друг друга? Все предосторожности, принятые, чтобы они всегда любили друг друга, их воспитание, образование жены, которое делает ее способной говорить обо всем со своим мужем и всюду сопровождать его, их семейная жизнь, привязанность новых родных, их

взаимная любовь, действенность трудового, не знающего праздности существования, в особенности счастье, которое доставляют им республика и общность,— разве все это не имеет большего значения, чем все проповеди и увещевания законов, дабы гарантировать выполнение ими своих обязанностей! И разве образцовый общественный строй, данный Икаром своей стране, не состоит в том, что он делает всех супругов добродетельными без всяких с их стороны усилий? Им так легко быть добродетельными, что даже нельзя приписывать им это название. Оно должно быть наградой для той несчастной, которая только в силу долга и из желания остаться верной ненавидимому тирану отказывает в любви человеку, обожание которого пленило ее сердце. Икарийке так же трудно было бы обмануть своего любимого супруга, как этой несчастной доводить до отчаяния своего возлюбленного. Икарийка достаточно скромна, чтобы довольствоваться тем, что она счастлива, не оспаривая у другой заслуженной награды за ее добродетель.

Если бы, однако, в силу какого-нибудь случая счастье хотело, казалось, покинуть семейный очаг, то именно тогда родители, которые не преминули бы это заметить, призвали бы на помощь долг или, скорее, разум, благоразумие, чтобы убедить несчастного супруга или каждого из них, что их настоящий интерес заключается в том, чтобы покориться судьбе и переносить взаимно свои не-

достатки, как мать переносит недостатки своего ребенка, не переставая его любить. Тут иногда и священники, мужчины или женщины, присоединяют авторитет своих слов к нежным увещеваниям семьи, чтобы побудить супругов искать счастье или, по крайней мере, мир в добродетели.

Роман, который доставил мне сильное удовольствие, содержит на этот предмет два прекрасных образа: один — несчастной женщины, которая завоевывает привязанность своего супруга и находит вновь счастье при помощи терпения, мягкости и такта; другой — тоже несчастной женщины, которая удесятеряет свое несчастье, увлекшись местью.

К тому же незначительное число супругов, не находящих счастья в своем союзе, достаточно рассудительно, чтобы не нарушать своих обязательств и обязанностей по отношению к республике, разрешающей им развод,[26] когда их семьи считают его необходимым, и позволяющей им искать в новом брачном союзе счастье, которого они не нашли в первом.

Признавая брак и супружескую верность основой порядка в семьях и нации, давая каждому прекрасное воспитание, обеспеченное существование для его семьи и его самого, все возможности вступить в брак и средство развода, республика клеймит добровольное безбрачие как акт неблагодарности и как подозрительное состояние, и заявляет,

что неузаконенный брак и прелюбодеяние являются непростительными преступлениями. Этого заявления достаточно и без наказаний, потому что воспитание приучает смотреть на такие преступления с ужасом, и общественное мнение было бы беспощадно к таким преступникам.

Впрочем, республика приняла все меры, чтобы неузаконенный брак и прелюбодеяние были физически невозможны, так как при установившемся строе семейной жизни и данном устройстве городов прелюбодеяние не может найти для себя убежища.

Роман, о котором я говорил, дает также ужасающее изображение затруднений, тревог, угрызений совести и всеобщего преследования, которым подвергается несчастная женщина, давшая себя соблазнить.

Но это изображение является теперь только продуктом фантазии, ибо если еще можно было встретить несколько редких разводов в последние годы, то уже в течение двадцати лет, говорят, не было ни одной женщины, виновной в нарушении закона.

И общественное мнение в данном случае не подражает несправедливой и жестокой непоследовательности древних времен и других стран, которые, при всем своем снисхождении к соблазнителю, были и бывают беспощадны только к его жертве. Напротив, общественное мнение и закон вдвойне неумолимы по отношению к главному виновнику. Соблазнить девушку, обещая на ней жениться, нарушить

после свое обещание, обмануть и покинуть ее было бы по отношению к ней, ее семье и республике изменой, воровством, убийством, преступлением более ненавистным, чем были некогда здесь — и в настоящее время в других местах — все остальные преступления. Вместо того чтобы найти поклонников его опытности, он встретил бы только презрение и проклятия. Вместо того чтобы торжествовать и безнаказанно смеяться над слезами и отчаянием своей жертвы, он был бы отвергнут обществом, а она вызвала бы жалость к себе.

Нет также ничего более ужасающего, чем даваемое в указанном романе изображение соблазнителя замужней женщины, которого преследует общественное презрение, женщины третируют как убийцу, мужья — как вора и все семьи — как врага.

Там фигурирует также кокетка-вдова, доставляющая себе удовольствие в возбуждении страсти молодых людей и испытывающая высшее счастье при виде трупа одного из них, покончившего с собой у ее ног. Все отвергают ее как смутьянку и соблазнительницу.

Но какое бы очарование ни придавал талант автора своим героям высочайшей нравственности, цель их достигнута в такой полноте, что теперь больше нельзя найти подобных им людей, ибо во всей Икарии нельзя было бы назвать ни одного примера неузаконенного брака или прелюбодеяния.

Похищение неизвестно, потому что как мог бы похититель увезти свою жертву? Даже обольщение почти неосуществимо, ибо что мог бы предложить обольститель?

Нет больше скандальных процессов, поводами для которых являются отказ отца признать ребенка, требование расторжения брака вследствие импотенции супруга, требование развода вследствие побоев: муж, который бил бы свою жену, был бы чудовищем, которого женщины побили бы камнями или разорвали на куски!

Новый язык не имеет даже слов для таких вещей, как аборт, детоубийство и подбрасывание новорожденных,— настолько эти ужасы кажутся невозможными.

Нет больше отравления супруги супругом! Нет больше вероломных ухаживаний, нет больше разрушительной ревности, нет больше дуэлей!

В Икарии имеются только целомудренные девы, почтительные юноши, верные и уважаемые супруги, наслаждающиеся счастьем, которое мой роман изображает с натуры в самых восхитительных красках, показывая, что из всех народов земли, древних и современных, икарийский народ, несомненно, наиболее полно наслаждается всеми радостями, которые природа сосредоточила в любви.

И — я обязан это признать — все эти чудеса являются плодами республики и общности.

И вместе с Евгением я готов воскликнуть: «Счастливая Икария! Счастливая Икария!»

Глава шестнадцатая

ДИНАИЗА НЕ ХОЧЕТ ВЫХОДИТЬ ЗАМУЖ. ОТЧАЯНИЕ ВАЛЬМОРА

Когда, охваченный сильным беспокойством, я приближался к входу в Северный сад, я заметил на некотором расстоянии Вальмора, который в крайней ажитации ходил большими шагами. Услышав мой голос, он сейчас же подбежал ко мне.

— Друг ли ты мне? — закричал он вне себя.— Иди, следуй за мною! Я бегу из Икары! Не оставляй несчастного... очень несчастного человека,— повторил он, бросаясь в мои объятия, прежде чем я успел ему ответить.— Она не любит меня, Вильям!.. Вчера утром я был еще счастливейший из людей, а сегодня я самый несчастный человек!.. Она меня не любит!.. Вот уже больше десяти лет, как я сосредоточиваю на ней мои надежды, всю мою привязанность, все счастье моего будущего... и она меня не любит!.. Брат ее и мать поддерживали во мне иллюзию, которая делала меня счастливым, и одно

слово навсегда разрушило для меня всякое счастье! Она никогда не выйдет замуж!.. О, мой друг, как гнетет меня моя скорбь и скорбь моей семьи и сестры! Ибо мы все окружали ее нашей любовью, и отказ ее причиняет всем нам сильное горе... Если ты сохранишь свою дружбу к несчастному, ты не увидишь больше среди нас радости, а только печаль и уныние.

Я старался приласкать его и успокоить, пытаясь изо всех сил подать ему какую-нибудь надежду.

— Нет,— сказал он, пожимая мои руки,— нет больше надежды для твоего друга!.. Если бы она меня ненавидела, я скорее бы надеялся; но она питает ко мне дружбу... И как могло бы такое доброе сердце ненавидеть друга детства, столь нежного и почтительного к ней! Она глубоко огорчена моим отчаянием, огорчена печалью моей семьи и почти в отчаянии из-за горя, которое она причиняет своей матери и брату... Но она заявляет со слезами, что не может стать чьей-либо женой; и нас приводит в отчаяние как раз то, что этот ангел невинности и красоты, обычно столь скромная, столь робкая, всегда готовая уступить желаньям тех, кого она любит, иногда вместе с сердечной добротой и ангельской робостью проявляет самый твердый и несгибаемый характер. Сознавая огорчение, которое она собиралась причинить нам, она долго боролась с собой, колебалась, и ее отказ, дорого стоивший ей самой, при-

водит нас в отчаяние тем больше, что он всем нам представляется непреодолимым и безвозвратным.

Дав ему в течение долгого времени изливать свое горе и засвидетельствовав ему все мое горячее сочувствие, я пытался несколько утешить его, обращаясь с призывом к его разуму, мужеству, любви к сестре и матери, печаль которых он должен был смягчить примером твердости в беде и своей покорности непоправимому несчастью.

Я добился того, что он не уехал, но я не покидал его в течение всего дня, так как дружба моя приносила ему как будто некоторое облегчение, и семья его, в особенности бедная Корилла, которую я нашел погруженною в печаль, разрывавшую мне сердце, просила меня сопровождать его в деревню, куда Динар в следующее утро должен был его отвезти на несколько дней.

Глава семнадцатая

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Мы вышли все трое через ворота, через которые я прибыл в Икару, и вскоре, промчась по железной дороге, достигли реки, по которой я приехал. Вальмор сильно заволновался, когда мы прошли мимо того места, где Динаиза сошла с парохода. Я был так же смущен, как и он, когда пароход остановился, чтобы спустить нас у того моста, где она села на пароход и где я в первый раз увидел ее с матерью, или, вернее, услышал ее голос. Я был еще сильнее тронут, когда Вальмор сказал мне:

— Вспоминаешь ли ты? Здесь она около нас поднялась на пароход... Как улыбалось тогда мне будущее! А сегодня!..

Мы миновали несколько ферм, которые мне показались очаровательными.

— Какая великолепная погода! — воскликнул Динар.— Какая прекрасная местность!

— Да,—ответил Вальмор,— и однако солнце мне надоедает, зелень нравится мне мень-

ше, природа не имеет больше для меня прелести.

— Полно, друг мой,— сказал Динар,— мужайся! Разве ты не мужчина? Неужели ты перестал быть мудрым Вальмором?

После часа ходьбы мы подошли к ферме, расположенной у подножия холма.

— Сюда она шла, когда мы ее встретили с матерью,— сказал мне Вальмор.— С каким удовольствием я приближался к этому месту, когда шел с нею и братом! А теперь мне кажется, что воздух давит меня своей тяжестью! — и он не мог больше продолжать.

Отец госпожи Динаме, Мироль, близкий друг отца Вальмора, живший на этой ферме, был предупрежден о нашем приезде письмом Динара. Сердечное участие, смешанное с печалью, с которым он и его семья приняли нас, едва не исторгли слезы у Вальмора.

— Я был тут несколько раз вместе с ней,— сказал он мне,— и вид этих мест принесет мне большое облегчение и... много горя!

Семья Мироля оказалась очень многочисленной. Она состояла больше чем из сорока человек: он и жена, пять сыновей и их жены, четырнадцать внуков и десять внучек, из которых трое были замужем, пять или шесть малолетних правнуков и три или четыре внука, посещавшие уже школу.

Один из внуков, девятнадцати лет, скоро должен был закончить свое образование,

Во время обеда, который вначале проходил в молчании и печали, дед расспрашивал своего внука о его занятиях и учении. Он спросил внука, какие животные причиняют вред сельскому хозяйству. Молодой человек без запинки назвал всех четвероногих, птиц, насекомых и червей, которые портят корни, пожирают семена, листья, зерна плодов вместе с цветами и зрелые плоды или въедаются в кожу полезных животных. Он описал затем главных из этих животных, их размножение, привычки и способы их уничтожения.

Один из его братьев, более взрослый, рассказал нам, в свою очередь, историю полезных животных, со всеми особенностями их роста, питания, их достоинств и болезней.

Одна из молодых девушек рассказала историю шелковичных червей, а мать, обратив наше внимание на хрустальный улей, наполненный медом, красоту которого и отменное качество очень расхваливали, рассказала историю меда и пчел.

В ходе рассказа этих главных четырех рассказчиков слушатели прибавили несколько интересных подробностей.

Хотя я достаточно знал Икарию, чтобы уже ничему не удивляться, я был, однако, поражен их уменьем рассказывать, прекрасным произношением, а также обширностью их познаний.

— Вы удивлены,— сказал мне Динар,— найдя здесь таких фермеров и фермерш, но Вальмор вам расскажет сегодня вечером о

системе воспитания наших земледельцев (ибо мы решили заставить Вальмора говорить как можно больше, чтобы рассеять его), и вы поймете тогда все чудеса, которые вы будете иметь удовольствие созерцать здесь.

После обеда Мироль пожелал мне показать свое жилище. Я нашел его по внутреннему расположению и обстановке совершенно похожим на городской дом, но более обширным и с тем преимуществом, что все стороны дома имели окна.

Многие из комнат предназначались для приема родных или друзей. Кухня, где готовились обед и ужин, более обширна и полнее обставлена, чем городская, так как селянки должны быть более умелыми кухарками, чем горожанки. Салон так же великолепен, как салоны Икары, но сделан более просторным с той целью, чтобы он мог вместить семьи обоих фермеров-соседей, когда они пожелают приехать.

Я заметил, что стены покрыты всюду планами и красивыми печатными таблицами, содержащими наиболее нужные и наиболее полезные наставления в области сельского хозяйства.

— Вы видите,— сказал мне Мироль,— что нам, селянам, нечему завидовать нашим братьям из городов (ибо внутри наших домов такая же обстановка), и мы нисколько не стесняемся и не изумляемся, когда попадаем к ним, а они не чувствуют никаких лищений или отвращения, когда приезжают

к нам. Правда, мы не можем постоянно любоваться зрелищем их великолепных памятников, но они также не всегда наслаждаются великолепием природы, а мы к тому же можем так же легко попасть в город, как они в деревню. Мы имеем в своем распоряжении, как и они, больших и меньших размеров дилижансы, которые постоянно циркулируют по большой дороге, и даже больше, чем они, верховых лошадей, и кабриолеты, которые доставляют нас к этим дилижансам или даже к воротам города, где мы их сдаем на хранение в национальные конюшни и садимся в омнибус. Как вы могли сами видеть, дороги наши так хороши, лошади до такой степени резвы и фермы наши находятся настолько близко от коммунального города, что двух часов всегда достаточно, чтобы съездить туда и обратно, так что мы можем легко попасть на все наши народные собрания, в школы, на курсы и даже на спектакли.

К тому же специальные подводы привозят нам регулярно из города все, чего нам нехватает из пищи, одежды и обстановки.

Мироль закончил эти пояснения, когда мы вышли из дома. Он обратил мое внимание на то, что все четыре стороны дома имеют различный вид и представляют четыре различных дома, соединяющие все оттенки архитектуры.

— Ни одна ферма в коммуне,— прибавил он,— не похожа на другую по своей внешности, но все одинаково красивы.

И посмотрите отсюда на стены зданий фермы; все они огорожены красиво, хотя и просто, покрашенными решетками, окаймленными зеленью и цветами.

Разве они не очаровательны?

А сейчас вы увидите молочную ферму, курятник и прочее.

Но сначала посмотрим парк и фруктовый сад.

Вот огород, самое существенное ведомство моей дорогой Элизы и моего племянника Элоизия. Наша Элиза весьма искусная повариха, как вы уже могли заметить и как она вам это еще лучше докажет!.. А мой друг Элоизий весьма искусный садовник! Посмотрите эти прекрасные овощи всех сортов! В течение сорока лет урожаи почти всех сортов, благодаря поразительным успехам обработки, стали вдвое и втрое больше по количеству и лучше по качеству. Посмотрите эти стеклянные колпаки, грядки и все смелые изобретения людей, дерзающих помогать природе!

Теперь вы находитесь в царстве моей милой Алаэ и ее маленького брата Альвареса. Полюбуйтесь на эти многочисленные виды роз, гвоздику, разнообразные цветы, которые чаруют наши взоры до того времени, как их переправляют в наши национальные парфюмерии, а пока они снабжают своим медом пчел. Это дворец и двор, где величественная Алаэ собирает своих наиболее богатых подданных. Вы увидите и почувствуете эти цве-

ты всюду, ибо они украшают и наполняют своим благоуханием всю территорию республики.

Остановитесь! Это пчельник! Работницы, которые работают в этих мастерских из стекла и соломы, столь же дикие и свирепые, как и невероятно искусные, могли бы дать вам почувствовать, как остры их жала и насколько они предпочитают заботы моей милой Камиллы нескромному любопытству английского милорда.

Вы замечаете отсюда наши шпалерники, а дальше вы можете видеть наши земляничники и все плодовые кусты: это государство Фрезии и ее кузена Комора, ибо каждый здесь министр или принц и принцесса и царствует как абсолютный господин над своими подданными, из чего вы не должны, однако, заключить, что мы сожалеем о деспотизме или монархии.

Вот тебе раз! Вальмор [который чуть не упал в небольшой ручей], вы, значит, уже забыли наши воды и наш сад?.. Прежде, милорд, у нас были большие затруднения с орошением, но вот уже тридцать лет, как мы нашли прекрасный способ проникать в самые недра земли и рыть колодцы, чтобы извлечь из них на поверхность ее источники, реки и подземные воды, и у нас есть теперь везде вода, необходимая для наших домов, садов, лугов и полей. И орудия орошения так удобны, что, не утомляясь и не обрызгивая себя, вы можете доставить себе удовольствие дать

нашим цветам и овощам свежесть и жизнь. И если вы любите ужение, вы будете иметь также удовольствие найти в наших ручьях, реках, каналах и резервуарах рыб всякого рода, которых мы там разводим с большой заботливостью.

Вот фруктовый сад. Здесь владения мои и моей старой верной властительницы. Но мы столь мало деспотичны, она и я, что нам тут плохо повинуются; наши собственные дети приходят сюда нас обворовывать.

— Какие прекрасные деревья! — воскликнул я.— Какие прелестные вишни!

— А что сказали бы вы о других фруктах осенью? — заметил Динар.

— Да, да,— продолжал старец,— мы тщательно ухаживаем за садом, мы внимательно обдумываем наше дело. Мы поступаем с нашими деревьями так же, как с нашими овощами и цветами. У нас есть питомники, в которые мы отбираем самые красивые растения; мы прививаем лучшие сорта; мы вырываем все, что негодно или становится негодным; мы разрыхляем землю и орошаем ее; всегда с садовым ножом в руках, мы срезаем и стрижем все бесполезные и паразитические ветки; мы удаляем все излишние растения; мы защищаем наших питомцев против всех их врагов; и от рождения их до смерти мы лелеем их, как детей. Поэтому вы не должны удивляться, что они прекрасны и хорошо взращены, а их урожайность пропорциональна нашей заботливости.

Впрочем, вы не увидите ни одного бесполезного дерева или живой изгороди, но на наших полях всюду, где фруктовое дерево окажется более полезным, чем какое-нибудь другое, вы найдете фруктовое дерево, и вы найдете их бесчисленное множество в сельских местностях.

Но наступает ночь, вечер будет прекрасным. Пойдемте к нашим детям на террасу, где мы, отдыхая, будем наслаждаться великолепным закатом солнца.

Мы поднялись на верхнюю террасу дома, где нашли всю семью в сборе, среди цветов, у большого стола, под палаткой, которую можно было раскрывать и складывать по желанию.

Вид окружающих полей и соседних ферм, слегка освещенных умирающим светом; лучи солнца, золотившие еще верхушки деревьев, подножия которых исчезали в тени; облака и небо, окрашенные различными цветами; крики животных, возвращавшихся в стойла или приветствовавших закат дня; пение птиц, славивших час отдыха и сна; благоухание и свежесть воздуха; великолепие солнца, обещавшего нам на завтра прекрасный день, величественно исчезая за горизонтом,— все это вместе приводило меня в экстаз и восхищение.

— Ну, милорд,— сказал мне Мироль,— разве у нас нет тоже своих спектаклей в деревне, и думаете ли вы, что они менее великолепны, чем опера городов? А если бы вы

еще видели отсюда прекрасную летнюю грозу, тысячи молний, зажигающих со всех сторон этот обширный горизонт, внезапно освещающих глубочайшую тьму и представляющих нашим ослепленным глазам картину мира, выходящего из хаоса по велению создателя! Если бы вы слышали среди глубокой тишины удары молний и грохот грома, повторяемый многочисленным эхо наших гор! Но вы сейчас увидите, как миллионы светил осветят бесконечный свод нашего безмерного салона, затем еще более блестящую луну, которая захочет их затмить, чтобы соперничать со своим братом!

— Я видел,— сказал мне Вальмор на ухо,— как она любовалась здесь всеми этими красотами, и я также любовался ими, ибо сердце мое было исполнено надежды и счастья, а теперь!..

— Ну, Вальмор,— сказал ему Мироль,— так как милорд удивляется, найдя земледельцев Икарии столь искусными, то докажите ему, что это вполне естественное следствие нашего воспитания; [27] и для того чтобы ничего не знать, мы должны были бы быть так же глупы и упрямы, как наши ослы. Мы усядемся вокруг стола и послушаем вас с большим удовольствием. Начинайте!

Вальмор пытался сперва извиниться.

— Я здесь — твой отец,— прибавил старец отеческим тоном,— а потому приказываю. Мы ждем с нетерпением. Ну, начинай же, Вальмор!

— Ты знаешь, мой дорогой друг,— сказал он тогда, наконец, обращаясь ко мне,— что до восемнадцати лет для мальчиков и семнадцати лет для девочек все дети Икарии получают сообща элементарное, или общее, воспитание.

Так как сельское хозяйство рассматривается у нас как наиболее необходимое из искусств, то республика хочет, чтобы все граждане могли быть, в случае нужды, земледельцами и были воспитаны и обучены таким образом, чтобы могли стать ими.

Впрочем, знания, необходимые земледельцу, считаются необходимыми и для граждан всех профессий. Поэтому все дети изучают основы сельского хозяйства.

И так как у нас всегда стремятся, в меру возможности, соединить практику с теорией, то детей постоянно возят в деревню, чтобы объяснить, как возделывается земля, и показать сельскохозяйственные работы. Для них эти экскурсии столь же привлекательны и полезны для здоровья, сколь и поучительны.

Наиболее крепкие из них и старше четырнадцати лет приходят туда даже как рабочие, чтобы принимать участие в некоторых легких работах, как очистка поля от камней или уборка урожая. Эти работы опять-таки представляют для них прекрасные увеселительные прогулки.

В восемнадцать и семнадцать лет дети земледельца могут свободно избрать другую профессию, если какая-нибудь семья в горо-

де согласна усыновить их, точно так же, как дитя города может стать земледельцем, если какой-нибудь фермер соглашается принять его в свою семью, но дети земледельцев предпочитают оставаться земледельцами, как их отцы.

Дети, избравшие сельское хозяйство, получают в течение года специальное образование, теоретическое и практическое, которое они заканчивают затем на родительской ферме. Это образование должно их сделать такими совершенными сельскими работниками, насколько это только возможно.

Земледелец изучает, стало быть, и знает все виды металлов, минералов и в особенности земель, различные их качества и их состав; все виды растительной продукции и их качества, все орудия и их преимущества; все, касающееся ветров, непогоды и средств защиты от них.

Земледелец изучает и знает все, что относится не только к урожаю, но и к превращению продуктов в вино, сидр и т. д.

Он обязан знать все, что касается животных, как вредных, так и полезных, домашних или диких, а также различных продуктов животноводства.

Дочь фермера также изучает и знает все, что ее может интересовать в сельском хозяйстве, в особенности то, что касается молочного дела, дичи, овощей, цветов и плодов.

И заметь еще, что так как каждая провинция или каждая коммуна имеет земли раз-

личного качества, а следовательно, и различную продукцию,— одна, например, землю, пригодную только для виноградников, а другая — только для произрастания зерновых хлебов,— то школы провинции и коммуны проводят обучение молодых земледельцев по соответствующей специальности.

Прибавь к этому, что так как у каждой фермы имеется своя местная статистика, а следовательно, еще более специальная характеристика своей небольшой территории, то именно в области данной специальности проводится окончательное обучение каждого фермера.

Теперь, когда ты знаешь, какое образование получают наши фермеры и фермерши, тебя не должны больше удивлять их познания и искусство.

И не говори мне, что тебя, по меньшей мере, все же поражает, как много они могут усвоить, ибо, поразмыслив, ты заметишь, что дети могут научиться многим вещам до девятнадцати или восемнадцати лет, особенно когда об их воспитании заботятся со дня рождения.

К тому же образование наших земледельцев, как и образование наших городских рабочих и наших граждан, не заканчивается в школе, а продолжается и расширяется в течение всей жизни. Вышедшие из школы и вернувшиеся на свои фермы молодой человек и молодая девушка находят там самых опытных и любящих наставников в лице их

отцов и матерей, дядей и теток, братьев и сестер.

Они находят там также великолепно отпечатанные республикой книги и руководства, которые они изучали, обширную сельскохозяйственную энциклопедию, множество путеводителей садовника, цветовода и т. д., наконец, «Журнал сельского хозяйства», сообщающий им все открытия и все усовершенствования, которые ежедневно применяются на всей территории республики.

Суди сам, сколько наблюдений, изобретений, улучшений должно дать население, среди которого много сельских хозяев, имеющих такое образование и привыкших обо всем рассуждать.

Ибо если ты сравнишь наших современников-земледельцев с земледельцами старых времен, такими же грубыми, как и их скотина, ты поймешь, что мы имеем в качестве земледельцев миллионы искусных людей вместо тупых животных и что наше сельское хозяйство должно было сделать больше успехов в течение пятидесяти лет, и в особенности в течение последних тридцати лет, чем во все предшествовавшие века.

Прогресс во всех отраслях так велик, что у нас самих есть потребность вспомнить о причинах его, чтобы не удивляться.

Ты был бы также чрезвычайно удивлен, если бы я рассказал тебе об астрономических наблюдениях, сделанных нашими селянами на террасах или, точнее, в обсерваториях.

Здесь, например...

— Хорошо, очень хорошо, мой дорогой Вальмор,— сказал ему Мироль, прерывая его,— мы забудем, слушая тебя, про наш ужин и про наши постели. Но ты, должно быть, устал. Завтра мы будем иметь удовольствие снова увидеться, с условием, что ты опять доставишь нам удовольствие слушать тебя.

Я, со своей стороны, испытал большое удовольствие, ибо независимо от интереса самого предмета и прекрасной речи Вальмора, его меланхолия делала еще более трогательным его голос, который по природе своей напоминал немного глубокий тембр голоса Динаизы.

Мы едва приступили к обозрению неба и его созвездий, как одна из молодых девушек сообщила нам, что ужин подан.

После прекрасной трапезы Вальмор увел меня спать в ту же комнату, где он устроился, и мне долго не удавалось заснуть, так как несчастный не мог удержаться, чтобы не говорить снова о своем горе, о достоинствах и совершенствах той, из которой его любовь делала ангела.

Глава восемнадцатая

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

(продолжение)

Встав рано утром, я повел Вальмора в пристройки фермы, где к нам вскоре присоединился Динар.

Мы последовательно обошли различные стойла многочисленных домашних животных, навозохранилища, сараи для повозок, машин и сельскохозяйственных орудий, мастерскую для ремонтных работ, обширные амбары для необмолоченного хлеба, риги для обмолота и склады для продуктов, готовых к отправке в город. Под конец мы прошли через птичий двор, курятник и молочную ферму.

Если бы я не знал, что фермы были построены согласно плану-образцу, как и все остальные мастерские республики, я удивился бы еще больше этой ферме, чем домам, ибо там, где обыкновенно в других местах видишь только отвратительную грязь, беспорядок и запустение, я нашел чистоту,

порядок, удобство и изящество, которые я видел повсюду.

Вальмор, все объяснявший мне, обратил мое внимание на большие и малые плуги и многочисленные машины, недавно изобретенные с целью облегчить, сократить и усовершенствовать земледельческие работы, а также избавить земледельца почти от всяких тягот, заменяя его руки и плечи животными или неодушевленными орудиями в такой степени, что роль земледельца сводится почти к роли интеллигентного управляющего и просвещенного руководителя, и в то же время один человек делает столько же, сколько прежде десять или пятнадцать, и делает даже гораздо лучше.

— Мул,— сказал мне Вальмор,— осел и даже собака представляют собой живые машины, которые вместо человека перевозят тяжести даже по самым узким тропинкам.

К тому же рабочая одежда земледельца, теплая зимой и прохладная летом, всегда непромокаемая, так же, как и рабочая одежда любого работника, до того чиста и даже элегантна, что любуешься ею. Нечего прибавлять, что платья молодых фермерш просто очаровательны, как и сами фермерши на фоне зелени, цветов и плодов их деревень.

Мы встретили двух кузин Динара на молочной ферме, где белизна их кожи соперничала с белизной молока, а их розовые щеки походили на розы среди лилий.

Как была чиста эта молочная ферма, уставленная сосудами с молоком, сливками, маслами и сырами десятков сортов!

Но как был красив и оживлен птичий двор! Он освежался водоемом, в котором плавали водяные птицы, и был обставлен кругом клетками для птиц разных видов. Какие красивые петухи, гордые и ревнивые, как султаны в своих сералях! Как все эти птицы сбегались со всех сторон при появлении их прекрасной госпожи, наделяющей их своими благодеяниями.

— Смотри, вот ее любимая курица,— сказал мне Вальмор, показывая мне великолепную курицу, белую, как снег.— Ах! если бы ты видел ее посреди этих птиц! Как она была счастлива, рассыпая им зерно, которое самые смелые из них клевали прямо с ее рук! С каким восхищением смотрел я на нее сквозь эту листву, когда, смеющаяся и счастливая, она распространяла вокруг себя довольство! И теперь я уже больше не увижу ее!..

После завтрака Мироль пожелал лично отвести меня на поля фермы.

Сначала он показал мне на великолепном плане фермы, украшавшем стену одной из зал, сад направо и постройки позади него, поля слева, а впереди луг, пересекаемый речкой и заканчивающийся рощей из высоких деревьев.

— Вчера,— сказал он,— мы видели сад, утром вы осмотрели пристройки, а теперь

мы пойдем лугом, который приведет нас к питомнику и лесу, и мы вернемся полями.

У нас нет бесполезных роскошных газонов, но можно ли найти более красивый ковер, чем этот луг, испещренный цветами; его зелень, усеянная красными, белыми и синими цветами, делает еще более яркими прекрасные желтые цветы репы, окаймляющие его. Посмотрите там на животных, наслаждающихся на окопанных пастбищах, которые избавляют нас от необходимости наблюдать за ними.

Впрочем, этот луг, несмотря на всю его величину, был бы для нас совершенно недостаточен, если бы мы не имели почти всюду других, искусственных лугов, других трав и других овощей, до или после наших новых урожаев, ибо искусство разнообразить культуры и семена доведено до такой высокой степени, что мы теперь умеем получать ежегодно, последовательно одно за другим, различные растения с одного поля, не давая ему никогда отдыхать.

Посмотрите, какой красивый бассейн и какая прекрасная река. Мы можем сейчас же устроить по ней прогулку на лодке! Но обратите особенное внимание на то, с каким искусством сыновья мои выровняли берега, чтобы устранить всякую опасность. Выше, где река протекает мимо отвесной скалы, они устроили небольшой барьер, чтобы нельзя было упасть в реку, ибо, хотя наши юноши и девушки все учатся плавать, республи-

ка предписывает укреплять берега всех наших рек, каналов и всяких водоемов таким образом, чтобы устранить возможность несчастных случаев.

Перейдя через реку красивым мостом и пробежав остальную часть луга, мы добрались до питомника, затем до леса или, вернее, до рощи, деревья которой мне показались прекрасными. Я с большим удивлением заметил, что они были так же тщательно обработаны и окружены таким же уходом, как деревья фруктового сада.

— Сколько лет вы дадите им? — спросил меня Динар.

— Шестьдесят или восемьдесят,— ответил я.

— Тридцать пять,— возразил он.

— Но следует вам сказать,— заметил Мироль,— что республика приняла совершенно новую систему разведения лесов. Она заставила вырубить все леса, которые были плохо расположены, или с трудом поддавались эксплоатации, или могли быть заменены более выгодными культурами. Другие были частью распаханы, и были оставлены только рощи вперемежку с пахотными участками и фермами или мануфактурами, были вырваны все кусты в этих рощах и культивировались только оставшиеся большие деревья. Затем на всех фермах, не имевших рощ, республика предписала развести такие же, как эта. Я выбрал место и обработал его; затем я подобрал в питомнике растения, которые

казались мне наиболее подходящими и полезными, и пересадил их сюда. С тех пор я не переставал обрабатывать, подстригать их, ухаживать за ними, как это в старое время делали только для винограда, хмеля, тополя и других деревьев — аристократов-деревьев, и вы видите, как они красивы!

Поэтому у нас нет ни обширных лесов, ни чащ, ни лесных порослей, как в старое время. Но около всех ферм есть рощи, помимо плодовых деревьев, собранных в фруктовых садах или рассеянных по полям, и других деревьев, которые часто окаймляют реки, каналы и дороги.

Мы имеем, таким образом, достаточно дров для отопления, во всяком случае столько, сколько нам нужно, с тем преимуществом, что у нас гораздо больше земель, гораздо больше плодовых деревьев и гораздо больше прекрасного леса разного рода для всех нужд нашей промышленности.

Прибавьте ко всем этим выгодам и ту,— а она является не меньшей,— что мы очистили страну почти от всех животных, опасных для человека или вредных для сельского хозяйства.

А с другой стороны, мы нашли средство сеять или сажать кусты и деревья на лишенных растительности горах, которые не представляют ничего, кроме камня, переносить туда или как бы создавать там почву и растительность и, так сказать, отвоевывать их у бесплодия.

Мы теперь на наших полях, и вы видите повсюду моих детей и наших соседей, так как, начиная с первого и кончая последним днем года, всегда находится какая-нибудь работа вне дома или внутри него, тем более, что мы не обязаны работать только шесть или семь часов, как горожане, и наши работы, которые мы исполняем по доброй воле или соответственно времени года, для нас так приятны, что мы занимаемся ими беспрестанно.

Но я уже устал говорить. Вальмор, объясните вашему другу то, что касается наших земель.

— Заметь сначала,— сказал мне Вальмор,— все обработано так, что не пропадает ни один клочок земли. Не только нет ни одного бесполезного растения или травки, ни чертополоха, ни дикого кустарника, но нет даже ни одной ограды, ни одной стены, ни одной излишней изгороди. Только необходимые канавы, борозды, дороги и тропинки.

Эта красивая изгородь из смородины и крыжовника находится на месте большой разрушенной стены, которая с каждой стороны отнимала по десяти футов земли.

Сосчитай, если можешь, стоимость стен, решеток, палисадов, каменных рвов, и ты увидишь, как велика экономия, являющаяся результатом уничтожения оград.

Этот прекрасный откос, который ты видишь там внизу, у дороги, украшенный зеленью и цветами замечательных овощей,

занял место старых лесных зарослей и шиповника, по которому ползали гусеницы.

И ты видишь, что дороги, тропинки, рвы, канавы, даже борозды — все это сделано по прямой линии. Все наши поля, в меру возможности, представляют длинные четырехугольники, что облегчает обработку полей и экономит землю. Это, впрочем, нетрудно было осуществить, так как площадь каждой фермы, как ты знаешь, была определена инженерами республики.

Посмотри также, как поверхность выровнена, даже там, где она наклонна. Ты не замечаешь ни возвышений, ни впадин. Ты не видишь даже ни одного камня.

Можно ли найти более совершенную обработку, более крупные колосья, более прекрасные конопляники, более вкусную репу!

Обрати внимание на эти ровные дороги, гладко вырытые и вычищенные канавы, красивые тропинки, обложенные камнем и посыпанные песком! Не видишь ли ты всюду с удовлетворением труд людей, которые все обдумывали, во всем ищут совершенства и вносят во все столько же вкуса, сколько и понимания!

Разве вся эта ферма не кажется тебе одним великолепным садом, прекрасные тропинки которого могут послужить восхитительным местом для прогулки?

— Что ты говоришь? — сказал Динар: — все эти фермы вместе действительно пред-

ставляют один сад, а все эти поля — бесконечную дорогу для прогулок.

— Ты прав,— ответил Вальмор:— у нас нет больше ни оград, ни тяжб, потому что мы не знаем больше собственности, и каждый фермер может прогуливаться на соседних фермах, как горожане могут гулять в любой деревне.

И не бойся, что кто-либо осмелится тронуть что-либо или испортить во время гулянья: наша система воспитания приучает нас с детства все уважать, тем больше, что если горожане, впрочем и в городе ни в чем не нуждающиеся, приходят на ферму, нет такого фермера, который отказал бы им в цветах и плодах.

— Но,— сказал я ему,— ведь все фермы не могут быть так красивы, как эта; например, фермы в горах.

— В горных местностях,— ответил он,— имеются еще более очаровательные фермы, окруженные прелестными ландшафтами, живописными видами и прозрачными водами, то журчащими, то падающими каскадами! Правда, есть горы менее плодородные и, естественно, менее привлекательные, но именно в эту сторону направляются все усилия и вся заботливость республики, чтобы исправить при помощи благодетельного искусства явную несправедливость природы. Достаточно напомнить тебе, что там, в коммунах, города совершенно похожи на другие города, а на территории коммун размещается равное

другим коммунам число ферм одинакового размера! Не буду также повторять тебе, что дома этих горных ферм похожи на все другие дома, а другие строения соответствующего назначения — одинаковы. Нет нужды также прибавлять, что эти фермы также имеют свои сады, овощи, особые цветы и плоды. Культуры и продукты, правда, не те же самые ни по виду или качеству, ни по количеству. Но земля одинаково обработана, и хорошо обработана, и производит она столько, сколько может произвести, и производит даже много, настолько агрикультура стала могущественной. Все эти фермы имеют прелести, которые свойственны только им; все доставляют удовольствие тем, кто в них живет или их посещает; все они полезны для республики; и я должен признаться тебе, что именно места наиболее пустынные и бесплодные нравятся мне, в сущности, больше всего благодаря чудесным метаморфозам, которым подверг их человеческий гений.

— Но ведь может случиться,— сказал я,— что на некоторых фермах имеется больше рабочих рук, а на других их недостаточно. Как поступаете вы тогда?

— Прежде всего ты должен принять во внимание, что разумные люди, по воспитанию своему трудолюбивые и полезные, найдут всегда что делать с целью улучшить то, что уже хорошо. Затем, если какой-нибудь земледелец действительно останется без работы, он может, даже на ферме своего отца,

заниматься другой работой или помогать соседнему фермеру. Что касается тех, которые нуждаются в постоянной или временной помощи, то они всегда получают ее от членов соседних ферм, или некоторых молодых горожан, охотно вступающих в их семью, или друзей, или школьников, или горожан, которые никогда не отказываются от удовольствия, доставляемого сельскими работами.

— Налево, Вальмор! — крикнул Мироль,— вернемся со стороны шпалерников, я хочу показать их милорду.

Он мне, действительно, показал очень своеобразные шпалерники; там были не стены, а подвижные изгороди, которые еще лучше отражали солнечные лучи, чтобы ускорить созревание плодов; их снимают, когда опасаются, чтобы деревья не были сожжены слишком жгучим солнцем.

Мы отдохнули немного в очаровательных беседках из виноградных лоз, где мы дышали благоухающим воздухом под сводом из зелени и цветов, а затем мы вернулись, собирая плоды к обеду, вместе с молодыми девушками, которые прибежали, чтобы обнять своего дедушку.

— Как была она хороша под своей широкой соломенной шляпой,— тихо сказал бедный Вальмор, пожимая мне руку,— в последний раз, когда она здесь собирала землянику! Ах, друг мой, да не будешь ты никогда так несчастлив, как я!..

Во время обеда Мироль повел разговор про уборку, охоту и рыбную ловлю, обращаясь к своим дочерям или внучкам и выслушивая их с большим удовольствием.

Одна из них рассказала, как проводятся сенокос, жатва, сбор винограда, уборка овощей, цветов и плодов.

Она отметила, что каждый фермер выбирает время, которое кажется ему наиболее подходящим для различных видов уборки, и он стремится каждый раз произвести уборку в один день для того, чтобы быть более уверенным в хорошей погоде. Если бы ему понадобилась помощь, он попросил бы соседних фермеров, которым он сам в свое время помогал, или молодых школьников, или городских друзей, которые никогда не отказывают, потому что уборка всегда является для нас удовольствием и праздником. Для этой цели каждая ферма имеет наготове комплекты обуви и сельской одежды для сорока или пятидесяти посторонних, со всеми необходимыми орудиями труда.

С чарующей прелестью она рассказала дальше, как все эти импровизированные фермеры и фермерши приезжают из города в омнибусах или дилижансах, а свои съестные припасы привозят на мулах.

Затем она живо и остроумно описала, вызывая общие улыбки, радость юношей и девушек в час приезда, веселье, царящее при переодевании, крики и песни во время работы, забавы во время полевых обедов, краси-

вые и шутливые церемонии, которыми начинается работа, танцы и игры, затягивающиеся иногда до полуночи, и всегда на глазах их родителей, столь же веселых, как и их дети. Этот остроумный рассказ вызвал радостные или, вернее, горестные воспоминания у бедного Вальмора, в глазах которого я несколько раз замечал блеснувшую слезу.

Другая молодая девушка описала нам охоту, но не на больших диких животных, которые уже все уничтожены, а на вредных птиц, которым расставляют всякие западни, и главным образом на насекомых. Как и ее сестра, она заставила нас много смеяться, описав охоту, предпринятую однажды на всей территории республики одновременно за птицами, пожиравшими четвертую часть всего урожая хлебов и целиком уничтоженными в один день. Она опять насмешила нас, рассказав о другой охоте — на одно насекомое, появляющееся в огромном количестве в определенное время. Эта охота проводилась в один и тот же день на всех фермах республики, и на нее почти все горожане являлись в деревню, как для самого важного сбора.

Один из юношей рассказал, как производится ремонт дороги, общей для нескольких ферм, объяснив, каким образом все фермеры и их дети, собравшись в один отряд и руководимые одним командиром, кончают обыкновенно всю работу в два или три дня.

После обеда мы проводили к пароходу Динара, который не мог больше оставаться с нами.

Я очень сожалел об этом, потому что в немногие часы наших совместных бесед я открыл в нем столько же доброты и любезности, сколько прежде находил в нем образованности, а его привязанность к Вальмору делала их обоих еще более дорогими для меня. Он был мне признателен за дружбу, которую я проявлял к его другу, как если бы Вальмор был его братом, и заставил меня обещать ему часто посещать его после нашего возвращения.

Бедный Вальмор чуть не упал в обморок, когда обнимал его, прощаясь с ним.

— Каким слабым я должен тебе казаться,— сказал он мне затем.— Но я опять стану мужчиной, ты увидишь!

Так как на обратном пути мы прошли через пять или шесть ферм, каждая из которых соперничала с другими по красоте и богатству, я приходил во все больший восторг при виде всего этого.

— И что сказал бы ты,— спросил меня Вальмор,— если бы ты сравнил расцвет нашего сельского хозяйства в настоящее время с убожеством старого времени? Наши достижения не удивляют меня, но они неизмеримы, неисчислимы. Куда бы мы ни бросили взор, все поразительным образом усовершенствовано. Площадь обрабатываемой земли почти удвоилась вследствие распашки

нови и обработки запущенных прежде и загубленных участков. Та же самая земля почти как бы удвоилась по пространству благодаря более совершенному искусству обработки и удобрениям, а также вследствие разнообразия чередующихся посевов на той же земле в течение одного года. Каждый из наших продуктов не только более изобилен по количеству и размерам, но несравненно лучше и по качеству; мы имеем даже много новых, в высшей степени полезных видов. Например, ты видел в саду дыню, чудовищную по размерам и лучшую по качеству, чем все наши прежние дыни. Так вот, еще тридцать лет назад у нас не было дынь, и первые дыни, привезенные из соседней страны, были посредственны и по вкусу, и по величине, тогда как теперь они так же велики, как и вкусны, и их так много, что все икарийцы наслаждаются ими.

И все, что я говорю тебе о плодах, целиком относится к животным и животным продуктам, а также и к растениям и их продуктам. Республика не щадила никаких средств, чтобы заимствовать из чужих стран все, что у них было лучшего в области сельскохозяйственных приемов, видов растений и пород животных. Поэтому наши лошади, быки, бараны и наша шерсть так же неузнаваемы, как наши зерновые хлеба и овощи, наши плоды и цветы. Одним словом, принимая в расчет все улучшения, угадай, во сколько раз увеличилась валовая продукция

сельского хозяйства за пятьдесят лет, согласно национальной статистике?

— Откуда мне знать? В пять раз?

— В двенадцать раз, и ты можешь это сам проверить. После всего этого удивляйся тому, что население почти удвоилось и что пятьдесят миллионов икарийцев имеют такие жилища, обстановку, пищу и одежду, которые ты видел!

— О, я не удивляюсь ничему.

Он хотел продолжать, когда мы заметили Мироля, который обещал нам притти навстречу с несколькими своими детьми.

Он хотел нас повести к очаровательному источнику, но мы уже устали и рано отправились к себе.

Я еще размышлял над всем, что видел и слышал, а Вальмор уже спал неспокойным сном, бормоча отрывочные фразы или, скорее, издавал нечленораздельные звуки, среди которых я едва различал слова: хорошая... прекрасная... ангельская... вечное сожаление...

Глава девятнадцатая

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО. ТОРГОВЛЯ

(продолжение)

До завтрака, пока Вальмор писал своей сестре, Мироль показал мне чертежи и планы, покрывавшие стены его библиотеки. Один из них представлял большой план коммуны, с городом, находящимся почти в самом центре и окруженным деревнями, с указанием всех ферм, путей и дорог, рек и гор.

Мироль показал мне фермы, где выращивали только виноград, другие, где производили только зерновые хлеба. Он показал мне также некоторые минеральные месторождения и несколько крупных мануфактур. Он много рассказывал мне об одной весьма любопытной фабрике, находящейся в одном лье[28] от его фермы, и предложил мне осмотреть ее после завтрака.

Одна таблица показывала инвентарь, или состояние, фермы, с перечислением всего, что в ней находилось.

Другая таблица, сделанная одним из копиистов, почерк которого вызвал мое восхище-

ние, представляла собою статистику фермы. Она указывала все, что ферма произвела в прошлом году, что оставлено было для потребления фермера и что он отправил на национальные склады. Я был поражен количеством продуктов и ясно понял, каким образом сельское хозяйство могло давать республике все, что необходимо было для полного снабжения всех граждан пищей, одеждой, жилищами и обстановкой.

Третья таблица содержала список продуктов, которые требовались республике в текущем году. Мироль мне показал, что от него требовали меньшее количество одного продукта, большее количество другого и некоторое количество новой продукции для пробы.

Он затем объяснил мне, каким образом продукты фермы перевозятся на склады республики, некоторые на его собственных подводах, другие — на национальных. Что касается овощей, дичи, молочных продуктов, плодов, которые должны доставляться в город ежедневно, то каждый фермер имеет необходимые корзины и сосуды и в определенные часы ставит их на краю дороги, где различные национальные фуры, соответственно устроенные, забирают их, чтобы отвезти в город.

Фабрика, которую мы пошли осмотреть, производила фаянсовые изделия. Она расположена была около особого минерального месторождения, каких нет нигде в других местах, в полулье от коммунального города.

Там производят фаянс для всей республики. На заводе занято почти все население коммунального города, откуда переезд по железной дороге занимает всего пять минут. Сколько там различных мастерских! Сколько машин! Какое оживление! Какая кипит там работа! Какие склады, принимающие непосредственно с фабрики изготовленные вазы! Какое движение в упаковочном отделении! Сколько возов для транспорта во все коммуны республики! Если бы мы провели там целый день, нам все же нехватило бы времени, чтобы все осмотреть и всему надивиться.

— Я вижу,— сказал я, возвращаясь,— что вы не имеете никакой нужды в торговле.

— Без всякого сомнения, нет,— ответил Вальмор:— республика требует от каждой коммуны сельскохозяйственные и промышленные продукты, которые лучше всего соответствуют свойствам ее почвы и ее положению, и она же берет у каждой коммуны ее излишек, чтобы распределить его между другими, и доставляет ей те продукты, в которых она нуждается, получая их от других коммун.

Это обмен или, вернее, раздел и распределение продуктов, и никто не может сделать это так хорошо, как республика.

Представь себе, в самом деле, богатого и опытного негоцианта, могущественную компанию, которая производит торговый обмен между двумя коммунами, или между двумя

провинциями, или между двумя странами, покупая у каждой ее избыточные продукты и продавая ей те, которых ей нехватает.

Ты понимаешь, что республика может делать то же самое и даже гораздо лучше, потому что все негоцианты, вместе взятые, никогда не могли бы достигнуть ее могущества, ее единства и, в особенности, ее слаженности в работе и добровольной помощи всего народа.

Все необходимые средства транспорта — возы и лошади, паровозы и железные дороги, пароходы и каналы и т. д. и т. д.— все это находится в распоряжении республики.

Возчиков, матросов, работников всякого рода — всех их она имеет, и все они преданы ей, потому что она их великолепно кормит и обслуживает.

Средства перевозки республики часто безостановочно переправляются из одного конца страны в другой, но возчики и лошади не выходят из территории своей коммуны или своей провинции и сменяются другими.

Какая скорость! И никогда воз, отправлявшийся полным, не возвращается пустым!

Обрати внимание и на размещение продуктов. Каждая коммуна имеет свои коммунальные склады, куда сперва свозят часть продуктов, необходимую для ее потребления; провинциальные склады и национальные склады, которые получают избыток, чтобы отправить его в другие коммуны и другие провинции или за границу.

Что касается предусмотрительности и всех средств предупреждения голода, то кто может сделать в этом отношении больше, чем республика? Кто может лучше, чем она, знать, какие бедствия грозят урожаю, каковы нужды каждой провинции и что следует требовать от каждой в интересах других провинций?

Кто в состоянии соперничать с ней по своему могуществу в области внешней торговли? Она имеет дело не с частными лицами, а с иностранными правительствами, по крайней мере со своими союзниками. Она сперва устанавливает, какие продукты она должна вывозить и какие ввозить. Сам народ или его представители решают вопрос, и затем правительство производит обмен.

И республика старается не разводить и не фабриковать то, что она легко может получить из другой страны, если ее сельское хозяйство и промышленность могут с большей пользой быть направлены на производство других продуктов.

Ты опять-таки понимаешь, как велики экономия и преимущества, которые должны проистекать из этого для блага народа.

Вечером разговор зашел на тему о деревенских развлечениях в сравнении с городскими.

— Не знаю,— сказал я,— более или менее счастливы горожане в сравнении с селянами, но я наблюдаю тут с большим удовольствием, что трудно быть столь счастливыми,

как одни, и невозможно наслаждаться большим счастьем, чем другие. Если бы римский поэт жил в настоящее время, то вместо того, чтобы говорить: «O fortunatos nimium, sua si bona norint, agricolas» * (вы знаете латинский лучше, чем я), он сказал бы: блаженны земледельцы, ибо они умеют ценить свое счастье!

— Вы правы,— ответил Мироль,— я поэтому не жалею ни о дворце, который имел когда-то в городе, ни о земле моего графства, ни о моем парке, ни о моей охоте, ни даже о моей ложе в опере. И если вы хотите встать завтра около четырех часов, я поведу вас к большому дубу на вершине холма, чтобы созерцать восход солнца, и вы увидите, что наш утренний спектакль стоит всех вечерних спектаклей в городах.

---

* О, блаженные слишком,— когда б свое счастие знали,— жители сел!

Глава двадцатая

РЕЛИГИЯ

За четверть часа до восхода солнца мы — Мироль, Вальмор и я — были уже на горе.

Какое великолепие,— воскликнул я,— предшествует появлению Солнца! Даже сама прекрасная Венера исчезает при его появлении, после того как она своим блеском служила путеводительницей пастухам. Как очаровательна Аврора! Радостное воображение греков имело основание сделать из нее молодую богиню с алыми щеками и розовыми перстами, сеющую вокруг себя росу, цветы и благоухания, раскрашивающую легкие облака своей кистью, дающей тысячи оттенков самого прелестного красного цвета, возвещающую пришествие своего господина и раскрывающую, наконец, безмерные врата неба, чтобы освободить ему проход.

Солнце приближается, но его еще не видно, а уже его могучие лучи освещают, согревают и оживляют растения, которые наливаются зеленью и выпрямляются при легком

дыхании зефира; цветы, раскрывающие свои благоухающие чашечки; птиц, выражающих свою благодарность и радость своим пением, и рабочих, весело расходящихся по пробужденным полям.

Наконец, оно появляется, окруженное огнями и светом, затмевая все вокруг себя, освещая ярким блеском небо, ослепляя глаз того, кто осмеливается пристально взглянуть на его блеск и великолепие.

Посмотрите, как оно устремляется вперед, чтобы величественно пробежать неизмеримый свод лазоревых небес на своей сверкающей колеснице, влекомой четырьмя быстрыми и великолепными лошадьми, сопровождаемое Орами и распространяющее всюду потоки тепла, света и жизни!

Это отец, благодетель, бог природы, получающий почти всюду почести своих созданий и поклонение смертных!

— И все это только иллюзия и ложь,— воскликнул Вальмор, испустив долгий вздох,— как и счастье на этой земле! Это Солнце, которое твое воображение делает таким быстрым и благородным, есть только маленькая лампа или маленькая печь, неподвижно прикрепленная к своему месту, чтобы освещать и согревать нашу маленькую Землю и несколько других атомов, вращающихся вокруг него, наряду с миллиардами других солнц и других земель, из которых каждая имеет свое место и свою функцию в мастерской вселенной.

Удивлять нас должна именно эта вселенная, эта мастерская, вечная во времени, бесконечная в пространстве, без конца и начала, без меры в длину, ширину и вышину, где кишат бесчисленные армии рабочих всякого роста и всякого вида вокруг бесчисленных машин, свисающих и нагроможденных в беспорядке, из которых одни, бесконечные по размеру, весу, скорости и мощи, в миллионы раз больше Земли и, несмотря на это, мчатся в тысячи раз скорее, чем пушечное ядро, в то время как другие создания, бесконечно тонкие и малые, в миллионы раз меньше, чем самый незаметный клещ.

Вальмор, казалось нам, был охвачен энтузиазмом, мы не хотели его прерывать, и я сильно жалею, что не могу с надлежащей точностью вспомнить его слова.

— И могли думать,— продолжал он,— что это Солнце, эта маленькая лампа, эта маленькая печь — бог!

Стало быть, все эти бесчисленные солнца представляют столько же богов! Но кто бы их создал, всех этих богов? Кто управлял бы ими? Кто создал бы их империи и их подданных?

Потому что я не могу себе представить землю, которая не была бы сотворена, бога, который не был бы создателем или отцом.

Я поэтому имею потребность верить в единого бога, творца, отца, зиждителя всей остальной вселенной.

И, с другой стороны, кто этот зиждитель, который начертал план этой вселенной и построил ее? Где взял он материалы и рабочих? Откуда взялась у него сила, чтобы сотворить эти поразительные машины и сотворить эти чудесные создания?

Почему, с какой целью, для кого создал он столько машин и столько чудес?

И этот создатель, этот зиждитель, этот отец богов и людей — кем он сам был создан? Кто его отец? Когда, где, как, от кого он родился?

Как понять всемогущество, вечность, бесконечное? И в то же время как понять также и пределы пространства и времени, начало и конец вселенной, границы возможного и невозможного?

Следовательно, нет бога? Материя существовала сама по себе и извечно? Это бесконечное могущество, этот поразительный порядок, предполагающий бесконечный разум и предусмотрительность бесконечно искусного работника, все чудеса минеральной, растительной и животной жизни — неужели все это только проявление свойств материи? Столь разнообразное оперение птиц, чудесное строение глаза, столь изящная форма рта, все эти удивительные части удивительной человеческой машины — неужели все они формируются, как соли и кристаллы?

Но разве постичь чудеса самой кристаллизации легче, чем существование бога? И разве это не есть лишь словесная проблема?

Ибо разве эта материя не обладает всеми теми атрибутами, которые приписываются божеству, атрибутами всемогущества, бесконечности, вечности? Не является ли материя с ее свойствами тем, что хотят выразить слишком неопределенными и слишком туманными понятиями: бог, божество, природа, высшее существо?

Для меня божество есть та первопричина, следствия которой я вижу, которой я придаю человеческую форму, чтобы лучше его понять и иметь возможность легче о нем говорить, но форму и сущность которого я, при ограниченности моих чувств и несовершенстве моей организации, не могу постичь.

Я преклоняюсь перед ним, глубоко чувствуя свое несовершенство и свою подчиненность. Я понимаю, что мне нехватает, как глухому или слепому, чувства, чтобы ощущать или постигать его, и когда мой слабый разум слишком упорствует в своем желании проникнуть во все тайны, я чувствую, что он затемняется и впадает в безумие, мое слабое зрение ослепляется, когда оно упрямо хочет фиксировать блеск Солнца, и я теряю сознание.

Я удивляюсь его чудесам. Иногда я нахожу всюду предметы для удивления, даже в иле и грязи, откуда выходят тысячи зародышей животных или растений, а иногда я не удивляюсь ничему или, вернее, не удивляюсь уже больше ничему, готовый открыть еще более великие чудеса.

Я склонен благословлять его доброту (если я только могу, говоря о нем, употребить выражение, которое обыкновенно применяется к человеку), хотя не могу себе, впрочем, объяснить, почему это всемогущее божество осуждает невинного ребенка на оплату необходимых ему зубов ужасными болями, ни почему это самое божество делает меня сегодня столь несчастным, меня, который никого не ненавидит и никогда не причинял никому зла, который любит всех себе подобных и различает их в своей любви только более теплой нежностью по отношению к родным и друзьям. Почему оно заставляет меня страдать сегодня?

[Я думал, что он не сможет продолжать, до такой степени был он тогда угнетен.]

Я хотел бы верить в его справедливость в другой жизни, в вечную награду для добрых и вечные муки для злых, ибо, чтобы не обвинять его, я иногда чувствую потребность надеяться, что несчастья угнетенных будут вознаграждены счастьем другого рода и наглое торжество угнетателей сменится унижением и страданием; я чувствую потребность надеяться, что тираны будут наказаны, не желая им, впрочем, бесконечных страданий.

И если я говорю о тиранах, то только по отношению к другим народам, ибо мы поступили лучше, мы не проклинали или осуждали их, а мы их изгнали навсегда, не рассчитывая на то счастье, какое нам обещали в загробной жизни.

Когда я взвешиваю все могущество разума, рассудка и гения, заключающихся в такой маленькой голове и в таком слабом теле, я часто с удовольствием думаю, что душа есть божественная эманация.

Я люблю думать, что душа бессмертна. Ибо я вижу в природе только превращения без уничтожения, и для меня невыносима мысль, что создание столь прекрасное, столь совершенное, столь ангельское...

Волнение помешало ему закончить, и он закрыл лицо руками.

Тогда старец, чтобы рассеять скорбь своего молодого друга, взял нас обоих под руку и повел посмотреть восхитительный грот, который расположен был в нескольких шагах дальше, с другой стороны, на склоне холма.

— Есть ли у вас в Икарии материалисты?— спросил я Вальмора, чтобы вызвать его на разговор.

— Да, несколько.

— И вы их терпите?

— Как терпим? Какое зло может причинять их убеждение, когда все регулируется законами, а они подчиняются законам? Какое значение может иметь религиозное убеждение нескольких лиц, когда вся нация счастлива? И к тому же, разве наши убеждения не независимы от нашей воли? Свободны ли мы верить или не верить? Разве верования не должны быть так же уважаемы, как и вкусы? Слишком долго наши предки были

суеверными, фанатичными, нетерпимыми, преследователями и кровожадными! Слишком долго религия, на которую ссылались как на спасение человечества, была его бичом! Разве казни и войны между представителями различных убеждений не столь же нелепы, как между теми, кто предпочитает землянику смородине, и теми, кто предпочитает смородину землянике? Разве преследование материалистов не было бы актом несправедливости, угнетения, варварства, безумия и злобы точно так же, как если бы подвергали преследованиям тех, кто придерживается взглядов меньшинства в многочисленных вопросах астрономии, медицины и других наук?

— Стало быть, у вас есть и различные религиозные секты?

— Да. А так как мы затронули теперь предмет, который тебя сильно интересует, насколько я могу судить по вопросам, с которыми ты ко мне постоянно обращаешься, я изложу тебе нашу религиозную систему, если ты желаешь и если мой почтенный друг разрешит мне.

— Говорите, говорите,— ответили мы все вместе.

— Так вот слушайте, ибо эта система — один из шедевров нашего доброго и божественного Икара, который благоразумно и бережно подготовлял умы, пока не склонил их повсюду к своему мнению. То, что я тебе сообщу теперь, есть, стало быть, как и все

наши учреждения, дело всего народа. А теперь слушай меня внимательно, потому что в этом, как и во всем почти, мы совершили радикальную революцию: мы все перестроили наново, соответственно с принципом общности.

Мы сперва заменили выражения: бог, божество, религия, церковь, священник — новыми и столь определенными выражениями, что они не оставляют места ни для каких двусмысленностей...

Затем, здесь опять, как во всем, воспитание есть основа всей системы. До шестнадцати и семнадцати лет дети ничего не слышат о религии и не причисляются ни к какому религиозному знамени. Закон не позволяет ни родителям, ни чужим влиять на них до умственного совершеннолетия. Только в этом возрасте, в шестнадцать и семнадцать лет, когда их общее воспитание почти закончено, преподаватель философии, а не священник, излагает им в течение года все религиозные системы и все религиозные мнения без исключения.

— Но что служит уздой для детей и молодых людей?

— О какой узде ты говоришь? Для чего узда? В старое время эта узда могла быть необходима. Но теперь какое зло (не говорю — какое преступление) могло бы совершить дитя? Разве гарантия его доброго поведения не заключается в воспитании, любовном попечении его наставников, в со-

знательной любви его родителей и в счастье, которым ему дают наслаждаться? Спроси у нашего почтенного друга, встречается ли повод сделать серьезный упрек детям Икарии.

В семнадцать или восемнадцать лет каждый вполне сознательно присоединяется к мнению, которое кажется ему лучшим, и свободно избирает религию, соответствующую его настроению. Каково бы ни было его верование, его уважают. Каков бы ни был его культ, он ему дозволяется. И если какая-нибудь секта достаточно многочисленна, чтобы иметь храм и священника, республика дает ей храм и священника.

Не думай, однако, что секты очень многочисленны. В религии, как в политике и в морали, как и во всем, истина если и не абсолютна, все же едина, и наша республика идет к единству в области религии, как и во всех других делах, потому что влияние воспитания, разума и дискуссий естественно приводит каждого к наиболее ясному мнению, которое становится всеобщим мнением. Быть может, и даже вероятно, что мы в будущем изменим наши религиозные суждения, как мы уже изменили их и как мы, наверное, будем менять наши суждения в науке и технике. Но в настоящее время и в течение последних пятидесяти лет секты среди нас редки, сектанты очень немногочисленны, и можно сказать, что все икарийцы придерживаются одного религиозного верования.

— И в чем состоит это верование?

Предположи, что в наши дни, при современном состоянии просвещения, наиболее образованные, наиболее мудрые и наиболее рассудительные люди сходятся на собор, как это некогда делали христиане, чтобы, оставив все личные интересы, обсудить различные религиозные мнения и установить, какое из них является наиболее разумным. Ты понимаешь, что собор сможет установить если и не единодушно, то по крайней мере огромным большинством, что он придерживается одного верования.

— Да, я понимаю это. Но каково же, наконец, это верование, которое вы приняли всем народом?

— Было бы слишком долго излагать его тебе теперь, потому что нельзя затронуть такой предмет, не входя во все детали, и я не хотел бы оскорбить твою религиозную щепетильность...

— Не бойся ничего и скажи мне, в чем заключается это верование.

— Прошу тебя, не настаивай сегодня. Я обещаю изложить тебе его позже.

Но что я могу сказать уже сегодня, это то, что религия не связана ни с правительством, ни с государством, что она совершенно отделена от него, не имеет никакой гражданской власти и ни в каких случаях не освобождается от повиновения законам, тогда как, с другой стороны, закон вмешивается в религию только с целью охранять свободу

верований, поддерживать общественное спокойствие и обеспечить все благо, которое она может дать, избегая всего зла, которое она часто причиняла или к которому давала повод.

Наша религия, всеобщая, или народная, есть только, по правде говоря, система нравственности и философии и приносит лишь ту пользу, что учит людей любить друг друга, как братья, давая им в качестве правил поведения следующие три наставления, которые заключают все: «Люби ближнего, как самого себя. Не делай другому зла, которого ты не желал бы, чтобы он делал тебе. Делай другому все добро, которое ты желаешь для себя самого».

Наш культ бесконечно прост. Каждый восторгается божеством, благодарит, молит и почитает его, как ему угодно, внутри своего дома. Мы имеем даже храмы, в которых мы просвещаемся или поклоняемся сообща, но мы думаем, что справедливость, братство, а следовательно, подчинение общей воле и любовь к отечеству и человечеству, представляют культ, наиболее приятный божеству. Мы считаем, что тот лучше всего поклоняется и нравится ему, кто умеет быть лучшим отцом, лучшим сыном, лучшим гражданином, и в особенности тот, кто больше любит и уважает женщину — лучшее создание творца. Мы думаем, что лишения и страдания, которые налагает на себя фанатизм, являются оскорблением божественной доброты. Мы ду-

маем также, что вся природа есть самый красивый храм, где можно воздавать почести высшему существу.

Стало быть, наш культ не знает никаких обрядов, ни службы, которые пропитаны суеверием или имеют целью дать власть священникам. Никаких постов, никаких умерщвлений плоти, никакого добровольного или наложенного покаяния! Если кто-нибудь совершает ошибку, которая причиняет какое-нибудь зло, то наказание состоит в том, чтобы исправить это зло и удвоить усилия быть полезным своим согражданам и отечеству.

Мы считали бы нелепым произносить молитвы на незнакомом языке или вообще не на нашем языке, как мы считали бы глупостью читать официальные молитвы, не самим молящимся составленные.

Наши храмы без образов, красивые и в особенности удобные и здоровые, как все наши общественные здания, предназначаются главным образом для проповедей и религиозного просвещения.

И, чтобы закончить в двух словах, я прибавлю, что наши священники не имеют никакой власти, даже духовной, что они не могут ни наказывать, ни отпускать грехи, что они только проповедники нравственности, религиозные наставники, советчики, руководители и друзья-утешители, счастливые, когда они сами не нуждаются в утешениях и советах.

После этих слов он, казалось, хотел остановиться, погруженный в глубокую меланхолию.

— Как! — сказал я ему тогда.— Ты хочешь быть священником, ты знаешь, что все касающееся ваших священников, быть может, больше всего интересует меня, и ты мне ничего не говоришь о них. Расскажи мне об их воспитании, о том, как они становятся священниками, об их службе.

— Хорошо,— ответил он печальным и дружеским тоном,— слушай дальше.

Знай сначала, что мы имеем священников женского пола для женщин и священников-мужчин для мужчин. То, что я скажу тебе о священниках, относится также к священникам женского пола.

Священство, как и медицина, есть профессия, или, если хочешь, общественная функция.

В восемнадцать лет, когда общее образование закончено и каждый выбирает себе профессию, молодого человека, который хочет быть священником, подвергают экзамену, чтобы узнать, имеет ли он необходимое образование, наклонности и способности.

Если он допускается как аспирант, то до двадцати пяти лет он занимается специальным изучением риторики и морали, философии и религии. В продолжение этого времени изучения и испытания он посвящает себя еще воспитанию юношества как наставник.

Он должен вступить в брак до двадцати пяти лет, чтобы в меру возможности укрыть-

ся от страстей и чтобы можно было судить, сумеет ли он служить образцом для других во всех областях общественной жизни.

В двадцать пять лет его снова подвергают экзамену, чтобы увериться, что он достоин и способен давать советы и утешение тем, кто имеет в этом нужду, ибо хотя икарийцы воспитываются так, чтобы стать людьми, достойными этого имени, хотя отцы, матери и друзья вполне способны быть советниками и утешителями своих детей и друзей, голос священника иногда не бесполезен в особых случаях и производит тем большее действие, чем реже он бывает слышим.

Так как священник должен быть советчиком и руководителем для несчастных, вторым отцом — для молодых, братом — для людей его возраста, другом — для всех, то от него требуют, чтобы он был человеком, наиболее отличающимся своим благоразумием, мудростью, терпением и даром убеждать.

Если экзамен в двадцать пять лет для него кончается успешно, аспирант объявляется кандидатом, а уже из этих кандидатов граждане каждого квартала выбирают затем своего священника.

Они выбирают его только на пять лет, чтобы можно было отстранить того, чья добродетель не всегда является достойной служить образцом для других, ибо от священников в первую очередь требуется добродетель, и чем больше его уважают, тем больше

хотят, чтобы он был добродетелен, и чем он более добродетелен, тем больше его уважают.

— Поэтому и ждут с нетерпением,— сказал, прерывая его, старец,— когда ты достигнешь двадцати пяти лет, ибо никто, мой дорогой Вальмор, не выдержал более блестяще экзамена на аспиранта, никто не имел большего успеха как наставник, никто вообще не любим и не уважаем больше тебя, никто не имеет больше шансов быть объявленным кандидатом и быть единодушно избранным священником. И ты знаешь, как я счастлив этим, я, самый старый друг твоего дедушки и любящий тебя, как своего сына.

— Ах,— воскликнул Вальмор, который уже давно казался мне страшно возбужденным,— что вы говорите мне об общественном уважении! Этого уважения, которого я так добивался и заслужил (ибо, призываю небо в свидетели, чье сердце чище моего?), я больше не заслуживаю. И как мог бы я советовать покорять свои страсти, я, позволяющий им покорять себя? С каким лицом осмелюсь я увещевать другого переносить несчастье с мужеством, я, столь слабый и малодушный? Но какое несчастье также могло бы сравниться когда-либо с моим, скажите мне вы, ее дедушка, вы, который знаете ее душу!..

Скорбь его, долго сдерживаемая, прорвалась, наконец, как поток, который ломает плотину, и несчастный разразился слезами. О, какое страдание причиняют слезы муж-

чины его друзьям! Мы оба плакали вместе с ним.

Но он, стыдясь своих рыданий и раздраженный ими, сказал нам, указывая на свою красную грудь, почти всю исцарапанную его руками:

— Смотрите, как я боролся с моими слезами и как я наказывал себя за мою слабость!

— Плачь, мое дитя, плачь без стеснения с твоими друзьями! Я также страдал в молодости и вполне сочувствую твоим страданиям. Я тоже плакал и знаю, что если мы впадаем в искушение и обвиняем небо за то, что оно посылает нам страдания, мы должны по крайней мере признать, что слезы представляют благодеяние природы.

— Да, я чувствую облегчение, точно с меня свалилась тяжесть, которая давила меня...

— Ну, а теперь побольше разума, побольше мужества! Разве моя дочь Наиза не была также ангелом? И мы, которые нежно любили ее, разве не перенесли эту утрату?

— Ах, если бы Динаиза умерла, я был бы, может быть, менее несчастен! [И он опять залился слезами.]

— Полноте, Вальмор,— сказал ему старец почти суровым тоном,— побольше мужества! Пора быть мужчиной, пора показать свою добродетель, и нельзя быть добродетельным, если не умеешь справляться с несчастьем. Вместо того, чтобы сказать: «Я слаб и не хочу больше быть священником», нужно

сказать, Вальмор: «Я буду священником и хочу быть достойным этого звания».

— Пусть будет так! — вскричал Вальмор восторженно.— Я буду достоин этого звания, и я беру на себя при вас обязательство, при вас, ее отце, который должен был стать моим! Но извините опять мою слишком законную скорбь. [И Вальмор бросился в объятия старца, опять заливаясь слезами, и старец плакал вместе с ним.]

— Мне лучше,— сказал он, наконец...— Я чувствуя себя более сильным, я добьюсь победы, я хочу этого. Но дайте мне время бороться.

Завтра или, может быть, сегодня вечером мы уедем.

Я не буду избегать ее... Вы будете скоро довольны мною.

Бедный Вальмор! Ему придется еще много страдать и выдержать много сильных бурь! Но у него будет утешение.[29] А я, помогающий ему сегодня утешаться, буду скоро подавлен тяжестью неутешной скорби! Он излечится, а я стану добычей болезни, против которой нет средств. Его сердце еще будет биться от счастья и удовольствия, а я, несчастный, выпью до дна чашу человеческих бедствий!

Глава двадцать первая

ИЗЛЕЧЕНИЕ ВАЛЬМОРА. ТОСКА МИЛОРДА

Я привел Вальмора назад в его семью, где не знали, как благодарить меня за дружбу, которую я проявил к нему, сопровождая его в деревню, и особенно благодарна была мне Корилла, которую печаль делала более трогательной. Она удвоила свои ласки и любезность по отношению к своему брату и ко мне.

Через час после нашего прибытия Вальмор захотел повидать Динара, и вечером мы все вместе отправились к госпоже Динаме.

Каждый старался вести себя, как и до фатального объяснения. Вальмор и Динаиза не старались избегать друг друга, но Вальмор не оставался около нее так долго, как прежде, и все как будто сговорились занимать их обоих, одни собираясь вокруг Вальмора, другие — вокруг Динаизы.

Я тоже несколько раз подходил к ней, когда около нее сидела Корилла, и не мог не пожалеть втайне Вальмора, ибо никогда

Динаиза не казалась мне такой восхитительной. Я был удивлен, найдя ее менее робкой со мной. Тон ее показался мне почти сердечным. Мне казалось даже, что, подобно Корилле, она была мне благодарна за мою заботливость о Вальморе. Но в то время как она становилась смелее, я смущался не менее, когда осмеливался любоваться ею, и в особенности когда слышал ее голос, каждый раз заставлявший меня вздрагивать. Я часто вспоминал все, что мне рассказывал о ней Вальмор, и я все лучше понимал его энтузиазм и отчаяние.

Меня даже удивило спокойствие Вальмора. Однако я раз заметил, что он побледнел и как изменился его голос, когда он смотрел на нее. Но это промелькнуло мгновенно, как молния.

— Ну как,— сказал он, выходя, Корилле и мне,— довольны ли вы Вальмором? Если бы вы знали, как я страдал и какую борьбу мне нужно было выдержать!.. Я считал себя более сильным! Как слаб, однако, человек! Но теперь все кончено, я победил и — я в этом уверен — я буду побеждать. Я верну вам спокойствие, тебе, моя дорогая сестра, и тебе, мой добрый и верный друг. [И он часто горячо пожимал мою руку.]

Я должен был быть довольным и состоянием Вальмора, и его ласками, и приемом Динаизы. Но как странно устроено человеческое сердце! Я ушел печальный и смущенный, не умея объяснить себе самому причину моей

печали и не подозревая даже, что неопределенное беспокойство, угнетавшее меня, было только предзнаменованием несчастий, которые должны были обрушиться на меня, как удушливый воздух является обыкновенно предвестником бури.

Глава двадцать вторая

НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Мы сговорились, Корилла, Динар и я, что я буду как можно чаще уводить с собою Вальмора из дому, чтобы развлечь его, а я взял с него обещание объяснить мне более детально, какова их политическая организация, и показать мне ее в действии.

Так как дед Вальмора предупредил нас, что ближайшее заседание Национального представительства должно быть интересным, то я просил его повести меня туда вместе с Евгением, общество которого, как я знал, было ему приятно.

Поэтому мы с Вальмором зашли за Евгением очень рано и, беседуя, отправились вместе, обещав вернуться домой, где мы, вероятно, застанем госпожу Динаме и ее семью.

— Национальное представительство,— сказал нам Вальмор по дороге,— есть высшая власть после власти народа.

Вы увидите, что оно состоит из двух тысяч депутатов, избранных на два года; половина их обновляется каждый год.

Так как тысяча коммун, которые составляют республику, имеют каждая двух депутатов, то каждая из них переизбирает одного депутата ежегодно.

Выборы происходят во всей республике в один день — 1 апреля.

Они заканчиваются всюду на одном заседании, после того как списки кандидатов были составлены и обсуждены на двух предыдущих собраниях, с десятидневным промежутком.

Так как все граждане приобретают навык в общественных делах на народных собраниях и почти все выполняют какие-нибудь функции в своей коммуне или провинции, а наиболее опытные выполняют последовательно все эти функции, так как депутаты выбираются из среды наиболее выдающихся между опытными, то вы поймете, что депутаты почти все являются людьми, умудренными возрастом и опытом, сливками страны по своим талантам, добродетелям и патриотизму.

Если среди них встречаются, как вы увидите, некоторые молодые люди, не прошедшие через ряд низших должностей, то это люди гениальные.

Национальное представительство перманентно, как народ и как народный суверенитет, который оно представляет.

Оно заседает в течение девяти месяцев и три раза расходится на один месяц. В течение каникул оно представлено комиссией

надзора, которая может созвать его в случае необходимости.

Депутаты собираются и распускаются в сроки, определяемые конституцией, без всякого приказа, кроме мандата суверенного народа.

Все получают жилище и стол сообща в Национальном дворце.

В другой раз мы посетим их квартиры и столовую, и вы увидите, что они получают то же самое содержание, что и все другие граждане. Их зал конференций и все, что служит исключительно для их личного потребления, не представляют ничего особенного.

Но взгляните хорошо на этот общественный памятник [мы в это время приближались к нему], на Национальный дворец, и скажите мне, вы, так много путешествовавшие, видели ли вы более красивый императорский или королевский дворец? Всюду разосланы были люди, чтобы достать образцы; план вырабатывался и обсуждался в течение четырех лет. Всего двадцать два года, как он закончен, после двадцативосьмилетнего труда. Икар и республика сказали вместе: пусть Национальный дворец будет самым красивым зданием на земле. И вот он!

Но войдем скорее, потому что приближается час открытия заседания. Я не возьмусь описывать внутренность... Не думаю, чтобы какой-нибудь тронный зал в каком-либо

дворце монарха был так величествен, так великолепен, так роскошен, как этот зал совещаний представителей народа, народа, осуществляющего власть императора, папы или короля.

Несколько обширных галлерей вмещают более шести тысяч зрителей.

Ни одного солдата, ни одного гвардейца. никакого оружия! Но музыка, то величественная, то чарующая!

В четыре часа без пяти минут президент, вице-президенты и секретари, предшествуемые многочисленными сотрудниками, и следующие за ними две тысячи представителей в прекрасных костюмах вошли в залу и заняли свои места среди торжественной тишины.

Эти две тысячи депутатов, сидящие полукругом на скамьях, поднимающихся, как в амфитеатре; эти шесть тысяч зрителей, как бы повисшие над их головами, блестящие костюмы, элегантные и ослепительные туалеты женщин, все эти красивые или приятные лица, трибуна, расположенная против публики, служащие, сидящие позади нее и выше, президент посреди них на возвышении, надписи и статуи, искрящиеся люстры и знамена, музыка и тишина (среди которой, казалось, слышался голос: «Здесь решается вопрос о счастьи или несчастьи великого народа»),— все вместе представляло зрелище, которого не может дать ни пустое великолепие двора, ни суетная феерия оперы.

Пробило четыре часа, когда величественный старик в гражданском платье появился внизу, перед президентом, и произнес торжественным тоном следующие слова:

— Представители Икарии, помните: народ послал вас сюда, чтобы вы трудились для его счастья, и ваши братья выбрали вас, дабы получить от вас пример всех добродетелей!

Сейчас же президент объявил, что заседание открыто.

— Все ли представители на своих местах?— спросил он главного сотрудника.

— Нет.

— Сколько отсутствует?

— Три.

— Кто это?

Сотрудник назвал их.

— Заявляю собранию,— продолжал президент,— что двое первых прислали мне письма с объяснением мотивов отсутствия, и я передам их письма наблюдательному комитету.

Не просит ли кто-нибудь временного отпуска?

Четыре депутата поднялись и изложили свои мотивы. Собрание предоставило отпуск трем, а четвертого направило в наблюдательный комитет.

Затем докладчик от имени Комитета по обеспечению населения мебелью прочел свой доклад о проекте закона, предполагавшего прибавить новую часть мебели к движимости каждой семьи. Он объявил, что комитет

был единогласно за принятие, и кратко изложил свои мотивы. Так как никто не потребовал слова по поводу этого доклада, то собрание голосовало без обсуждения, путем вставания, и приняло закон единогласно.

Другой докладчик уже стоял на трибуне, когда дверь залы открылась с трезвоном колокольчиков, который привлек все взоры.

— Смотрите внимательно,— сказал нам Вальмор,— это третий депутат, отсутствие которого констатировал главный сотрудник.

— Но для чего,— сказал я ему,— эта дверь устроена так, что когда ее открывают, то звон прерывает оратора?

— Это для того, чтобы собрание заметило вход опоздавшего. Ты сейчас увидишь!

Докладчик, остановивший чтение, когда депутат усаживался на свое место, кончил свой доклад.

После голосования собрания президент сказал депутату:

— Представитель Б..., вы не дали своим согражданам примера точного выполнения своих обязанностей. Каковы ваши извинения?

Депутат изложил причину своего опоздания.

— Желает ли собрание,— сказал затем президент,— отослать заявление в наблюдательный комитет?

Все остались сидеть.

— Принимает ли оно извинение?

Все встали.

— Но эта церемония есть уже сама по себе суровое наказание,— воскликнул я, забыв, что меня могут слышать.

— Милостивый государь,— сказал мне вежливо сидевший около меня старик,— я пришел сюда слушать наших представителей, а не ваши размышления. Не лишайте меня моего права!

— Извините меня,— ответил я ему (ибо он был прав).

От пятнадцати до двадцати проектов законов были также приняты, а некоторые отвергнуты без обсуждения, единогласно, комитетами и собранием.

Один докладчик заявил затем, что его комитет принял проект только большинством двух третей. После него выступил другой докладчик, выбранный меньшинством этого комитета, чтобы изложить мотивы оппозиции. Несколько ораторов взяли затем слово, чтобы высказаться за проект и против него, и говорили они крайне лаконично. Так как собрание не было единодушно, то сосчитали меньшинство, которое голосовало против проекта. В меньшинстве оказалось 105 депутатов, имена которых были быстро записаны, и таким путем узнали имена тех 1895 депутатов большинства, которые составили большинство в пользу закона.

Заседание было тогда прервано на четверть часа.

— Выговор, который я получил от соседа, был справедлив,— сказал я тогда более

свободно Вальмору, но и мое размышление само по себе не менее справедливо: ваша дверь с трезвоном и перерыв оратора представляют настоящее наказание для опоздавшего.

— Мы не шутим со своими обязанностями,— ответил мне Вальмор.— Обязанности представителей не являются для нас игрушкой. Вы слышали, как человек из народа напоминал Национальному представительству, что оно должно дать пример всех добродетелей? Депутат, который без нужды нарушает свои обязанности, кажется нам более виновным, чем всякий другой, и общественное мнение настолько неумолимо на этот счет что десять лет назад один депутат был единогласно исключен из Национального представительства за то, что отсутствовал один раз в палате без надлежащего мотива. Поэтому никто не отсутствует, и на две тысячи депутатов вы видели только одного опоздавшего.

О! Я далек от того, чтобы порицать эту суровость,— ответил я.— Я, напротив, одобряю ее от всего сердца и удивляюсь ей.

— Как видно,— сказал Евгений,— ваши комитеты принимают большое участие в законодательной работе. Как они поступают?

— Вы знаете, что Национальное представительство имеет пятнадцать главных комитетов, каждый из ста тридцати трех членов, они подразделяются на шестьдесят подкомиссий из тридцати трех членов. Все эти коми-

теты и подкомиссии имеют в своем ведении специальные предметы, и у них свои особые помещения; все предложения распределяются между ними согласно их специальностям, и они должны исследоваться и рассматриваться отдельно и без промедления. Заседания этих комитетов публичны и происходят каждый день утром, от десяти до часа, тогда как общие собрания происходят вечером от четырех до восьми часов, а иногда до девяти.

Хотя эти комитеты имеют все статистические данные, которые им могут понадобиться, и находятся в постоянных сношениях с аналогичными комитетами во всех народных собраниях, они часто с разрешения палаты раздают анкеты и допрашивают публично либо государственных должностных лиц, либо граждан.

Они даже организуют специальные комиссии, в которые они приглашают граждан не депутатов, собирающих сведения и дающих свои заключения. Эти свободные комиссии, присоединенные к комитетам, сыграли большую роль при организации системы общности.

Когда комитет принимает решение, его докладчик составляет тотчас же доклад, который вносится, печатается и распределяется за десять дней до его чтения и обсуждения, за исключением случаев большой спешности, которые крайне редки.

Когда заседание было вновь открыто, я

имел удовольствие присутствовать при оживленных дебатах по важному вопросу, доклад о котором был разослан в народные собрания с целью получить их заключение. Доклад вызвал разногласия в этих собраниях так же, как и в комитете. Это был вопрос о том, что удобнее: работать ли семь с половиной часов в день вместо семи и иметь день отдыха каждые пять дней вместо одного дня каждые десять дней, чтобы граждане могли чаще наслаждаться отдыхом в деревнях. Два очень искусных оратора были выбраны меньшинством и большинством, чтобы защищать оба мнения. Они забрасывали друг друга в течение получаса вопросами, возражениями и рассуждениями, отвечали раз двадцать друг другу, но постепенно пришли к соглашению по ряду вопросов, по которым вначале у них были разногласия, и кончили тем, что согласились произвести опыт в течение трех летних месяцев, предложив, однако, и этот новый план на одобрение народных собраний. Национальное представительство, которое их выслушало в молчании, как трибунал слушает двух адвокатов, почти единодушно приняло их мнение.

Я получил затем позволение присутствовать при очень редком зрелище: президент исполнительного корпуса был вызван Национальным представительством и поднялся на трибуну, чтобы дать сведения, которые оно от него затребовало. Речь шла о состоянии переговоров, начатых по постановлению пала-

ты с пятью иностранными государствами касательно проекта колонизации, который должен был осуществляться сообща. Президент прочитал письма, ответил на все вопросы и сообщил, что три из этих правительств приняли предложения республики, а два других скоро примут их. Затем он удалился с теми же церемониями, которые сопровождали его приход.

— Стало быть, президент никогда не отказывается,— спросил я у Вальмора во время второго перерыва,— явиться по приглашению представителей?

— Отказаться! — ответил он.— Это был бы бунт, и Народное представительство сместило бы его и отдало под суд! Народное представительство — суверен или представитель суверена, а президент — его подчиненный, исполнитель его законов, выбранный им и ответственный перед ним.

Таким образом, ежегодно Национальное представительство в установленные дни призывает президента, чтобы выслушать его отчет об исполнении всех законов; оно также призывает часто министров, чтобы потребовать у них отчет.

— И все ваши иностранные дела обсуждаются, таким образом, публично?

— Несомненно! Разве могут быть какие-нибудь тайны для Народного представительства? Не было ли бы это абсурдом, поскольку оно является сувереном?

— Однако, если бы президент утвер-

ждал, что благо народа требует, чтобы дело оставалось неизвестным кому-либо другому?

— Нелепость! Наглая ложь деспотов и тиранов! Если бы президент заявил, что дело требует тайны, то палата сама бы разобралась в этом. Если бы она имела какие-нибудь сомнения, она назначила бы специальную комиссию, пользующуюся полным ее доверием, и представила ей доклад. Но если она считает, что более или менее обширная гласность не представляет никаких неудобств, никто не может настаивать на противном. Впрочем, эта трудность еще ни разу не представилась со времени нашей революции, и все наши иностранные дела проводятся столь же гласно, как и другие дела.

По возобновлении заседания палата быстро рассмотрела ряд дел. Она распределила между своими комитетами несколько петиций, внесенных народными собраниями, и предложения, сделанные и оглашенные ее собственными членами. Затем она установила порядок дня на завтра, и члены палаты разошлись таким же порядком, как собрались, внушив всем зрителям уважение, а нашему Евгению — энтузиазм.

— Если каждое заседание до такой степени заполнено,— сказал я Вальмору при выходе,— то какое количество законов должно ваше Народное представительство вырабатывать ежегодно в течение девяти месяцев!

— Да,— ответил Евгений,— но все законы составлены, наверное, как и эти, в интересах народа, а потому; я думаю, вы не будете жаловаться на их количество.

— Евгений прав,— сказал Вальмор,— и чтобы тебя убедить, я тебе покажу, когда мы придем домой, список законов, выработанных в прошлом году.

— Но,— ответил я,— нам всегда говорили, что законодательная власть не должна ни управлять, ни централизовать, а я вижу, что здесь Народное представительство управляет и централизует.

— Нет,— возразил Вальмор,— наше Народное представительство не управляет, оно только обсуждает, решает и издает многие административные постановления, как это делают все законодатели. И мы сожалеем, что оно не может обсуждать все подобные акты, потому что, какое зло может проистекать из того, что они будут вынесены двумя тысячами законодателей вместо того, чтобы быть декретированы несколькими генеральными исполнителями или даже только одним? Разве не более целесообразно, чтобы они рассматривались учреждением, которое имеет больше знаний и может, кроме того, запрашивать мнение всех других учреждений и всего народа?

— Ты говоришь, что оно централизует... Тем лучше! Пусть оно всюду устанавливает единство и равенство, стараясь избегать всего неблагоприятного и объединять все бла-

гоприятное. Бич при деспотизме и тирании, централизация представляет благодеяние при республике и общности.

Когда мы пришли домой, где Динар сообщил нам, что мы не увидим его матери и сестры, у которых была Корилла, Вальмор передал Евгению список законов, вотированных в прошлом году, и Евгений быстро прочел его вслух.

«Закон, устанавливающий введение нового сорта овощей в список съестных припасов, их обработку и распределение. Десять других законов того же рода о съестных припасах, одежде, жилищах и обстановке.

Закон, предписывающий улучшить все дороги. Пять других законов того же рода относительно каналов и рек.

Закон, предписывающий составление, напечатание и распределение хронологической и алфавитной таблицы всех изобретений человека. Двенадцать законов того же рода.

Закон, предписывающий возвести некоторые сооружения и провести опыты в связи с проектом градоотвода.

Пятнадцать законов, обеспечивающих выгоды и удобства для женщин в мастерских и других местах.

Сорок законов, предписывающих конструкцию и употребление новых машин в национальных мастерских».

— Хватит, надеюсь...

— Нет, нет, продолжайте,— сказал Вальмор.

«Пятнадцать законов, имеющих целью улучшение обучения.

Два закона, предписывающих выработку и распределение некоторых предметов для одного дикого народа, с целью попытаться его цивилизовать.

Закон, содержащий предложение конгрессу союзных народов предпринять сообща геологические раскопки и разведки».

— Довольно, довольно!

Две или три сотни других законов имеют равным образом своей целью общий интерес.

— Ну,— спросил меня дедушка, входя,— довольны ли вы?

— Я очарован,— ответил я ему,— изумлен! Я, впрочем, не слышал ни одной блестящей речи, я не видел ничего драматического, но я удивляюсь разуму, мудрости, благопристойности, достоинству, лаконизму ваших представителей. Их можно было бы назвать судьями, заседающими в трибунале: всегда молчаливые, внимательные и сидящие на своих местах. Ни одного перерыва, ни одного крика, ни малейшего шума, который мог бы помешать оратору или слушателям. Напротив, полная внимательность, все знаки уважения и братства. Несомненно, ваши народные собрания, ваши государственные должностные лица и сами граждане находят там образцы для своего поведения. Вот чего я всегда желал, вот что приводит меня в восторг и в восхищение.

— Но я не понимаю вашего восхищения,— возразил мне старец: — вы видите здесь то же самое, что вы видите в наших школах, мастерских, театрах, на наших публичных собраниях. И почему избранники народа должны быть менее рассудительны, чем школьники? Вспомните, что уже с самого детства воспитание дает нам все физические и моральные навыки, необходимые для человека в обществе, и в особенности для гражданина на собрании: уметь слушать молча, отвечать кратко, никогда не мешать своему соседу. Все это не представляет ничего трудного; гораздо более трудным казалось привить собранию все привычки, необходимые, чтобы уметь оставаться в течение нескольких часов на месте, сохранять молчание и быть внимательными. Но, приучаясь с детства, мы достигли этого в полной мере. Что касается вежливости, чувства братства, аккуратности и исполнения своих обязанностей, то было бы преступлением для наших избранников подавать пример их несоблюдения.

— О, как вы счастливы! — воскликнул Евгений,— как вы счастливы!

— Мы тем более счастливы в этом отношении,— возразил старец,— что в старое время, до нашей революции 1782 года, у нас наблюдалось нечто совсем противоположное.[30] В эту эпоху, печальной и позорной памяти, наши депутаты издевались над своими обязанностями. Те, кто больше всего надавал обещаний, чтобы добиться избрания, неде-

лями и месяцами не являлись в палату, пренебрегая своими обязанностями ради своих удовольствий или интересов. Ежедневно большое число их являлось после открытия заседания и уходило до окончания, и часто, к великому возмущению народа, можно было видеть театр, наполненный депутатами, законодательный дворец без законодателей и президента, вынужденного закрыть заседание, потому что он оставался почти один.

Во время дискуссии они гуляли в зале, входили и выходили ежеминутно. На своих скамьях они читали газеты, писали письма или говорили со своими соседями. Все время слышно было хлопанье дверей; ходили, говорили, производили всякого рода шум, так что некоторые не слушали оратора и мешали другим слушать его, да и ему самому мешали говорить спокойно.

Наши молодые люди не могут притти в себя от удивления, когда им рассказывают об этих временах раздоров и угнетения. Они с трудом верят, что возможны были такая невнимательность, такая невежливость и грубость даже среди наиболее просвещенных людей страны. Но эта чудовищная нелепость, это извращение всех представлений о разуме, к несчастью, были тогда весьма обыкновенны. Те, кто скорее предпочел бы задохнуться, чем сопеть в присутствии певицы или балерины, шумели как пьяные люди, когда долг их приводил в так называемое святилище законов.

Не было школы, гауптвахты, казармы, кабака, даже ярмарки, где не было бы больше порядка и приличия, чем иногда на торжественном собрании законодателей...

— Но, папа!..— воскликнул Вальмор.

— Оставь, оставь, мой сын,— продолжал почтенный старец, все больше воодушевляясь,— я знаю, как эта правда заставляет тебя краснеть за отечество, но позор и безумие прошлого возвышают мудрость и славу настоящего. И нужно вспоминать пороки и бедствия нашего старого режима, чтобы лучше ценить добродетели и счастье, которыми мы обязаны нашему Икару. Нужно показать нашим молодым друзьям то, чем мы были, чтобы они могли судить о чудесах, которые произвела наша система общности. Я поэтому продолжаю.

Законодательная палата делилась на две фракции: большинство, которое защищало интересы аристократии, и меньшинство, или оппозицию, которая защищала интересы народа. Эти две партии составляли два отдельных лагеря, две враждебные армии, которые всячески нападали друг на друга, обменивались руганью и оскорблениями, аплодировали, как ошалелые, своим ораторам или ревели, чтобы не давать слова своим противникам, которые ворчали или рычали, громко смеялись или топали ногами, как бешеные, грозили кулаками и испускали воинственные крики, точно варвары, нападающие на укрепление врага, расправлялись с законом, как

солдаты с крепостью, среди беспорядка и ужасного шума, убивали друг друга на дуэлях и, наконец, только и думали о том, как бы уничтожить друг друга, и действительно уничтожали.

Вы содрогаетесь, дети мои, при рассказе о таких ужасах... Но все шло вверх ногами в эти времена тирании, гражданской войны и ужасов. Министры, которые должны были быть лучшими из лучших, подавали часто на трибуне пример самой беззастенчивой лжи, провозглашали самые безнравственные положения, расточали оскорбления и клеветы, хвалили измену и награждали убийство.

И эти министры имели бесстыдство курить себе фимиам, петь себе хвалы, приписывать себе всю мудрость и все добродетели, обвинять народ в тупости и невежестве и третировать — как идиотов и дураков, смутьянов и анархистов — тех, кто защищал интересы народа... И большинство всегда приветствовало их речи аплодисментами и знаками одобрения.

И эти же министры, заседая во главе большинства, как генералы во главе своих солдат, давали ему сигналы аплодировать или шуметь, подниматься или сидеть.

И это большинство утверждало предоставляемые министрами законы, ведущие к тирании, террору и крови, и миллионы, которые они испрашивали для королевы и трех ее детей.

Но, быть может, вы спросите, что представляло собою это большинство? Из какого ро-

да животных оно составлялось? Пресмыкающиеся, домашние и хищные лисицы, россомахи, легавые, хамелеоны, рыси,— вы нашли бы все виды в этом зверинце...

Кучка богачей (едва двести человек), выбранная другой кучкой богачей (тридцать или сорок тысяч) или, вернее, указанная и назначенная министрами, распоряжалась избирателями благодаря своему влиянию и местам или милостям, которые она раздавала или обещала. И все богачи выбирали депутатами аристократов, у которых были одинаковые с ними интересы, агентов или чиновников, которые были им наиболее преданы (т. е. были наиболее преданы своим местам), камергеров, шталмейстеров, капитанов гвардии, евнухов, придворных служащих или камер-лакеев, даже прекрасных пажей королевы. Одно время можно было думать, что богачи пошлют в палату в качестве законодателей представителей государыни, ее красивых горничных и прекрасных фрейлин, но они удовольствовались тем, что назначали себя самих, и в некоторых решающих случаях именно их голоса составляли большинство, а следовательно, и закон.

Мне самому кажется, что все это сон, когда я думаю об этом, и иногда мне трудно верить собственным воспоминаниям... Мы называли эту машину представительным правительством, но, как видите, это был только грубый фарс,— простите мне это выражение,— настоящая комедия, и комедия, которая доро-

го стоила народу. Ибо в действительности законы составляла королева или, вернее, ее министры, и эти министры были более самодержавны, чем самодержцы, более деспоты, чем султан, и более смелы по части хищения миллионов, потому что они имели к своим услугам призраки депутатов, которые служили для них прикрытием и давали им все от имени народа.

В то время как наше Народное представительство вырабатывает теперь законы только в интересах народа и человечества, вы пришли бы в содрогание, если бы я привел вам законы, принятые в нашей несчастной Икарии с 1772 до 1782 года. Бюджеты, цивильный лист для королевы, уделы для двух ее сыновей, приданое для ее дочери,[31] свирепые законы — все в угоду королевской семье и ее лакеям, министрам и аристократии, все — против народа! И если из страха и лицемерия, с целью добиться популярности, сперва соглашались на некоторые законы, которые казались народными, то их затем постепенно брали назад, или искажали, или не применяли.

И посмотрите, как забывают всякий стыд, когда деспотизму удается все деморализовать. Это большинство, эти депутаты, которым якобы поручали контролировать и обвинять министров, не покидали ни министерских отелей, ни даже дворца королевы, и набрасывались, как голодные, на обеды и празднества двора и придворных. Каждый старался прев-

зойти другого лестью, поклонением, хамством и низостью. Вы не поверите, быть может, что эти депутаты, которым поручено совещаться о благе народа, серьезно обсуждали однажды в течение двух часов вопрос о том, не больше ли к лицу королеве перья, чем цветы.

И чтобы совсем соблазнить и купить их, министры раздавали им, их женам и их детям места, милости всякого рода, ребяческие отличия, маленькие ленты разных цветов, маленькие крестики разных форм, между тем как они унижали и разоряли депутатов, которые голосовали против них, отдавая предпочтение своей совести перед своим интересом.

Разделив палату, чтобы управлять ею, они напускали свое большинство на меньшинство, как шуты науськивают одну собаку на другую.

Они даже не дозволяли меньшинству говорить и в особенности вносить какие-нибудь предложения.

— Но,— сказал я старцу,— что говорили свидетели этих дебатов и народ, который читал отчеты об этих заседаниях?

— Они говорили, что это была школа скандалов и безнравственности, вертеп, трущоба, притон, чумной очаг, дом сумасшедших, курилка, скверна, которую следует очистить.

— И народ не подавал петиций, как в Англии? [32]

— Петиции? Но кому? Министрам или королеве против их угодников и подхалимов-

депутатов? Королеве против ее угодников и подхалимов-министров?

— И народ не собирался, как в Англии, совещаться на своих митингах? [33]

— Но закон (т. е. богатые, депутаты и министры) запрещал ассоциации и собрания.

— А пресса не кричала в пользу народа, как в Англии?

— Но закон (т. е. аристократия) зажимал рот прессе.

— И народ не забрасывал грязью, как в Англии, тех, кто его предавал, уверяя, что представляет его?

— Но враги народа окружали себя свитой из бандитов и убийц.

— И народ не протестовал против министров, как в Англии, где великий герцог Веллингтон [34] вынужден был в своем дворце сделать железные ворота и железные ставни и окружить его железной решеткой?

— А митральезы и чрезвычайные суды! [35]

— Стало быть, не было никакого выхода, как в Англии, где народ сумел добиться парламентской реформы? [36]

— Что вы! Разве небо не послало нам Икара и системы общности за сорок лет до того, как оно послало вам то, что вы называете парламентской реформой? И хотя, признаю это, вы можете ею гордиться, но что представляет собою эта маленькая реформа в сравнении с нашим радикальным возрождением? Можем ли мы удержаться от смеха, когда слышим здесь, в Икарии, о вашем английском

радикализме?[37] Я с большим удовольствием смотрел, признаю это опять, как ваши гордые кандидаты скромно выступали на ваших избирательных собраниях на вольном воздухе перед всем народом и излагали ему свои взгляды и принципы, как бы для того, чтобы воздать должное его суверенитету. Но почему этот же народ презрительно устраняется на другой день, когда нужно голосовать и выбирать? К чему эта недостойная клевета партий одна на другую, грубые оскорбления друг друга среди конкурентов, крики завывания, ругательства, позорные и дикие насилия народа против тех, кто будут его законодателями? К чему открытый и бесстыдный подкуп голосов[38] за деньги, подкуп, который в одном себе сосредоточивает все виды разложения и бесстыдства, превращает ваши выборы в безмерную ложь, бесчестит ваших богатых развратителей и бедных развращенных и вполне достаточен, чтобы неопровержимо доказать роковое влияние чрезмерного богатства рядом с нищетой? Не говорите поэтому больше, мой бедный милорд, о вашей реформе, ваших выборах, о так называемом представительстве английского народа, в особенности когда вы выходите из заседания нашего икарийского Народного представительства. Не правда ли, демократ Евгений?

— О да,— ответил Евгений, который, как я видел, успел за это время несколько раз покраснеть, побледнеть и закрыть лицо руками. Да, я завидую.. я восхищаюсь... я восхи-

щаюсь вашим представительством, законодателями, вашим народом... или, скорее, я восторгаюсь вашей конституцией, воспитанием, вашей общностью, которые так преобразили ваших избирателей, депутатов и министров... И когда я об этом думаю, у меня закипает кровь. Но не к людям испытываю я чувство ненависти и гнева, а к ужасному общественному и политическому строю, который развращает богатых и бедных, избирателей и депутатов, даже министров и монархов, обусловливая несчастье аристократов и отчаяние народов.

— Прекрасно, Евгений! Браво, браво! — сказал старец, протягивая ему руку.

Хотя беседа представляла высокий интерес, все казались печальными, даже дети сохраняли серьезность. как будто все должны были томиться в отсутствии Кориллы и Динаизы!

Глава двадцать третья

ИКАРИЙСКОЕ ПЭРСТВО.[39] ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО. ПАНТЕОН

— Представь себе,— сказал я Вальмору,— Евгений провел ночь в палате депутатов, в Париже, и проснулся совершенно красный от гнева.

— Ладно,— сказал Вальмор,— чтобы успокоить его, я покажу ему, если он хочет, нашу палату пэров.

— Как,— воскликнул Евгений, сейчас же вспыхнув,— пэры в Икарии? Вы смеетесь надо мной!

— Ничуть: у нас есть пэры, которые одобряют или отвергают наиболее важные законы, вотированные Народным представительством, и наша палата пэров составлена не из нескольких сот пэров, а из нескольких тысяч, и мы имеем не одну палату, а тысячи палат пэров...

— Вы не понимаете,— сказал я Евгению,— что их пэры — это все граждане, которые все равны, а тысячи палат пэров — это

тысячи коммунальных или народных собраний.

— Прекрасно,— сказал Евгений,— я готов посмотреть их, и сейчас же, хотя я уже видел несколько.

— Не торопитесь! Собрание состоится только завтра. Да, впрочем, я хотел бы показать вам одно заседание нашего провинциального представительства.

— Как,— спросил я,— вы имеете также провинциальное представительство?

— Конечно,— ответил он,— представительство каждой провинции имеет свой дворец; дворец расположен в центре главного города, а главный город — посреди своих десяти коммун.

Это провинциальное представительство составляется из ста двадцати депутатов, избираемых коммунами. Оно организуется по образцу Национального представительства, возобновляется ежегодно наполовину, делится на пятнадцать комитетов и совещается публично.

— Но это маленькая палата депутатов,— сказал я,— и если бы вдруг ей захотелось объявить себя соперницей Национального представительства...

— Никогда! — ответил Вальмор.— Это представительство слишком малочисленно, оно заседает в году только четыре месяца, в течение которых происходят десятидневные сессии с большими интервалами; оно может заниматься только теми вопросами, которые

ему специально отведены конституцией. По существу подчиненное Национальному представительству, подобно тому как провинция подчиняется нации, оно в первую очередь должно следить за исполнением законов во всех коммунах провинции. Оно может совещаться и издавать декреты только с целью облегчить и обеспечить исполнение законов или с целью решать дела, которые интересуют только данную провинцию.

Так как заседание этого провинциального представительства могло быть только небольшим повторением того, что мы видели на заседании Национального представительства, то я предпочел посетить Исторический музей, или Пантеон.

Все фигуры были из цветного воска, в натуральную величину, с настоящими волосами, глазами и в костюмах и производили такую полную иллюзию, что, казалось, находишься посреди собрания живых людей.

Все стояли в различных позах, а многие при помощи скрытого механизма производили разные движения, делавшие иллюзию еще более полной.

Евгений восхищался художественным совершенством изображаемых фигур.

— Да,— сказал я ему,— но эти восковые фигуры менее искусно сделаны, чем мраморны или бронзовые статуи.

— Что мне до того, что данная искусность достигнута с большим трудом? — ответил он.— Я прежде всего ценю сходство, ибо в

этом заключается цель живописи и скульптуры. Так вот, найдите мне портрет или бюст, картину или статую, которые могли бы так же хорошо, как этот воск, воспроизвести всего человека или его голову!

— Впрочем,— прибавил Вальмор,— не думай, что достигнуть совершенства восковых статуй — легкое дело. Рассмотри эти формы, руки, голову, это тело, эти позы, и знай, что наши наиболее талантливые скульпторы и наиболее ученые живописцы имеют здесь свои лучшие работы, увенчанные на конкурсах Даже воспроизведение в точности костюмов требует больше знаний и таланта, чем тебе это кажется. Именно сюда приходят теперь наши актеры и живописцы, чтобы изучать одежду древних персонажей, которых они хотят представить на сцене или изобразить на своих картинах.

Мы обошли сперва в Пантеоне, а затем в Пандемониуме не помню уже сколько зал, содержавших изображения наиболее знаменитых людей каждой нации, и пред нами прошли, как на смотру, времена и страны, благодетели и злодеи человеческого рода. Но пришлось бы посвятить целый месяц этому обзору, и быстрота нашего осмотра только утомила мою голову, ослепляя глаза.

Вальмор обращал наше внимание главным образом на современных икарийских деятелей, предупредив нас, что мы точно видим их самих в действительности, до того поразительно сходство.

Я готовился найти в Икаре, этом кумире Икарии, тип вдохновенного, а в Ликсдоксе, имя которого всегда произносится с ужасом, тип демона или разбойника, но Икар привлекал к себе внимание только ясным и спокойным выражением лица, а Ликсдокс был безобразным, кривым и горбатым человеком, который казался более хитрым, чем злым, хотя в действительности он был так же зол, как честолюбив и лицемерен.

Что касается молодой королевы Клорамиды, то образа ее я никогда не забуду, как и опрометчивости Евгения, который, увидев ее, воскликнул:

— Как похожа она на сестру Динара!

Я видел, как Вальмор покраснел, и его очевидное смущение повергло меня самого в невыразимое смущение.

Никогда не видел я ничего более очаровательного! Никогда еще, думаю, не носил диадемы более красивый лоб; никогда еще более прекрасные волосы не сплетались с короной; никогда еще не восседали на троне такое величие и такая грация; никогда еще не проникал в сердца более мягкий взгляд; никогда еще более красивый рот не улыбался такой чарующей улыбкой. Нехватало только голоса Динаизы, и я вслушивался напряженно, чтобы услышать его из полуоткрытых уст.

— Бедная женщина!— воскликнул я.— Какое несчастье, какое несчастье, что она имела Ликсдокса своим министром!

— Какое несчастье,— прибавил Евгений,— что она имела это звание королевы, которое может развратить лучшие сердца!

Я продолжал любоваться прекрасным образом, и только с трудом отвлекли меня от этого зрелища Евгений и Вальмор. Но я еще не раз вернусь в этот музей!

Глава двадцать четвертая

НАРОДНЫЕ СОБРАНИЯ

Я отказался пойти с Евгением, который предлагал мне посмотреть один памятник, и вернулся в Пантеон, где провел целое утро, осматривая разные залы.

Я часто возвращался к прекрасной Клорамиде и каждый раз все более чувствовал, что Евгений был прав, находя в ней черты Динаизы.

После обеда Евгений, который был недоволен моим отказом сопровождать его, согласился вместе со мной зайти за Вальмором, чтобы направиться на коммунальное собрание.

— Если бы весь икарийский народ мог собраться в Икаре,— сказал нам Вальмор,— мы не имели бы Народного представительства. Мы не имели бы провинциального представительства, ибо все население провинции могло бы собираться в ее главном городе. Вот почему мы не имеем коммунального представительства, ибо все граждане коммуны могут легко собираться в коммунальном дворце.

Население коммуны, таким образом, в области своих чисто коммунальных интересов является своим собственным представительством, или своим собственным советом, или, вернее, само осуществляет свой суверенитет и вершит свои дела.

Оно сначала принимает все необходимые меры, чтобы обеспечить в коммуне исполнение законов Национального представительства и декретов провинциального представительства. Затем оно издает, в установленных инструкцией случаях, распоряжения, которые регулируют специальные интересы коммуны.

Народ собирается регулярно три раза в месяц, каждые десять дней, а чрезвычайные собрания происходят каждый раз, когда этого требует известное число граждан или выборная администрация

Обыкновенные собрания происходят в один и тот же день и тот же час во всей республике, так что весь народ оказывается собранным в одно и то же время.

Собрания начинаются всегда вечером, в четыре часа, после работы и обеда, и в дни собрания все остальные общественные места (театры, концерты, научные курсы, музеи и т. д.) закрыты, потому что все граждане, без исключения, должны быть на собрании, которое длится обыкновенно до восьми или девяти часов.

Если бы вы вышли в такой час, вы встретили бы на улицах и в местах гулянья только

женщин, детей и молодых людей, как вы уже, несомненно, заметили, и если бы вы увидели нескольких мужчин, то это были бы иностранцы. Вы даже найдете только несколько омнибусов в движении, управляемых молодыми людьми, которые не являются еще гражданами.

— Значит, все до единого присутствуют на собрании? — сказал я ему.

— Все. Ты понимаешь, что если все граждане получают содержание от республики и мастерские закрываются в один час, то никто не имеет побуждения или предлога уклониться от исполнения своего долга. Это было бы позором, чем-то вроде воровства по отношению к республике, одним из самых тяжких проступков. Но таких проступков не бывает, потому что мы привыкли рассматривать наше участие в собраниях как право, которым мы гордимся и которое ревниво отстаиваем.

Смотрите,— прибавил он, указывая нам на печатный листок,— вот порядок дня на сегодня. Вы видите, что нам предстоит рассмотреть много дел: одиннадцать коммунальных, пять провинциальных и восемь национальных. Но мы с ними быстро справимся, потому что все эти дела были уже объявлены на предпоследнем заседании и пересланы в специальные комитеты, которые тотчас же рассмотрели их. Доклады о них были внесены на последнем заседании, на другой же день розданы всем нам и поставлены сегодня в порядок дня.

— Значит, ваш совет разделен на комитеты так же, как и Национальное представительство?

— Точно так же. Он разделен более чем на шестьдесят комитетов или подкомиссий, каждому из которых передаются все дела, относящиеся к его специальности, чтобы он рассмотрел их отдельно накануне заседания. Мы поэтому готовы голосовать, тем более, что мы могли обсудить все эти вопросы либо в наших мастерских, либо в наших салонах.

— А! Я вижу,— сказал я ему,— предложение, о котором ты мне говорил, относительно расширения отеля иностранцев.

— Да, я его сделал на предпоследнем заседании, чтобы оно было известно заранее и могло быть обсуждено сегодня.

— Но что означает это движение [ибо с тех пор, как мы вошли, прошло уже некоторое время, и толпа устремилась в зал]?

— Это граждане, которые занимают свои места, потому что пробило четыре часа и заседание сейчас откроется. Вы видите президента и членов бюро, которые усаживаются в свои кресла. Опоздание считается серьезным упущением, и вы не найдете ни одного неаккуратного.

Вальмор тотчас же покинул нас, чтобы побежать на свое место, обещая вернуться к нам во время первого перерыва.

Зал был огромный, великолепный, вместивший более чем десять тысяч граждан, сидевших на своих местах. Можно было ска-

зать, что это малая или, скорее, большая палата представителей, ибо в ней было в пять или шесть раз больше граждан, чем депутатов, но галлерея для зрителей была гораздо обширнее, и на ней видны были почти только женщины.

Когда заседание было открыто посреди глубокого молчания, сигнал к которому был дан только боем часов, сначала занялись коммунальными делами, чтоб постепенно перейти к провинциальным и национальным делам в той последовательности, которая была указана порядком дня.

Каждое дело начиналось чтением очень краткого доклада, составленного от имени комитета.

Огромное число дел было проголосовано без обсуждения, вставанием, очень значительным большинством.

Несколько дел вызвало замечания со стороны некоторых ораторов, говоривших стоя, со своего места.

Таким же образом произведены были выборы пяти или шести коммунальных должностных лиц по спискам, установленным и опубликованным на последнем заседании.

Были назначены также другие выборы, для которых каждый гражданин приглашался представить своих кандидатов до ближайшего заседания.

После рассмотрения коммунальных и провинциальных дел заседание было прервано на полчаса, и мы пошли прогуляться на

окрестную площадь вместе с Вальмором, присоединившимся к нам.

— Какая тишина,— сказал ему Евгений,— какое спокойствие, какой порядок, какая быстрота! Я прямо изумлен!

— Но вы всегда изумляетесь, мой дорогой Евгений,— ответил ему Вальмор,— и я, право, не понимаю вашего удивления: тишина, внимание, порядок, лаконизм — разве это не необходимые, сознаваемые всеми предпосылки, чтобы рассматривать наши дела и использовать наше право собираться? Почему нам не быть спокойными, когда мы не имеем ни эгоистических интересов, ни партий, ни политических страстей? Неужели вы забыли о влиянии, которое должно иметь наше общее и, в особенности, гражданское воспитание?

И это относится также к нашим выборам. Не будете же вы удивляться тому, что у нас нет ни интриг, чтобы домогаться высших должностей, которые являются исполнением наших обязанностей, ни подкупа избирателей, которые так же мало могут получить что-нибудь от кандидатов, как последние — дать им.

Затем наступила очередь для дел, интересующих всю нацию. Некоторые из них были направлены Национальным представительством на рассмотрение народа, чтобы получить его отзыв или санкцию. Среди этих дел был и вопрос, поднятый одним гражданином из провинции на своем коммуналь-

ном собрании. Одобренный последним, а затем всеми собраниями той же провинции, он был направлен затем в Национальное представительство и, наконец, последним во все собрания всех других провинций.

Дискуссия была более продолжительна, большое число ораторов высказалось «за» и «против»; голосование происходило путем ответов: «да» или «нет», так что Национальное представительство могло точно знать число голосов, поданных «за» и «против» в тысяче коммунальных собраний республики, т. е. мнение всего народа.

Когда порядок дня был исчерпан, президент предложил собранию порядок дня следующего заседания.

Затем заслушаны были десять или двенадцать предложений, внесенных разными членами. Одни из них касались коммунальных или провинциальных дел, а другие интересовали всю нацию. Все были переданы соответствующим комитетам. Среди этих предложений я заметил одно, внесенное сапожником, который предлагал средство сократить труд в национальных книгопечатнях. По его мнению, следовало отлить, как отдельные буквы, слова, которые очень часто повторяются в одном и том же произведении, как, например, «Национальное представительство», «представители народа», «республика», «правительство» и т. д., слова, тысячи раз встречающиеся во всех изданиях, касающихся законодательства.

— Вы будете опять смеяться надо мной, если вам угодно, но я все же удивлен всем, что я видел.

— Тем лучше! Вы можете получить то же самое удовольствие завтра второй раз, ибо наши стенографы все записали, и вы завтра можете все прочитать в нашем коммунальном журнале.

— Я люблю,— прибавил Евгений,— прямоту и смелость публичного голосования вставанием или ответами «да» и «нет»!

— Причем тут смелость? Разве нам нужно иметь мужество, чтобы выразить мнение? Разве мы можем что-нибудь потерять или выиграть от этого? И если бы потребовалось мужество, то разве наше воспитание не дало бы нам его? Я не позволю вам удивляться даже праву инициативы, предоставленному каждому гражданину, и праву, которым он пользуется, чтобы излагать на собрании все свои взгляды по поводу коммунальных, провинциальных или национальных интересов, ибо нет ничего более резонного и более естественного.

— Вы, стало быть, хотите чтобы я удивлялся только тому, что нерезонно и неестественно?

— Ладно, удивляйтесь, сколько вам угодно, так как наше воспитание и наша социальная организация не дают нам возможности предвидеть, сколько тысяч полезных мнений могут порождаться нашими народными собраниями.

— Но в таком случае право петиций для вас бесполезно?

— Без сомнения, или, вернее, каждый гражданин обращается с петицией только к своему собранию, и если собрание принимает ее, она становится тогда петицией собрания к Национальному представительству. Если собрание отвергает ее, она может быть представлена в следующем году или тотчас же собранию другой коммуны. Таким образом, все хорошие идеи могут пробить себе дорогу, а дурные не могут мешать работам Национального представительства.

Вальмор хотел рассказать нам о прессе, совершенство которой он считает следствием права вносить предложения. Но, вынужденный нас покинуть, он отложил на завтра свои детальные объяснения.

Глава двадцать пятая

ПРЕССА

Как только мы снова собрались, мы возобновили нашу беседу о прессе, и я был весьма удивлен, когда слышал, как горячо нападает на нее Евгений.

— Несомненно,— сказал он,— свобода печати, со всеми ее крайностями, необходима для борьбы с аристократией и королевской властью; это средство против нетерпимых злоупотреблений. Но какая лживая свобода и какое ужасное средство — свобода печати в известных странах, которые мы, Вильям и я, знаем так хорошо!

Монополия, денежная спекуляция, личный интерес, партийность, клевета и оскорбления, на которые нельзя отвечать, ложь, неверные новости и ошибки, которые нельзя разоблачать, ежедневные противоречия, ненадежность и путаница доктрин,— вот что мы находим в большинстве газет и журналов. И какая каша, какой хаос порождаются их множеством! Нужно, чтобы социальная и политическая организация была уж очень плоха,

чтобы прибегать против нее к такому защитнику.

— Мы,— сказал Вальмор,— почти пресекли зло в самом корне: 1) создали общественный и политический строй, который делает бесполезной газетную борьбу; 2) разрешили только одну коммунальную газету для каждой коммуны, одну провинциальную газету для каждой провинции и одну национальную газету для всей нации; 3) доверили редактирование газет государственным должностным лицам,[40] избранным народом или его представителями, беспристрастным, временным и сменяемым; мы вырвали корень зла, постановив, чтобы газеты были только протоколами и содержали только описания и факты, без всякого обсуждения со стороны журналиста. Как всякий другой гражданин, журналист может представить свое мнение своему коммунальному собранию, которое обсуждает его и принимает или отвергает. И если каждый может публично высказать свое мнение, предлагая его своему собранию, то зачем разрешать ему опубликовывать его другим способом, который оставил бы без всякого контроля опасные ошибки?

Наша свобода печати — это наше право вносить предложения на наших народных собраниях. Мнение этих собраний — вот наше общественное мнение. И наша пресса, которая публикует все наши предложения, наши дискуссии и протоколы наших совещаний, приводя всегда число присутствующих и

мнение меньшинства, является, во всем значении этого слова, выражением нашего общественного мнения.

— Так вот, я удивляюсь, удивляюсь, удивляюсь,— опять сказал Евгений.

— Прибавьте, что избираемые журналисты являются наиболее талантливыми писателями, и они считают своей честью излагать факты и анализировать дискуссии ясно, точно, по возможности живо и драматично, и в особенности наиболее лаконично, чтобы не пропустить ничего важного и не написать ни одного лишнего слова. Вы видели также качество бумаги, удобство формата, великолепную печать, распределение материала. Сравните их с вашими английскими или французскими газетами. Удивляйтеь поэтому, удивляйтесь!

— И почему вы, так часто упрекавшие меня за то, что я удивляюсь, хотите теперь сами, чтобы я удивлялся? Я не хочу удивляться, не хочу! Что за чудо, что газета лучше издается республикой и общностью, чем журналистом-лавочником?!

— Да, вы правы,— сказал Вальмор, улыбаясь.

Глава двадцать шестая

ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ

— Наше первое основное правило,— сказал нам Вальмор,— состоит в том, что исполнительная власть по существу подчиняется законодательной власти и имеет единственным назначением выполнение ее решений, приказов и воли. Таким образом, она всегда действует от имени народа и Национального представительства.

Из этого явно следует, что она подотчетна, ответственна и сменяема.

Вы понимаете также, что она по существу выборная и временная.

Другой основной принцип заключается в том, что эта власть никогда не доверяется одному человеку, а всегда — исполнительному корпусу, который мы называем экзекутивой, и возглавляет его президент.

Мы, следовательно, не имеем президента республики, а только президента исполнительного корпуса, или экзекутивы республики.

Каждый законодательный корпус имеет свою экзекутиву. Мы имеем, стало быть,

одну национальную экзекутиву, сто провинциальных экзекутив и тысячу коммунальных экзекутив.

Национальная экзекутива состоит из шестнадцати членов, называемых генеральными экзекуторами (на одного больше, чем число главных комитетов Народного представительства); каждый из этих генеральных экзекуторов является чем-то вроде министра, имеющего свой специальный департамент, и президент их есть настоящий президент совета министров.

Национальная экзекутива имеет — в столице, в главных городах провинции и во всяком коммунальном городе — необходимых и подчиненных ей должностных лиц.

Шестнадцать генеральных экзекуторов избираются на два года. Национальная экзекутива обновляется наполовину каждый год, как и Национальное представительство.

Все другие второстепенные должностные лица избираются, некоторые — экзекутивой, другие — Национальным представительством, главная масса — народом.

Таким образом, ответственность экзекутивы, поскольку речь идет о действиях ее подчиненных, ограничивается теми упущениями, какие проистекают из ее собственных действий. Генеральные экзекуторы и их президент помещаются в Национальном дворце, рядом с дворцом Национального представительства, и все их министерства или бюро,

тоже помещаются там или по соседству. Таким образом, сношения между Национальным представительством и его экзекутивой в высшей степени облегчаются.

Мне нет нужды говорить вам, что члены экзекутивы не имеют ни охраны, ни цивильного листа, ни жалованья, как и все другие должностные лица. Лично члены ее содержатся не лучше, чем все другие граждане, ибо у нас (мне кажется, я уже сказал вам это) все общественные функции являются только профессиями, или все профессии являются только общественными функциями. Все государственные должности являются не чем иным, как повинностями, от которых никто не может отказаться без достаточного мотива, и они часто не освобождают даже от работы в мастерской.

Таким образом, экзекутива не имеет в своем распоряжении никаких средств соблазна или коррупции, устрашения или превышения власти.

— А президент исполнительного корпуса,— спросил я Вальмора,— заменяющий прежних королей, не считает ли он, что его подчиненное положение унижает его?

— Унижает! Если бы наши президенты были бывшими принцами бывшей королевской семьи, они могли бы считать себя униженными, но все наши президенты и их коллеги были и продолжают оставаться рабочими. Как все наши представители, как все наши должностные лица и все наши граждане,

наш теперешний президент, один из наиболее почитаемых лиц, бывший президентом Национального представительства,— каменщик, который в промежутке вновь взялся за свою профессию, а все его дети работают в мастерских. Ни одному из наших президентов и в голову не приходило, что может быть какое-нибудь унижение в том, чтобы подчиняться Национальному представительству или народу.

Из опасения какого-нибудь конфликта между двумя властями или какой-нибудь попытки превосходства со стороны одной по отношению к другой сперва предполагали создать специальный охранительный корпус, который поддерживал бы равновесие между ними и стоял бы на страже конституции. Но эта предосторожность была признана излишней, и опыт показал, что имелось полное основание отвергнуть ее.

Скажу вам только несколько слов о провинциальной экзекутиве, на которую возложена обязанность исполнять все законы и постановления, касающиеся интересов провинции. Эта экзекутива организована наподобие национальной и составляется из членов, выбранных населением провинции на основе списка кандидатов, представленного провинциальным представительством.

Что касается коммунальной экзекутивы, то она также составляется из шестнадцати членов, из которых один — президент; все они выбираются населением коммуны, заведуют

каждый специальным отделом и руководят подчиненными им должностными лицами.

Эти подчиненные коммунальные должностные лица чрезвычайно многочисленны, чтобы каждый мог лучше выполнять свои специальные функции и общественная повинность могла выполняться помимо постоянной профессии, не отягощая граждан чрезмерно, и чтобы максимальное число их приучалось к ведению общественных дел. Таким образом, школы, больницы, стационарные или передвижные мастерские, магазины, памятники, улицы, места гулянья, деревни переполнены специальными должностными лицами.

— Вы, однако, не имеете ни армии,— сказал Евгений,— ни генералов, ни национальной гвардии на действительной службе, ни жандармов, ни полицейских, ни шпионов, так как вы не имеете ни гражданских распрей, ни политических партий, ни бунтов, ни заговоров?

— Конечно, нет!

— Вы не имеете также ни тюремщиков, ни палачей, так как вы не имеете ни преступлений, ни тюрем?

— Конечно, нет!

— А так как вы не имеете больше ни налогов, ни денег, ни таможен, ни косвенных налогов, ни акцизов, то вам не нужны ни армия сборщиков и плательщиков, ни армия таможенных чиновников, ни армия агентов фиска?

— Нет! Но это не мешает тому, что мы

имеем собирателей, получателей и распределителей всех продуктов земли и промышленности, директоров мастерских и всякого рода должностных лиц, чтобы защищать граждан, блюсти их интересы и даже заботиться об их развлечениях.

Все эти должностные лица ежегодно избираются народом. Они присутствуют на всех его собраниях и всегда готовы дать ему отчет в своих действиях.

— Они, стало быть, не считают себя слугами правительства,— сказал Евгений,— обязанными работать в его интересах против интересов народа? Они не ведут себя нагло по отношению к нему?

— Какая нелепая бессмыслица! — ответил Вальмор.— Уполномоченные своих сограждан, они обращаются с каждым из них со всей вежливостью, вниманием и уважением, которые они обязаны оказывать суверенному народу и его членам, тогда как каждый гражданин обращается с ними со всем уважением, которое он обязан сам оказывать народу и его уполномоченным.

В принципе мы хотели, чтобы гражданин мог оказать сопротивление должностному лицу, которое злоупотребило бы своей властью, но мы предпочли обязать гражданина повиноваться без сопротивления должностному лицу, которое говорит с ним от имени народа и закона, позволяя ему после привлечь это должностное лицо к суду народа, чтобы наказать его за злоупотребление властью.

— Они, следовательно, не пользуются возмутительным правом безнаказанности?

— Напротив! Избранные как наиболее достойные, должностные лица должны подавать пример всех гражданских и общественных добродетелей, в особенности соблюдения законов и братства. Любые их погрешности более серьезны, чем эти же погрешности у других граждан, и чем должностное лицо выше, тем его погрешность более серьезна. Нарушение закона является преступлением, особенно со стороны тех, кто его вырабатывает, или со стороны тех, которые обязаны исполнять его.

И более или менее обширная гласность, которой предаются преступления по должности или злоупотребления властью, выговор и смещение, которые являются наказанием за них, считаются такими тяжелыми карами, что нет ни одного должностного лица, которое подвергло бы себя судебному преследованию какого-нибудь гражданина, как нет никого, кто отказывал бы в почтении и уважении к должностному лицу,— так велика сила воспитания и общественного мнения.

— Скажите лучше,— сказал Евгений,— так многочисленны благодеяния общности!

Глава двадцать седьмая

БРАК. БАЛ. ТАНЦЫ

Корилла и Динаиза были уже несколько дней назад приглашены на венчание и свадебный вечер их общей подруги, а тем самым были приглашены и обе их семьи, ибо никогда не встретишь в местах для развлечения молодую девушку без матери, мать — без дочери, мужа — без жены, жену — без мужа.

Сначала думали было отклонить приглашение из опасения, что Вальмору будет слишком тяжело присутствовать при этой церемонии. Но Вальмор, догадавшийся о мотиве отказа, настоял, чтобы приняли приглашение. Он утверждал, что чувствует себя достаточно сильным, чтобы отныне переносить всякие испытания.

Так как каждая семья могла привести с собою одного или двух посторонних, то я с большой охотой принял предложение Вальмора пойти с ними. Я имел удовольствие быть кавалером Кориллы, которая взяла с меня слово танцовать с ней и Динаизой.

Мы пришли в пять часов в брачный дворец, где уже собрались все семьи, живущие на тех же улицах, что и новобрачные,— они были приглашены по праву,— и несколько других дружеских семей, приглашенных специально.

Госпожа Динаме, прибывшая с нами почти в одно время, заняла место около нас.

Все семьи были в праздничных нарядах, и это собрание мужчин и женщин, стариков и детей, молодых девушек и юношей представляло очаровательное зрелище.

Все молодые девушки казались мне красивыми и милыми, но Кориллу я находил самой прекрасной, а Динаизу самой милой. Мне показалось даже, что многочисленные взгляды, обращенные на них, подтверждали мое мнение, и, не знаю почему, я испытывал тайное удовольствие.

Церемония длилась недолго, потому что будущим супругам еще до нее указывается важность союза, в который они вступают, и обязанностей, возлагаемых ими на себя по отношению к самим себе и республике. Коммунальное должностное лицо, одетое в парадный костюм, обратилось к ним, однако, с трогательным увещеванием, которое могло служить косвенным назиданием всем слушателям, затем удостоило их звания супругов и поставило их союз под покровительство общности.

Оттуда мы перешли в большую залу, которая находится в том же здании.

Эта зала для публичных балов представляет собою все, что можно вообразить изящного, элегантного и великолепного. Позолота, зеркала, обои, канделябры, освещение, цветы, благоухания — все делает из нее волшебное место.

Расположенные амфитеатром кресла вмещают многочисленных зрителей, ибо все публичные залы так устроены, чтобы каждый мог удобно видеть все и быть всегда видимым для других.

Зала удлиняется или укорачивается по желанию с помощью легкой и подвижной перегородки, скользящей между потолком и полом.

Бал открыли молодые новобрачные, сначала вальсировали они одни. Их, казалось, мало смущали направленные со всех сторон на них взгляды, желавшие полюбоваться их грацией и ловкостью, так как все умеют танцовать и вальсировать.

Затем танцовали дети, все вместе, потом юноши, девушки, затем мужья и жены и даже старики, ибо все любят танцы. Бал всегда организуется, как драма или балет, где все имеют свою определенную роль.

Икарийские танцы состоят главным образом из фигур и упражнений.

Танцы граждан отличаются существенно от танцев театральных танцоров, как танцы мужчин от танцев женщин.

После танца детей один молодой человек танцовал несколько минут соло, затем двое

вместе, затем трое, а потом все молодые люди танцовали группами.

Таким же образом танцовали молодые девушки, из которых одни аккомпанировали себе кастаньетами, а другие — различными инструментами.

Несколько стариков, мужчин и женщин, исполнило характерные танцы, вызвавшие много смеха.

Затем танцовали вальсы в различных видах, но мужчины вальсировали с мужчинами, а женщины с женщинами, так как только мужья могли вальсировать со своими женами. Сначала я думал, что будет мало танцоров, но все юноши вальсировали вместе, все девушки также, и много мужей танцовало со своими женами. Это разнообразие производило очаровательный эффект.

Наконец стали танцовать все вместе без различия возраста и пола, что представило весьма оживленное зрелище.

Так как большая зала находится против народного ресторана, то последний послал в качестве закусок и напитков фрукты и ликеры, которые все икарийцы очень любят. Они были поданы матерям — маленькими мальчиками, а отцам — маленькими девочками, причем начинали со стариков.

— Как видно,— сказал я Корилле и Динаизе,— вы все очень любите танцы. Вы, наверное, не имеете таких балов, как в Лондоне и Париже, частных балов, главное достоинство которых состоит в том, чтобы собрать

так много людей, даже незнакомых, чтобы прибывшие последними оставались у двери или на лестнице, тогда как прибывшие первыми, битком набитые в маленьких залах, отдавливали бы друг другу ноги или задыхались бы, не имея возможности танцовать.

— Мы не так глупы,— отвечала Корилла,— мы редко танцуем в наших салонах, и лишь тогда, когда две или три близких семьи собираются вместе, и мы танцуем тогда, чтобы иметь удовольствие спокойно танцовать.

— Но мы часто танцуем здесь,— прибавила Динаиза,— потому что каждый брак влечет за собой бал, подобный этому, для всех семей, живущих на одной улице с каждым из бракосочетающихся, и для всех семей, связанных с их семьями, а так как нет улицы, на которой не было бы ежегодно восьми или десяти свадеб, то вы видите, что каждая семья посещает ежегодно восемь или десять свадебных балов. Каждую зиму у нас происходит, кроме того, четыре или пять балов, на которые жители каждой улицы собираются исключительно для того, чтобы танцовать.

— У нас еще бывают летние балы,— прибавила Корилла,— во всех наших местах гулянья, куда каждая семья может пойти на часок, посмотреть танцы и потанцовать на свежем воздухе, под сводами из зелени и цветов, среди которых светильники различных цветов и различной формы производят магический эффект.

— У нас есть еще,— прибавила Динаиза,— и полевые танцы или, вернее, куранты, и хороводы, которые скорее представляют бег, прыжки и упражнения, чем танцы. Но мы их страстно любим, потому что можем импровизировать их всюду, в деревне и на прогулке, как только несколько знакомых семей собирается вместе.

— А музыка? — спросил я.

— Это почти всегда искусственный оркестр, как и эта музыка, которую вы находите прелестной, хотя и не видите ни одного музыканта. В деревне мы танцуем под звуки флейты или свирели, на которых танцоры играют поочередно, или под веселые песни танцующих.

Я знал, что Корилла танцует восхитительно, но танец Динаизы показался мне еще более восхитительным, и хотя я танцовал довольно прилично с Кориллой, я был так смущен, когда мне приходилось танцовать рядом с Динаизой или визави и в особенности когда я чувствовал ее руку, которая мне казалась горячей, что я путал фигуры и терял темп. Я наступал на ноги одних, толкая других, путая всю кадриль. Это заставило сильно смеяться Кориллу и всех партнеров, а Динаиза была так же смущена, как я был раздосадован, но я скоро взял свой реванш и танцовал так хорошо, что слышал только лестные замечания.

Бал кончился танцем, исполненным лишь одним танцором, чтобы дать возможность

другим танцующим отдохнуть до ухода, и в четверть десятого все семьи оставили бальный зал.

— Меня этот прекрасный танцор привел сюда,— сказала Динаизе Корилла со смехом,— тебя он отведет.

Я был поэтому вынужден предложить Динаизе руку и впервые, быть может, с удовольствием выполнил эту необходимость, ибо чувствовал потребность извиниться перед ней за мою неловкость, повидимому, не понравившуюся ей. Но эта неловкость, впрочем, сказал я ей, только в более блестящем свете выказала грацию одной из танцовавших.

Ответ ее, произнесенный голосом, который я никогда не мог слышать без волнения и показавшийся мне еще более приятным и проникновенным, чем всегда, был так великодушен и в то же время остроумен и скромен, что я расстался с ней, менее недовольный собою.

Глава двадцать восьмая

ПРОГУЛКА ВЕРХОМ

Я был так возбужден всю ночь, что не мог заснуть. Я так устал! И не знаю, почему я отверг два или три предложения Евгения, который звал меня пойти куда-нибудь вместе с ним.

Мне было неприятно, что я отказал ему, но я чувствовал потребность остаться одному, и я пошел посмотреть Клорамиду в музее в ожидании часа прогулки верхом, на которую Динаиза и Корилла предложили мне поехать вместе с ними.

Час, которого я ждал с нетерпением, наконец, настал, я побежал к Корилле, к которой не замедлили явиться Динаиза и ее брат, и мы вместе, в числе десяти или двенадцати человек, отправились верхом на лошадях.

Погода была великолепна. Я испытывал невыразимое наслаждение, сидя верхом в первый раз за долгое время на прекрасной лошади, с нетерпением переносившей узду, и чувствовал, что готов восхищаться всем, что меня окружало.

Прекрасная дорога, посыпанная песком и регулярно поливаемая, шла зеленым лугом. Она была усеяна красивыми кавалькадами, из которых одни ехали шагом, другие рысью или галопом, в то время как некоторые молодые люди развлекали своих компаньонов всякого рода трюками верховой езды.

Я с удовольствием вспомнил одну из своих прогулок в Гайд-парке,[41] рядом с молодой герцогиней и очаровательной маркизой.

Я восхищался молодой икарийкой, которая только что работала в мастерской, а теперь верхом на лошади могла соперничать по своей элегантности и ловкости с наиболее блестящей частью нашей прекрасной английской аристократии.

Я не переставал удивляться смелости, ловкости и грации амазонок, которые все были более или менее красивы.

Я в особенности не мог налюбоваться моими обеими спутницами и испытывал почти столько же гордости, сколько и удовольствия находиться среди них, казавшихся мне еще более прекрасными, чем другие красавицы.

Я почувствовал некоторое беспокойство, когда Корилла предложила пуститься быстрым галопом и увлекала нас, несмотря на сопротивление Динаизы, которая казалась мне менее смелой на своей более горячей лошади. Я даже несколько раз испугался за нее и невольно протягивал руку к узде ее лошади, но я скоро заметил, что она вполне спокойна, и отдался удовольствию скакать

между двумя очаровательными амазонками или, скорее, между двумя ангелами. Я был опьянен!

Но езда кончилась, и когда я остался один, я почувствовал какое-то недовольство, пустоту, волнение, которых еще не знал.

Глава двадцать девятая

МИЛОРД ЛЮБИТ ДИНАИЗУ. ИСТОРИЯ ЛИКСДОКСА И КЛОРАМИДЫ. ИСТОРИЯ ИКАРА.

Я был еще в постели, когда Евгений вошел с серьезным видом.

— Что же это такое,— сказал он,— я больше этого выносить не могу, объяснимся начистоту: что вы имеете против меня?

— Ничего,— ответил я ему, крайне удивленный.

— Ничего,— это невозможно. Не знаю, как вы ведете себя с другими, но с некоторого времени я вас больше не узнаю. Вы уже не тот, что прежде со мной. Вы избегаете меня, вы отказываетесь видеть меня. Можно подумать, что мое присутствие и моя дружба вам в тягость. Скажите, что я вам сделал?

— Я вас не понимаю, мой дорогой Евгений, я с каждым днем люблю вас все больше и больше.

— Ладно, но вы печальны, даже мрачны, иногда можно сказать даже, что вами овла-

дел ваш проклятый сплин.[42] Вам уже скучно стало вдали от вашей Англии? Не заболели ли вы тоской по родине?

— Вы ошибаетесь, уверяю вас.

— Вот уже несколько дней вы стали очень нетерпеливы, вы находитесь в постоянном возбуждении; вы не можете сидеть на месте. Едва вы успеваете выйти, как вы уже возвращаетесь, и, едва вернувшись, вы опять уходите. Вы, несомненно, не замечаете этого, но ваше настроение и ваш характер изменились, вы уже не так мягки, добры, снисходительны, и бедный Джон, который вас так любит, уже не раз пострадал от вашей горячности.

— Что вы говорите? Вы меня огорчаете!

— Вы не спите, вы не едите, вы худеете. Под этим всем скрывается что-то, я убежден. И вы не хотите довериться вашему другу...

— Но вы ошибаетесь, Евгений, у меня ничего нет...

— У вас что-то есть, и очень серьезное, я убежден в этом! Не получили ли вы какого-нибудь плохого известия из Англии? Не сообщили ли вам о какой-нибудь крупной денежной потере? Не изменила ли вам мисс Генриетта?

— Нет, я не получил ничего, что могло бы меня огорчить.

— Никто вас не оскорбил?

— Нет, наверное!

— Так вы, мой дорогой, больны любовью, и я теперь спокоен; вы скоро уедете, и вид

мисс Генриетты сумеет вылечить вас без всякой помощи медицины.

— Вы, действительно, очень опытный врач, если вы догадываетесь, что меня делает больным мисс Генриетта!

— Значит, это не мисс Генриетта!— воскликнул он тогда.— Ах, несчастный, значит вы любите икарийку, вы влюбились в мадемуазель Кориллу... или в мадемуазель Динаизу!

— Молчите,— сказал я ему,— вы с ума сошли!

— Да, один из нас, действительно, сошел с ума, но это не я. Или если я схожу с ума, то только по Икарии и ее общности, которую ничто не мешает мне обожать всеми силами своей души, тогда как вы... бедный Вильям! О, я уже опасался этого, когда видел вас так часто между двумя огнями. Я не осмеливался смотреть ни на одну, ни на другую из страха, что воспылаю страстью к обеим. Но вы англичанин, вы куда храбрее. Я не удивляюсь теперь, что вчера на прогулке верхом вы даже не заметили, что я поклонился вам. Вы никого не видели между двумя солнцами, которые вас ослепляли. Бедный Вильям, бедный Вильям, как мне вас жаль!

Я тщетно все отрицал. Евгений все же остался при своем мнении, не зная только на ком остановиться: на Корилле или Динаизе...

Я тоже тщетно старался обмануть самого себя. Я не мог уже скрывать ни от себя, ни

от других страсти, которая пылала в моей груди. Правда, образы мисс Генриетты и Кориллы всегда соединялись в моем воображении с образом Динаизы, но с такими оттенками, которые не оставляли никакого сомнения насчет настоящего состояния моего сердца. Ничего в моей жизни не могло сравниться ни с дрожью, которую я испытывал всегда при звуках голоса Динаизы, ни с смущением, в которое меня повергало ее присутствие, ни с удовольствием, которое я чувствовал в последние дни около нее, ни с печалью, которую я не мог победить, расставаясь с ней.

Я тогда убедился, что любил ее уже давно, не отдавая себе в этом отчета, а красота и любезность Кориллы были только временным отвлечением, обманувшим меня. Я чувствовал, что болезнь, сначала слабая и скрытая, стала слишком губительной, чтобы не проявиться, и я с ужасом заметил пропасть, в которую я вслепую погружался.

Я сейчас же принял решение искать спасения в бегстве и покинуть немедленно Икарию.

— Но,— сказал я себе,— если она меня любит!.. Раз, когда я сидел в кабинете ее брата, она вошла и сейчас же убежала, бледная и дрожащая, как будто она не знала, что я там. А она знала это! Для чего же этот предлог, это любопытство, замешательство? Но какое безумие! Ее холодность со мной, ее смущение, решение не вступать в брак, отказ

выйти замуж за Вальмора... Но ведь только после моего приезда она отвергла предложение Вальмора... А если случайно!..

Я провел весь день в невероятной ажитации, стараясь собрать все свои воспоминания, но не мог составить себе определенное мнение о ее чувстве ко мне, хотя иногда останавливался на сладкой мысли, что я для нее не безразличен.

Но мысль о муках, которые испытал бы Вальмор, узнав, что я любим, о подозрениях, могущих у него возникнуть относительно моей лойяльности, и упреках, которые могли бы сделать мне Корилла и ее семья, прекратила все мои колебания, и, пожираемый жестокой лихорадкой, с лицом, покрытым потом, я поклялся избегать всегда Динаизу.

Однако ввиду того, что я обещал провести вечер у Кориллы, дед которой хотел рассказать мне историю Икара, я счел возможным пойти туда еще один раз с Евгением.

Но как велико было мое изумление и смущение, когда я заметил госпожу Динаме, которую привела Корилла, и Динаизу, более привлекательную, чем когда-либо! Какая пытка это была для меня, когда она подошла ко мне и сказала голосом, который невозможно описать:

— Вы бледны, Вильям! Вы как будто больны! Что с вами?

Какая пытка также видеть, что глаза Евгения все время устремлены на меня, хотя он тотчас же смотрит в сторону, когда я повора-

чиваю к нему голову. И какая новая пытка видеть затем, как она приближается к Вальмору и говорит с ним с таким видом привязанности, который не был для нее обычным. Недоставало еще, чтобы я ревновал!

— Ну,— сказал дед некоторое время спустя,— так как милорд обратил такое внимание на портреты Икара, Клорамиды и Ликсдокса, надо рассказать ему их истории. Не сделаешь ли ты это, моя Корилла?

И Корилла рассказала историю Клорамиды и Ликсдокса. Затем она заставила Динаизу рассказать историю Икара.

Какая грация, какая прелесть, какой голос! И я вынужден был сдерживать себя, ничем не выдавать разнообразных чувств, которые волновали и переворачивали мне душу. И я должен бежать от нее навсегда! Нет, никто не поймет моего наслаждения и пытки!

Я был слишком смущен, чтобы вспомнить сейчас рассказы Кориллы и Динаизы. Но вот изложение, которое сделал Евгений, хотя и он был весьма рассеян.

История Ликсдокса и Клорамиды

После изгнания старого тирана Коруга, в 1772 году, икарийцы избрали или, вернее, получили в качестве королевы молодую и прекрасную Клорамиду, которая была им представлена или навязана Ликсдоксом, стоявшим во главе одной части аристократии.

Брат низложенного короля, безмерно богатый и могущественный, маленький, безобразный, кривой и горбатый, пожираемый честолюбием, умный, образованный, красноречивый, искусный, даже гениальный, Ликсдокс уже давно старался занять место своего брата и государя.

Тайно поддерживаемый частью аристократии, столь же коварный и лицемерный, как и честолюбивый и деспотичный, он истощил все хитрости и даже все низости, чтобы обмануть двор и народ и стать популярным. Проливая лицемерные слезы по поводу ошибок и несчастий своего брата короля, он побуждал втихомолку своих сторонников, или, вернее, соучастников, судить его и обезглавить; он приказал тайно убить королеву, свою невестку, и отравить всех ее детей, за исключением младшего сына, которого верным слугам удалось увезти к соседнему королю.

Он мог легко взойти на трон, на который весьма усердно призывали его многочисленные сторонники среди дворянства и народа. Но он думал, что будет более безопасно и даже более легко царствовать под именем другого и, всегда лицемеря, притворяясь совершенно бескорыстным, он предложил избрать королеву и выбрать графиню Клорамиду, принадлежавшую к одной из первых дворянских семей.

Клорамида, едва двадцати лет отроду, была, быть может, самой красивой женщиной страны, как вы можете судить по ее портре-

ту, выставленному в нашем Историческом музее. Никогда королева не заслуживала больше названия божества.

Со всех сторон раздавались неистощимые похвалы доброте ее характера, ее достоинствам, добродетелям, совершенству ее личности. Вдова одного из наиболее знаменитых генералов, от которого она имела троих детей, дочь и двух сыновей, она считалась лучшей из матерей и жен.

Простая и прекрасная, милосердная и великодушная, она имела все, что могло пленить и прельстить дворянство и буржуазию, бедных и богатых, и именно потому, что она была столь неотразимо обольстительна, ее и выбрал ловкий Ликсдокс.

Что касается его самого, то, имея только одного ребенка, воспитанием которого он лично руководил, Ликсдокс делал вид, что мечтает единственно о радостях частной жизни. Не только его сторонники не переставали всюду расхваливать его добродетели как мужа и отца, его таланты и огромные способности, но и бесчисленные депутации, приходившие к нему ежедневно и в своих адресах упрашивавшие его быть советником, руководителем и первым министром королевы.

Все эти хвалы и обращения к нему подготовлялись или направлялись втайне им самим, но, чтобы лучше скрыть свое честолюбие и обмануть легковерных, он долго отказывался, ссылался на свое плохое здоровье, даже притворялся больным в течение пятна-

дцати дней, но дал, наконец, согласие, заявив, что приносит себя в жертву благу страны и повинуется только общей воле.

Абсолютный властигель всех помышлений Клорамиды, Ликсдокс был настоящим правителем, и королева, от которой он, вероятно, рассчитывал впоследствии избавиться, была в его руках только орудием.

В течение некоторого времени королева и ее первый министр, пуская в ход всякие демагогические средства, действительно сохраняли народное расположение.

Но когда Ликсдокс, опираясь на богатых и одного могущественного соседнего короля, который располагал тремя стами тысяч солдат на границе, счел себя достаточно сильным, чтобы снять маску, он перестал скрывать свои аристократические и деспотические планы и заговорил только об устрашении и терроре.

В течение некоторого времени королева, красоту и кажущуюся доброту которой он весьма искусно использовал, служила ему защитой, эгидой и громоотводом.

Но его тирания стала, наконец, до того жестокой и кровавой, и сама королева, развращенная им, стала до того презренной и ненавистной, что народное негодование разразилось заговорами, покушениями и восстаниями, пока в 1782 году народу не удалось свергнуть своих тиранов.

Два министра были после сражения убиты разъяренным народом; четыре министра, бе-

жавшие переодетыми в лакеев и женщин, были им с триумфом возвращены назад; Клорамида была арестована во дворце собственной охраной, а Ликсдокса, которого всюду искали, нашли и захватили спрятавшимся под кухонными тряпками.

Вскоре те, что осудили стольких невинных, были судимы в свою очередь.

Какая перемена! Королева, когда-то всеми обожаемая, Ликсдокс, столь наглый и жестокий, министры, столь безжалостные, теперь почти стояли на коленях пред представителями того самого народа, который они называли своими подданными.

Вы можете прочитать об этом печальном заседании, во время которого среди тысячи присутствовавших, раздавались крики ужаса, когда они услышали следующее показание: «13 июня, получив ложное известие, будто бы он победил, Ликсдокс, небрежно возлежавший на золоченых подушках, куря самые усладительные аравийские курения, отложил в сторону свою султанскую трубку на один момент, чтобы произнести следующие ужасные слова: «Пусть приведут к моему балкону Икара и десять других вождей бунтовщиков; я хочу, чтобы их разорвали мои лошади».

Народное представительство единодушно объявило королеву и Ликсдокса клятвопреступниками, изменниками, узурпаторами, ворами, отцеубийцами и народоубийцами, но, считая королеву завлеченной Ликсдоксом, а

его самого настоящим королем, завлекавшим всех других, оно приговорило. Ликсдокса и других министров к смерти, а королеву — к вечному заключению. Оно постановило, что Ликсдокс будет поведен на казнь с босыми ногами, в рубахе, с лицом, покрытым черным колпаком, будет присутствовать при казни своих соучастников и затем ему отрежут руки и отрубят голову.

Однако Народное представительство дало президенту республики полномочие изменить приговор.

Затем оно осудило всех вместе на уплату одного миллиарда вознаграждения народу; оно желало этим показать благотворный пример, осуждая на нищету детей тех, кто не побоялся осудить на нищенство тысячи вдов и сирот.

По предложению Икара, смертная казнь осужденным была отменена народом.

Покинутые своими старыми льстецами, не имея никакого представления в своих камерах о том, что произошло, Ликсдокс и его сообщники были отведены к месту казни среди бесчисленных толп народа, величественное молчание которого леденило тех из них, кого не убил еще страх.

Когда они все взошли на эшафот, им прочитали приговор, затем сообщили о его смягчении.

Ликсдоксу затем обрил голову палач, и его поместили напоказ в железную клетку.

Я не буду рассказывать вам о проклятиях, которые посылали ему женщины, требовавшие у него своих детей или мужей. Больше всего бросали в него грязью и оскорбляли его именно бедняки, которых он привлек в свою партию, обманывая их, и лавочники, которые под влиянием его клеветы были наиболее свирепыми и жестокими по отношению к своим братьям.

Другие министры были заключены в тюрьму на всю жизнь. Клорамида была выпущена на свободу после того, как в течение месяца должна была просить милостыню у дверей Народного представительства.

Таков был конец подлого Ликсдокса и несчастной Клорамиды, поразительный пример бедствий, которые навлекают на голову угнетателей народа несправедливость и честолюбие!

Вы сейчас увидите, насколько была отлична судьба доброго Икара.

История Икара

Страстью Икара была любовь к человечеству.

С самого детства он не мог видеть какого-либо ребенка, чтобы не подбежать к нему и не приласкать его, не обнять и не поделиться с ним тем малым, что он имел.

В молодости он не мог видеть несчастного, не страдая сам от его несчастий и не утешая

его. Часто видели, как он отдавал свой хлеб встретившемуся ему бедняку. Однажды, найдя одного молодого человека почти голым и умирающим от холода на мостовой, он отдал ему свою одежду, которую получил всего только два дня назад, и вернулся, исполненный радости, но почти нагой сам, к отцу, и последний, бедный и грубый, был так взбешен потерей платья, которое он с таким трудом добыл для Икара на зиму, что избил его до крови.

В другой раз во время страшного пожара, который леденил ужасом самых бесстрашных зрителей, он бросился прямо в огонь и с пылающим платьем и почти совершенно сожженной правой рукой вынес в своих объятиях ребенка.

Сын бедного возчика, сам возчик в течение нескольких лет, он испытал все горе и нужду рабочего и бедняка.

Страстно любя книги, он посвящал чтению все время, которое дети и рабочие его возраста отдают играм. Когда он начинал чтение книги, он хотел дочитать ее до конца; он читал на ходу, на дорогах или на улицах, даже во время еды, даже по ночам, несмотря на запреты и гнев отца. Больше всего нравились ему философские книги; он пожирал их, как молодые девушки пожирали тогда любовные романы.

Все возбуждало его размышления и внушало ему полезные выводы, которые оставались неизгладимыми в его уме. Как раз пер-

вые два слова христианской молитвы «Отче наш» начали его убеждать, что все люди братья и равны, все должны составлять одну семью и все должны братски любить и помогать друг другу. Неожиданное наследство, которое внезапно сделало самого ленивого и самого злого его соседа, жившего в глубокой нищете, богатейшим человеком, в то же самое время как удар молнии обрек на нищету самого богатого, самого трудолюбивого и самого милосердного из других его соседей, дали ему первое представление о недуге общественного строя, в котором богатство или нужда зависят от каприза, от случая. Внимательно наблюдая каменотеса за работой, размышляя над мерами, принятыми архитектором, чтобы подготовить постройку дома, он впервые понял, как хорошо может быть управляема целая страна. И когда он со своей подводой попал однажды в большой монастырь, ему впервые пришла в голову мысль, что все жители страны могли бы работать и жить сообща.

Не буду говорить вам, какой странный случай сделал его священником, ибо он не видел ничего более прекрасного, как посвятить себя целиком благу людей. Не буду также рассказывать вам, как он попал из провинции в столицу. Его образование, нежная душа, горячее сердце, пылкое воображение сделали его скоро знаменитым проповедником. Исполненный скорби и негодования при виде ужасной нищеты рабочих, лачуги

которых он посещал, он с высоты евангельской кафедры громил пороки общественного строя, бесчувственность богатых и вырождение христиан. Он неустанно ссылался на имя и слова Иисуса Христа в пользу равенства, братства и даже общности имущества, и его красноречие производило такое глубокое впечатление, что его начальство запретило ему проповеди и осудило его на бездействие и молчание.

Он покинул церковь, опубликовал против ее злоупотреблений несколько сочинений, которые навлекли на него новые преследования со стороны правительства. Он был выставлен публично на эшафоте, подобно вору, за то, что сказал, что Иисус Христос был самым бесстрашным пропагандистом и самым смелым революционером, который когда-либо появлялся на земле. Но это оскорбление не только не унизило его и не охладило его усердие, а, наоборот, лишь усилило его энтузиазм.

Только после того, как он глубоко изучил основы общественного строя, исследовал все системы древних и новых философов, иностранных и национальных после того, как он хорошо обдумал учение Иисуса Христа и изучил организацию тысяч религиозных общин, основой которых служит это учение; после того, как он составил план нового общественного и политического строя, основанного на принципе полного равенства и общности имущества, только тогда, говорю я, он

пришел к твердому убеждению, что этот новый строй не только может составить счастье человеческого рода на земле, но что он вполне осуществим.

Брошюра, которую он написал в защиту принципа общности, повлекла за собой его арест и чуть не стоила ему жизни. Как первые христиане, он был обвинен в заговоре, призыве к цареубийству и гражданской войне; как и они, он был провозглашен анархистом, кровопийцей, врагом народа и человечества. Однако, угрожая Икару смертью, ему предлагали свободу, если он согласится отречься от своих убеждений; но он ответил, что предпочитает лучше умереть, как Сократ и Иисус Христос, * чем отречься от истины, которая завоюет когда-нибудь весь мир. Половина судей его осудила, а другие оправдали только потому, что объявили его учение нелепым.

Ставши сразу владельцем огромного состояния, завещанного ему дядей, умершим в Восточной Индии, он в порыве священного энтузиазма дал обет посвятить свое состояние и жизнь возрождению своего отечества; и его пылкость была тем сильнее, что он считал возрождение своей страны началом возрождения всего человечества.

С этого времени он стал революционером и пропагандистом, подобно Иисусу Христу, готовый, подобно ему, принести себя в жертву

---

* И как Томас Мор, канцлер Англии.

для блага людей, готовый также выполнять подчиненную роль, если найдет кого-нибудь, кто был бы более способен, благодаря своему имени или своему гению, выполнять первую роль, объединить массы и обеспечить торжество преобразования.

С этого же времени он окружил себя образованными и благородными молодыми людьми, которые помогали ему в его писаниях и трудах. Он в особенности поручил им разыскивать и собирать все мнения древних и новых, иностранных и национальных ученых, в пользу принципа общности, или против него, чтобы представить народу не только свое индивидуальное мнение, но и всю человеческую мысль по этому вопросу, наиболее важному для блага человечества, и радость его соответствовала его надеждам, когда он в списке благоприятных мнений находил самые великие имена в области законодательства и философии.

С этого же времени, наконец, Икар ничем не пренебрегал, чтобы еще больше увеличить свою уже большую популярность.

Не буду говорить вам о средствах, которые он для этого употреблял, но в течение нескольких лет его умеренность, всегда одна и та же, несмотря на недавно и внезапно доставшееся ему богатство, простота его одежды и манер, приветливость, большое состояние, употребление, которое он из него делал, посвящая его целиком народному делу, верная любовь к народу, борьба против тира-

нии, мужество и талант завоевали ему в такой степени доверие и привязанность, что он стал признанным вождем партии реформ и революции.

Икар имел достаточно влияния, чтобы помешать индивидуальным покушениям, неразумным и преждевременным попыткам восстания, но когда акт очевидной тирании показался ему удобным поводом, именно он дал сигнал к восстанию, разжигая как своим примером, так и своими обращениями мужество и патриотическую преданность народа.

После ожесточенной и кровавой борьбы, которая длилась два дня, 13 и 14 июня 1782 года, народ остался победителем, и мужественный Икар, легко раненный, был провозглашен диктатором при шуме приветственных возгласов народа.

Достигнув власти, он, всегда думавший только о благе своего отечества, не пренебрег ничем, чтобы добиться еще полнее всеобщего доверия, чтобы остановить резню, восстановить единство, организовать народ, как единого человека, обеспечить торжество революции как вовне, так и внутри и осуществить, наконец, свой великий план радикальной реформы и возрождения.

Именно он, диктатор, предложил своим согражданам проведение социального и политического равенства, общность имущества и демократическую республику с планом переходного строя в течение пятидесяти лет.

После ожесточенной войны против коалиции соседних королей, после страшных неудач, закончившихся решающей победой, после заключенного на конгрессе народов всеобщего мира, все планы Икара были приняты с энтузиазмом. И безмерные труды, необходимые для реализации системы общности, были начаты во всех частях страны.

Несколько провинций и многие коммуны уже осуществили режим общности, и больше трех миллионов бедных пользовалось уже благами нового строя, когда 7 января 1798 года, на шестнадцатом году эры нашего возрождения, Икар, лучший и величайший благодетель людей из всех, которые когда-либо прославили человечество, твердо убежденный, что завершение его великого дела обеспечено, умер в возрасте пятидесяти девяти лет.

Никогда еще человек не получал столько единодушных благословений в течение своей жизни и после своей смерти. Незначительное должностное лицо в своей деревне, после того как он был диктатором, просто даже рядовой гражданин (ибо он хотел дать пример добродетели во всех общественных состояниях), он не мог выйти из дому, не будучи приветствуем возгласами народа и не получая на каждом шагу самых трогательных знаков любви и уважения. Он часто говорил, что он самый счастливый из всех смертных.

При известии о фатальном событии все граждане без исключения прекратили добро-

вольно свои работы или развлечения и надели траур. Никогда смерть короля не вызывала столько слез!

Народное представительство решило: тело Икара будет перевезено в столицу; его похороны будут отмечены в один день во всех коммунах республики; республика будет носить траур в течение года; ежегодно народ будет праздновать день рождения Икара; статуи Икара будут воздвигнуты на центральных площадях всех городов, и, наконец, бюст его будет помещен во всех национальных зданиях, а портрет — во всех частных домах. И тот, кто постоянно боролся против публичного выставления своего изображения, быть может, был тем человеком, изображение которого больше всего размножалось и почиталось после его смерти.

До этого годовщина только двух дней ознаменовалась чествованиями: День мучеников и День победы. Но Народное представительство постановило, что будет прибавлено третье празднество (против которого Икар всегда протестовал) — День установления диктатуры.

Оно постановило даже, что нация отказывается от своего имени, чтобы принять имя Икара; страна будет называться отныне Икарией, народ — икарийским, столица — Икарой и жители — икарийцами.

Многие утверждали, что Икар был второй Иисус Христос, и хотели, чтобы ему поклонялись как богу, ссылаясь в доказательство

его божественности на те же доводы, которые приводились восемнадцатью веками ранее первыми почитателями Христа.

Но Икар никогда не выступал сам как бог, и его поклонники должны были удовольствоваться тем, что память его будет чтиться как память благодетельного гения человечества.

Глава тридцатая

ТЕАТРЫ

— Вы с ума сошли, что будите меня так рано!— сказал мне Евгений, протирая глаза.— Я так хорошо спал. Если любовь мешает вам спать, следует ли тревожить сон тех, кто не имеет счастья быть влюбленным?

Бедный Вильям, я вам уже говорил: вы сошли с ума от любви. И вы безумец, если думаете, что вам удастся обмануть всех. И вы безумец, полюбив икарийку, на которой иностранец не может жениться. И вы безумец, влюбившись в ту, которая не хочет выходить замуж. Ибо напрасно вы будете это отрицать: вы любите Динаизу, да, Динаизу, на которую вы вчера старались не глядеть, а не Кориллу, на которую вы все время пытались обращать свой любящий взор.

— Но я уезжаю,— сказал я ему,— я бегу от всех икариек, я бегу от Кориллы и Динаизы.

— Вы уезжаете? Браво, Вильям! Для меня это большое огорчение, но я радуюсь за

вас, мой дорогой друг, ибо бывают враги, которых можно победить, только бежав от них, опасности, которые мудрость советует скорее избегать, чем желать упорно их победить. И если вы уносите с собой стрелу, которая вас уже пронзила, то по крайней мере новые стрелы не прибавятся к старой, чтобы сделать рану неизлечимой и смертельной.

Я принял его предложение проводить меня до границы, и мы условились, что покинем Икару через два или три дня.

Желая уехать, ни с кем не прощаясь и даже не повидавшись с Кориллой и Вальмором, но не в состоянии оставаться один наедине с самим собой, я уступил настояниям Евгения, который долго мучил меня, упрашивая проводить его на спектакль, на который он обязался пойти с знакомой семьей.

Алмаэс, друг Евгения, показался мне очаровательным молодым человеком, а сестры его — очень красивыми особами. Зала была полна, и пьеса возбудила всеобщий интерес. Но каким одиноким чувствовал я себя, слушая эту пьесу! Каким длинным показался мне спектакль! Как плохо я чувствовал себя среди всех этих лиц, дышавших счастьем!

Я не мог даже принять участия в беседе Алмаэса и Евгения о театре Икарии; и как ни была интересна эта беседа, я не мог бы изложить ее, если бы не имел возможности заимствовать ее запись из дневника Евгения, и переписать ее здесь.

Извлечение из дневника Евгения

Театры

— Скажите мне,— спросил Евгений Алмаэса,— как вы устраиваетесь с вашими спектаклями: ведь, с одной стороны, все у вас бесплатно, а с другой — все граждане имеют одни и те же права?

— Вы не догадываетесь?— ответил Алмаэс.— Ну, попробуйте сами решить это затруднение. Как поступили бы вы? Посмотрим!

— Нужно, не правда ли,— сказал Евгений,— чтобы все население Икары, провинциалы и иностранцы, которые в ней находятся, могли видеть один и тот же спектакль и видеть бесплатно?

— Да, без сомнения.

— Нужно также, чтобы каждый был уверен, что найдет место, когда придет, не будучи вынужден сидеть у дверей?

— Да, конечно.

— Так вот, как велико число жителей и путешественников, которые могут пожелать посмотреть спектакль?

— Около девятисот тысяч.

— Сколько зрителей вмещает зал?

— Около пятнадцати тысяч.

— Нужно, следовательно, чтобы пьеса была поставлена шестьдесят раз, если все хотели бы ее видеть?

— Да, приблизительно.

— Вы знаете число семей в Икаре и число лиц в каждой из них?

— Да, совершенно точно.

— Вы, следовательно, знаете, сколько есть семей, состоящих из тридцати человек, сколько из двадцати пяти, сколько из двадцати и т. д.?

— Да, без малейшей ошибки.

— Тогда администрация театра может устроить представление для известного числа семей из тридцати, двадцати пяти, двадцати и т. д. человек, известного числа провинциалов и иностранцев?

— Да, очень легко.

— Так вот, остальное так же легко устроить: можно сделать семейные и индивидуальные билеты для каждого представления и распределить их при помощи жребия. Каждая семья будет иметь свой билет, как и каждый отдельный индивид, и каждый будет знать заранее, на каком представлении он может присутствовать.

— Очень хорошо, именно так! Однако если день представления мне не подходит?

— Вы можете знать таблицу тиража билетов и найти семью, которая согласится поменять свой билет на ваш.

— Великолепно, вы верно угадали.

— Мы поступаем таким же образом,— прибавил Алмаэс,— для всех театров и всех пьес; мы принимаем аналогичные меры для всего, что интересует наших граждан, для му-

зеев и научных курсов, даже для заседаний Национального представительства. Мы держимся той же системы для прогулок верхом, которыми каждая семья может пользоваться только каждые десять дней, ибо мы имеем верховых лошадей только для десятой части населения, и вы увидите, что нет ничего легче, как распределять развлечения, подобно пище, поровну и бесплатно.

— Но,— сказал ему Евгений,— так как каждая семья может смотреть только одно представление из шестидесяти, то она, следовательно, в течение долгого времени лишена возможности пойти в театр?

— Чтобы посмотреть спектакль, который она видела, да,— ответил Алмаэс,— но она может посещать музеи, научные курсы, гуляния, вечеринки и даже посмотреть какой-нибудь другой спектакль; ибо что сделали бы вы, если бы вы хотели предоставить народу возможность чаще наслаждаться спектаклями?

— Я организовал бы,— сказал Евгений — зрелища разного рода: трагедии, драмы, комедии, оперы, балеты, пение, музыку, скачки...

— Так вот, мы так и организовали это дело. Мы имеем сорок или пятьдесят театров одного размера, но самых разнообразных типов, какие только вы можете вообразить, и семья, которая любит спектакли, может пользоваться этим удовольствием почти ежедневно, ибо спектакли можно смотреть даже на открытом воздухе и во

всех местах гулянья. Вы, наверное, нигде не видели такого большого числа театров марионеток, китайских теней и в особенности полишинелей, которые доставляют такое удовольствие детям; нигде не видели вы таких красивых зрелищ, потому что здесь республика устраивает их, не щадя никаких средств, чтобы сделать их привлекательными во всех отношениях.

Нигде вы не найдете также так много спектаклей-чудес, как мы называем их, где физика, электричество, свет, химия, астрономия, а также и всякого рода фокусники производят действительно больше чудес, чем их когда-либо видели.

Мы все, пятнадцать человек, поехали в омнибусе (ибо служба общественных средств перевозки так хорошо организована, что в каждом квартале имеются специальные омнибусы для перевозки семей в театр и обратно) и, проехав небольшое расстояние, сошли под закрытый портал.

Входы, лестницы, кулуары — все показалось мне широким, удобным, великолепным, специально устроенным, чтобы избежать несчастных случаев.

— Какой огромный зал! — сказал Евгений, входя.— Ни в одной стране я не видел такого большого зала!

— Все наши театры построены так, чтобы вмещать возможно большее число зрителей,— ответил Алмаэс.— Наши архитекторы имели планы всех театров мира.

— И хорошо слышно?

— Вы сами будете судить. Не теряешь ни одного слова, потому что прежде всего театральный зал должен передавать хорошо звуки, и это главная задача, которую ставят себе наши конструкторы.

— Все ли театры ваши без лож, как этот?

— Да, все: ложа есть нечто по самому существу своему аристократическое и привилегированное, а мы — демократы, не выносящие даже тени привилегии. Ложа занимает много места, а мы хотим иметь место для всех граждан, она — очаг пожара, а у нас все устроено, чтобы избежать пожара. Но разве вам не нравятся эти полукруглые скамьи, расположенные друг над другом в виде амфитеатра?

— Конечно! Здесь очень хорошо сидеть, и публику видишь так же хорошо, как и сцену. Эти прекрасные туалеты, эти декорации — все великолепно: опера лондонская или парижская не более прекрасна!

— Ну, так вот, все наши театры так же обширны, и если бы вы могли их все посетить в этот час, вы нашли бы их одинаково наполненными такими зрителями. Наши детские театры, почти такие же большие, показались бы вам, быть может, еще более красивыми.

Занавес тотчас же поднялся.

Завтра я постараюсь дать набросок пьесы, а сегодня ограничусь несколькими словами.

Сюжет пьесы исторический. Это знаменитый «пороховой заговор», устроенный в

1777 году против Ликсдокса, и знаменитый процесс Калара, осужденного, хотя и безвинно, как виновного в организации покушения и руководстве им.

Заговор был организован сторонниками молодого претендента Коруга, подстрекаемыми к тому Ликсдоксом при помощи одного преданного придворного, который затем выдал заговорщиков. Однако Ликсдокс хотел спасти действительных заговорщиков — аристократов, и ему удалось скомпрометировать и осудить Калара, опасного демократа.

Сначала идет совещание между Ликсдоксом и придворным; решение устроить заговор; обязательство, взятое одним графом, убить Ликсдокса; попытка выполнения: арест графа; его допрос в тюрьме; маневры, пущенные в ход, чтобы убедить графа обвинить Калара, скрывшись под видом угольщика; допрос Калара в тюрьме, его отказ отвечать и его мужество.

— Как хорошо этот актер играет роль Калара! — сказал Евгений Алмаэсу, когда занавес опустился после окончания первого акта.— Как он хорошо произносит свое: *«Я не хочу отвечать ничего»*, которое он повторяет раз двадцать и которое каждый раз звучит как новое! Какие прекрасные позы! Какие красивые жесты! Даже его молчание красноречиво! Впрочем, все роли хорошо исполняются, и ансамбль великолепный.

— Но роли их слишком легкие, чтобы вы могли судить об актерах,— ответил Алмаэс.— Мы имеем прекрасных актеров, и вы поймете это легко, так как они выбирают эту карьеру только по склонности и в течение долгого времени получают воспитание, наиболее способствующее развитию их таланта. Все наши актеры и актрисы в высокой степени отличаются своим литературным и драматическим образованием. Так как они все получают содержание от республики, то они не торопятся дебютировать и могут это сделать лишь после того, как экзамен доказал их способности.

— У нас это мало уважаемая категория и в общем даже мало достойная уважения.

— Это, вероятно, ваша ошибка, ибо здесь, где драматическое искусство — такая же национальная профессия, как и медицинская, актер воспитывается, питается, живет, как всякий другой гражданин, он не больше и не меньше уважаем, чем другие. Ни одной женщине у нас не придет в голову, что актриса, балерина, певица не может быть такой же хорошей супругой, такой же хорошей матерью или дочерью, как она сама.

Взгляните, например, как ведет себя публика! Таланту аплодируют, но молчание является единственной манифестацией, которую себе позволяют по отношению к несовершенству.

Второй акт изображал процесс и осуждение, трибунал сеньоров и судебное разбира-

тельство преступления лжеугольщика. На сцене были: председатель главного уголовного суда, великий судья, сеньоры и портье, лжесвидетели, объединившиеся против Калара, защищавшегося с большой энергией. Мужество молодой девушки, которая отказывается быть лжесвидетельницей, дает повод к трагическим сценам; отчаяние жены и дочери Калара представляет раздирающую сцену; в преданности своему делу самого Калара было что-то возвышенное, и это вызвало возбуждение у всех зрителей.

Едва успел опуститься занавес, как появились последовательно на великолепных транспарантах имена актеров.

Имена тех, которые исполняли роли Калара, лжеугольщика и двух молодых девушек, были встречены единодушными аплодисментами. Другие вызывали больше или меньше знаков одобрения или были приняты молча.

Затем на других транспарантах появились имена персонажей исторической драмы. Имена Калара и дочери портье вызвали аплодисменты и энтузиазм, на которые я не считал счастливых икарийцев способными, а имена Ликсдокса, предателя-придворного, графа-лжеугольщика, председателя уголовного суда, великого судьи, обитателей королевского двора и портье вызвали крики, свистки, ругательства, которые в течение нескольких минут представили новое и весьма своеобразное зрелище.

— Эта пьеса,— сказал Евгений, выходя, Алмаэсу,— имеет сама по себе мало достоинств как драматическое произведение. Автор, кажется, ограничился тем, что воспроизвел на сцене историческое событие. Но я понимаю интерес и энтузиазм, который внушает вам эта драма. И если вы имеете много пьес такого рода, то я понимаю нравственную и патриотическую пользу вашего театра.

— Эта драма была написана,— сказал Алмаэс,— очень скоро после революции; ее, кажется, в первый раз поставили в 1784 году, и с того времени ее ставили только раз в восемь или десять лет. Но мы имеем много других драм в этом жанре, а именно одну, которая вызывает еще больший энтузиазм: это суд над нашим последним тираном Ликсдоксом в 1782 году. Я ее не видел еще, но, говорят, что трудно себе представить что-нибудь более прекрасное, когда наш лучший актер излагает все обвинения против тирании. Последний акт показывает тирана, выставленного в железной клетке на публичной площади. Говорят также, что трудно представить себе что-нибудь более драматическое, чем проклятия народа по адресу тирана.

— К тому же,— продолжал Алмаэс,— наш театр бесконечно разнообразен. Мы имеем все жанры, веселые, комические, шуточные пьесы, но все они преследуют моральную и патриотическую цель. Нет ни одной

пьесы, которую не могли бы смотреть и слушать дети и молодые девушки, и театр есть школа, где профессорами являются изящные искусства, обязанные совмещать все свои совершенства, чтобы наставлять, развлекая.

И вы не будете удивлены, если узнаете, что мы уничтожили почти все наши старые пьесы, а наши новые пьесы все заказаны или приняты республикой и составлены авторами, которые вдохновляются только чувством патриотизма и своим дарованием, поддерживаемыми самым совершенным воспитанием.

— А знаете, что именно из всех этих совершенств,— сказал Евгений,— доставляет мне больше всего удовольствия?

— Нет.

— Мысль, что эта публика, столь благопристойная и полная достоинства, не есть собрание избранных, а собрание случайных граждан, одним словом, что это народ.

— И что же в этом удивительного?

— В Англии, как и во Франции, почти во всех театрах слышишь крики, свистки, невероятный шум, даже тогда, когда актеры уже на сцене, и часто там можно быть также свидетелем драк и споров.

— Я вам отвечу еще раз, как и прежде: это ваша ошибка, ибо мы в старое время были так же шумливы и глупы, как ваш народ, и ваш народ мог бы быть так же разумен и спокоен, как мы теперь.

— Ах, я это знаю слишком хорошо! — ответил Евгений со вздохом.— Наш гибельный общественный строй может порождать только пороки, беспорядки и нищету, тогда как ваша благодетельная общность может иметь своими детьми только совершенства, добродетели и благосостояние!

Глава тридцать первая

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДРАМА. ПОРОХОВОЙ ЗАГОВОР. СУД И ОСУЖДЕНИЕ НЕВИННОГО

Если я даю здесь разбор исторической драмы, то не для того, чтобы цитировать ее как литературное произведение, но единственно для того, чтобы дать представление о моральном содержании икарийского репертуара, имеющего главной задачей напоминать пороки старого политического и общественного строя и показать их гибельные, но неизбежные последствия, в особенности поскольку дело идет о справедливости. Вот этот разбор.

Первый акт

Первая сцена.— Почти совершенно темный кабинет. Два персонажа, голоса которых слышны, почти не видны. Но можно догадаться, что это Ликсдокс и герцог де Корон, его фаворит.

Напуганный заговорами и покушениями, которые ежедневно замышляются против него

либо среди дворян, оставшихся верными делу молодого изгнанного претендента (сын Коруга), либо среди виднейших демократов, преданных делу народа, Ликсдокс ищет средства навести страх на своих врагов. Изучив все традиции макиавеллизма, старательно сохранившиеся в течение веков и занесенные в большой реестр, он замышляет план ужасного заговора, в который он пытается втянуть наиболее враждебных ему сеньоров и скомпрометировать наиболее опасных вождей народа.

Когда план был составлен, для выполнения его потребовался надежный и преданный друг, его второе «я». Он выбирает герцога де Корона.

Герцог притворяется оскорбленным и недовольным. Он официально порывает с Ликсдоксом, делая вид, что желает ему отомстить. Он становится во главе враждебного Ликсдоксу дворянства, осыпает ласка́ми, возбуждает, подталкивает, провоцирует дворян и в то же время приходит почти ежедневно тайком к Ликсдоксу, чтобы дать ему отчет в своих успехах.

Все идет прекрасно. Двенадцать виднейших сеньоров, все в отдельности согласившиеся принять участие в заговоре, должны вечером собраться за его столом.

— Какую роль вы заставляете меня играть! — говорит герцог Ликсдоксу.— Провокация, клятвопреступление, измена, донос, подлость!

— Вы спасете государство, трон, религию, вашего друга... Моя благодарность будет безгранична... Только вы и я будем знать правду... Вас ожидает состояние и слава.

Вторая сцена.— Сцена представляет великолепный зал для пиров в замке герцога, где за столом сидят двенадцать сеньоров, говорящих с жаром о первом министре.

— Да,— говорит герцог,— после всего, что я для него сделал, он отказывает мне в месте фрейлины королевской принцессы, которое я просил для моей дочери. Это неблагодарный, нахал, которому я никогда не прощу его неблагодарности и его оскорблений.

— Это лицемер, лжец, вероломный человек! — говорит маркиз.

— Это нечестивец, который собирается провозгласить себя богом! — прибавляет прелат.

— Это антихрист и, возможно, сам сатана! — вторит другой священник.

— Он убил моего сына! — стонет барон со слезами.

— Он отнял у меня любовницу, этот преступник! — кричит с гневом граф де Жигаз.

— Он убил своего брата и своего короля. Он бросил в тюрьму королеву и своих племянников! — говорит другой.

Герцог. Его презирают, ненавидят, к нему питают отвращение. Если бы он умер, все обрадовались бы его смерти!

Граф. Если бы он был убит, никто не по-

жалел бы его, ибо никто не имеет меньше друзей и больше врагов.

Герцог. Никто не был предметом стольких заговоров и покушений.

Граф. Тех, кого постигла неудача, прославляют, как мучеников.

Герцог. Того, кому оно удастся, будут приветствовать, как освободителя. Но пока имеются только жертвы.

Граф. Заговорщики были все глупцами. Есть безошибочное средство успеха!

Все. Какое?

Граф. Вы знаете, что угольщик занимает подвал под дворцом королевы: так вот, двадцать бочек пороха в этом подвале, храбрец, который зажигает огонь в день королевского заседания... Королева и ее дети, тиран, его соучастники и наемники — все взлетает разом!

Герцог. Да, но где этот храбрец?

Граф. Здесь.

Герцог. Кто?

Граф. Я.

Все. Долой тиранию! Да здравствует освободитель!

Однако некоторые все еще колеблются: они боятся, что аристократия будет обесчещена. Но граф и в особенности герцог напоминают им, вкратце, все примеры заговоров, убийств, отравлений, цареубийств, которые были совершены не только сеньорами и епископами, но и принцами королевских семейств, сыновьями королей — против

своих отцов, королями, императорами или папами — против других государей или других пап... И покушение решено.

Граф переоденется угольщиком, захватит подвал угольщика, доставит туда двадцать бочек пороха, спрячет их под вязанками хвороста, сам зажжет фитиль, и у него будет возможность бежать до взрыва.

Другие должны все приготовить для восстановления на престол претендента.

Вероломный герцог предлагает всем связаться нерушимой клятвой, и все с энтузиазмом клянутся в верности и преданности.

Третья сцена.— Кабинет герцога, наполовину освещенный лампой. Он только что проводил заговорщиков и направляется во дворец, где его ждет Ликсдокс, чтобы узнать, что произошло.

Но что ему делать? В чем он сам заинтересован? Предать ли заговорщиков? Или предать скорее самого Ликсдокса?

Он некоторое время обдумывает эти вопросы, ходит крупными шагами по своей комнате и удаляется, все еще не приняв окончательного решения.

Четвертая сцена.— Подвал. Слышен шум подъезжающих придворных экипажей, затем звон колоколов капеллы. Приближается угольщик. Это граф. Двадцать бочек пороха находятся там, под вязанками хвороста. Королевское заседание сейчас начнется. Звуки труб и фанфар возвещают появление королевы и Ликсдокса в сопровождении сеньо-

ров. Граф снимает вязанку, которая скрывает один конец фитиля. В его распоряжении имеются пять минут, чтобы удалиться через заднюю дверь. Вдруг раздается звук трубы. Он вздрагивает. Он радуется, что ему придется взорвать узурпированный трон, королеву-узурпаторшу, тирана, двор, всю монархию. Одной рукой он зажигает огонь, другой он хватает фитиль. Он зажигает его... Но из-под вязанок раздаются ужасные крики. Толпа солдат выбегает и бросается на него. Пять или шесть из них падают мертвыми к его ногам. Он бросается, как молния, к лестнице и уже готов исчезнуть, но другие солдаты, которые спускаются в подвал, преграждают ему дорогу. Он разит опять, убивает несколько человек и сам падает, обливаясь кровью; солдаты уносят умирающего, тогда как другие с ужасом видят приготовления для взрыва, который должен был потрясти землю.

Но один из солдат замечает, что фитиль перерезан!

Пятая сцена.— Темная и грязная тюрьма, немного соломы; несчастный, покрытый тряпками, кричит от боли... Это опять граф. Судьи, офицеры, придворные, окружающие его, осыпают его проклятиями. Но он ничего не видит, ничего не слышит, ничего не отвечает. Ему стараются сохранить жизнь, чтобы он выдал своих соучастников и погиб на эшафоте. Врачи и хирурги хлопочут вокруг него, оперируют, перевязывают, заставляют гло-

тать ликер. Он оживает, дышит, смотрит и, кажется, уже видит и слышит.

— Ваше имя? — спрашивает его великий инквизитор.

— Мигуф,— отвечает несчастный едва слышным голосом.

— Ваше звание?

— Угольщик.

— Ваша родина?

— Пирма, в Кассии, в трехстах лье отсюда.

— Вы хотели убить королеву?

— Нет, тирана.

— Какое зло причинил вам его светлость?

— Он угнетает народ.

— Какова была ваша цель?

— Освободить отечество, послужить человечеству.

— Преступник! — сказал ему один.

— Чудовище! — сказал ему другой.

— Кто ваши сообщники?

— Все... Сто... Никто...

Оскорбления, проклятия, угрозы — ничто не может его поколебать; он не имеет сообщников и требует смерти, как начала своего бессмертия.

Шестая сцена.— Снова тюрьма, в которой виден другой раненый заключенный. Это герцог.

Ликсдокс и он сговорились, что он будет арестован, дабы снять с него всякое подозрение. Герцог убьет одного из людей, которым поручено будет его арестовать, и нанесет

себе сам легкую рану, а затем распространит слух, что был тяжело ранен в схватке.

Через несколько дней будет объявлено, что произошла ошибка: убитый солдат пустил в ход силу незаконно, а герцог использовал только свое право законной самозащиты.

Было подстроено так, чтобы список заговорщиков был на хранении у одного из них, где полиция могла найти его или подбросить.

Ликсдокс принял также все меры, чтобы Калар, один из вождей народной партии, мог быть тяжко скомпрометирован на основании некоторых данных.

Вскоре в тюрьму является человек, завернутый в плащ. Это переодетый Ликсдокс. Он рассказывает герцогу о том, что произошло. Все заговорщики бежали или скрываются. Полиция нашла список заговорщиков у того, на которого герцог указал, как на хранителя его, но приняты были все меры, чтобы скрыть эти обстоятельства и ввести в заблуждение общественное мнение, распространив слух, что ужасное покушение является адским предприятием демократической партии, а ее жалкое орудие — угольщик Мигуф.

Придворные, все еще напуганные опасностью, которая им угрожала, требуют уничтожения всех революционеров; сторонники Ликсдокса шумят почти так же сильно; сторонники претендента вопят вместе с ними против анархистов... Демократы запуганы...

Ликсдокс и герцог ликуют, видя полный успех своих маневров.

Но главная цель состояла в том, чтобы осудить Калара и обвинить всю демократическую партию. Как добиться этого? Вот план, придуманный Ликсдоксом. Он излагает этот план герцогу.

— Вы получите,— сказал он герцогу,— свидание с графом. Вы расскажете ему о вашем аресте, об убийстве солдата и вашей собственной ране. Затем вы будете упрекать его за неосторожность. Вы скажете ему, и газеты об этом расскажут, что его поведение и таинственное появление около подвала возбудили подозрения полицейского агента, в подвал вошли ночью при помощи подобранного ключа, и таким образом из-за его ошибки все было открыто.

Вы прибавите, что один из моих доверенных пришел сказать вам от моего имени, что я помилую графа. Вас я тоже выпущу на свободу и откажусь от преследования остальных заговорщиков, если граф выступит с обвинением и поможет осудить как своего соучастника Калара, нашего общего врага.

Вы прибавите, что в этом случае настоящее имя графа никогда не станет известно, ему дадут имя и профессию, которую он принял (Мигуф, угольщик из Пирмы в Кассии), и тогда демагоги, в первую очередь Калар, один из их вождей, и жалкий угольщик, их агент, одни будут гнусными авторами этого отвратительного преступления.

Для поддержки обвинения графа против Калара мы купим одного или двух лжесвидетелей. А чтобы другие министры и судьи были тоже обмануты, нужно вам взять на себя все это дело с графом и лжесвидетелями.

Герцог станет принцем. Он соглашается, и вероломный Ликсдокс выходит, в то время как вероломный герцог готовится к беседе с графом.

Седьмая сцена.— Опять камера герцога. Он в постели. Кто-то входит, едва держась на ногах; это граф.

Ему сообщили по секрету, что герцог арестован, так как убил солдата, он тяжело ранен и почти умирает; их камеры находятся по соседству... Граф пожелал видеть герцога. Последний сперва отказывается от встречи, но потом соглашается.

Предатель-герцог берет наглостью. Он упрекает графа в том, что тот все погубил и скомпрометировал всех своих друзей.

Граф, одураченная жертва предательства, извиняется, почти бросается к его ногам и просит у него прощения.

Тогда герцог смягчается, становится сердечным. Затем он говорит о поручении Ликсдокса. Ликсдокс имеет список, он знает все. Все погибло, даже их партия, даже дело законного государя.

— Однако,— прибавляет герцог,— Ликсдокс хочет быть великодушным, милостивым. Что касается меня, то я отвергнул с негодо-

ванием предложение спасти себя, погубив невинного. Я сумею умереть мужественно. Я готов.

Но граф желал бы спасти всех своих друзей, свою партию, дело своего государя. Да, впрочем, разве не всякий демократ преступник, разбойник, изверг? Таким образом, сам граф умоляет герцога принять за всех предложение Ликсдокса, и он хвалит милосердие и благородство тирана.

Герцог продолжает притворно сопротивляться и соглашается, наконец, якобы только для того, чтобы спасти графа, их друзей и честь дворянства. Он передает графу план, набросанный Ликсдоксом, чтобы обвинить Калара.

Граф читает этот план: это выдуманная история жизни угольщика Мигуфа, его сношений с Каларом и их совместного заговора, это также детальная директива, которой должен следовать лже-Мигуф в самозащите и обвинении Калара.

Ликсдокс, герцог и граф одни только будут знать тайну; судей расположат в пользу Мигуфа. Весь гнев будет направлен против Калара. И судьи будут тем более настроены против него, что многие из них будут так же обмануты, как и публика, и будут действительно считать его автором и главарем гнусного заговора.

Граф соглашается на все и собирается изучать и играть роль угольщика. Он сперва будет продолжать настаивать, что не име-

ет сообщников; он будет отрицать, что Калар виновен. Затем, как бы под давлением угрызений совести, откроет всю правду и решительно будет обвинять Калара как автора, зачинщика и главаря заговора. Он будет упрекать Калара, что он увлек его, будет обвинять его в трусости.

А герцог выйдет на свободу и будет искать двух лжесвидетелей.

Восьмая сцена.— Другая камера. Несколько солдат приводят красивого человека в разорванном платье, с непокрытой головой, с печальным, но спокойным лицом. Один солдат ударяет его палкой, другой хлыстом, один вырывает у него усы, другой — его бакены. Это Калар.

Его бросают на солому, и тюремщик оставляет ему немного черного хлеба и воды.

Оставшись один, он стонет. Но он сумеет пострадать за свободу.

— Судьи придут меня допрашивать,— говорит он.— Что я отвечу им? Но какие же это судьи! Враги, воры, убийцы! Я теперь в разбойничьей берлоге, окруженный западнями... Нет, отвечать я здесь не буду.

Являются великий инквизитор, председатель уголовного суда, великий судья, министры, сенаторы и телохранители.

Великий инквизитор. Знаете вы Мигуфа?

Калар. Прежде всего скажите, в чем вы меня обвиняете?

Великий судья. В том, что вы один из авторов, изобретателей и руководителей адского порохового заговора. Знаете вы Мигуфа? Отвечайте!

Калар. Вот мой ответ: я невиновен.

Председатель уголовного суда. Знаете вы Мигуфа? Отвечайте!

Калар. Мне нечего больше сказать. Если вы думаете, что я виновен, то докажите мою виновность. Отпустите меня на свободу или судите меня скорее, тогда я отвечу, но я не хочу здесь ничего отрицать и ничего признавать. Я не хочу ничего отвечать, пока я не буду иметь адвоката и не буду находиться в присутствии публики.

Великий инквизитор. Но у вас требуют только правды, вам не нужен адвокат, чтобы отвечать по поводу фактов, которые относятся к вам лично. Вы здесь находитесь в присутствии правосудия, и так как вы неповинны, то вам легко будет оправдаться.

Калар. Я не хочу отвечать.

Великий судья. Но ведь это в ваших интересах отвечать, чтобы доказать вашу невиновность.

Калар. Я не хочу отвечать.

Председатель уголовного суда. Долг каждого обвиняемого помочь правосудию.

Калар. Я не хочу отвечать.

Министр. Вы, следовательно, не боитесь оказывать неповиновение правосудию?

Калар. Я не хочу отвечать.

Синьор. Но вы оскорбляете правосудие!

(Молчание)

Великий судья. Вы, следовательно, не доверяете мне...

(Молчание)

Председатель уголовного суда. Вас будут считать виновным!

Великий судья. Вы вредите самому себе. Давайте разберемся.

Калар. Я не хочу ни разбираться, ни рассуждать, ни отвечать.

Великий судья. То, о чем я вас спрашиваю, не может вас компрометировать.

Калар. Я не хочу отвечать.

Министр. Вы были бы скорее свободны.

Синьор. Те, кто советовал вам эту систему молчания, не ваши друзья.

Калар. Но вы... Я не хочу отвечать.

Придворная дама. Вы приносите в жертву интересы вашей семьи.

Председатель уголовного суда. Арестованы Ксироль и Ярд, ваши друзья. Вы приносите в жертву их интересы.

Великий судья. Они будут знать, что вы задерживаете их освобождение.

Великий инквизитор. Ваше молчание бесполезно и может вас только скомпрометировать, ибо свидетели все показали.

Министр. Ваши сообщники поступают иначе, чем вы: в то время как вы жертвуете

собой благородно для них, они вас оговаривают и обвиняют вас.

Синьор. Мы знаем все, что вы делали, ваше упорство может быть только гибельно для вас, между тем как можно было бы принять во внимание вашу откровенность.

Калар. Еще раз: я не хочу отвечать.

Ни гнев, ни угрозы, ни ласки — ничто не может поколебать его решение.

— Мне было бы легко отвечать им,— говорит Калар, когда остается один,— и я не раз хотел уничтожить их или смутить, но я теперь более уверен, что избежал их ловушек.

Однако великий судья сейчас же возвращается.

— Мы одни,— говорит он,— с вами теперь говорит не чиновник, а человек, который удивляется вашему мужеству и вашему благородству, который интересуется вами. Я даже признаюсь вам, что в глубине сердца разделяю ваши мнения и убеждения.

Калар. Я не знаю друзей в тюрьме; я не беседую в тюрьме; я не хочу отвечать. Оставьте меня!

— Они все же осудят меня, я это знаю,— говорит он, бросаясь на солому,— но я им скажу, что они меня убивают, и смерть моя не будет бесполезна для отечества!

Второй акт

Первая сцена.— Огромный трибунал, старый, мрачный, освещенный мерцающими свечами. Сто судей, которым предшествуют мно-

гочисленные ликторы, два обвиняемых в оковах и в черных балахонах, многочисленные солдаты, свидетели, зрители — появляются один за другим.

Скамьи судей находятся на возвышениях, скамья подсудимых, напротив, внизу.

Посредине видны бочки с порохом и фитиль. Судьи — все придворные сеньоры, все сановники короны, все те, кто должен был взлететь на воздух.

Их великолепные платья, мундиры солдат, разнообразие костюмов, большое число зрителей на сцене представляют импозантное зрелище.

Лже-Мигуф имеет нахальный вид. Калар бесстрашен и спокоен.

Великий судья допрашивает Мигуфа. Мигуф признает свое преступление, он признает его чудовищность. Он плачет и раскаивается; он бросается на колени и просит прощения у королевы, министров и сеньоров, которые будут его судить. Он восхваляет их. Он взывает к добродетели, чести, верности государю, даже религии. Он разражается звонкими фразами против революционеров и анархистов, гибельные доктрины которых ввели его в заблуждение. Он, наконец, обвиняет Калара в том, что тот завлек его и доставил ему средства для совершения покушения. Не из мести и не из желания добиться своего помилования обвиняет он Калара, а единственно из повиновения своей совести, чтобы помочь правосудию и послужить государству,

отпугивая заговорщиков примером своих угрызений совести, своих мук и разоблачений, направленных против своего сообщника по преступлению.

Раз десять судьи и зрители поощряют его знаками одобрения, возгласами «браво!» и аплодисментами.

Великий судья и председатель уголовного суда торжественно расхваливают его за то, что он так откровенно рассказал правду.

Следует допрос Калара. Все верят в его виновность или притворяются, что верят. Со всех сторон он встречает только злобу. Великий судья и председатель уголовного суда допрашивают его с грозным видом. Как будет он вести себя?

Прежде чем ответить, он начинает с отвода судей.

— Вы — генералы аристократического лагеря,— говорит он,— а я солдат демократического лагеря. Именно вам грозили бочки с порохом. Вы мои враги, вы не можете быть моими судьями.

Но суд гневно приказывает ему отвечать.

— Я призываю небо в свидетели, что я неповинен. Мне больше нечего сказать. Докажите, что я виновен!

— Мигуф утверждает!— отвечает грубо великий судья.

— Мигуф... Он противоречит себе раз двадцать. Он признал, что ошибся и даже что солгал.

— Но сегодня он говорит правду!— восклицает председатель уголовного суда.

— Вы знаете, что Мигуф — иностранец, вор, подделыватель; это убийца, убивший восемь агентов государственной власти; это цареубийца, который хотел убить королеву и вас всех; это негодяй, преступник, чудовище, и вы выдвигаете против меня его показания!

Мигуф, бледный и дрожащий, готов, быть может, отказаться от своего показания. Но ропот, топот ног, крики, раздающиеся со всех сторон, свидетельствуют о раздражении судей против Калара.

Председатель уголовного суда, великий судья, другие сеньоры забрасывают его возражениями, вопросами, упреками, угрозами, но, всегда невозмутимый и твердый, Калар горячо отвечает им всем.

— Отвечайте на обвинение Мигуфа!— говорит ему председатель уголовного суда, вскочив в бешенстве.

— Разве цареубийца не является чудовищем в ваших глазах?— отвечает Калар.— И вы хотите, чтобы я унизился до ответа Мигуфу, цареубийце, чудовищу!

— Вас спрашивает правосудие,— говорит великий судья,— и вы оскорбляете правосудие.

— Правосудие! Это слово здесь оскверняется! Я вижу здесь только врагов и ни одного судьи.

— Закон приказывает вам отвечать,— кричит председатель уголовного суда.

— Нет,— отвечает Калар,— обвинитель тоже старается обмануть меня, чтобы погубить! Это отвратительно.

Затем заслушивают нескольких свидетелей со стороны обвинения.

Портье дома, в котором жил Калар, заявляет, что он много раз видел Мигуфа, посещающего Калара, и видел, как Калар передал ему письмо, которое могло скомпрометировать Калара.

Судьи открыто выражают свою радость и торжество.

— Что можете вы ответить на это уличающее вас показание?— говорит великий судья вызывающе.

— Мигуф приходил, правда (*взрыв радости среди судей*), и я убежден теперь, что он замышлял тогда какую-нибудь адскую махинацию против меня (*ропот*), но он никогда не говорил мне о заговоре. Он гнусный лжец. Я никогда не передавал ему письма, и свидетель тоже гнусный лжец. Это лжесвидетель.

Председатель уголовного суда. Все преступники говорят то же самое.

Калар. И невинные также!

Великий судья. Был ли свидетель вашим врагом?

Калар. Он относился ко мне с уважением (*взрыв радости среди судей*).

Сеньор. Что же могло побудить его стать лжесвидетелем?

Калар. Не знаю: быть может, его свидетельство куплено.

Председатель уголовного суда. Вы клевещете на суд!

Калар. Я не давал письма, и это лжесвидетель.

— Хорошо,— говорит великий судья,— вы сейчас услышите ребенка, самую невинность и искренность.

Вводят дочь портье, ребенка двенадцати лет.

— Дитя мое,— говорит ей великий судья ласковым тоном,— вы видели, как Калар дал угольщику Мигуфу письмо, не правда ли?

Ребенок колеблется, бледнеет, краснеет. Его принуждают, ласкают, поощряют, угрожают.

— Ваш отец сказал это. Неужели ваш отец лжет?

Ребенок опять колеблется и плачет... Затем, снова принуждаемая, девочка говорит слабым голосом: «Да» (*при этом слове судьи ликуют*).

— Вы слышите ее!— кричит великий судья с торжеством.— Вы видите, с каким трудом эта невинность сказала правду, которая вас уличает!

— Я вижу,— отвечает Калар,— что терзают невинность, чтобы убить невинного! (*сеньоры испускают крики бешенства*).

— Посмотрите хорошенько на обвиняемого,— говорит великий судья ребенку.

Девочка не осмеливается поднять глаза.

— Посмотрите на меня, бедное дитя,— говорит ей Калар голосом, который невозможно передать.

— Это он!— восклицает она,— да, это он!.. Но я не видела, что он дал письмо... (*После этих слов или, вернее, крика она падает в страшных конвульсиях*).

Удивление, смущение и возбуждение доходят до предела. Девочку выводят и на время прерывают заседание.

Девочка возвращается, на нее опять оказывают давление. Она отрицает.

— Но вы только что признали это здесь перед великим инквизитором. Значит вы лгали? Берегитесь!

— Меня обязали... мне сказали, что мое показание не может никому повредить.

— Но кто? Скажите!

Девочка склоняет голову и снова плачет, не отвечая.

— Мы не можем допустить такого скандала! — восклицает председатель уголовного суда.— Либо отец лжесвидетель, либо дочь! Мы требуем, чтобы заседание было прервано на полчаса и чтобы оба были изолированы без права сообщаться с кем-либо. Нужно, чтобы правда восторжествовала.

Вторая сцена.— Мрачная тюрьма, видны страшные орудия пытки.

Ребенок приходит в слезах... Почти сейчас же приходят председатель уголовного суда, великий судья, несколько сеньоров и даже герцогиня. Девочку ласкают, ей льстят, ее стараются запугать.

— Вы его видели,— говорят ей,— ведь это правда. Скажите правду... Ваш отец обесче-

щен, погиб. Галеры, быть может, смерть!.. Вы убиваете отца и мать, чтобы спасти негодяя, который будет все же осужден!

Является также мать, плачущая, кричащая, в отчаянии. Приводят отца в оковах. Все соединяют усилия, чтобы добиться признания.

Девочка, наконец, обещает сказать, что видела, как Калар вручил письмо Мигуфу, и все выходят, чтобы вернуться на заседание.

Третья сцена.— Суд заседает.

— Два свидетеля,— говорит великий судья,— запертые отдельно в двух различных комнатах, не имевшие возможности сноситься ни между собой, ни с другими какими-либо лицами, имели время подумать, и мы узнаем, наверное, правду.

Приводят отца и дочь: на всех лицах написано беспокойство.

— Продолжаете ли вы утверждать, что видели, как было передано письмо? — спрашивают отца.

— Да.

— Ваша дочь видела также, как письмо было передано? Мы хотим знать только правду.

— Да (*судьи ликуют*).

— Ваш отец сказал правду,— говорит великий судья девочке,— следуйте ему, говорите правду. Видели ли вы, как было передано письмо?

Ребенок, все еще смущенный, опустив голову, плача, отвечает едва слышным голосом:

— Да...

— Не слышно,— восклицают некоторые судьи.— Что она ответила?

— Она ответила: «Да»,— говорит великий судья *(бурная радость на всех скамьях)*.

— Вы не судьи,— восклицает Калар,— а тигры, жаждущие крови!

Тогда председатель уголовного суда, великий судья, несколько судей сообща стараются одолеть Калара, противопоставляют ему заявление девочки как решающее, потому что оно подтверждает заявление отца и Мигуфа.

— Вы видели,— восклицает председатель уголовного суда,— борьбу девочки, она вас обвиняет!

— Нет, нет, нет! — восклицает девочка со своего места.— Я ничего не видела, я ничего не видела! — и падает без чувств *(всеобщее изумление, на некоторых скамьях возбуждение)*.

Девочку поднимают, ее приводят на середину зала, осыпают вопросами. Но раздается пронзительный крик, и она опять падает. Она откусила себе язык.

Заседание прерывается среди невероятного переполоха.

После возобновления заседания и допроса других свидетелей председатель уголовного суда поддерживает обвинение. Он восхваляет раскаяние и искренность лже-Мигуфа, изображает его как жертву Калара, почти как героя и ангела. Он находит тысячи доказательств виновности Калара; противоречия Ми-

гуфа, его ложь, его наглость, его оскорбления против Калара — все является доказательством. Колебания, отказ от своих слов, несчастный случай с девочкой — также доказательства. Молчание Калара, его отрицание, его уверения в своей невиновности, его мужество тоже являются доказательствами.

Это главный виновный, единственный виновный, преступник, от которого следует поскорее очистить землю!

Лже-Мигуф, уверенный, что жизнь ему будет сохранена, берет слово только для того, чтобы лицемерно потребовать для себя смерти во искупление своего преступления и уговорить народ отказаться от заговоров.

Но Калар, не сомневаясь в своем осуждении, протестует и заявляет, что он жертва какой-то адской махинации, которую он не может раскрыть.

— Вы убийца! — говорит он председателю уголовного суда.— Вы все убийцы! — говорит он судьям.

Тщетно стараются заставить его замолчать, а солдаты — усадить его на место.

— Моя смерть давно решена! — восклицает он.— Аристократия хочет выдать тирании демократа и друга народа! Я умру мучеником *(ему хотят заткнуть рот)*, но народ отомстит когда-нибудь за меня!

Солдаты уводят его, и суд удаляется на совещание.

Четвертая сцена.— Зал совещаний. Судьи сидят.

— Нет доказательств,— говорят одни.— Его обвинитель очевидно лжет; Мигуф к тому же гнусный преступник, которому нельзя верить. Калар не виновен... Мы опозорим себя... Это был бы мученик!

— Он виновен,— говорят другие.— Это преступник, анархист, революционер!

Тогда появляется Ликсдокс и заклинает их принять во внимание государственную пользу, спасение королевы и дворянства, ежедневно подвергающихся нападкам демагогов. Необходимо вынести осуждение. А королевская милость сделает остальное.

— Виновен ли Калар? — спрашивает великий судья.

Почти все встают. И оба обвиняемые осуждены как убийцы.

Пятая сцена.— Лже-Мигуф находится в чистой, изящной и хорошо меблированной комнате, которая служит для него тюрьмой.

— Этот бедный Калар! — говорит он себе.— Но ведь он демократ!

Прибегает герцог и сообщает Мигуфу приговор. Он ищет Мигуфа, чтобы выпустить его на свободу. Вместо него в камере поместят преступника, который только что повесился, а судебная газета сообщит, что Мигуф удавился.

Шестая сцена.— Ужасная тюрьма Калара. Он в оковах... Он спит, истощенный усталостью. Тюремщик является, чтобы разбудить его и заковать покрепче.

Является палач и объявляет ему приговор. Через полчаса он будет колесован, четвертован и сожжен!

Калар посылает проклятия правосудию, обществу, аристократии и тирании.

Он представляет себе с ужасом отчаяние жены и дочери.

Он вспоминает их добродетели, их достоинства, свою любовь к ним, их любовь к нему... Он растроган этими воспоминаниями.

Мысль о казни заставляет его вздрогнуть. Но любовь к отечеству возвращает ему мужество.

Является министр королевы, который предлагает ему помилование, если он согласится возвести обвинение на другого вождя народной партии, который только что умер. Он отказывается с негодованием.

Является другой сеньор и предлагает ему только признать себя виновным. Он как будто раздумывает. С него снимают оковы. Но он снова отказывается.

— Просите только о помиловании! — кричат ему.

Тогда появляются жена и дочь, которые с криком бросаются в его объятия. Он горячо обнимает их.

Сеньор показывает им помилование, подписанное королевой и объясняет, что она ставит единственным условием, чтобы он сам просил помилования.

— Просить помилования, — восклицает

он,— это значило бы признать себя виновным, а я невинен!

Жена его обнимает, дочь у ног его, протягивая к нему помилование, которое сеньор вложил ей в руки.

Он колеблется, он борется с собой. Думают уже, что он соглашается.

— О, отечество! — восклицает он,— какую жертву я приношу тебе сегодня!

— Колесован, четвертован,— говорит ему сеньор.

Жена и дочь испускают ужасный крик.

Он силой вырывается, отталкивает их обеих, падающих без чувств, и бросается вперед, чтобы итти на казнь.

Но он тотчас же возвращается назад, как вдохновленный, поднимает свою дочь и разражается слезами, прижимая ее страстно к сердцу.

Слышны только отрывочные слова:

— Свобода... Отечество... Народ... Тирания!

— Помилование! Просите помилования! — кричат ему все окружающие.

Но он снова бросается вперед и исчезает навсегда, оставив всех в слезах, в холодном поту, полных гнева против тирании и восхищенных его преданностью свободе.

Глава тридцать вторая

РЕВНОСТЬ И БЕЗУМИЕ. РАЗУМ И ПРЕДАННОСТЬ

Я не видел их два дня, и я должен уехать сегодня вечером (24 мая), покинуть ее навсегда, даже не сказав ей о том горе, которое она мне причинила!

Я напишу только Вальмору, чтобы сказать ему, что уезжаю на несколько дней. Буду его просить передать мои извинения семье и друзьям. Позже я снова напишу, чтобы извиниться, что уезжаю из Икарии, не поблагодарив их. Как жалели бы они меня, если бы знали о тех муках, которые я испытываю!

Я начал письмо, но кровь кипела в моих жилах, голова горела и готова была лопнуть; затем ледяной холод пробежал по всему моему телу, и меня охватила сильная дрожь; в глазах потемнело, перо выпало из рук и... я не помню, что было дальше.

Болезнь, бред, первое пробуждение

Какой скверный сон! Какая долгая бессонница! Как ужасны ночь и хаос!.. Черные вихри, которые беспрестанно появляются и исчезают так быстро, что глаз не может за ними уследить!..

— Это вы, Евгений? Почему вы оставили меня на такое долгое время?

Я видел Динаизу, которая плакала. Что с нею? Где она, Динаиза?

Когда кончится мое путешествие? Мое тело все разбито!

Но где я нахожусь!

— У верного друга,— ответил Евгений, мягко пожимая мне руку.— Отдохните еще немного, мой дорогой Вильям! Спите спокойно.

И этот голос, это нежное дружеское пожатие руки, казалось, вливали в мои жилы свежесть и жизнь.

Но сейчас же я снова впал в забытье.

Выздоровление

Я возвращаюсь к жизни. Добрый Евгений сказал мне, что я был нездоров, но скоро поправлюсь.

Я думал, что нахожусь в Англии, а я, оказывается, в одной из больниц Икары.

Но мне не разрешают еще говорить.

Он узнает, что произошло

Силы мои возвращаются, и Евгений, который с чрезвычайной осторожностью сообщал мне о случившемся, наконец, рассказал мне все.

В течение семи дней горячка держала меня на краю смерти. Я никого не узнавал, даже Евгения и Вальмора. Я видел не Динаизу, а Кориллу, которая плакала навзрыд. Врачи не опасаются теперь ничего; но нужны еще благоразумие и осторожность, если я хочу быть в состоянии скоро уехать.

Нескромность бреда

Осыпаемый моими настойчивыми вопросами, Евгений признался, что я в бреду все время называл Динаизу, что Вальмор, который присутствовал раз при этом, был так потрясен этим, что внезапно ушел и больше не являлся. Но не проходило дня, чтобы Корилла несколько раз не справлялась о моем здоровье.

Славная Корилла! Бедный Вальмор! Лишь бы только Динаиза не знала о моей невольной нескромности! Но почему не приходит Динар?

Полное разоблачение

Мои волосы поседели, однако я чувствую себя так хорошо, что Евгений позволяет мне прочитать письмо Кориллы. Скорей!

Письмо Кориллы милорду

30 мая

«Наконец, мой дорогой Вильям, вы поправились! Если бы вы знали, сколько слез мне стоила ваша болезнь и как я счастлива теперь, когда вы выздоравливаете!

И, однако, я должна была бы, может быть, ненавидеть вас, несчастный! Сколько беспокойства причинили вы нам всем! Сколько горя вы вносите в две семьи, которые вас приняли с такой любовью! Сколько зла вы причиняете моему бедному брату! Сколько зла вы причинили госпоже Динаме, Динару, моей бедной подруге!..»

— Динаизе! — воскликнул я.— Что случилось с ней? Не скрывайте от меня ничего, Евгений, говорите, Евгений! Как поживает Динаиза?

— Лучше.

— Она была больна! Как? Почему? Скажите мне все, мой дорогой Евгений!

— Успокойтесь, я вам все скажу. Корилла и Динаиза были вместе, когда Динар сообщил им о вашей внезапной болезни. Динаиза не проявила никакого волнения, тогда как Корилла была сильно взволнована. Но на другой день, когда Вальмор прибавил, что в вашем бреду вы часто произносите имя мисс Генриетты, Динаиза, точно пораженная молнией, упала в ужасных конвульсиях.

— Она любит меня!

И я сам упал в обморок.

— А где она? — воскликнул я, придя в себя.

— Она уже несколько дней находится у матери, но она была долго в больнице и была почти так же опасно больна, как и вы.

— Она меня любит... А Вальмор?

— Вальмор уехал на некоторое время и, надеюсь, скоро вернется. Но успокойтесь, дорогой Вильям, отдохните.

— Бедный Вальмор! Евгений, мы все же уедем! Но если бы вы знали, какой бальзам влила в мою кровь весть, что я любим!

После нескольких часов отдыха мы закончили чтение письма Кориллы.

Окончание письма Кориллы

«Сколько зла вы причинили госпоже Динаме, Динару, бедной подруге, покой которой навсегда исчез!

Мы все теперь очень несчастны, Вильям, и я, быть может, страдаю больше всех, ибо страдаю жестоко и из-за несправедливости, предметом которой являетесь вы. Одна из моих теток и муж ее обвиняют вас, что вы причина всех наших бед. Госпожа Динаме бывает иногда очень раздражена и упрекает меня, что я ввела вас в их семью, тогда как Динар едва осмеливается произнести несколько слов в вашу защиту, Вальмор возмущен вами. Ах! Сколько мужества и дружбы к вам нужно было мне иметь, чтобы самой не

проклинать вас, когда я видела Динаизу почти при смерти, всех в слезах, а моего брата, моего горячо любимого брата почти безумным от отчаяния!

Но мое сердце никогда не обманывалось на ваш счет, я знала вас лучше, чем другие, и я была уверена, что вы нисколько не виноваты, что мы можем жаловаться только на природу и случай.

Евгений (как вы должны любить его, этого славного Евгения!), Евгений, впрочем, все рассказал мне, все, и ваш друг нашел новые силы, чтобы защищать вас.

Я успокоила добрую госпожу Динаме. Динар скоро будет у вас. Я написала два-три письма бедному Вальмору и надеюсь, что моя нежность пробудит его разум. Моя тетка и дядя все еще упорствуют, но мы их скоро образумим.

Будем же надеяться, мой друг, но только не на счастье, ибо я боюсь, что мы уже не будем иметь его. Но будем надеяться, что мы поможем друг другу найти утешение в дружбе. Что касается меня, я буду сильна и мужественна, поскольку вы сохраните еще немного дружеских чувств к той, у кого их так много к вам.

Корилла.

P. S. Не знаю, будете ли вы упорствовать в своем намерении уехать, как только вы совершенно оправитесь. Возможно, что вы поступите хорошо, но я прошу вас, Вильям, не

уезжайте, не попрощавшись с нами. Во всяком случае, не прощайте!»

— Какой друг! — воскликнул я, обнимая Евгения.— Какой смертный был бы более счастлив, чем я, на земле, если бы друг Кориллы был еще супругом Динаизы. Но Вальмор! Бедный Вальмор... Мы уедем сейчас же, Евгений. И не попрощавшись.

Записка Кориллы

3 июня

«Евгений сказал мне, что вы умоляете меня рассказать вам все о Вальморе и Динаизе и что вы мне обещасте быть благоразумным и мужественным. Я уступаю и посылаю вам письмо несчастной, но будьте мужественны, Вильям! Вы мне обещали».

Письмо Динаизы Корилле

1 июня

«Ты, должно быть, очень устала, моя нежная подруга! Ты провела столько ночей без сна у моей постели. И я тебя еще утомляю моими письмами! Но когда я не вижу тебя, мне нужно писать тебе или читать твои письма, моя милая Корилла!

Как ты чувствуешь себя? Приходи скорее, чтобы я могла обнять тебя. Как я тебя люблю! Скажи мне, что ты придешь. Я хорошо спала, мне снились разные вещи. Я расскажу тебе мои сны. Я чувствую себя лучше, хорошо, очень хорошо. Это ты меня спасла одним словом, которое ты сказала мне на ухо.

Не приводи ко мне твою тетку. Я не хочу больше видеть ее. Разве это моя вина, что я не могла справиться с моим сердцем? Мне говорят о достоинствах, талантах, добродетелях Вальмора. Но никто не знает лучше и не ценит больше его души; никто не ценит и не уважает его так, как я; никто даже не находит более привлекательными его характер и его манеры. Я любила его, твоего брата! Я думала это, по крайней мере, и я даже люблю его еще настолько, насколько я люблю тебя, насколько ты любишь его сама. Я вышла бы за него замуж. Я думала, что могу составить его счастье. Я была бы счастлива быть его женой, и я не подозревала, что другой может внушить мне другие чувства.

Но явился Вильям, и с этого момента все мое существо перевернулось. Почему? Я ничего не знаю, ибо я уже любила Вальмора, моего друга детства, брата моей возлюбленной, тогда как Вильям был иностранцем, которого я никогда не видела и к которому я была так же равнодушна, как и он ко мне.

Он никогда не говорил мне, что любит меня; он никогда не давал мне понять это. Я этого не знала. Я думала даже, что я для него ничто. И, однако, я испытывала при нем смущение, какого я ранее не испытывала.

Когда я сравнивала его с Вальмором, разум мой приводил меня к твоему брату. Но какая-то непреодолимая сила толкала и влекла меня к твоему другу.

Ты тоже любила его, Корилла, и вместе с тем любила своего брата!.. Вальмор тоже любил его, вы все его любили, даже мать моя и брат мой...

Бедная мать, как она неутешна из-за Вальмора! Как я страдаю из-за нее! Пожалей меня, Корилла! Ибо сердце мое изранено и обливается кровью, когда я вижу слезы матери... Несчастная женщина, она не решается упрекать меня! Однако сегодня утром после твоего ухода она почти жаловалась, что я скрыла от нее свою любовь... Но ты хорошо знаешь, Корилла, я сама не знала этого, и ты не знала вместе со мной. Первый раз, когда я его увидела на пароходе с твоим братом, я спряталась совершенно машинально, как будто тайное предчувствие меня предупреждало, что это враг, который приближается, чтобы заковать меня в цепи. С тех пор, ты это видела, я его почти всегда избегала. Ты упрекала меня за мою дикость и робость, и без того удара, который мне нанесла ревность (и я краснею, когда думаю об этом), я, вероятно, и теперь не знала бы, что люблю его.

Он тоже любил меня, не зная и не желая этого. Он хотел уехать, не сказав мне о своей любви, не зная моих чувств. Он приносил себя в жертву для меня; он приносил в жертву меня ради Вальмора и ради чести. Только горячечный бред и близкая смерть открыли вам нашу любовь. И твоя тетка, которая, быть может, никогда не любила, об-

виняет нас вместо того, чтобы жалеть! Ах, эта несправедливость заставляет молчать мою природную робость и дает мне смелость и мужество. Я чувствую в себе теперь пламенную душу, энергию, способную бороться с несчастьем. Да, я люблю его! Да, я счастлива, зная, что я любима! Да, уедет ли он или останется, я всегда буду любить его! Я могла бы умереть от горя, но ни твоя тетка, ни кто-либо другой не может отнять у меня мою любовь к нему, так же как мою дружбу к тебе.

Но Вальмор, славный Вальмор, бедный Вальмор! Я говорила тебе и повторяю: я люблю его больше, чем когда-либо! Ты не думай поэтому, что я могла бы быть счастлива его несчастьем, нет, мой друг, я клянусь тебе, как и ему, я никогда не доставлю ему горя видеть меня женой другого. Именно я, слабое и жалкое создание, хочу дать ему пример и покажу, что можно искать счастья в чистой и святой дружбе. Тогда я смогу любить их обоих, любить вас всех и еще нежно любить мою Кориллу всей силой своей души.

Динаиза».

Я не буду даже пытаться передать те чувства, которые возбудило во мне чтение этого письма: нет, я не нахожу слов, которые могли бы дать представление о моем волнении, смущении, восхищении, счастье, сладких слезах...

Я не мог бы также выразить то удовольствие и те восторги, которые вызваны были чтением следующих писем... Я не знаю даже, как все эти волнения не убили меня.

Вторая записка Кориллы

6 июня

«Хорошее известие, мой дорогой Вильям! Вальмор возвращается. Я посылаю вам все его письма и одно из тех, что я ему писала. Но будьте благоразумны!»

Первое письмо Вальмора Корилле

Мола, 24 мая

«Успокой нашу мать, моя дорогая сестра! Я прошу у нее прощения за беспокойство, которое причиняю ей.

Я сделал двести лье в двадцать часов, пешком, на лошади, в экипаже, по железной дороге, на пароходе, даже на воздушном шаре. Я совершенно истощен, разбит, надломлен, и голова моя еще больше устала, чем тело. Но я доволен, что искал спокойствия в усталости. Я забылся...

Завтра я напишу тебе. Пиши мне сейчас же. до востребования, в Вальдиру».

Второе письмо Вальмора Корилле

Мола, 25 мая

«Ах, как хорошо, что я бежал! Я не узнавал себя больше. Я мог бы натворить бед.

Да, моя сестра, у меня было страшное помышление убить его, убить ее и после покончить с собой. И даже несколько часов спустя, когда я уже был в деревне, я был еще (мне стыдно сказать тебе это) во власти самого ужасного искушения.

Но скажи сама, моя дорогая сестра, видели ли еще когда-нибудь несчастье, равное моему? Я принимаю его, я осыпаю его знаками дружбы, я обращаюсь с ним, как с братом, я доверяю ему свою любовь, и он крадет у меня мое счастье!

Я был почти уже излечен, и он раскрывает все мои раны.

Как только я узнал, что он болен, я бегу к нему, отказавшись от сна и отдыха, и только для того, чтобы слышать, как он неустанно повторяет, что он мой наглый соперник!

И когда я забываю о своих страданиях, чтобы думать только о том, что касается неблагодарной, она сама сообщает мне, что предпочитает мне предателя!

Бесчувственная к десяти годам любви, неверная дружбе детства, нарушившая свои обещания, она отвергает мои предложения под лицемерным предлогом, что дала обет никогда не выходить замуж, и через несколько дней вероломная бросается на шею первому иностранцу, с которым знакомится.

Они любят друг друга, Корилла! Они умерли бы друг за друга. Они будут счастливы и будут торжествовать. Они смогут

смеяться над моим легковерием, над моим доверием, моими пытками!

Нет, нет, я буду несчастен не один! Я возвращаюсь в Икару... Они меня скоро увидят!..

P. S. Я открываю свое письмо. Нет, моя сестра, я не возвращаюсь еще. Я был безумен! К счастью, у меня еще сохранилось достаточно рассудка, чтобы продолжать свой путь».

Ответ Кориллы Вальмору

Икара, 26 мая

«Твое письмо, мой дорогой брат, заставило нас, меня и мать, пролить много слез. Как я жалею тебя, мой бедный Вальмор! Как ты несчастен! Они были бы оба виновны, если бы заслуживали твоих упреков, и я ненавидела бы их, я, питавшая к ним такую дружбу!

Но, друг мой, разве внешность не обманчива зачастую? А если ты ошибся! Если они невиновны! Если Вильям никогда не предавал тебя! Если Динаиза!.. Ты, может быть, больше не увидишь ее, мою бедную Динаизу! Ни Вильяма, который сегодня утром был при смерти!

Евгений все нам рассказал — маме, дедушке и мне. Выслушай меня хорошенько, брат мой!

За три дня до кризиса Вильям еще сам не знал своих чувств к Динаизе; это Евгений разгадал его чувство и сказал ему об этом.

Вильям, думая только о тебе и о горе, которое он мог причинить тебе, принял тотчас же решение покинуть Икарию, ничего не говоря Динаизе, не зная даже ее чувств и не попрощавшись с ней. Он должен был через три дня уехать с Евгением, который хотел проводить его до границы. Но за несколько часов до назначенного времени горячка помешала ему уехать, и ты знаешь остальное.

Так вот, мой дорогой Вальмор, ты, голова которого обыкновенно так превосходно работает и сердце которого так благородно, скажи мне, как можем мы назвать бедного Вильяма вероломным и предателем? Не является ли он, напротив, верным, благородным и преданным другом?

Ты можешь упрекнуть его только в том, что он не мог безнаказанно видеть Динаизу. Но подумай, мой друг, разве это не несчастье, первой жертвой которого он является сам? И разве не все мы являемся причиной, в первую очередь, ты, который все время говорил ему о совершенствах предмета твоей любви, моя мать и я, которые часто расхваливали ему достоинства Динаизы и сделали его свидетелем нашей дружбы к ней? Да, мой дорогой друг, обвиняй твою мать и в особенности твою сестру, ибо именно они (они, которые отдали бы свою жизнь за тебя) познакомили так хорошо Вильяма с Динаизой и подвергли его опасности стать навсегда несчастным.

Что касается несчастной Динаизы, которую мы все так нежно любим,— ты это слишком хорошо знаешь, мой брат,— то ничто не сделало бы нас столь счастливыми, как ее любовь к тебе, и ничто не могло меня так огорчить, как невозможность назвать ее своей сестрой. Я ненавидела бы ее, если бы она была неблагодарной, вероломной, неверной! Но, верь твоей Корилле, я убеждена, что она сама себя не знала, она жертва какого-то рока; я уверена, что она питает к тебе самую искреннюю и самую нежную привязанность. С тех пор как она больна, я не могла расспрашивать ее, но я знаю ее достаточно хорошо, чтобы решиться сказать, что она никогда не выйдет замуж за Вильяма. Бедная девушка, она тоже может обвинять нас, что мы разрушили ее покой и счастье!

Пожалей же ее, мой брат, мой добрый брат! Я только женщина, но я твой друг, и если голос дружбы недостаточно силен в тебе, то посоветуйся с собственным разумом: вспомни твои думы, твое мужество, твое решение победить себя, твои клятвы г-ну Миролю, твою борьбу и твою победу. Твое благоразумие вылечило тебя, и обнаружение факта, который тебя не касается, растравило все твои раны. Тебя вводит в заблуждение твоя ревность. И эта страсть вульгарных душ завладеет Вальмором! Нет, мой брат, нет! Ты обязан всем нам показать пример мужества, справедливости, доброты и добродетели. Ты обязан нам его показать — и ты

его покажешь! Но не забудь, что сестра твоя не будет спать, пока не получит ответа от своего возлюбленного брата.

Корилла».

Третье письмо Вальмора

Вальдира, 29 мая

«Я получил твое письмо от 28-го. Он умирает! Она в опасности! Он хотел уехать из-за меня, не говоря ей, что ее любит. Правда ли это? Ах, Корилла, сестра моя! Беги скорее к Вильяму! Нет, беги к Динаизе! Беги!

Пиши мне, пиши».

Письмо Кориллы Вальмору

Икара, 2 июня

[Это письмо, упоминаемое в следующем письме, содержало копию письма Динаизы, сообщенного выше.]

Четвертое письмо Вальмора

«Радуйся, дорогая Корилла! Ибо ты доставила мне величайшую радость, сообщив мне, что оба они вне опасности. Я получил твое письмо от 2-го числа и копию письма Динаизы.

Как! Вильям хочет непременно уехать, и Динаиза приносит мне в жертву свою любовь! Как я ничтожен в сравнении с ними!

Моя голова слишком пылает, чтобы я мог тебе сейчас же ответить. Мне нужно теперь ходить, бегать на свежем воздухе. Я скоро напишу тебе... Ты будешь довольна».

Пятое письмо Вальмора

Вальдира, 4 июня

«Я отомщу, Корилла! Я отомщу себе!

Я перечитал твои письма и письмо Динаизы. Я их перечитывал раз десять, я осыпал их поцелуями!

Как я слаб и безрассуден, несправедлив и безумен, труслив и жесток. Но я отомщу.

Да, это ревность, смейся, глупая, жестокая ревность, которая меня запутала и совратила. Но я отомщу!

О, добрая сестра моя, как я тебе благодарен, как я горжусь тем, что я твой брат! С каким удовольствием я заключу тебя в свои братские объятия! Обними Вильяма! Прижми Динаизу к твоему сердцу!

Я хочу вернуть им жертвы, которые они принесли мне. Я хочу, я решил это, видеть мое счастье в их счастье.

Пусть они любят друг друга, сохраняя свою дружбу ко мне!

Мне придется, быть может, бороться, делать еще усилия, переносить горе, мне нужно будет еще время, и я не вернусь к вам сейчас же, но я хочу победить или умереть, и я надеюсь победить.

О, если бы я мог вернуть вам всем счастье, чтобы искупить, поскольку возможно, зло, которое я всем невольно причинил! Но в одном я уверен, моя прекрасная и добрая Корилла: что брат твой будет всегда любить тебя очень нежно».

Выздоровление

Через семь дней, 11 июня, за два дня до празднеств, Вальмор вернулся домой. Динаиза вполне оправилась, а я был уже так близок к выздоровлению, что возвращение Вальмора совершенно вернуло мне силы. Он обнял нас всех с такой нежностью и горячностью, что мы начали, после этих страшных двух недель, наслаждаться счастьем, которое мы все считали навсегда потерянным.

Однако Динаиза упорно оставалась при своем обете никогда не выходить замуж, я хотел непременно уехать, и именно Вальмор упрашивал нас обоих отказаться от нашего решения.

Не будучи сначала в состоянии убедить нас, он заявил, что хочет этого, просит нас, требует, приказывает и сумеет нас заставить сделать это, а так как мы много смеялись над его новым безумием, которое сменило прежнее, то он прибавил с торжествующим видом:

— А если я женюсь сам — даже раньше чем через месяц, уверенный в том, что женюсь на женщине, которая сделает меня счастливым, и уверенный в особенности, что сделаю счастливой супругу, которая доверит мне свое счастье?.. Если я женюсь на Алаэ, кузине Динаизы, которая меня всегда очень любила; к ней я всегда питал большую дружбу... [Вообразите наше удивление!]

— Так вот,— продолжал он,— все улажено. Прежде чем вернуться, я провел четыре

дня у дедушки Динаизы. Я ему все рассказал. Алаэ, которая хорошо знает мои чувства, не отвергла моего предложения; обе наши семьи согласны, и через два месяца мы устроим в один день три свадьбы.

И теперь, когда я облегчил свое сердце, прошу вас, молчите!

Корилла подала сигнал, бросившись к нему на шею; мы обняли его с неописуемым восторгом и начали новую эру счастья вместе с празднествами в честь годовщины новой эры счастья Икарии.

Глава тридцать третья

ПРЕЛЮДИЯ К ЮБИЛЕЙНЫМ ПРАЗДНЕСТВАМ. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ШКОЛЬНИКА, РАБОЧЕГО, ГРАЖДАНИНА

Завтра годовщина икарийского возрождения. Празднование открывается тремя актами огромного, общенародного значения.

Так как год начинается 13 июня, в день восстания народа, то к этому дню приурочиваются рождение школьное для всех детей, которым исполнилось пять лет, рождение рабочего — для всех юношей восемнадцати лет и девушек семнадцати и рождение гражданское — для всех мужчин двадцати одного года.

Уже утром в этот день на великолепных афишах был опубликован в каждой коммуне список новых школьников, т. е. всех детей пяти лет.

Равным образом был опубликован список всех новых рабочих, т. е. всех юношей восемнадцати лет и всех девушек семнадцати лет различных профессий, избранных ими на конкурсах, происходивших в последние дни.

Сегодня вечером будет опубликован список всех новых граждан, которые в течение дня будут признаны достигшими гражданского совершеннолетия. Эта последняя церемония настолько интересна, что Вальмор хотел повести нас туда вместе с Евгением, который отныне стал нашим неразлучным спутником.

Принятие в граждане

Мы все трое пришли в коммунальный дворец как раз к началу заседания.

— В кресле сидит,— сказал нам Вальмор,— президент народного собрания коммуны. С правой стороны его сидит президент коммунальной исполнительной комиссии, с левой стороны — священник. А вокруг них разместились главные должностные лица.

Красивые юноши, стоящие за первой оградой,— это все молодые люди коммуны, которым исполнился двадцать один год. Их будут принимать в граждане.

Мужчины всех возрастов, которых вы видите за ними,— это их восприемники, т. е. друзья их семей, которые представляют их обществу (ибо здесь наше настоящее социальное рождение) и будут служить им советниками и друзьями в течение всей их жизни.

Верхние скамьи заняты всеми молодыми людьми коммуны, которым исполнилось уже двадцать лет. Они обязаны присутствовать

при этой церемонии и в течение года прилежно посещать народные собрания, чтобы закончить свое гражданское воспитание. В следующем году они будут объявлены гражданами, и их допустят к пользованию всеми гражданскими правами.

Другие зрители, как и мы,— только простые любопытные, которых живо интересует эта церемония.

Когда музыка умолкла (в Икарии слушаешь восхитительную музыку во всех общественных местах, как в других странах в церквах), президент открыл заседание и дал слово одному из должностных лиц, который произнес небольшую речь о значении этой гражданской церемонии. Затем секретарь начал вызывать молодых граждан и их восприемников.

Президент и члены бюро задали пятнадцати или двадцати юношам, на которых пал жребий, вопросы о конституции и о правах и обязанностях гражданина. Нечего говорить, что все отвечали с уверенностью и достоинством.

Президент прочитал им гражданскую присягу (преданность отечеству, повиновение законам, исполнение всех обязанностей и братство со всеми согражданами) и объяснил им значение этой присяги, которую республика требует от каждого гражданина только один раз, каковы бы ни были функции, какие ему будут доверены впоследствии. Все принесли ее вместе, стоя и протянув обе руки.

Тогда президент от имени республики провозгласил их гражданами, членами суверенного народа, с активным и пассивным избирательным правом. Он распорядился, чтобы имена их были внесены в списки членов народного собрания и национальной гвардии.

Он приказал также, чтобы им было выдано платье полноправного гражданина, и сам передал знаки гражданства их восприемникам, которые при звуках патриотической музыки пристегнули их к груди своих молодых друзей.

Президент закончил эту величественную церемонию кратким словом о любви, которую все икарийцы должны питать к своей республике.

Около миллиона новых граждан родилось таким образом в один и тот же час в шестидесяти коммунах Икары и в тысяче коммун Икарии!

А между тем все уже усердно готовятся к великой годовщине революции, завтрашнее празднество которой должно быть представлением, точно восстанавливающим революцию. Организуются две армии, которые должны изобразить историческую драму. Одна из них будет представлять королевскую гвардию, другая — восставший народ. Роты, маленькие отряды, банды, патрули готовятся и получают пароли. Посты и роли распределены: одни будут изображать Икара и его генералов, другие — Ликсдокса и Клорамиду.

Материалы для баррикад собраны на площади Восстания, расположенной около большого колокола, который ударил в набат утром 13 июня 1782 года и один только сохранился в Икаре. Дощатое здание, изображающее бывший дворец королевы, возвышается на одной из окраин большой площади Победы.

Все готово: и солнце, великолепное при закате, обещает быть великолепным и завтра, чтобы закончить целиком репетицию двух блестящих и славных дней.

Годовщина революции

Первый день: восстание, сражение, победа

Воздух чист. Солнце, еще ярче сияющее, чем вчера, кажется богом, который желает осветить освобождение великого народа.

С пяти часов я слышу набат, затем возгласы и барабанный бой.

Я бегу вместе с Евгением, чтобы зайти за Вальмором и Динаром, как мы сговорились, и вчетвером мы устремляемся на звуки набата.

Едва мы вышли, как встретили многочисленные отряды молодых людей, поющих гимны борьбе и свободе и расклеивающих призывающую к восстанию прокламацию Икара. Они бегут, размахивая маленькими знаменами и взывая: «К оружию, к оружию, граждане!»

Скоро мы замечаем огромное черное знамя, развевающееся на высокой башне, где набат усиливает свой торжественный гул.

Затем мы видим граждан, сбегающихся и толпящихся вокруг прокламаций. Этих прокламаций тысячи, они писаны рукой и все различны, ибо каждый составляет прокламацию на свой лад.

Патрули королевской гвардии берут в штыки или стреляют и разгоняют сборища.

Отряды граждан несут трупы, с возгласами: «Месть! К оружию!»

Но войсковые части сопротивляются. Выстрелами отвечают на выстрелы, всюду строят баррикады из веревок, цепей, жердей и повозок; стреляют с обеих сторон.

Мы принуждены отступить, чтобы пройти по другим улицам.

Затем следует пальба взводами и батальонами, потом пушечная, и мы слышим во всех направлениях ружейные и пушечные выстрелы, смешавшиеся с набатом, барабанным боем, криками: «К оружию! На площадь Восстания!»

Все эти новые для меня картины меня сильно волновали и в то же время нравились мне, а Евгений был так возбужден, что казался безумным.

— Бежим, бежим!— повторял он все время.— Мне все кажется, что это 27 июля!

Продолжая свой путь, мы встречаем группы бегущих повстанцев или солдат.

Мы встречаем также группы пленников: то граждан, уводимых гвардейцами, то обезоруженных королевских гвардейцев, уводимых вооруженными гражданами.

Несколько раз нас задерживают то повстанцы, которые хотят нас увлечь с собой, то солдаты, которые захватывают нас в плен. Но нам удается уйти.

Вместе с толпою мы приходим к площади Восстания. Мы устраиваемся на уступах, окружающих арену и усеянных любопытными, ибо треть населения состоит из зрителей, а другая треть выступает в качестве актеров в этой величественной драме.

Много инсургентов находится уже на арене, где видны мундиры буржуазной гвардии и ораторы, обращающиеся с речами к окружающим.

Все время прибывают граждане, женщины, дети в одежде рабочего или буржуа, которые тащат всякого рода оружие и инструменты.

Икар верхом находится в самой гуще повстанцев; он их организует и призывает всех к бою.

Динар обращает мое внимание на одного из адъютантов Икара, лучше одетого, чем он. Он находится рядом с Икаром и, кажется, уже ранен. Я узнаю деда Вальмора.

И все время набат, барабаны, трубы, ружейные и пушечные выстрелы.

Вскоре пушечная и ружейная пальба становится слышнее. Восставшие, схватившиеся с королевской гвардией, но обращенные в

бегство, сбегаются со всех сторон. Воздвигаются баррикады, чтобы остановить солдат.

Первая баррикада подвергается стремительной атаке, ее упорно защищают, но она взята, вторая также, третья становится на наших глазах местом героического боя. Пушки грохочут. Мальчик воздвигает на баррикаде знамя, долго выдерживает огонь и падает, пронзенный пулями.

Солдаты испускают победные крики и хотят подняться на баррикаду, но бой набата усиливается по мере нарастания опасности. Гром труб и барабанов воодушевляет сражающихся. Икар бросается вперед, увлекая за собой сосредоточенные на площади отряды. Все бросаются вперед с пением «Гимна борьбы», и натиск гвардии отражен. Огонь становится ужасным перед первой баррикадой, занятой солдатами, но она взята обратно. Крики, трубы, затихающая пальба возвещают, что победившие повстанцы преследуют королевскую гвардию со стороны площади Победы.

Но грохот затихает. Слышны только отдельные выстрелы. Площадь Восстания очищается, и с наступлением жары все возвращаются домой.

После трех часов мы опять идем все вместе — Динаиза, Корилла и обе семьи,— чтобы направиться к площади Победы.

Все население также направляется туда — одни как актеры, другие как зрители, все в

полном порядке, так как путь и место каждого квартала указаны в программе, и каждый знает, что будет иметь хорошее место, откуда он сможет все видеть.

Ни жандармов, ни шпионов — только комиссары торжества, выбранные в каждом квартале, всеми уважаемые и сами относящиеся ко всем с уважением.

Большая площадь неизмеримо велика, гораздо больше, чем Марсово поле[43] в Париже. Почва совершенно ровная, покрытая цементом, который поливают, так что нет ни грязи, ни пыли.

Кругом, на высоте десяти футов, устроены чистые и удобные террасы, возвышающиеся кругом в виде амфитеатра. На них может разместиться свыше миллиона зрителей, укрывающихся под легким навесом, поддерживаемым небольшими колоннами.

Население каждого из шестидесяти кварталов Икары, провинциалы, колонисты, иностранцы, их послы, различные должностные лица имеют свои отдельные места и свои знамена различных цветов.

Тысячи знамен, развевающихся на тысячах палаток, множество зрителей и разнообразие костюмов представляют величественное зрелище.

Но на площади другое великолепное зрелище: она наполнена королевскими войсками в красных, зеленых, желтых, черных мундирах, пехотой, кавалерией, артиллерией; дворец королевы, расположенный у одного из

выходов, переполнен и окружен пушками и солдатами.

Скоро опять гремит набат, ружейная и пушечная пальба разгорается и приближается, и от пятисот до шестисот тысяч зрителей заполняют скамьи амфитеатра, когда, около четырех часов, бой снова разгорается на наших глазах.

Мы видим, как королевская армия маневрирует, чтобы начать сражение. Клорамида, Ликсдокс и двор в великолепных нарядах, гарцующие на превосходных лошадях, производят смотр армии и употребляют все усилия, чтобы добиться нескольких приветствий.

Пушечная и ружейная пальба, все более приближаясь, возвещает, что королевская гвардия отступает.

Набат, трубы и барабаны, призывающие к наступлению, усиливающаяся ружейная стрельба со стороны инсургентов и их крики указывают, что они приближаются.

Вот показался королевский авангард, бегущий в беспорядке. Все смешалось: солдаты, лошади, пушки.

Несколько пушек защищают вход и непрерывно стреляют. Но дети, прокравшись через колонны портиков или добравшись ползком через поле, захватывают батарею, которую граждане тотчас же направляют против армии, в то время как некоторые народные кавалеристы захватывают другую, соседнюю батарею, на которую лошади их бросились с быстротою молнии.

Солдаты тоже складывают баррикаду. Но инсургенты сбегаются массами, одни в рабочих и буржуазных платьях и с оружием всякого рода, другие полуодетые. Начинается атака баррикады. Ожесточенная ружейная пальба поддерживается пушкой, захваченной инсургентами. Молодая девушка взбирается на баррикаду и первая появляется на ее вершине, размахивая знаменем, а рядом с ней молодой человек в военном мундире.

Бесчисленные крики приветствуют их появление, и баррикада взята.

Резервная масса королевской армии приходит тогда в движение и бросается на нападающих. Обе армии находятся теперь друг против друга: одна, состоящая из масс, другая — из небольших отрядов, среди которых можно видеть Икара, на лошади, окруженного адъютантами, и среди последних деда Вальмора.

Ружейная и пушечная стрельба возобновляется с обеих сторон, но несколько полков пехоты и кавалерии опускают свои ружья и сабли, склоняют свои знамена и переходят на сторону граждан с возгласами: «Да здравствует народ!» Зрители аплодируют и кричат «браво!», а инсургенты отвечают возгласом: «Долой тиранию! Да здравствует армия!»

Испуганная этой потерей и криками, королевская гвардия, и в особенности иностранная, возвращается во дворец или бежит, скрываясь за ним.

Икар, продвигающийся вперед во главе своих, падает с лошади, повидимому, раненный пулей, но он скоро снова появляется, и его ранение еще больше воспламеняет народный пыл.

Тогда начинаются атака на дворец, штурм и приступ, причем осаждающие проявляют чудеса военной изворотливости и техники.

Наконец, после ужасающего ружейного и пушечного обстрела дворец взят.

Звуки ста труб, которые рассекают воздух с высоты дворцовой террасы, возвещают, что трон королевы уничтожен.

Видны только красные мундиры или придворные костюмы, выбрасываемые из окон победителями, и королевское знамя падает при аплодисментах зрителей.

Вскоре за тем королеву, арестованную собственными телохранителями, приводят под шум радостных возгласов. Гнусного Ликсдокса, которого только что видели в расшитом золотом одеянии и теперь нашли спрятавшимся в угольном сарае, приводят одетым в платье кухарки, под гул грозных криков и проклятий.

Тем временем во дворце вспыхивает пожар. Клубы дыма и пламени вырываются через окна во всех направлениях, запасы пороха взрываются, колонны трещат и рушатся с треском,— и все это в сиянии ослепляющего света.

Внезапно тысячи труб оглашают воздух, затем сотни барабанов и не знаю уже сколь-

ко оркестров, составленных из тысяч инструментов, и к девяти часам королевская власть погребена под пеплом дворца, при звуках песен победы, которые поются хором, составленным из пятидесяти тысяч победителей-инсургентов, и повторяются восемьюстами тысячами свидетелей их боя и торжества.

И все население, сопровождаемое многочисленными отрядами барабанщиков, трубачей и музыкантов, направляющихся во все кварталы, возвращается, распевая гимны свободе и отечеству.

Я не рискну описать взрывы энтузиазма и восхищения, которые вызвал этот первый день.

Второй день: погребение, почести мученикам старого режима, героям и последним жертвам

С утра большой колокол, пушечные выстрелы, раздающиеся с большими промежутками во всех кварталах города, похоронный барабанный бой, раздающийся по всем улицам в одно и то же время, возвещают большую похоронную церемонию.

Все граждане, женщины и дети надевают свои траурные платья; национальное знамя всюду покрыто черным крепом.

Всюду читают или произносят хвалебные речи в честь мучеников старого режима и последних жертв, и все граждане приглашаются составлять надгробные речи.

После пяти часов шестьдесят похоронных процессий, каждая из четырех или пяти ты-

сяч лиц, выходят из шестидесяти кварталов Икары, в то время как семьсот или восемьсот тысяч зрителей покрывают террасы большой арены.

В каждой процессии можно видеть барабанщиков, несколько оркестров музыки, группу молодых девушек, несущих корзины с цветами, группу юношей, несущих венки и гирлянды, три группы, представляющие раненых граждан, бойцов, несущих свое оружие, и тех, кто отличился каким-нибудь актом героизма, а также белых коней, покрытых черными попонами, колесницы, везущие раненых, другие колесницы с гробами, третьи — везущие жен и детей убитых, а также можно видеть коммунальных должностных лиц и батальоны национальной гвардии, пешие и конные.

Посреди площади — огромный костер, окруженный сотней алтарей, на которых возжены курения. Над костром под венками иммортелей вспыхивают имена известных борцов, павших жертвой в закончившихся боях. Кругом, но несколько ниже, появляются имена героев, а затем имена ста мучеников старого режима. Эти три категории отличаются одна от другой различными цветами.

В шесть часов колокол и пушки возвещают прибытие первой процессии.

Она входит на арену — кони и колесницы впереди — и останавливается около костра. Пока туда переносят гробы, раздается барабанный бой, музыка играет похоронный

марш, молодые девушки бросают цветы, юноши кладут венки, а национальная гвардия опускает свое оружие и знамена. Затем процессия возобновляет свое шествие, возвращается обратно, проходя бок-о-бок с той, которая следует непосредственно за нею, останавливается у входа, через который она вошла, фронтом к костру,— молодые девушки во главе, потом юноши, барабанщики, музыканты, национальная гвардия, кони, наконец, колесницы, прислоненные к уступам амфитеатра.

Раненые, стоящие на ногах, герои и бойцы садятся на первых уступах, а должностные лица — на свои места.

Шестьдесят процессий дефилируют таким образом одна за другой без перерыва, как одна огромная процессия.

Затем появляется раненый Икар верхом, вслед за ним Национальное представительство в парадных черных костюмах, и все они располагаются вокруг гробов.

До сих пор движение процессий и их различная расстановка представляли такое же оживленное, как и величественное, зрелище.

Теперь, к восьми часам, когда все процессии заняли свои места, площадь являет собою великолепную картину. Мы видим: в центре — костер; вокруг — сто алтарей; вверху — сотни венков и надписей, свисающих среди возносящихся курений; вокруг алтарей — широкий круг Национального предста-

вительства; затем в одном плане — шестьдесят радиусов, образуемых шестьюдесятью процессиями, и в другом — множество различных кругов: сперва широкий круг молодых девушек в белом, затем широкий круг юношей в черном, круг барабанщиков и музыкантов, два круга национальных гвардейцев, пехотинцев и кавалеристов в мундирах, два круга белых и черных лошадей, круг свободных колесниц, круг колесниц, занятых вдовами и сиротами, а над ними уступы, заполненные ранеными, героями и бойцами; затем двенадцать смешанных кругов и еще выше — вершина из тысячи палаток, украшенных тысячами знамен! И каждый видит все, будучи видим всеми! Каждый в одно и то же время зритель и действующее лицо.

Тогда начинаются похоронные почести. По данному сигналу раздаются последовательно похоронный звон большого колокола, торжественный бой всех барабанов и звуки шестидесяти оркестров. Фимиам воскуривается снова и более обильно, Икар и Национальное представительство бросают венки мученикам, героям, жертвам, затем они восходят на свои места на террасах, в то время как все другие круги приближаются к костру.

Какая волшебная гармония напевов! Круг молодых девушек поет, бросая цветы в костер, первый куплет гимна во славу жертв, героев и мучеников, а юноши вместе с ними поют припев; круг юношей поет, бросая венки, второй куплет, а девушки вместе с

ними поют припев; национальная гвардия поет, опуская оружие и знамена, третий куплет, а юноши и девушки вместе с ними повторяют припев; и все вместе поют четвертый куплет, и шестьсот тысяч зрителей повторяют с ними припев.

Затем при звуках ста труб появляется, на высоте пятидесяти футов над костром, ослепительный свет и следующие слова огненными буквами: «Отечество берет на себя заботу об их детях и женах».

В это самое время появляется шестьдесят ярких звезд на шестидесяти группах колесниц, на которых сидят вдовы и сироты. Затем, при новом раскате ста труб, Национальное представительство, приезжие из провинций, колонисты, народ и должностные лица поднимаются все вместе, чтобы утвердить обязательство, взятое на себя отечеством.

Тогда исчезает первая надпись, и появляется на ее месте другая: «Слава героям!» И шестьдесят звезд загораются над их головами; и все зрители вновь встают при звуках пения и музыки.

Затем следуют другие звезды и новые приветствия с надписями: «Честь раненым! Честь борцам!»

Затем, при звуках колокола, пушек, барабанов, музыки и пения, костер воспламеняется и становится центром огромного и великолепного пожара, пламя которого, то красное, то фиолетовое, освещает небо и арену.

За этим ослепительным светом следуют клубы черного дыма и глубокая темнота, среди которой внезапно опять появляются имена жертв, героев и мучеников, освещенные венками из искрящихся звезд, а над ними следующая надпись огромными огненными буквами: «Бессмертная слава нашим революционным мученикам!»

Все гаснет. Однако не все еще кончено. Еще выше, на высоте в пятьсот или шестьсот футов, появляется сто больших световых венков, поддерживаемых ста огромными воздушными шарами, и один колоссальный венок, образуемый светящимся шнуром, который соединяет эти сто шаров, расположенных кругом.

И население возвращается под свои своды, теперь темные, лишенные света, при звуках шестидесяти оркестров, которые обходят шестьдесят кварталов города.

И опять-таки не берусь описывать чувства населения, восторженного, экзальтированного, увлеченного энтузиазмом и благодарностью тем, кто пожертвовал собой для республики.

Третий день: диктатура Икара, торжество

Пушечная пальба и большой колокол, теперь сопровождаемые гармоничным перезвоном, возвещают праздник торжества, и в течение всего утра можно видеть только группы музыкантов, следующих по улицам, — одни — пешком, другие на лошадях или в

экипажах; слышны лишь воинственные фанфары, победные мотивы и песни торжества.

В четыре часа почти все население Икары, ее шестидесяти кварталов, или коммун, сто тысяч приезжих из провинций, десять тысяч колонистов (из которых восемь тысяч черных или медно-красных) и двадцать пять тысяч иностранцев собираются на огромной площади Победы.

Все образуют многочисленные группы, отличающиеся своими костюмами, цветами и знаменами. Вот две тысячи депутатов, составляющих Национальное представительство, сто тысяч приезжих из провинций, десять тысяч колонистов, семьсот двадцать депутатов, делегированных провинциальным представительством Икары, коммунальные должностные лица ее шестидесяти кварталов, двадцать пять тысяч иностранцев и их посланники, которым отведено почетное место между Национальным представительством и народом.

На скамьях, занятых народом, видны на первом плане группы детей, молодых девушек и юношей, которые скоро спустятся на арену и там будут танцовать и петь.

Вскоре прибывают триста тысяч национальных гвардейцев, пехотинцев и кавалеристов, составляющих национальную гвардию шестидесяти кварталов, или коммун, Икары, со своими оркестрами, которые помещаются на уступах, оставляя между собою одинаковые промежутки, тогда как шестьдесят бригад

национальной гвардии располагаются в центре, против зрителей.

Все должностные лица одеты в блестящие костюмы, все граждане надели свое праздничное платье. Все украшения из перьев, цветов, блестящих материй и камней сегодня вынуты, чтобы придать блеск красоте: всюду гирлянды из зелени и цветов, развернутые и развевающиеся знамена.

И посредине сто алтарей, на которых воскуривают фимиам у ног женщины высокого роста, представляющей Икарию, сидящую на возвышенном троне. Парадные мундиры, роскошные шлемы, кони, блестящее оружие, сверкающие каски и знамена,— нет, трудно найти что-нибудь более великолепное!

И я сижу между Динаизой и Кориллой, нарядными и прекрасными, как божества. И душа моя, опьяненная счастьем и надеждами, открыта для наслаждений и восторгов.

Колокол, пушки, шестьдесят оркестров возвещают начало празднества диктатуры.

И тотчас же на арену выходит отряд бойцов, состоящих из мужчин, женщин и подростков, одни пешком, другие на конях, вооруженные различным образом; одни в одежде разного вида, другие с обнаженными руками, с возгласами: «Диктатор Икар! Диктатор Икар!» Они обращаются со своими бурными криками к человеку на лошади, который находится среди них и изображает раненого Икара. Корилла, с глазами, сияющими радостью, указывает нам своего деда.

Икар и его свита объезжают арену между зрителями и круговым фронтом национальной гвардии, и, по мере того, как они подвигаются вперед, под шум барабанов и звуки музыки, национальная гвардия опускает свои знамена и отдает честь, восклицая: «Икар — диктатор!»

Потом они второй раз объезжают арену, поворачиваясь к трибунам, и все зрители встают, испуская тот же возглас, смешивающийся с шумом барабанов и музыки.

Затем Икар поднимается к Икарии, которая возлагает ему на голову лавровый венок, а в это время все барабаны бьют, все оркестры играют, вся национальная гвардия отдает честь, все знамена склоняются перед ним, все зрители встают, размахивая шляпами или шарфами, и вся арена повторяет возглас: «Икар — диктатор!»

Вслед за этим начинается церемония триумфа.

Отряд победивших инсургентов, сопровождавший Икара при его прибытии, возвращается через противоположный вход и проходит под триумфальной аркой, скрытой до этого времени под полотном.

Отряд несет в виде трофеев или влачит по земле эмблемы королевства, обломки трона, придворные костюмы, гербы дворянства и обходит кругом арену под гром и трезвон колокола, пушек, барабанов, труб, музыки и победных песен, под дождем венков, лавров и цветов, бросаемых народом с трибун.

Отряд ведет за собой королеву, которую сопровождают арестовавшие ее телохранители; ее министров — одних в расшитых костюмах и других — переодетых в лакеев и нищих, сеньоров в роскошных одеяниях, изорванных в клочья, и, наконец, Ликсдокса в платье кухарки, запертого в клетке, на подводе, с которой он хорошо виден.

Королеву встречают молча, но министров ее, придворных и в особенности Ликсдокса забрасывают насмешками и проклятиями.

Наконец, являются победители на конях или колесницах, затем на триумфальной колеснице — Икар, с обнаженной головой, у ног Икарии, одетой в великолепную мантию и с блестящим венком.

Триумфальная церемония кончается, Икария и Икар возвращаются на свои места в центре, она — на трон, он — на первую ступень, чтобы присутствовать при играх и упражнениях, которые тотчас же начинаются.

Шестьдесят мачт как бы вырастают из-под земли, и в продолжение четверти часа раздается веселый смех при виде молодых людей, которые сменяют друг друга, пытаясь взобраться на вершину мачты, и скользят вниз, пока одному из них не удается добраться до вершины.

Мачты исчезают, а смех удваивается при виде мальчиков, которые бегают, закутанные в мешки, большинство из них падает раньше, чем добирается до цели.

И другие игры быстро сменяют друг друга и вызывают всеобщее веселье.

Следует бег юношей и молодых девушек, коней и колесниц, при звуках труб, а затем упражнения в верховой езде.

Затем происходит смотр национальной гвардии, организованной Икаром через несколько дней после революции. Верхом на превосходном коне, сопровождаемый дедом Вальмора и некоторыми генералами, гарцующими на горячих конях, Икар быстро проезжает перед фронтом между дедом Вальмора и зрителями.

Начинаются военные упражнения, национальная гвардия выполняет тысячи различных пехотных и кавалерийских упражнений.

Затем Национальное представительство, организованное и созванное Икаром после революции, покидает свои скамьи и дефилирует пред Икаром и Икарией, разбившись на сто отрядов по двадцать человек и неся сто знамен провинций и тысячу коммунальных.

Разместившись вокруг ста алтарей, окруженное национальной гвардией, оно приносит присягу республиканской и коммунитарной конституции, представленной Икарией и Икаром. Эта присяга повторяется национальной гвардией и зрителями, которые все встают, обнажив головы и подняв руки.

Вот двадцать тысяч детей, от шести до десяти лет, спускаются с трибун на арену, проходят между бригадами национальной гвардии и образуют первый центральный круг.

Тридцать тысяч молодых девушек и тридцать тысяч юношей, от десяти лет до двадцати одного года, опускаются, в свою очередь, и образуют два других круга: одни несут цветы и венки, другие — шарфы и гирлянды, ветви и знамена.

Затем начинается балет, танцы, хороводы из восьмидесяти тысяч танцоров, которые проделывают различные фигуры, бросая цветы и венки по направлению к Икару и Икарии и размахивая своими ветками и шарфами, гирляндами и знаменами.

Вот пение: двадцать тысяч детей, за ними тридцать тысяч молодых девушек, после них тридцать тысяч юношей, затем свыше одного миллиона голосов поют гимн благодарности общности.

А потом концерт: колокол и его трезвон, пушки на всех площадях города, пятьсот или шестьсот барабанов, пятьсот или шестьсот труб, шестьдесят оркестров, разбросанных на трибунах, все эти оркестры вместе, и около десяти тысяч инструментов, собравшись в центре арены, оглашают воздух то различными победными и торжествующими гимнами, то самой чарующей музыкой.

А тем временем надвигается ночь. Но уже приготовлен колоссальный фейерверк на срубах, разбросанных всюду и замаскированных гирляндами, листвой и знаменами. И вскоре небо загорается тысячами огней, которые взлетают со всех сторон, перекрещиваясь во всех направлениях, в бесконечном разнообра-

зии форм и цветов, и кончаются гигантским и великолепнейшим букетом.

Но празднество все еще не окончено, и, покидая арену, сопровождаемый шестьюдесятью оркестрами, народ находит свои балконы украшенными гирляндами и знаменами, а обычное освещение заменено иллюминацией (все при помощи газа). На улицах, как и на фасадах памятников или в листве деревьев общественных мест гулянья, горят тысячи огней различного цвета, формы и множество всевозможных надписей.

Но это еще не все: придя к Вальмору, мы все поднимается на террасу, где ужин был приготовлен еще до ухода, и там, за ужином, мы наслаждаемся зрелищем, совершенно новым в своем великолепии.

Мы видим, что все террасы иллюминованы и заполнены семьями, которые ужинают, смеются и поют; все балюстрады тоже иллюминованы и, кроме того, верхние части всех памятников иллюминованы и озарены светом.

Затем, в заключение празднества, широкий свод небес, затемненный уже ночью, вдруг зажигается тысячами огней всех цветов, пущенными во всех направлениях ста шарами, рассеянными в пятистах или шестистах футах над городом и изливающими на него густой дождь звезд и огней.

Конечно, после этого нельзя себе представить зрелища, которое можно было бы созерцать с удовольствием.

Глава тридцать четвертая

ПРАЗДНЕСТВА, ИГРЫ, РАЗВЛЕЧЕНИЯ, РОСКОШЬ

Придя к госпоже Динаме, где мы должны были провести вечер, мы с Евгением нашли обе семьи на свежем воздухе, в саду, среди зелени, цветов и их благоуханий. Динаиза, в платье садовницы, сажала цветы, тогда как дети поливали их, а Корилла руководила поливкой.

Так как Корилла сделала мне знак, я подошел к ней.

— Посмотрите,— сказала она мне тихо,— что за кокетка!.. Она надела свое рабочее платье, желая вам показать, что она в нем еще более красива, чем в праздничном наряде и чем я в вечернем туалете.

— О негодная! — ответила Динаиза.

— О плутовка! — возразила Корилла.

— О, льстец! — сказали они обе, когда я сказал им, уходя, что они обе очаровательны.

— Ну, господа,— сказал нам дед Вальмора,— как вы чувствуете себя сегодня? Я не спрашиваю моего друга Евгения, хорошо ли

он спал, но я уверен, что он всю ночь стрелял из ружья. А вас, милорд, все еще лихорадит? Ведь вы вчера и в течение двух предшествовавших дней так же безумствовали (я хочу сказать: были таким же энтузиастом,— поправился он, смеясь), как наш милый Евгений. Как вы загорелись при виде нашего празднества!

— А как можно,— сказал Вальмор,— не загореться, когда находишься под огнем, между двумя огнями, окруженный огнями!

— Хорошо, мой сын,— сказал старец, смеясь.— Счастлив ты, что Динаиза и Корилла не слышат тебя! Думаете ли вы, милорд, что наши икарийские празднества менее прекрасны, чем ваши английские празднества?

— О, да,— воскликнул Евгений,— они прекрасны, английские празднества! Для аристократии — приемы при дворе, куда являются в прекрасных туалетах и прекрасных экипажах, в которых имеешь несравненное удовольствие ждать очереди в течение целых часов, чтобы иметь честь и счастье сделать низкий реверанс королю, королеве, мальчишке в колыбели, если таковой имеется; фестивали, на которых имеешь преимущество схватить насморк в церкви, слушать от четырехсот до пятисот музыкантов; скачки лошадей, где многие разоряются на пари; военные смотры, где стреляют из ружей и пушек; большие обеды в золоченых залах или большие завтраки в парках!.. А для народа ничего, абсолютно ничего, кроме жалкой процессии в дни

праздников святых патронов корпораций, несколько иллюминаций без вкуса и без разнообразия в день рождения короля, и для малого числа тех, кто может потерять трудовой день, зрелища экипажей, лакеев и роскоши аристократии!

— А вы, Евгений,— сказал ему старец,— думаете ли вы, что наши празднества менее прекрасны, чем ваши французские празднества?

— О, да, они прекрасны, французские празднества,— ответил я, предупреждая Евгения.— Поклонение королю Карлу X, как Наполеону, триумфальные арки для малолетнего принца или труса, равно как и для героя; балы и обеды для аристократии, а для массы — смотры, которых она не видит, жалкие фейерверки, которые с трудом можно видеть только отчасти, поднимаясь на кончики пальцев и протискиваясь в толпе с риском быть задушенным, или задавленным, или обокраденным. А я забыл жандармов, которых можно всюду встретить и которые оскорбляют и арестовывают зрителей. Я забыл также вареную колбасу и вино, раздаваемые черни, чтобы доставить себе удовольствие смотреть, как она дерется и пьянствует. Я забыл еще годовщину славных июльских дней...[44] Да, она прекрасна, эта годовщина Июля!..

— Ах,— воскликнул Евгений печальным голосом,— не говорите больше о годовщине Июля! У нас ее больше нет! Мы даже никогда

не имели ее, ибо только здесь я видел празднество годовщины народной революции!

Вот что действительно можно назвать празднеством годовщины! Вот правительство, рожденное на революционных баррикадах, которое не изменило тому, чему оно обязано своим происхождением, не старается уничтожить рассказы о героизме восставших граждан, не уничтожает следов пуль, выпущенных против тирании свободой; не отвергает, как катастрофу, славу законов революции; не изгоняет победителей тотчас же после того, как провозгласило их героями; не боится ни прокламаций повстанцев, ни призывов к оружию, ни сборищ, ни воспоминания о военных поражениях, ни восстания гвардейцев против тирана и не заменяет королевскими и династическими празднествами годовщину великого дела народа, проливавшего свою кровь, чтобы завоевать освобождение и счастье.

— Мой дорогой друг,— сказал старец,— позвольте мне сказать вам прямо, ваши жалобы кажутся мне мало резонными. Как хотите вы, чтобы королевская власть и аристократия могли любить воспоминание о народном восстании и революции? И как могло бы празднество быть прекрасным без добровольного сотрудничества народа? У нас здесь празднование годовщины организует республика. Это предписывает народ. Именно для него они даются, и он празднует их со всем своим энтузиазмом и силой. Это наш карна-

вал, наш любительский театр, одна из наших великих пьес, исполняемых в великой семье!

— Увы! — ответил Евгений.— Мы надеялись...

— Вы надеялись, бедный Евгений! Так надейтесь еще, ибо мы тоже надеялись, пока продолжительность и бесполезность наших надежд не довели, наконец, до отчаяния весь наш народ.

— Но, понимаете ли вы, милорд,— продолжал старец, обращаясь ко мне,— что все граждане хотят и могут быть актерами в наших политических драмах, а наши празднества так великолепны?

— Несомненно. Я понимаю это очень хорошо.

— Нет, нет,— вскричали, смеясь, Динаиза и Корилла, которые вернулись к нам,— он не понимает, он не понимает!

— В самом деле, милостивые государыни, не понимаю? Посмотрим. Мне никто не говорил, что все, касающееся празднества, например празднество годовщины, регулируется законом; закон же этот составляется на основе проекта, представленного комитетом общественных празднеств, а этот комитет мог собрать опыт всех празднеств древних и новых народов; закон подлежал одобрению народа, и сам народ регулировал и установил празднества, и, следовательно, нет ничего удивительного в том, что народ выполняет им же добровольно установленный порядок.

Мне этого не говорили, но я это хорошо знаю!

— Браво, браво! — закричала вся компания.

— Мне не говорили также, что, так как, согласно закону, в празднествах должно принять участие столько-то певцов, столько-то танцоров и столько-то музыкантов, воспитание организовано таким образом, что все дети, от пяти до двадцати одного года, умеют петь, танцовать и играть на каком-либо инструменте. Мне этого не говорили, но я в этом убежден!

Аплодисменты удвоились.

— Я также прекрасно понимаю, что народ хочет и может присутствовать на своих празднествах, не страдая ни от пыли, ни от грязи, без жандармов и шпионов, защищенный от непогоды, может удобно сидеть, так, чтобы все могли видеть и слышать одинаково хорошо.

Я понимаю также прекрасно, что все празднества организуются как драматические пьесы, все они преследуют моральную и политическую цель, и цель эта — не личное удовольствие и лесть королю, а интерес, слава и счастье народа.

И я больше всего восхищаюсь великолепием ваших празднеств, я не меньше удивляюсь порядку, предусмотрительности, мудрости,— не знаю уже, что больше сказать о вашей республике.

— Как далеко вы успели продвинуться,— сказала Корилла,— по пути энтузиазма и республиканского чувства.

— Это правда,— сказал Вальмор,— демократизм Евгения скоро побледнеет в сравнении с демократизмом милорда. Какое чудо! Мы можем похвалиться,— мой дед, Динар, Евгений и я,— что нам удалось произвести чудесную метаморфозу.

— И вы забываете,— сказал Евгений,— четырех других лиц, которые для этого чудесного превращения поработали гораздо больше, чем мы четверо: республика, общность и... и...

— Два других? — закричал Вальмор.

— Вы их не знаете? — спросил Евгений.

— Назовите их, назовите их!

— Вы их не знаете?

— Это Динаиза и я!— воскликнула Корилла.

— Нет... Да...

И бедный Евгений, совсем побежденный в своем последнем убежище Кориллой и Динаизой, утверждал, что труднее сопротивляться коварству двух молодых девушек, чем отбить атаку двух сильных чемпионов.

— Вы смеетесь,— сказал дедушка,— но знаете ли вы, мои дети, что эти две маленькие девушки могли бы вас в действительности хорошо обучить, и никто из вас, быть может, не написал бы прокламацию, призывающую к восстанию, столь электризующую, как это сделала Корилла, ни такие пылающие

патриотическим энтузиазмом стихи, как Динаиза.

Мы прочитали их произведения и прекрасную прокламацию Динара, и мы так сильно смеялись, критикуя ее и приветствуя первые два произведения других, что наши соседи с правой стороны, сидевшие в своем саду, стали смеяться вместе с нами.

Вальмор объяснил нам, что все икарийцы приглашаются писать подобные вещи для всех трех празднеств и их выпущено огромное количество; многие были весьма замечательны, а десять лучших каждого жанра будут премированы, напечатаны и распределены через некоторое время, согласно докладу комиссии, которая должна их рассмотреть.

Разговор коснулся других празднеств и больших публичных зрелищ, которые всегда устраиваются на одной из обеих арен. Вальмор рассказал нам, что там можно видеть иногда всех работниц и рабочих, сгруппированных по профессиям, с различными знаменами для каждой из них, или всех лошадей, или все средства транспорта, или всех собак. Он рассказал, что иногда арену заполняют водой на десять футов, и тогда там можно видеть множество кораблей, пароходов, лодок и пловцов, которые своим числом, своими упражнениями, разнообразием своих форм, цветов и знамен представляют одно из самых великолепных зрелищ, как катанье на коньках зимой является одним из самых приятных и веселых развлечений.

— Вы видите,— сказал Динар,— насколько республика превосходит монархию в организации прекрасных и благородных празднеств, точно так же как она превосходит ее и своим общественным и политическим строем.

Она превосходит ее равным образом и в организации игр и развлечений, общественных или частных, ибо нет ничего в древнем и современном мире, чего мы не изучили бы тщательно, чего мы не знали бы и чего мы не использовали, чтобы заимствовать хорошее и отвергнуть плохое.

С другой стороны, мы любим развлечения и находим, что мудрость обязывает нас развивать все физические способности, данные нам благодетельной природой, и пользоваться всеми сокровищами, которые она рассыпала вокруг нас и для нас, если только разум, бесценный дар ее доброты, присутствует во всех наших наслаждениях.

Поэтому вы находите у нас, как и в других местах, все виды театров, все игры, все развлечения, которые не имеют в себе ничего вредного, и сама республика предоставляет с этой целью гражданам необходимые помещения и предметы.

Республика не запрещает даже роскоши или излишка, ибо нельзя назвать излишним наслаждение, которое не имеет никаких неудобств. Но мы мудро установили три основных правила: первое — все наши наслаждения должны быть дозволены законом или

народом; второе — о приятном следует заботиться лишь тогда, когда есть все необходимое и полезное; третье — допускаются только такие развлечения, которыми может пользоваться одинаково всякий икариец.

Таким образом, мы построили наши мастерские раньше наших памятников, мы обставили наши спальни раньше, чем позолотили наши салоны; мы производили шерстяные материи раньше шелковых и бархатных. Всего только двадцать лет, как мы имеем верховых лошадей для прогулок, и всего пять лет, как мы завели их для детей. Через десять лет каждая семья будет иметь на своей террасе бильярд, который будет в то же время служить обеденным столом, тогда как в настоящее время мы имеем одну бильярдную залу на тридцать две семьи. Скоро наши галлереи будут превращены в сады или, по меньшей мере, будут украшены зеленью, растениями, цветами и гирляндами, которые сделают их еще более красивыми.

Подобно царю персидскому, обещавшему награду тому, кто изобретет новое развлечение, мы приглашаем всех граждан усовершенствовать или разнообразить наши удовольствия, но, в то время как деспотизм требовал новых наслаждений только для деспота, республика требует их только для народа, и в то время как аристократия, например английская, захватывает все для себя, запрещает все развлечения по воскресеньям, делает их доступными только праздным и богатым в

течение будней и не предоставляет английскому народу никакого другого развлечения, кроме возможности напиться допьяна в кабаках, чтобы забыть свою ужасную нищету,— икарийский народ, лелеемый республикой, как ребенок своей матерью, пользуется ежедневно всеми развлечениями, более счастливый, чем все народы земли и все аристократы всего мира.

— Ах! Да, счастливая Икария! — сказал со вздохом Евгений.

И вздох его вызвал всеобщий смех...

И пылкий патриот, почти рассерженный нашим весельем, разразился против нас самой убийственной патриотической тирадой, и только добрый старый дедушка один поддержал его и аплодировал ему.

Глава тридцать пятая

КОЛОНИИ

Я видел на празднестве свыше десяти тысяч колонистов: почти все они были черные, смуглые и медно-красные. Я слышал много подробностей о нравах и обычаях нескольких диких народностей, живущих по соседству с Икарией, а также о поразительной быстроте, с которой растут икарийские колонии, и я просил Динара объяснить нам детально их систему колонизации.

— В течение долгого времени,— сказал он нам,— мы нисколько не нуждались в колониях. Но, предвидя, что мы можем когда-нибудь иметь избыточное население, мы начали уже заранее создавать колониальное поселение на плодородной и почти пустынной территории, населенной небольшими, еще дикими народностями, среди которых мы хотели начать осуществлять обширный план цивилизации.

Чтобы лучше достигнуть этой двоякой цели, мы вступили в соглашение с соседними союзными народами и предложили им осно-

вать общую колонию, куда каждый народ посылает одинаковое число семейств, которые составляют один народ при режиме общности; их дети должны вступать только лишь в смешанные в расовом отношении браки.

Чтобы лучше подготовить выполнение этой задачи, мы просили прислать нам красивых детей иностранцев, которых мы воспитали вместе с нашими и затем отослали их в колонию.

В то же самое время мы, по соглашению с нашими союзниками, пустили в ход все средства, чтобы понравиться дикарям и привязать их к нам. Мы послали к ним стариков и детей, которые не могли вызывать у них страха или возбуждать их ярость, приносили им всякого рода подарки, селились среди них и изучали их язык и обычаи.

Нам удалось также привлечь в нашу страну несколько дикарей и даже детей, которых мы осыпали ласками. Мы показали им все, что могло их прельстить, и научили нашему языку. Затем мы их отослали назад, дав им все, что могло нам обеспечить доверие и привязанность их соотечественников.

Нас не отпугнули трудности и препятствия, и эта система, проводимая с терпением и постоянством, настолько удалась, что дикари поклонялись нам почти как благодетельным богам и просили нас селиться среди них, чтобы пролить на них больше благодеяний.

Таким образом, когда мы сочли целесообразным организовать колонию, мы не нуждались ни в каком насилии. Раз упрочившись там, мы увеличили число наших миссионеров среди них и количество их людей, посещающих нас; мы подавали им пример труда, не требуя труда от них. Мы постепенно приучали их к труду, и они видели, какие чудесные результаты он приносит. И в настоящее время, после неполных тридцати лет, мы создали великолепную колонию, почти такую же цветущую, как Икария; мы цивилизовали семь или восемь небольших народностей, которые соревнуются с нами, и мы дали сильный толчок цивилизации, чтобы она продолжала там развиваться.

Мы, правда, несли большие расходы. Мы платили дикарям, чтобы они позволили нам сделать их счастливыми. Но зато какая награда! Наши благодеяния завоевали мирным путем новую Икарию для нас, а дикарей — для культуры, подготовляя этим завоевание не цивилизованной еще части мира для человечества.

— А мы, европейцы и христиане,— воскликнул Евгений,— мы хвастаемся нашей цивилизацией и покупаем рабов, т. е. мы поощряем разбойников похищать мужчин, женщин и детей; мы подвергаем их затем пыткам, чтобы заставить их работать, и их потом и кровью мы добываем сахар и кофе!

Мы истребляем дикие или полуцивилизованные народы, чтобы завоевать сокровища!

Возобновляя все ужасы великого нашествия варваров и испанского нашествия в Америке, мы убиваем, грабим, поджигаем, чтобы сохранить колонии и укрепить нашу власть!

Мы тащим окровавленные головы, привязанные к седлам наших лошадей, точно мы хотим научиться быть свирепыми!

И бедный Евгений, краснея от стыда и гнева, закрыл лицо руками.

Глава тридцать шестая

РЕЛИГИЯ

(продолжение главы XX)

Я часто упрашивал Вальмора дать мне о религиозных верованиях Икарии те сведения, которые он обещал мне во время наших первых бесед о религии, но он всегда уклонялся от ответов на мои вопросы. Наконец, он удовлетворил мое любопытство, и беседа оказалась в высшей степени интересной, коснувшись также Франции и Англии.

Но ввиду того, что Евгений изложил эту беседу в своем дневнике и принял активное участие в ней, я заимствую его запись.

Извлечения из дневника Евгения

Религия

Так как Вильям просил Вальмора изложить ему религиозную систему Икарии, то эта просьба вызвала следующую беседу.

— Я уже рассказывал тебе,— сказал Вальмор Вильяму,— что спустя два года после

революции, когда она уже принесла много благодетельных последствий, Икар предложил Национальному представительству созвать большой собор, составленный из священников, избранных всеми священниками, профессоров, избранных всеми профессорами, наиболее знаменитых философов, моралистов, ученых и писателей, чтобы обсудить все вопросы, касающиеся божества и религии.

Этот собор, в состав которого, таким образом, входили наиболее образованные, мудрые и рассудительные люди, собрал, кроме того, все индивидуальные мнения, которые ему пожелали адресовать граждане.

Все мнения были рассмотрены и обсуждены в течение четырех лет. Все вопросы были разрешены громадным большинством и зачастую единогласно.

Так вот, представь себе, что собор собрался, что он обсуждает и решает все на одном продолжительном заседании, а ты присутствуешь при его совещаниях. Представь себе... ты можешь их видеть и слышать там... Смотри и слушай внимательно. Но не прерывай! Ты после сделаешь свои замечания... А теперь слушай!

— Существует ли бог, т. е. первопричина, следствием которой является все, что мы видим? Голосовать будут вставанием. Смотри. Все собрание встает. Голосуют обратное предложение, смотри опять внимательно. Все члены собора продолжают сидеть.

— Известен ли этот бог?

Единогласно: нет!

— Известен ли его образ?

Единогласно: нет; тысячи народов придают ему тысячи различных образов.

— Сотворен ли человек по его подобию?

— Мы хотели бы так думать, но мы ничего не знаем об этом.

— Верит ли собор в откровение, сделанное Моисею, по его словам, богом в образе человека?

Единогласно: нет!

— Как! — вскричал Вильям.

— Что делать? Весь собор не верит в это. Ты, впрочем, прочтешь изложение его доводов.

— Верит ли собор, что Библия — человеческое произведение?

— Да.

— Как! — вскричал он опять.

— Ты видел: все члены собора встали. Ты узнаешь их соображения!

— Верит ли собор в то, что говорит Библия?

— Нет. Нет такой истории фей, волшебников, привидений, сказок тысячи и одной ночи, мифологических басен, которые не были бы почти столь же достойны веры.

— Верит ли собор, что Иисус Христос есть бог?

— Тысячи религий, существующих на земле, суть все человеческие учреждения, приду-

манные и созданные с целью сдерживать народы и править ими... Все основатели главных религий — Конфуций в Китае, Лама в Татарии, Синто в Японии, Брама и Будда в Индии, Зороастр в Персии, Озирис и Изида в Египте, Юпитер и его двор в Финикии и Греции, Минос на Крите, Моисей в Иудее, Пифагор в Италии, Нума в Риме. Один на Севере, Магомет в Аравии, Манко-Капак в Перу и все другие во всех других странах — были гениальными людьми, но только людьми, законодателями, цивилизаторами и правителями своих народов.

Иисус Христос, непризнанный и осужденный своими соотечественниками, отвергаемый более трехсот лет философами, т. е. ученым и просвещенным миром, есть, очевидно, также человек, но человек, который заслуживает первого места в человечестве благодаря своей преданности благу человеческого рода и провозглашению принципа равенства, братства и общности.

— Как был создан мир и в особенности человек?

— Мы ничего не знаем об этом.

— Почему человек осужден на физические и нравственные страдания?

— Мы ничего не знаем об этом.

— Следует ли признавать Библию самой замечательной книгой?

— Нет. Во времена невежества и варварства она могла быть полезна, потому что другие книги были еще хуже, чем она, но в на-

стоящее время в ней нет ничего хорошего, кроме нескольких нравственных наставлений, которые можно из нее извлечь, а все остальное стало ошибочным, нелепым, даже неприличным, бесполезным и вредным. Она, например, учит, что Солнце вращается вокруг Земли, тогда как давно уже доказано, что, наоборот, Земля вращается вокруг Солнца! Моисей и Иисус Христос были правы для своего времени, но они никогда не полагали, что их учения будут вечными, и желание сделать их неизменным правилом для народов на все будущие времена — самая дикая бессмыслица, самая чудовищная нелепость.

— Верит ли собор в рай?

— Угнетенные и несчастные народы имеют потребность верить в рай, но мы не имеем других несчастий, кроме болезней и нравственных страданий, и мы радуемся за несчастных, если надежда на лучшую жизнь может помочь им переносить их скорби.

— Верит ли собор в ад?

— Жертвы тирании имеют потребность верить, что тираны будут там наказаны, и это верование полезно для них, доставляя им некоторое утешение, если оно только не усыпляет их и не мешает им самим наказать своих тиранов. Боязнь ада была бы еще полезнее, чтобы остановить угнетателей, но угнетатели не верят в ад, и, наоборот, именно они хотят, чтобы угнетаемые верили в него,

ибо это мешает им думать о своем освобождении. Но мы не имеем в Икарии ни тиранов, ни преступников, ни злодеев, и мы не верим в ад, в котором не имеем надобности.

— Верит ли собор в святых, в чудеса, в непогрешимость папы?

— О! — воскликнул Вильям,— я тебя освобождаю от ответа!

— Но, поистине,— прибавил он,— ваша религия не есть религия! У вас нет религии!

— Что понимаешь ты под религией? — возразил ему Вальмор.— Разве, чтобы иметь религию, необходимо верить в бога в образе человеческом, со всеми людскими навыками и страстями? Если ты веришь в бога Моисея, в бога ревнивого, требовательного, желчного, мстительного и кровожадного, то неужели все, кто не верит в него, тысячи народов, которые верят в других богов, не имеют, по-твоему, религии? Если бы ты не прервал меня, ты узнал бы, как собор решил этот вопрос. Ибо собор поставил вопрос: полезна ли для икарийцев религия (т. е. религия, соединенная с особым культом)? И собор единогласно ответил: нет! Что можешь ты сказать против этого? Собор, состоящий из священников, профессоров, избранной части страны, и, можно сказать, весь народ ответили: нет!

— И собор был прав,— сказал я в свою очередь [я — Евгений].— Рассудите-ка, Вильям!

— Так как собор не верил ни в божественность Иисуса Христа, ни в божественное

происхождение Библии, ни в откровение, данное Моисею, ни в бога в образе человеческом, награждающего, наказующего, принимающего молитвы, то неужели ты хотел бы, чтобы собор сделал вид, будто он верит во все это, чтобы он принял эту мнимую религию, предписал народу верить в нее и воспитывал детей в этой вере, которую он объявил ошибочной и ложной?

Но было ли бы возможно предписать это икарийскому народу, когда народ этот был, так сказать, тот же собор, когда он образован и просвещен, когда, одним словом, он не верил?

И было ли возможно воспитывать в этой вере детей, когда отцы их не верили и хотели дать детям воспитание, которое сделало бы из них людей, руководящихся всегда разумом и истиной? Обманывать детей — разве не значило бы подражать идолопоклонникам, язычникам, магометанам, аристократии и повернуться спиной к революции и прогрессу?

Если даже предположить, что в некоторых отношениях могло быть полезно внушить детям веру, которую считают несостоятельной и ложной, то вред превысил бы пользу, потому что заблуждение, ложь, суеверие притупляют человека и делают из него дитя, тогда как икарийцы хотят, чтобы их дети были людьми.

И для чего, к тому же, нужна боязнь ада, например, для икарийцев, с их системой общности? Разве эта общность — не самое со-

вершенное резюме всей философии и самая чистая нравственность в действии? Не есть ли она наиболее полное осуществление принципа братства? Не заключает ли она в самой себе все добродетели? Не достигает ли она более верно цели, которой хотят достигнуть все религии, никогда не бывшие в состоянии ее достичь,— блага рода человеческого? Разве, одним словом, эта общность, проповедуемая Иисусом Христом, не есть сама религия, и наиболее совершенная из религий? И еще раз, Вильям, какую пользу найдете вы в другой религии для счастливого народа, которому не нужно совершать преступления; который никогда не совершает их и который так же мало нуждается в наказаниях священника и в боязни адского правосудия, как и в уголовном кодексе, уголовных трибуналах и тюрьмах?

— Ты нам заметишь,— сказал Вальмор,— что принцип общности не может устранить болезней и некоторых несчастий, для которых религия была бы утешением? Я отвечу тебе, что общность значительно уменьшает их число, она дает при помощи воспитания больше силы их переносить, и разум в этом отношении играет достаточную роль. Впрочем, именно для таких случаев наши законы допускают молитву в надежде на более счастливую жизнь и учреждают храмы с священниками — советниками и утешителями.

— У вас священники являются только священниками разума,— ответил Вильям.

— Они потому и более разумны,— возразил Вальмор.

— Твои законы и ты — вы одинаково безбожны!

— Какое страшное слово!— сказал Вальмор.— В старое время нас бы из-за него сожгли. Однако попробуем столковаться и не будем поступать, как безумные, которые начинают драться и, объяснившись после того как избили друг друга, крайне удивляются, открыв, что они были согласны. Что понимаешь ты под словом *безбожник?* Если ты под этим словом понимаешь тех, кто не верит в бога в образе человека, как Юпитер или бог Моисея, то ты найдешь здесь много безбожников, и если они тебя пугают, то спасайся, ибо тут много таких, которые готовы проглотить тебя. Но если под словом *безбожник* ты разумеешь тех, кто не верит ни в какого бога, то ты не найдешь таких среди нас.

Применяя это различие, ты найдешь, что наши законы безбожны или не безбожны. Но что касается нас, то мы находим, что никогда не было более религиозных законов, ибо все они основаны на принципе общности и преследуют только наше благо.

— Я совершенно согласен с вами,— вмешался я [я — Евгений],— и я очень сожалею, что моя родина не использовала своих многочисленных революций, чтобы установить религию общности и счастья.

— О,— сказал Вильям,— хорошо известно, что вы, французы, при всей вашей любезно-

сти и остроумии, все, неверующие, нечестивцы и безбожники, которые в воскресенье бегут в театры и избегают церкви. Даже ваши короли, что меня шокировало, нарушают священный закон воскресенья и заставляют людей работать, чтобы доставлять развлечения их дворцу. Поэтому вам и обеспечено столько мест в царстве сатаны!

— Смелее, добрый милорд,— сказал я ему,— смелее, продолжайте! Судите нас по-христиански и благочестиво за то, что мы имеем глупость быть философами и весельчаками, за то, что мы достаточно глупы, чтобы не поклоняться ни набожному Карлу IX, который, в согласии с папой и духовенством, перерезал сто тысяч реформистов, ни ханже Карлу X, который, в согласии с иезуитами и духовенством, расстрелял тысячи парижан!

Не стесняйтесь! Как и некоторые из ваших сограждан, которые не подозревают даже, что являются орудиями своих угнетателей, называйте нас французскими собаками!

Но так как вы обвиняете моих соотечественников в том, что они безбожники, то я утверждаю, что ваши англичане тоже неверующие, и так как вы бросаете мне перчатку, то я поднимаю ее, чтобы защищаться, и, в свою очередь, нападаю на вас.

Сперва позвольте мне, мой дорогой друг милорд, задать вам лично небольшой вопрос: я не спрашиваю вас, действительно ли вы, в Лондоне или в ваших поместьях, всегда от-

правляетесь слушать проповеди и запрещаете себе всякое развлечение, скучаете и зеваете все воскресенья, [15] чтобы угодить богу. Но скажите мне, пожалуйста, когда вы бываете в Париже или других местах, вы тоже ходите в протестантский храм и также избегаете всех воскресных развлечений?

— Конечно, нет!

— Великолепно, я уже поймал моего нечестивца!

— Как, каким образом?

— Да, я поймал моего неверующего и безбожника и сейчас же докажу вам это.

Но предварительно я прошу у общества разрешения рассказать ему небольшую историю, касающуюся меня лично.

Меня выслушали с удвоенным вниманием.

— Бедный Вильям даже не подозревает,— сказал я тогда,— что тот, кого он так легко осуждает, в своей молодости едва не сходил с ума от набожности, и вот каким образом [движение удивления].

Мне было уже тринадцать лет, когда один уважаемый приходский священник, полюбивший меня и пожелавший сделать из меня священника, убедил меня, что бог имеет отверстое око и видит все, ничего нельзя сделать без его помощи, а получить его помощь можно, обратившись к нему искренно, и все лишения, которым подвергают себя ради него, ему приятны. Я верил ему в чистоте души своей; я был самый невинный и самый пылкий среди благочестивых и верующих.

И вот последствия! Слушайте меня внимательно, Вильям!

Мне казалось всегда и всюду, что я вижу око господа, огромное око, отверстое и глядящее на меня [взрыв смеха]. Я с ужасом видел это око в высях неба, и я не сделал бы даже во тьме ничего такого, что он мог бы осудить... Когда я ходил в школу, я был убежден, что не могу написать хорошее сочинение без его помощи. Я воссылал к нему молитву с доверием и делал сперва крестное знамение так, чтобы никто не заметил, а для этого я делал большие паузы между всеми четырьмя положениями руки [новый взрыв смеха]. Однако я сделал бы это открыто, если бы считал необходимым... Возвращаясь с прогулки, голодный, я лишал себя охотно одного из блюд, которые доставляли мне большое удовольствие, если мне приходило в голову, что я делаю приятное богу, отказываясь от этого блюда [новый смех], и если я ловил себя на том, что останавливал с удовольствием взор на молодой девушке, я скорее делал крестное знамение, чтобы призвать божью помощь против духа искушения. [Последние слова вызвали еще более веселый смех.]

— И как вы освободились от этого? — спросил меня Вальмор.

— Один разговор с добрым стариком, отцом одного из моих школьных товарищей, навел меня на размышления, которые излечили меня от моего безумия (ибо я был уже

сумасшедшим или близок был к тому, чтобы стать им). Сначала я просил бога со всем пылом своей души, я заклинал его на коленях, я умолял его, сложив руки, дать мне познать истину каким-нибудь знаком, мановением ока, например, обещая ему, что посвящу ему все свои дни и все мгновения своей жизни и без колебания брошусь в огонь, если он прикажет...

Я говорил ему даже, ясно помню это: «О бог мой, бог всемогущий, бесконечно благий, явись еще раз всему миру, как ты уже раз явился Моисею! Явись, говори с высоты небес, приказывай! И все люди, все без исключения, я убежден в этом, падут ниц перед тобой, как я, и будут повиноваться тебе, как я, и род человеческий, который осужден на вечные муки, будет спасен!.. Бог всемогущий, благий, справедливый, милостивый, бог наш отец, говори, явись, спаси твоих детей!!!

— И затем?— спросил Вальмор.

— Но мое большое око не сделало ни малейшего движения, и я перестал верить, и совесть моя не сохранила даже самого легкого беспокойства.

— А если бы вы верили теперь?..— сказал мне Вильям.

— Если бы я верил! Я пал бы сейчас ниц перед его верховным величием. Я сделал бы все, что могло бы ему понравиться, абсолютно все...Я убил бы вас, мой дорогой милорд, я убил бы Кориллу, Динаизу, если

бы думал, что ваша смерть может быть ему приятна, или, скорее, я заклинал бы его обратить и спасти вас. Быть может, я поступил бы, как те святые, которые истребляли идолопоклонников, окропив им головы несколькими каплями, чтобы не дать им попасть в ад и обеспечить им вечное блаженство. Или, скорее, я просил бы его, склонив голову, просветить мое отечество и человечество.

И эти французы, которых вы считаете преступниками, потому что они веселятся в воскресенье, по примеру их королей, если бы эти французы поверили внезапно, они бы тотчас же бросились ниц пред своим рассерженным властелином или поспешили бы в церкви, чтобы утихомирить его гнев!

И предположите, что вся земля вдруг слышит голос, призывающий людей с высоты небес,— тотчас же все народы пали бы ниц пред своим божественным властелином!

Но мои соотечественники — не более верующие, чем я, и в этом так же мало их вины, как и моей, ибо мы были бы мусульманами или протестантами, если бы мы родились в Константинополе или Лондоне, как вы и ваши сограждане были бы католиками, если бы случай сделал вас парижанами или римлянами. Мои соотечественники смеются над ханжами, в то время как ханжи их отлучают от церкви.

И вы, мой благочестивый милорд (ибо пора уже вернуться к вам), вы, смеявшийся

только что над моим безумием, вы, обвинявший нас в нечестивости, я докажу вам сейчас, как я это обещал, что вы сами нечестивец, или, вернее, я уже доказал это.

Ибо прошу вас ответить на этот простой и единственный вопрос: почему вы не соблюдаете воскресенья в Париже так же строго, как в Лондоне? Почему во Франции вы идете в оперу в воскресенье, в то время как в Англии вы не пожелали бы в этот день даже слушать музыку? Ну! Отвечайте... Я жду вашего ответа! Вы не можете привести мне никакого довода... А это потому, что вы не верите в воскресенье, потому что вы не верите в бога, который сотворил мир в шесть дней и расположился на отдых в седьмой, приказав одному еврею (чтобы он повторил это, если сможет, остальным людям) праздновать этот день отдыха создателя и приняться опять за работу в понедельник, хотя сам создатель продолжает с тех пор отдыхать.

Но тогда вы не верите также в Библию, в откровение, в Моисея, в Иисуса Христа! Да, милорд, вы такой хороший, вы, кого я люблю так и кого мы все уважаем, вы тоже грешник, неверный, нечестивец! Вы будете прокляты, бедный милорд. [Прекрасно, прекрасно! — кричали мне Вальмор и Динар, восхищенные моей сильной атакой.]

Я понимаю, что настоящий верующий, который видит всегда мое большое око, всегда горяч, пылок, ретив. Я понимаю, что он

становится таким же безумным, каких мы видим столько в Шарантоне и Бедламе.[46] Я понимаю, что он становится фанатиком, как те индусы, которые дают себя сокрушить под колесами колесницы, везущей огромную статую их бога Джагернаута. Я понимаю, что он становится убийцей, сжигателем, истребителем еретиков. Я понимаю даже вашего депутата Эндрью, который, будучи недоволен тем, что почта не рассылает писем в воскресенье, требует закона, запрещающего в этот день движение фиакров, кабриолетов и омнибусов. Но я не понимаю холодности и равнодушия, когда дело идет о рае или аде, я не понимаю, как вы можете ходить в воскресенье в парижскую оперу. Нет, вы вовсе не верующий, мой дорогой милорд!

Когда вы являетесь ко двору маленького королька той песчинки, которую вы называете великой Британией, вы взволнованы и смущены, не правда ли, при виде его величества? А когда вы входите в храм, вами не овладевает священный трепет при виде короля королей, суверена бывших, настоящих и будущих народов, властелина земли и вселенной! Ах, вы нечестивец, безбожник, мой добродетельный милорд!

Когда речь идет о деле, представляющем для вас ничтожный интерес, вы волнуетесь, не скупитесь ни на слова, ни на письма, ни на беготню. А когда речь идет о вашем спасении или о вечных мучениях, вы остаетесь

пассивным, погруженным в безразличие. Вы нечестивец, милорд!

Но смотрите! Через этот потолок, там наверху, посреди неба, я замечаю большое око бога, который взирает на вас и только ждет ваших молитв, чтобы обеспечить благо вашей Англии. Как, вы не падаете ниц, вы не молитесь, вы не видите этого ока! Так вот, это значит, что вы не верите, что вы нечестивец, мой дорогой милорд! Это значит, что вы позволили себе притвориться верующим и набожным только для того, чтобы нас испытать! [И при каждом моем аргументе все смеялись, хлопая в ладоши.]

— Он вам, быть может, скажет,— заметил Вальмор,— как многие священники и аристократы: «Мы не так глупы, чтобы верить, но необходимо, чтобы народ верил, потому что это свирепое животное, которое иначе нас пожрало бы».

— О нет,— ответил я,— Вильям слишком любит народ, чтобы держать такие речи, но если бы он был настолько безумен, чтобы произносить их, я ему ответил бы: народ зверь только потому, что аристократия делает его зверем. Это может засвидетельствовать икарийский народ, у которого нет аристократии, и он не придавлен, как скотина. Народ свиреп только потому, что его угнетатели — варвары и доводят его гнев до бешенства. Это могут подтвердить икарийцы, не знающие ни тиранов, ни кровожадности. И аристократия, требующая религии, чтобы

сковать народ, составляющая законы устрашения, чтобы придушить его, похожа на тех воров, которые, избив и ограбив прохожих, навязали бы им религию, чтобы они примирились со своей участью и довольствовались бы молитвами и надеждами.

— Очень хорошо, очень хорошо! — воскликнули Вальмор и Динар.

— И так как вы нападаете на моих соотечественников (которых я не могу не любить, хотя и ненавижу их), то согласитесь, господин англичанин, чтобы я немного пощупал ваших после того, как я уже исследовал вас самого.

— Правда, всякий, кто возвращается из Франции, старается всеми силами громить французов, народ грешников и неверующих, что не мешает благочестивым клеветникам возвращаться ежегодно массами в эту страну позора и скандала, чтобы заимствовать ее моды, привычки, развлечения и искусства в надежде, что они смогут усвоить ее философию и веселье.

Правда, некоторые из ваших наиболее знаменитых людей, ваш О'Коннель,[47] например, которым я часто восхищался, позволяют себе проклинать всю Францию как невеующую, не замечая, что они, может быть, больше вредят в глазах Европы своей репутации мудрости и рассудительности, чем репутации Франции. Ибо кто на этой земле имел право воскликнуть, как это мог бы сделать какой-нибудь бог: я непогрешим, я хочу заклеймить

французскую нацию как нечестивую и, на этом основании, объявляю ее недостойной свободы!

Правда, ваши англичане считали бы себя погибшими, если бы они допустили малейшее нарушение воскресного отдыха; английские ханжи откажутся даже сказать иностранцу название апельсина, потому что это было бы светское дело [взрыв смеха]; усердный священник станет публично обличать пивовара, который варил пиво в субботу, потому что он окажется сообщником пива, которое виновно в том, что бродит* также и в воскресенье [новые взрывы смеха], и вместо всяких невинных развлечений молодые девушки благочестиво читают непристойные рассказы Библии или просматривают в еженедельных журналах длинную серию скандалов, происходивших в течение недели среди аристократии [слушатели переглядываются].

Но давайте сосчитаем ваших набожных. Сперва вычтем тех, кто совершенно не соблюдает обрядов церкви. Сколько молодых фешенебельных людей, сколько элегантных женщин, сколько аристократов, которые много говорят о религии и никогда не ходят в церковь и никогда не заглядывают в Библию, в то время как народ, лишенный всяких развлечений в течение недели, в воскресенье

---

* Игра слов: в оригинале travailler — работать, бродить.— Ред.

бежит чаще в кабаки, чем в церкви, не имея никакого другого наслаждения, кроме пьянства в трактирах! И среди этих заведомых неверующих сколько членов парламента, сколько людей, выдающихся по уму и знаниям!

Вычтем еще всех, которые бывают на проповедях одно воскресенье и не бывают в другое, которые поклоняются богу в Лондоне и дьяволу в Париже. Все эти полуверующие — смехотворные верующие. Я называю их неверными и неверующими!

Из числа тех, кто строго выполняет все религиозные обряды, вычеркнем также всех Тартюфов,[48] ибо разве Англия, как и Франция, не имеет своих святош, которые делают из религии товар и ремесло и всегда входят в соглашение с небом? Разве она не имеет священников, которые бьют своих жен, де-Лаколонжей,[49] которые душат своих любовниц, Менгра, которые разрезают на куски члены жертв их святотатственной похоти?

Остаются только искренне религиозные люди, а у вас их не больше, чем во Франции, ибо ваши храмы не более переполнены, чем наши церкви, и в числе молящихся сколько людей религиозных по принуждению, сколько детей и старух, сколько кухарок и лакеев, сколько невежд и дураков, которые верят потому, что им велено верить, которые верят всем священникам земли или, скорее, думают, что верят, но преклоняют колени и мо-

лятся механически, без убеждения и без руководителя в серьезных обстоятельствах! Разве мое «большое око», всегда отверстое, мешает этому стаду присваивать себе чужое добро, лавочникам — надувать своих покупателей, слугам — обкрадывать своих господ или клеветать на своих госпож, мужьям — бить своих жен, женщинам всячески обирать своих мужей и детей?

Иду дальше: разве вы не знаете про набожного капитана каперского судна,[50] просящего бога послать ему хороший груз — негров, который даст ему возможность заработать много денег; про набожную женщину, которая просит бога, чтобы ее супруг потерпел кораблекрушение; про неаполитанского разбойника, перечитывающего свой «Отче наш», чтобы бог послал под выстрел его ружья какого-нибудь богатого английского милорда, или про того короля, который на коленях перед святой девой умолял ее разрешить ему еще одно маленькое убийство! Ибо поистине, если подумать о всех злоупотреблениях религии, приходишь к заключению, что история ее есть история всех нелепостей, всех преступлений и всех преступников, которые обездоливали человечество!

И ваша гордая аристократия, которая говорит с таким лицемерным почтением о религии,— как та ее часть, которая выполняет обряды, так и та, которая пренебрегает ими,— разве она имеет религию, она, которая так долго притесняет несчастную Ирлан-

дию, она, которая кормится нищетой бедного английского народа? Нет, Вильям, ваша аристократия не имеет религии и ваша нация также!

— Ах, мой друг,— воскликнул Вильям,— разве ваша любовь к народу не делает вас несправедливым по отношению к английскому дворянству и слишком строгим даже по отношению ко всей нации?

— Несправедлив! Я был бы безутешен, если бы был несправедлив, ибо прежде всего я люблю справедливость как по отношению к аристократам, так и по отношению к бедным рабочим. Я готов признать, даже с большим удовольствием (ибо я всегда испытываю удовольствие при виде добра и неудовольствие при виде зла), я готов признать, что я знаю в Англии, как и во Франции, много дворянских семей, характер которых, благотворительность и великодушие я очень уважаю; что я знаю равным образом много буржуазных и рабочих семей, достоинствами и добродетелями которых я восхищаюсь; что я почитаю человечность и милосердие некоторых ваших религиозных сект; что я ценю и уважаю вашу нацию, что я часто защищал ее против несправедливых упреков; что в вашей стране есть много вещей, которые возбуждают мой восторг, но это не потому, что вы исповедуете религию, милорд, а напротив, хотя вы набожны.

Что я говорю, набожны! Ханжи и суеверы,— должен был бы я сказать! Ибо все это

множество различных сект, эти ребяческие обряды, которым придают такое большое значение, разве они достойны людей?

И все же я признаю опять, без всякой претензии проводить параллель между двумя нациями, что англичане мне больше кажутся людьми, чем французы. Я сказал бы почти, что они люди, окруженные очаровательными детьми, и что французы — милые дети, окружающие нескольких гениальных людей.

Но я все-таки буду настаивать, что ваша нация не религиозна, и так как вы меня обвинили в несправедливости, то я прибавлю, чтобы быть вполне справедливым, что вы не имеете более совершенных верующих, чем те, которые находятся в Бедламе, а вашим наиболее благотворительным благочестивцам я сказал бы: «Вы соблюдаете простоту в вашей одежде, жилище, пище? Хорошо. Вы добры по отношению к вашим женам, вашим детям, вашим слугам, вашим единоверцам? Очень хорошо! Но вы богаты, а имеются бедные; у вас излишек, тогда как миллионы ваших братьев не имеют ни одежды, ни хлеба! Если вы верите в Иисуса Христа, довольствуйтесь необходимым, расширьте круг вашей благотворительности, отдайте весь ваш излишек, и вы будете иметь наградой невыразимое благо нравиться богу, и вы умножите до бесконечности ваши благодеяния, умножая число ваших подражателей! Но глухие к голосу Иисуса Христа, вы сохраняете излишек! И в таком случае вы не христиане!»

К тому же, Вильям, самая религиозная нация должна быть наиболее добродетельной и наиболее счастливой. Так вот, при вашей религии, вашем ханжестве и вашей Библии, меньше ли приходится вашим трибуналам, чем трибуналам ваших соседей, судить и наказывать преступников? Имеют ли ваши дети больше сыновнего почтения? Разве ваши женщины более благоразумны, мужчины более добродетельны, народ более счастлив?

Вы не осмелились бы утверждать это, Вильям! Не говорите нам поэтому никогда о благочестии англичан и нечестивости французов.

Но мы должны говорить, всегда говорить об икарийцах, и я прошу у вас извинения, господа, что так долго отвечал на провоцирование нашего друга, и так как он критиковал также и религию Икарии, я ограничусь тем, что скажу ему:

«Вы, милорд, так много путешествовавший, скажите нам, в какой стране видели вы родителей более нежных к своим детям, детей столь почтительных и преданных своим родителям, таких разумных девушек, таких верных супругов, такое отеческое правительство, таких свободных граждан, так мало преступлений, столько братства, столько добродетелей и столько счастья, наконец, достойных уважения и уважаемых священников? В какой стране видели вы, чтобы человек так хорошо соответствовал благожелательным намерениям создателя и делал такое хорошее употребле-

ние из возвышенного и божественного разума, который дан ему провидением как неистощимый источник совершенства и счастья? При господстве какой религии видели вы столь счастливый народ, так далеко продвинувшийся вперед по бесконечной дороге усовершенствования, народ, который мог бы так мало упрекать природу и имел бы столько оснований быть ей благодарным за ее бесчисленные благодеяния? Назовите мне хоть один народ, который умел бы так же хорошо ценить и использовать чудеса творения и вселенной, так искренно поклоняться богу в его великолепных творениях, так полно признавать его справедливость и его доброту, так почитать его и оказывать ему такую достойную почесть, подражая этому отцу всего рода человеческого в его любви ко всем своим детям?.. Признайте же, провозгласите, мой дорогой милорд, что религия Икарии есть наиболее совершенная из всех религий!

Глава тридцать седьмая

ФРАНЦИЯ И АНГЛИЯ

Республика получила за несколько дней перед этим пакет английских, французских и других журналов и газет и опубликовала статистический анализ тех из них, которые были получены за предшествовавшие шесть месяцев.

— Какая ужасная картина! — вскричал дед Вальмора.— Сколько пожаров и несчастных случаев, происшедших по вине правительств! Сколько банкротств, сколько рабочих без работы, вынужденных жить милостыней! Сколько процессов, дуэлей и самоубийств! Сколько краж, убийств, преступлений всякого рода, осуждений и казней! Сколько бунтов, заговоров и покушений! Сколько зверств и массовых убийств в Испании и Алжире! [51]

И наряду с сообщениями о стольких бедствиях, которые всегда давят своей тяжестью бедные народы и наполняют душу скорбью, мы находим в виде утешения подробнейшие

повествования о празднествах, развлечениях и играх аристократии!

Я читаю сегодня в речи, произнесенной при открытии палаты депутатов, что народ счастлив, правительство мудро, уважаемо, любимо, ценимо, всюду царят удовлетворение, доверие и мир, а завтра я не могу притти в себя от изумления, когда читаю об ужасной нищете, страшных заговорах, тревожных событиях, системе устрашения и репрессий.[52]

Всюду, кроме Икарии, я вижу только противоречия и ложь, путаницу и хаос, угнетение и бедствия. Я знаю хорошо, что это неизбежное следствие вашего плохого общественного строя, однако, я не постигаю ваших стран, мой дорогой Евгений и мой дорогой милорд.

Я еще кое-как постигаю политический строй Англии, понимаю, что старая аристократия, которая владеет всем богатством и всей властью, держит короля в полной зависимости, осуждает на казнь государей, короля и непослушных министров и достаточно умна, чтобы щадить народ и оставить ему некоторую свободу,— я понимаю, говорю я, что эту аристократию трудно вырвать с корнем, в особенности, когда страна организована на аристократических основах, народ с давних пор привык падать ниц перед своими сеньорами, но не подвергается ежедневно придиркам и стеснениям, когда он совершенно чужд военному делу и народная партия ежегодно добивается каких-нибудь завоеваний, дающих

ей некоторое удовлетворение и склоняющих ее к терпению.

Но Франция! Я вижу, что тех, кого она назвала героями Июля или баррикад,[53] подвергают преследованиям, бросают в тюрьмы, осуждают, изгоняют, заключают в оковы! Тот, кого называли избранником народа,[54] служит объектом бунтов и заговоров. Избиратели избирают врагов революции, присяжные осуждают известных писателей!

Представьте себе,— сказал я ему, прося извинения в том, что прервал его,— присяжные осудили нашего Евгения за то, что после июньских расстрелов и предшествовавших им апрельских расстрелов,[55] он сказал: «Власть с таким же основанием решила расстрелять бунт, с каким Галилей был осужден за его учение о вращении земли вокруг солнца».

Но, заглядывая вперед,— прибавил старец,— я вижу, как Франция переходит от феодального королевства к королевству конституционному, затем к Республике, потом нисходит к Империи, а за нею — к Реставрации.

Я вижу, как она поднимается в 1830 году, потрясает весь мир шумом своей гражданской славы, как она прежде потрясала его шумом своей военной славы, и почти сейчас же устремляется вспять к состоянию, в котором пребывала прежде.

Я вижу, как в течение сорока семи лет она дает другим народам пример революции,[56] вызывает их на подражание ей, затем отсту-

пает, как раз тогда, когда ее призывы и примеры их увлекли!

Я вижу, как она делает героические усилия и приносит огромные жертвы, чтобы завоевать равенство, как она обладает им в течение нескольких лет, затем дает себя обуздать аристократии, допускает, что последняя дает ей только сто пятьдесят тысяч избирателей на тридцать три миллиона французов, мирится с тем, что у нее отбирают право ассоциаций и собраний, свободу печати и даже суд присяжных, и, наконец, повергается ниц пред господином!

И если бы ему пришла фантазия изображать из себя льва, я не был бы удивлен, если бы прочитал в один прекрасный день в одной из ваших газет, что президент палаты депутатов сказал ему, стоя на коленях:

> И вы принесли им, сеньор,
> Растерзав их, большую честь. [57]

Я очень сожалею, мой дорогой Евгений, что эта картина принесет вам огорчение, но я не понимаю Франции, или, вернее, я хорошо понимаю, что она позорит себя.

— О да, вы разрываете мою душу,— вскричал Евгений со слезами в глазах,— вы заставляете меня краснеть от стыда! Трусы, жалкие люди! Ах, как я их презираю, как ненавижу, как хотел бы!.. Но что я говорю? Какое святотатство! Нет, нет, не там настоящая Франция, мое отечество, мое отечество, которое я люблю и буду всегда любить!

Не останавливайтесь на поверхности, не давайте себя обманывать внешностью, мой уважаемый друг! Есть две Франции: Франция демократическая и Франция аристократическая. В 1789 году, в 1792 году, в эпоху Республики, Консульства, Империи, Реставрации, в 1830 году и позже вы можете различить эти две Франции: одну — благородную, храбрую, жаждущую прогресса, справедливости и свободы, друга всех остальных народов; другую — эгоистическую, жаждущую богатств и власти, трусливую и жестокую... Первая делала все революции, проливая свою кровь, вторая провела все контрреволюции, снабжая их своими деньгами!

Если народ позволил вырвать у себя победу, то только потому, что он слишком доверчив, слишком горяч. Если вторая Франция могла так часто избегать революции, то только потому, что она всегда пускала в ход хитрость и вероломство, ренегатов и предателей и даже иностранные штыки. Демократической Франции — честь и уважение, почет и слава! А Франции аристократической...

Но нет! Ибо обе Франции составляют одну единую Францию, разделенную деспотизмом, который стремится господствовать, и эта единая Франция является жертвой неурядицы и хаоса, создаваемых пороками общественного и политического строя. Разве Икария не походила бы на Францию еще и теперь, если бы она не имела счастья быть руково-

димой Икаром? И не походила ли бы теперь Франция на Икарию, если бы Наполеон или государь, выдвинутый баррикадами, имели сердце и волю Икара?

— Но, мой дорогой Евгений,— сказал я ему,— если Франция находится позади, а Англия впереди, то не объясняется ли это их характерами: у первой пылким, но легкомысленным и непостоянным, у второй — холодным, но благоразумным и настойчивым?

— Молчите, мой дорогой Вильям, молчите! Не хвастайтесь вашим представительным правительством, которое является представительством только вашей аристократии, ибо ваш народ, погрязший в самой ужасной нищете, не имеет настоящих представителей, и слово «народ», которое вы употребляете так часто и торжественно, есть только обман и ложь! Не хвастайтесь вашей свободой для народа, ибо эта свобода нисколько не помогает ему вырваться из нищеты, а ваша аристократия лишает его печати, ассоциаций и собраний, когда они ей кажутся опасными, и даже убивает и расстреливает народ при помощи своих наемников, когда он дерзает прибегать к бунту! Не чваньтесь, что вы нас обогнали, ибо что касается философии, обычаев и нравов, аристократических и религиозных предрассудков, в особенности равенства, этого важнейшего вопроса, ваш английский народ отстал от нашего французского народа на полвека! Мы больше угнетены, это правда; наша аристократия более агрессивна и наша

демократия более притеснена. Но почему? Потому что наш народ и наша молодежь более свободолюбивы, потому что они более требовательны, потому что мы переживаем по существу революционную ситуацию, и наша аристократия находится на вулкане, ежедневно грозящем извержением, которое поглотит ее; потому что народ уже отвоевал бы все отнятые у него права, если бы ему оставили свободу печати и право ассоциаций, которые английская аристократия не боится оставить английскому народу. Мы порабощены свободной аристократией, но наше порабощение только временное, мы протестуем и сопротивляемся, и рано или поздно истинные принципы восторжествуют, как они уже часто торжествовали, и мы тогда обгоним вас на полвека.

И если бы действительно было верно, что вы нас опередили, то не обязаны ли вы этим Франции? Она с 1789 года не дает вам заснуть, она задела вашу честь в 1830 году и принесла вам вашу парламентскую реформу, [58] ваш единственный прогресс за последние полтораста лет!

И если бы было верно, что Франция отстала, то может ли ее упрекать в этом англичанин, когда она в течение сорока семи лет сделала столько героических усилий и принесла столько жертв, чтобы освободиться, между тем как английская аристократия субсидировала или поддерживала ее врагов за все эти сорок семь лет и становилась всегда

опорой всякого зарождающегося деспотизма?

Но остережемся, мой дорогой Вильям, обвинять взаимно друг друга! Не будем никогда смешивать оба народа с их аристократиями и правительствами! Не будем даже смешивать в нашей ненависти учреждения и людей! Одинаковые жертвы аристократического господства и пороков общественного строя, английский народ и французский народ будут вместе в братском союзе бороться за наше освобождение и освобождение всех других народов! И будем стараться подражать Икарии, во имя нашего блага и блага человечества!

Эти благородные заявления Евгения доставили такое большое удовольствие старому другу Икара, что он несколько раз пожал ему руку и кончил тем, что нежно обнял его.

Глава тридцать восьмая

БРАК МИЛОРДА РЕШЕН

Сегодня состоялась давно уже задуманная прогулка по реке.

Мы пришли все, около тридцати шести человек, к берегу реки Таира и поднялись на маленькое судно, или большую лодку, которая должна была повезти только нас, ибо имеются суда различной величины, и каждая семья или каждое общество может обеспечить себе подходящее судно, заказав его за несколько дней.

Некоторые лодки, самые маленькие, передвигаются с помощью весел; но почти все приводятся в движение паром или различными другими способами.

Все лодки имеют очаровательную форму, разрисованы, расцвечены флагами, снабжены изящно декорированными палатками.

Погода была великолепная, и вся река, во всю свою ширину, была покрыта лодками и представляла самое оживленное, разнообразное и восхитительное зрелище.

Но мы имели еще более удивительное зрелище: вид обоих берегов и деревень с двух сторон, где искусство соперничало с природой в украшении, ибо республика для удовольствия своих туристов и путешественников строит деревни на берегах рек или около дороги, как богатый собственник в других местах разводит свой парк или сад.

Но ничто, я думаю, не может сравниться с прелестями цветущего острова, где мы высадились после часа езды и провели весь день в играх, среди смеха и песен.

Так как все наводило нас на мысль о счастье, мы держали большой совет о нашей любви и наших будущих судьбах.

Тщетно старался Вальмор, гордый своей победой над самим собой и находивший невыразимое наслаждение в своем благородном самопожертвовании, уговаривать ежедневно нас, Динаизу и меня, согласиться на его проект единовременно тройного брака. Казалось, он находил большое удовольствие, укрепляя нашу взаимную любовь, но мы не хотели принять окончательное решение, пока мы не будем иметь доказательства, что наш союз не причинит горя ни Вальмору, ни мисс Генриетте. Но два письма, которые я получил накануне из Англии, помогли Вальмору возобновить свои настояния с большей энергией. Он уверял нас, что он вовсе не такой дурной человек, чтобы мог решиться сделать Генриетту несчастной, и он найдет двойное счастье в своем собственном браке и в нашем счастье.

Он так горячо убеждал нас, что мы дали себя, наконец, убедить, и когда вопрос был поставлен на голосование, было единодушно решено, при общем взрыве радости, что все три наши свадьбы будут праздноваться в один день, через два месяца.

Динаиза поставила только одно условие, которое было единогласно одобрено, а именно, чтобы я объявил себя сторонником принципа общности и посвятил свое влияние и свое состояние пропаганде ее в других местах. Еще раньше, чем она кончила, я уже ответил, что вместе с ней я буду самым ярым пропагандистом, но она прибавила и второе условие, которое было принято такими же единодушными аплодисментами,— что каждый второй год я буду привозить ее к матери, семье и друзьям.

Оставалась еще одна трудность: закон разрешает икарийке выйти замуж за иностранца только в том случае, если он сперва получит малую натурализацию (которая не вынуждает его отказаться от своего первого отечества), причем закон дозволяет эту натурализацию только иностранцам, оказавшим какую-нибудь большую услугу республике. Но дед Вальмора уверил нас, что пропаганда принципа общности в Англии будет рассматриваться как одна из самых больших услуг, которую иностранец может оказать Икарии, и взял на себя добиться моей натурализации.

Мы возвращались, исполненные радости, и уже приближались к Икаре, как вдруг один

инцидент поверг нас в ужас: одна из девочек, семи лет, упала в воду. Двое мальчиков, один десяти и другой двенадцати лет, и даже Евгений готовы были уже броситься на помощь, когда Вальмор бросился сам, крича, чтобы никто не двигался и не опасался ничего. Динар бросился с ним почти в одно время, убедившись сперва, что судно остановилось и вернулось назад, и после того как он просил меня взять шест или веревку и держать их наготове. Затем, по сигналу маленького колокола, имевшегося на этот случай, все соседние лодки поспешили на линию, по которой должно было проплыть тело. Но все эти меры помощи оказались ненужными, а Вальмор и Динар даже не имели удовольствия спасти девочку, к которой они не успели прикоснуться, когда увидели, что она появилась на поверхности воды и плывет без боязни и в безопасности.

Мать ее мягко пожурила, обняв ее. Все смеялись при виде ужаса, показавшегося на моем лице, так как все знали, что дитя умеет плавать и ему не грозит никакая опасность с таким ныряльщиком, как Динар, и таким пловцом, как Вальмор.

Глава тридцать девятая

ЖЕНЩИНЫ

Мы были в сборе и забавлялись, когда Вальмор заметил Евгения, входившего через сад.

— Хотите,— сказал я живо,— чтобы я вывел его из себя и доставил вам несколько веселых минут? Я заговорю с ним о женщинах, и вы увидите, как он вспылит!

— Да, да! — закричали Корилла и ее подруги.

— А, вот галантный француз! — вскричал я, смеясь.

— А, вот коварный англичанин,— ответил он, протягивая мне руку, после того как галантно приветствовал всех собравшихся.

— А почему коварный?

— А почему галантный?

— Как, вы не галантны?

— Кто же из двух?

— Слушайте! Однажды старая кокетка, которая накрасилась, удивлялась, что молодой человек не делает ей комплиментов по поводу свежего цвета ее лица; она вознегодо-

вала затем, что он не бросился поднять перчатку, которую она нарочно уронила. «Как мало он галантен!» — сказала она с презрением. Вы видите, таким образом, коварный милорд, что тот, кого вы называете галантным французом, вовсе не галантен.

— О, это были вы! Вы, стало быть, походите на господ икарийцев, которые сочли бы себя обесславленными, если бы обратились к своим женам с самой легкой лестью, и обесчещенными, если бы говорили с ними о пустяках.

— И потому вы думаете, что икарийцы не галантны. Они правы, икарийцы. И если бы эти дамы не были здесь, я сказал бы...

— Говорите смело... дамы вам позволяют...

— Я скажу, что когда есть женщины... когда можно говорить правду...

— Как вы запутываетесь, мой бедный Евгений, желая защищать плохое дело!

— Так вот, да, икарийцы правы! У них хорошая, настоящая галантность, не галантность губ и слов, а галантность поступков. Не та, которая приличествует ничтожеству всяких ветрениц и смешных кокеток, но та, которая делает честь и тем, кто ее проявляет, и тем, кто ее внушает. Они любят женщин, обожают их, боготворят.

— Как вы увлекаетесь!

— Они украшают их, совершенствуют и делают все, чтобы дать им счастье и получить от них счастье.

— Как вы горячитесь!

— Я сужу об их отношении к женщинам не по пустым комплиментам и детским хвалам, с какими к ним обращаются, а по получаемому воспитанию и на основании всего того, что делают для них в мастерской, в домашнем быту, всюду. И вот почему я утверждаю и буду всегда утверждать, что икарийцы галантны.

— Как вам угодно! Но я противоположного мнения.

— Никогда не увидишь здесь мужей, которые развлекаются вместе в клубах или в других местах, в то время как жены их скучают дома, никогда не видишь, чтобы мужчина захватил лучшее место, отняв его у женщины, которой оно нужно.

— Но в какой дикой стране вы видели подобное скотство?

— Редко в моей стране, и часто в другой, которую милорд знает хорошо и которая начинает исправляться... Здесь я вижу, что брат так же галантен со своей сестрой, как в других местах галантны со своей любовницей. Я вижу больше: я вижу то, чего, к сожалению, не замечал нигде в других местах. Я вижу, что каждый применяет принцип, который охватывает всю область нравственности: «Делай другому то, что ты желал бы, чтобы он сделал для тебя». Я вижу, что каждый относится к женщинам других семей, как он хотел бы, чтобы другие относились к его матери или дочери, к жене или сестре.

Как бы ни были мы испорчены в других странах, нет никого, кто не был бы готов рисковать своей жизнью, чтобы защитить честь, не говорю своей жены и дочери, но матери и сестры. И, однако, как мало среди нас людей, питающих уважение и почтение к матерям и сестрам других! И на каком основании наши матери и сестры могли бы ждать лучшего обращения? Отсюда исключительная внимательность к молодым и красивым женщинам, но общее пренебрежение к пожилым, между тем как здесь молодые люди почтительны и внимательны ко всем старухам, как к своим матерям, ко всем женщинам одного с ними возраста, как к своим сестрам. Да, мой фешенебельный сеньор, икарийский народ самый галантный из народов земли [дамы аплодируют].

— Наши дамы слишком вежливы, чтобы вас опровергать, особенно в присутствии мужчин. Однако разве не говорят, что именно в Париже находится женский рай?

— Да, в Париже, во Франции он должен был бы быть. Но в настоящее время, если Париж — рай для некоторых молодых и красивых фавориток фортуны и аристократии (да еще рай ли!), то для огромного числа несчастных женщин из народа он является адом, в то время как здесь, где женщин любят и заботятся о них в течение весны и лета их жизни, где их любят и уважают в течение осени и зимы их жизни, всегда спокойные и счастливые икарийки — все икарийки — всег-

да находят рай в своей стране [новые аплодисменты дам].

— Наши дамы не осмелятся признать это, но вы, не считаете ли вы, что икарийцы немного эгоистичны и ревнивы, они не хотят, чтобы жены их выходили без них, чтобы они ходили одни на спектакль или в гости?

— Да, это была бы тирания, если бы они искали развлечения без своих жен, но так как они сами никогда не выходят, чтобы развлечься без своих жен, не имеют никаких отдельных развлечений, делят с ними все свои развлечения и видят свое счастье в том, чтобы сделать их счастливыми, то они тысячу раз правы. Муж, который принуждает свою жену искать развлечения с другим мужчиной, не ее защитник и друг, а вероломный человек и почти ее враг, если он не сумасшедший... Слышите?

— Вы, стало быть, одобряете мужей, когда они требуют, чтобы их жены одевали свои наиболее элегантные наряды для них одних?

— Конечно! Так как воспитание приучает женщин чувствовать себя счастливыми, кокетничая только с мужьями, то я самым искренним образом хвалю их за это, и тех и других, потому что такое поведение кажется мне самым мудрым. И если бы я не боялся унизить вас перед этими дамами, я сказал бы вам, что... именно икарийцы... [на ухо] лучше других знают любовь и ее небесные утехи.

— О, не бойтесь меня унизить! Говорите громко, галантный француз, который мне кажется таким же эгоистом и ревнивцем, как икарийцы! Что касается меня, я хотел бы иметь жену на английский или, скорее, на парижский манер!

— Как, вы допустили бы, чтобы вашу жену обнимали при так называемых невинных играх!

— А почему нет? Что плохого в том, если я попрошу вас отвезти ее в моей карете в Булонский лес, когда я не могу сопровождать ее сам туда? Разве это не образец цивилизации? Да, мой друг, вы были бы моим заместителем и ее кавалером; вы вальсировали бы с ней дома; вы танцовали бы с ней галоп; вы обнимали бы ее невинно в невинных играх; вы ее защищали бы от галантных кавалеров, если они надоедали бы ей своими галантностями; вы сохранили бы ее для меня, как делали бы это для себя; вы доставили бы ей большое удовольствие, так же как и мне, желающему только ее счастья. И какую опасность может это повлечь для нее с вами, с моим лучшим другом?

— Какую опасность... какую опасность?.. Для нее... никакой, конечно... наверное... она внушала бы столько уважения... Но если бы прикосновение солнца зажгло все вокруг нее...

— Тогда вы бросились бы в воду, чтобы потушить пожар...

— Вы хотите рассмешить этих дам [они,

действительно, много смеялись]. Но, шутки в сторону, отвечайте! Если бы блеск солнца...

— Вы льстец, и я не оставлю больше свою жену с вами!.. Но, впрочем, почему нет? Посмотрите, как она покраснела от гнева, слушая ваши льстивые речи!

— Я знаю хорошо, что не всякая правда приятна, и я знаю людей, которые за это сильно мстят, но я знаю более благородные души и надеюсь, что получу прощение за мое безрассудство... Кроме того, я чересчур глуп, что отвечаю на все ваши плохие шутки! Ваша жена была бы более разумна, чем вы. И если бы англичанин был так безумен, что хотел бы этого, икарийка была бы так разумна, что не дозволила бы этого.

— Не дозволила бы! Разве я не был бы господином, разве закон самих галантных французов не предписывает категорически женщине повиноваться своему мужу? [59] [все дамы вскрикнули].

— Это правда, точно так же как закон мудрых англичан дозволяет мужу повести свою жену, с веревкой на шее, на скотный рынок и продать ее с аукциона, как плохую овцу, с наддачей в шесть су! [Какой ужас, какой ужас! — раздалось со всех сторон.]

— Но наш закон был установлен во времена варварства, тогда как ваш родился в век цивилизации и просвещения!

— Это, тем не менее, позорный закон, изданный деспотом, который хотел обязать

женщин повиноваться супружескому деспотизму, чтобы подготовить повиновение мужей императорскому деспотизму! [60]

— Вы хотите, быть может, мой галантный господин, чтобы муж повиновался жене?

— Нет, господин шутник, я считал бы вас тогда смешным, и я уверен, что ваша жена слишком умна и слишком хорошо знает свой настоящий интерес, чтобы желать сделать своего мужа смешным. Но я хотел бы, чтобы закон провозгласил, как в Икарии, равенство между супругами, сделав только голос мужа перевешивающим, [61] и, кроме того, создав в других странах все, что закон делает здесь для того, чтобы супруги жили всегда в согласии и были счастливы.

— Но разве ваш закон о подчинении жен не является необходимым в стране, где один из самых крупных сеньоров сказал самой королеве, что нет ни одной женщины, которую нельзя было бы соблазнить при помощи золота?

— И вы верите этой клевете, повторяемой вашими красивыми леди, считающими себя более благоразумными и простирающими свою чопорность до того, что стыдливо краснеют, когда кто-нибудь совершает такое страшное неприличие, как произнесение в их присутствии самых безразличных слов? * И затем пригласите всех ваших милордов

---

* Так, неприлично произносить в присутствии английской дамы слова: *рубаха, куриная ляжка.*

принести все их гинеи, чтобы соблазнить хотя бы одну икарийку.

— Да, но Франция не Икария.

— Увы, я это прекрасно знаю. И именно это приводит меня в бешенство, именно то, что я вижу, как плохой общественный строй делает несчастными стольких француженок. И именно для них я желаю так пылко республики и общности, которые дали бы им всем столько счастья, сколько его имеют счастливые женщины Икарии.

Глава сороковая

ВНЕШНИЕ СНОШЕНИЯ. ПРОЕКТ КОММУНИТАРНОЙ АССОЦИАЦИИ

Иностранцы, обедавшие вместе в своем отеле, каждый день обменивались друг с другом сведениями, получаемыми об Икарии, и обсуждали вопрос, в какой степени система, чудесные результаты которой они наблюдали, применима в их странах. Единодушные в своем восхищении, они далеко не были согласны в вопросе о возможности и средствах применения этой системы, и очень часто прения разгорались до такой степени, что превращались в спор.

Многие говорили:

— Несомненно, общность имущества, организованная так, как мы ее здесь наблюдаем, есть наиболее совершенная из всех форм общественного строя, и когда-нибудь она составит счастье всего мира. Никто не желает больше меня ее осуществления, и я отдал бы ей свой голос сегодня же, если бы другие тоже хотели дать свое согласие. Но мы недостаточно добродетельны, и только наши дети

будут иметь счастье наслаждаться системой общности.

— Я тоже,— говорил другой,— я тоже посвятил бы ей свое состояние и жизнь. Но...

Это гнусное *но* неизменно повторялось.

Евгению, который каждый день ломал копья в защиту принципа общности и получил за свой проповеднический пыл прозвище икаромана, пришла в голову мысль собрать в одной зале, где можно было бы обсуждать и голосовать, всех иностранцев, находившихся тогда в Икаре.

— Вы увидите,— сказал он мне,— что если мы сможем заставить их голосовать, то почти все *но* превратятся в *да*, и мы, может быть, придем к какому-нибудь полезному результату, ибо стыдно, что общность уже так давно составляет счастье Икарии, а иностранцы ничего не сделали, чтобы пропагандировать ее в своих странах. Будем первыми, подающими пример! Будем действовать!

Мы сообщили его предложение некоторым из виднейших иностранцев, в первую очередь старому и уважаемому шотландскому миссионеру, отцу Френсису, который пользовался репутацией человека большой мудрости. Он одобрил план Евгения, обязав нас только заручиться сперва помощью некоторых влиятельных икарийцев.

Мы в тот же вечер сообщили об этом деду Вальмора, который нас обнял от радости и при этом случае рассказал нам о сношениях Икарии с другими народами.

Внешние сношения

— Провозгласив принцип братства между Икарией и другими народами,— сказал нам старец,— Икар и республика не отвергли ни одного из последствий этого принципа. Никогда они не сделали ничего такого, что могло бы оскорбить другой народ, никогда не отказывали в услуге, которую могли оказать, и чем больше им обязаны были благодарностью, тем меньше они давали чувствовать свое превосходство.

Но великий принцип Икара заключался также в том, чтобы как можно меньше вмешиваться в дела наших соседей, предоставить их самим себе, ничего не делать с целью ускорить у них установление системы общности, ибо он был убежден, что Икария была той страной, где опыт мог наилучше удаться к выгоде всех народов, и опасался, что неудачные попытки в других странах могли бы скомпрометировать икарийскую систему общности.

Один из наиболее славных заветов Икара заключался в том, чтобы мы занимались исключительно нашими собственными делами, пока общность не будет организована у нас в совершенстве.

Далекие от того, чтобы побуждать наших соседей ускорять их развитие, мы использовали наше влияние, чтобы склонить их вождей умерить свой пыл.

И наше влияние было велико, ибо мы никогда не думали ни о каких завоеваниях. Мы не хотели даже согласиться на присоединение одного небольшого народа, владения которого вклиниваются в наши естественные границы, хотя он сам нас просил об этом, и только после упорных настояний, повторяемых в течение нескольких лет, и с добровольного согласия всех других соседей, мы удовлетворили его желание, заявив при этом, что мы не допустим никакого другого присоединения.

Мы довольствовались только тесными союзами, дружескими и братскими сношениями, торговым обменом, добрыми услугами всякого рода и ежегодным конгрессом, чтобы облегчить наши общие операции, в первую очередь относительно наших колоний.

Но теперь мы достаточно сильны, чтобы применить более широко наш принцип братства, и я уверен, что все мои сограждане склонны будут теперь облегчить установление всюду системы общности. Именно поэтому мы недавно приняли некоторые меры, чтобы привлечь к нам иностранцев, и именно поэтому Вальмор предложил на своем народном собрании расширить отель, предназначенный для приема иностранцев.

Но нужно, чтобы иностранцы помогали себе сами. И я с большим удовольствием приветствую идею нашего молодого друга Евгения, как я с большим удовольствием приветствовал приезд милорда.

Собирайтесь, обсуждайте, обсуждайте и даже соединитесь в общество, если можете! Да, попытайтесь организовать большую ассоциацию иностранцев всех стран для пропаганды принципа общности, и если вам это удастся, я гарантирую вам помощь Икарии. По крайней мере, я ничем не пренебрегу, чтобы вам ее обеспечить.

Сговоритесь поэтому с вашими товарищами, чтобы они собрались и обсудили ваши планы. На себя беру достать вам залу для ваших собраний.

Эти столь благосклонные слова и обещания со стороны старого друга Икара, почитаемого в Икаре и во всей Икарии (ибо каждый день приносил новые доказательства почтения, которые внушал дед Вальмора), возбудили в Евгении столько надежд и доставили ему такое удовольствие, что, казалось, он совсем потеряет голову.

Глава сорок первая

ПЕРВОЕ ОБСУЖДЕНИЕ ПРОЕКТА АССОЦИАЦИИ

Сообщенный нашим почтенным другом наш план был принят с таким интересом, что нам предоставили одну из самых больших зал для народных собраний, и большое число видных икарийцев, депутатов и других видных лиц, обещало присутствовать на нашем собрании.

Это замечательное собрание, возвещенное уже за несколько дней национальной газетой с самыми живыми выражениями одобрения и симпатии, наконец, состоялось.

Изложив цель собрания и указав на интерес, который оно представляет для республики, председатель открыл совещание.

Все ораторы выразили свой восторг и энтузиазм по поводу организации общества в Икарии. Несмотря на это, высказано было много возражений, всяких *но* и *если бы*, и конференция затягивалась без решения и результата, когда Евгений, желавший дать высказаться другим, попросил слова и произнес очень короткую речь:

— Мы все знаем Икарию и не имеем нужды в длинных речах, чтобы оценить ее строй. Я прошу поэтому, чтобы собрание сперва обсудило следующий вопрос: желательно ли введение политического строя Икарии в вашей собственной стране? Мы посмотрим тогда, что можно дальше предпринять.

Так как собрание одобрило это предложение, с добавлением, что голосовать могут только иностранцы, приехавшие не менее десяти дней назад, то вопрос был поставлен и решен вставанием.

Мы надеялись на большинство в четыре пятых. Судите же, каково было наше удивление, когда собрание поднялось, как один человек, в защиту икарийской системы.

Радость была так велика и шумна, что председатель счел удобным на время прервать заседание. Казалось, что собрание решает судьбы вселенной, до такой степени преувеличивают люди свое значение и свою власть, когда собираются вместе!

— Если бы мои соотечественники знали Икарию, как мы,— вскричал вне себя Езгений в одной группе,— и если бы они были собраны, как мы, то вся Франция, в этом я убежден, ответила бы, как мы, что она желает общности.

Каждый высказывал такую же уверенность относительно своей страны.

— Если бы человеческий род был весь собран в этой зале,— вскричал голос, кото-

рый господствовал над всеми,— он пожелал бы иметь республику и общность!

— И он будет скоро иметь их,— прибавил другой голосом Стентора. [62]

Четверть часа спустя председатель вновь открыл собрание и предложил другой вопрос: «Применима ли эта система?» и спросил, не хочет ли кто-нибудь высказаться против.

Мы ожидали, конечно, встретить много оппонентов по вопросу о применимости системы, но были удивлены большим количеством тех, которые встали, чтобы привести мотивы своей оппозиции, а так как они были слишком многочисленны, чтобы прения закончились на этом собрании, то обсуждение было отложено на другой день. Выбрана была комиссия для составления доклада.

Мы одержали уже крупную победу, добившись торжественного заявления, что иностранцы, собравшиеся в Икарии, желали бы установления общности для своих собственных стран, и мы надеялись убедить многих оппонентов по вопросу о применимости.

Но наша надежда возросла еще больше, когда, по совету и приглашению деда Вальмора, Динар согласился читать по утрам для иностранцев небольшой курс истории Икарии или, вернее, истории установления режима общности.

Конец первой части

ПРИМЕЧАНИЯ

К ПЕРВОЙ ЧАСТИ

[1] *Иисус Христос... провозгласил равенство.* Представление о Христе как о провозвестнике равенства, ставившем себе целью установление коммунизма на земле,— весьма распространено среди утопических социалистов, хотя оно и лишено всякого основания.

[2] *Я познакомился с лордом Керисдоллом в Париже, у генерала Лафайета...* Лафайет, Мотье, Мари-Жозеф (1757—1834) — отпрыск старинной аристократической семьи. Принял участие в борьбе Северо-Американских Соединенных Штатов за независимость. В 1789 г. стал на сторону революции. В дальнейшем отошел от нараставшей революции и, в конце концов, бежал за границу. Вернувшись во Францию во время Директории, никакой политической роли при Империи не играл. При Реставрации был в рядах либеральной оппозиции. В 1830 г. много содействовал возведению на престол Луи Филиппа, находясь на посту командующего национальной гвардией.

[3] *Икария — это поистине вторая обетованная земля, Эдем, Элизиум. Обетованная* земля — страна, в которую бог, согласно библейской легенде, через Моисея обещал вывести еврейский народ из египетского плена. *Эдем* буквально значит земной рай. По библейскому сказанию, он находится в Леванте, омываемом рекою, откуда брали свое начало Тигр и Евфрат. *Элизиум* — у Гомера равнина на западной оконечно-

сти земли, где царит вечная весна и веет освежающий зефир.

[4] *Две или три тысячи гиней в кошельке.* Гинея — старинная английская монета, около 10 рублей золотом.

[5] *Мадемуазель Марс.* Анна Франсуаза (действительная фамилия Буте) — одна из наиболее блестящих актрис французского театра первой половины XIX столетия. Пьесы Мольера, Мариво и Бомарше не имели более блестящих исполнительниц.

[6] *Елисейские Поля* — одна из наиболее красивых улиц в Париже, соединяющая площадь Согласия с площадью Звезды.

[7] *Бульвары Парижа.* При Кабе заканчивалась прокладка и застройка так называемых больших бульваров, тянущихся на большом расстоянии от собора Магдалины до площади Бастилии. Этот длинный ряд бульваров не раз служил местом общенациональных манифестаций и жестоких классовых боев.

[8] *Кабриолеты, фиакры... омнибусы... старагоми. Кабриолеты* — одноконные двухколесные коляски; *фиакр* — закрытая карета; *омнибус* — большей частью двухэтажный экипаж, служивший до введения электрических трамваев главным средством передвижения пассажиров в крупных городах. *Старагоми* в Икарии — те же омнибусы, но более удобные и лучше обставленные.

[9] *Все мы... входим в состав народной гвардии.* Национальная гвардия была создана во Франции в июле 1789 г. в результате победы буржуазной революции и состояла в основном из зажиточных слоев населения.

[10] *Тоннель в Лондоне.* Это был едва ли не первый опыт прокладки большого тоннеля под широкой рекой. Тоннель прорыт под Темзой в 1823 г. инженером Брюнелем.

[11] *Город прекрасно освещен...* Таким прекрасным представлялось Кабе газовое освещение, впервые введенное на одной из мануфактур в Лондоне в 1798 г. Улицы Лондона освещены были газом с 1804 г.

[12] *Собор св. Павла.* Кафедральный собор св. Павла в Лондоне — замечательное архитектурное произ-

ведение нового времени. Выстроен в 1675—1710 гг. в стиле английского Ренессанса знаменитым архитектором Рен на месте старого собора, сгоревшего в 1664 г.

[13] *Монархия так много кричит о добром короле...* Имеется в виду Генрих IV, который, умиротворив Францию, разоренную сорока годами междоусобных войн, выражал желание, чтобы каждый крестьянин мог по воскресеньям варить себе курицу.

[14] *Муки Тантала. Тантал* — мифический царь Лидии. Когда боги пришли к нему, он, чтобы испытать их, подал им изжаренные части тела своего сына. Юпитер в гневе схватил его, низверг в преисподнюю и приковал там к дереву, где он был осужден на вечные муки от голода и жажды. К нему наклонялись ветви со всякими плодами и вода поднималась до самых его уст, но как только он хотел сорвать плод или напиться воды, и то и другое удалялось от него.

[15] *Мать Гракхов,* Корнелия, жена Тиберия Семпрониуса, дочь Сципиона Африканского, женщина по тому времени исключительно образованная и мужественная. Когда ее сыновья Тиберий и Кай погибли в борьбе с римской аристократией из-за аграрного закона, мать их сказала: «Никогда я не буду считать себя несчастной,— ведь я родила Гракхов!»

[16] *...которые ставят наших женщин в первом ряду в медицине, педагогике... литературе... даже в астрономии.* В области женского вопроса, как это видно из разных мест его книги, Кабе так и не мог побороть в себе отношения к женщине как существу неполноправному. Он считает, что достаточно много сделал, признав их способными проявлять себя в некоторых областях науки и литературы.

[17] *Начальное нравственное воспитание опять-таки доверено семье и главным образом матери под руководством отца.* Даже в этой области, естественно принадлежащей матери, она может проявлять себя не вместе с отцом, не рядом с ним, а «под его руководством».

[18] *Даже женщины знакомятся с элементами гражданского воспитания, чтобы... понимать все, что так сильно занимает их мужей.* Женщины сами по себе не гражданки, их самих «гражданские», т. е. общественные и политические, вопросы не интересуют, а знакомятся они с ними только потому, что они «занимают» их мужей!

[19] *...Вскрытия, производимые женщинами-хирургами, опубликовываются как сделанные мужчинами-хирургами.* Эта нехитрая выдумка явно свидетельствует о том, что Кабе так и не мог свести концы с концами в области женского вопроса.

[20] *Привычка к лаконизму. Лаконизм* — манера выражаться с крайней краткостью, которую древняя история приписывает гражданам Лаконии, т. е. спартанцам. Так, когда Филипп Македонский потребовал, чтобы они впустили его в свой город, они ответили: «Нет!» А Леонид ответил Ксерксу, потребовавшему сдачи: «Приди и возьми!»

[21] *Свирепый Омар* — преемник Абу-Бекра, второй калиф с 634 до 644 г. Захватил Сирию, Персию и Египет. Ему приписывают, что он сжег богатейшую Александрийскую библиотеку, объяснив свой поступок тем, что если в книгах этой библиотеки говорится то же, что в Коране, то они бесполезны, а если в них содержится нечто другое — они вредны.

[22] *Люцифер* — имя падшего ангела, восставшего против бога.

[23] *Клевещите — всегда что-нибудь останется,* — часто повторяемые слова одного из героев комедии Бомарше (1732—1799) «Севильский цирюльник».

[24] *Пантеон и Пандемониум. Пантеонами,* как показывает самое значение этого греческого слова, назывались храмы, посвященные всем богам. Существующее под этим названием в Париже великолепное здание служит местом погребения выдающихся деятелей. *Пандемониум* — вместилище всех демонов.

[25] *Все говорило о... республике, более внимательной к удовольствиям своих дочерей, чем к благу других своих детей.* Здесь опять, по французскому выражению, «мертвый хватает живого». Раньше мы

видели, как Кабе ставит женщину в зависимое от мужчин положение и отказывает ей в самых элементарных гражданских правах. Здесь он ставит ее в привилегированное положение, по существу столь же унизительное.

[26] *К республике, разрешающей им развод.* Кабе отмечает это как особое достижение, потому что в его время верхняя палата во Франции (палата пэров) упорно отказывала в разрешении разводов, которые допущены были в годы Великой революции и сохранены с некоторыми ограничениями при первой Империи. Реставрация их отменила. Снова допущены были только при III Республике в 1884 г.

[27] *Докажите ему, что это вполне естественное следствие нашего воспитания.* Отстаиваемую здесь систему соединения в школьном деле теории с практикой Кабе воспринял у своего дижонского учителя Жакото, учеником, а затем и помощником которого он был ряд лет. Эту же систему Кабе последовательно проводил в созданной им колонии Науво.

[28] *Лье* — дореволюционная мера длины во Франции — около 5 километров.

[29] *Бедный Вальмор! Ему придется еще много страдать... но у него будет утешение. А я... буду скоро подавлен тяжестью неутешной скорби!* Кабе упускает из виду, что он строит свой роман в форме дневника, и Керисдолл не мог, делая свою запись, знать, что произойдет с Вальмором и с ним самим в будущем.

[30] *В старое время... у нас наблюдалось нечто, совершенно противоположное.* Под видом описания парламентских нравов дореволюционной Икарии Кабе описывает то, что он видел в цензитарном парламенте Франции эпохи Реставрации и монархии Луи Филиппа, когда на 25 миллионов населения было всего сперва 100 тысяч, а потом 200 тысяч избирателей, когда депутаты, избранные кучкой избирателей, появлялись в палате только в те дни, когда решались интересующие их экономические и политические вопросы или предвиделся какой-нибудь очередной скандал.

[31] *Цивильный лист для королевы, уделы для двух ее сыновей, приданое для ее дочери.* Намек на то, что Луи Филипп, несмотря на то, что получал огромное содержание и хранил в английских банках большое состояние, неоднократно выпрашивал у парламента крупные суммы то для своих детей, то для себя лично.

[32] *И народ не подавал петиций, как в Англии?* Петиция в Англии — одна из форм выражения народной воли, народных требований. Еще в 1624 г. английский парламент подал королю Карлу I «Петицию о правах». В этой петиции парламент требовал соблюдения прав, установленных «Великой хартией свобод», и прекращения непрестанных беззаконий. Но особенно широкое распространение получило петиционное движение во времена чартизма, требовавшего избирательной реформы. 6 августа 1838 г. принята была в Бирмингаме петиция, которая покрыта была 1 280 000 подписей и в 1839 г. отвергнута была палатой общин 239 голосами против 66. 1 мая 1848 г. торжественно принесена была в палату общин новая петиция, покрытая 5 760 000 подписей.

[33] *И народ не собирался, как в Англии, совещаться на своих митингах?* В Англии рабочий класс завоевал право организовывать митинги и шествия в публичных местах, парках и на площадях, какого в других странах буржуазия в то время за рабочим классом не признавала.

[34] *Веллингтон,* Артур Веллесли, герцог (1769—1852) — английский генерал, вся карьера которого протекала главным образом в войнах с Наполеоном. Упорный консерватор, восставший против избирательной реформы. Возмущенные рабочие выбили стекла в окнах его особняка. Тогда он заказал железные ставни и двери.

[35] *Митральеза* — многоствольное артиллерийское орудие, стрелявшее пулями большого калибра или картечью.

[36] *Народ сумел добиться парламентской реформы.* Но народу эта реформа избирательных прав не дала. Проведенный в 1832 г. в Англии избирательный за-

кон в действительности дал избирательное право лишь состоятельному населению и преимущественно промышленному классу. Пролетариат и мелкая буржуазия, принимавшие такое деятельное участие в борьбе за избирательную реформу, были попрежнему лишены избирательных прав. Понадобились еще две избирательные реформы (1867 и 1884 гг.), чтобы они получили, наконец, право участвовать в выборах депутатов в палату общин.

[37] *...О вашем английском радикализме* — т. е. о чартистском движении.

[38] *...Открытый и бесстыдный подкуп голосов.* Избирательная коррупция, распространенная во всех буржуазных странах, достигла особенного расцвета в Англии. Практиковавшаяся там уже в течение ряда веков, она особенно широко стала применяться в XVIII столетии. На избирательные голоса существовали определенные цены, выплачивавшиеся либо наличными, либо в виде ренты.

[39] *Пэрство.* Во Франции пэрство никогда не играло не только крупной, но даже какой-либо определенной политической роли. В 1830 г. отменена была наследственность пэрства, а в 1848 г. оно было совершенно уничтожено. В Англии пэры по праву заседают в верхней палате (палате лордов), а в уголовных и гражданских делах подлежат суду «своих равных». Под пэрами Икарии Кабе разумеет все коммуны вплоть до мельчайших, на обсуждение которых передаются наиболее значительные законы, принимаемые народным представительством.

[40] *Доверили редактирование газет государственным должностным лицам.* Конец 30-х и начало 40-х годов отмечены во Франции захватом газет крупными капиталистами, и Кабе, борясь против этого зла, доходит до того, что готов превратить газеты в сухой протокол.

[41] *Гайд-парк* — самый большой парк в Лондоне, постоянное место не только детских игр, гуляний и верховой езды, но и крупных манифестаций во времена чартизма и в другие моменты народных движений.

[42] *Проклятый сплин* — неврастения, хандра. По-английски это слово (spleen) означает *селезенка*, потому что в древности считали, что мрачное настроение вызывается селезенкой.

[43] *Марсово поле в Париже* — огромная площадь длиной в целый километр и шириною в полкилометра, названная Марсовым полем в подражание римской площади, носящей то же название. На этой площади в разное время происходило много важных событий. На ней, между прочим, 14 июля 1790 г. происходил первый праздник Федерации в память взятия Бастилии.

[44] *Забыл годовщину... июльских дней.* Июльские дни (известные также под названием «три славных дня») — дни революции 1830 г. 25 июля были опубликованы ордонансы Карла X, которыми распускалась только что избранная, но еще не собравшаяся враждебная правительству палата депутатов, изменялись конституционная хартия и избирательный закон, значительно ухудшалось положение печати и т. д. Ответом послужило длившееся три дня восстание, в котором главными героями были рабочие, мелкая буржуазия и учащаяся молодежь. Карл X бежал в Англию, а его министры Полиньяк, Перонне, Гернон-Ранвиль и Шантелоз были арестованы и преданы суду.

[45] *...Действительно ли вы... скучаете и зеваете все воскресенья?* Во времена Кабе (а отчасти и в настоящее время) воскресный отдых в Англии соблюдался особенно строго. Не допускались никакие развлечения и увеселения. Воскресные дни полагалось отдавать богу и отдыху.

[46] *Шарантон и Бедлам* — дома для умалишенных близ Парижа и в Лондоне.

[47] *О'Коннель, Даниэль* (1775—1847) — в свое время очень крупный ирландский политический деятель, боровшийся за отделение Ирландии от угнетавшей ее Англии. Его энергичная агитационная деятельность создала ему большую популярность среди его народа. В 1828 г. он был избран в палату общин, но как католик не был допущен заседать в ней

Через год после бурной борьбы проведена была эмансипация католиков, и О'Коннель вступил в палату. Вскоре подоспела избирательная реформа 1832 г. и вместе с О'Коннелем в палату вступила целая группа ирландцев. В 40-х годах О'Коннель открыто стал стремиться к отмене унии между Англией и Ирландией и был предан суду. Обвинительный приговор был отменен палатой лордов.

[48] *Все Тартюфы. Тартюф* — герой комедии Мольера того же названия. Тип лицемера и ханжи.

[49] *Де Лаколонж и Менгра* — имена двух преступников на сексуальной почве.

[50] *Капитан каперского судна.* На этих судах их капитаны подстерегали, ловили и увозили негров и продавали их в рабство. Этим делом не гнушались заниматься через подставных лиц высокопоставленные правители и даже сама английская королева Елизавета (царствовала с 1558 до 1603 г.).

[51] *Сколько бунтов, заговоров и покушений! Сколько зверств и массовых убийств в Испании и Алжире!* Кабе имеет в виду ряд событий 30-х годов. В Испании в 1831 г. вспыхнуло восстание, поднятое сторонниками конституции, причем расстреляны были один из его вождей генерал Торрихос и пятьдесят его товарищей. Там же происходила война за престол между сторонниками малолетней королевы Изабеллы, с одной стороны, и претендентом Дон Карлосом, братом умершего короля Фердинанда,— с другой. В Алжире Франция вела в это время захватническую войну, начатую Карлом X в 1830 г. и длившуюся с особенно свирепой жестокостью до 1844 г.

[52] *О системе устрашения и репрессий.* Первое десятилетие царствования Луи Филиппа ознаменовано было рядом восстаний, покушением Фиески и его товарищей на короля, с одной стороны, а с другой — казнями и всякими мерами устрашения.

[53] *Герои июля или баррикад.* Имеется в виду преследование, изгнание, осуждение тех, кто своей борьбой обеспечили победу революции в 1830 г. во Франции и потом были возмущены наглым воцарением крупной буржуазии и банкиров.

[54] *Тот, кого называли избранником народа*, т. е. Луи Филип.

[55] *Расстрелы июльские и апрельские.* Речь идет главным образом о событиях 5 и 6 июня 1832 г., во Франции, когда похороны видного оратора оппозиции генерала Ламарка послужили поводом для демонстрации против все наглевшей реакции, демонстрации, превратившейся вследствие провокации правительства в вооруженное восстание и вызвавшей очень много жертв.

[56] *Я вижу, как она дает другим народам пример революции.* Победоносная Июльская революция 1830 г. во Франции вызвала революционное движение в Бельгии, Италии и Польше, которые сильно надеялись на помощь со стороны Франции. Но Луи Филипп отказался вмешаться в дела Италии, когда Австрия пришла на помощь папской власти против восставшего народа, и в дела Польши, которую он дал задушить царской власти. Это вызвало большое недовольство в революционных кругах.

[57] *И вы принесли им, сеньор... большую честь.* Двустишие из басни Лафонтена.

[58] *...Которая принесла вам вашу парламентскую реформу...* Сами чартисты признавали, что революция 1830 г. во Франции оказала большое влияние на их движение и тем самым содействовала проведению английской избирательной реформы 1832 г.

[59] *Разве закон самих галантных французов не предписывает женщине повиноваться мужу?* В кодексе Наполеона действительно имеется такое предписание.

[60] *Императорский деспотизм.* Имеется в виду Наполеон I.

[61] *Сделав голос мужа перевешивающим.* Здесь Кабе только лишний раз подчеркивает главенствующую роль, отводимую им мужьям.

[62] *Голос Стентора.* *Стентор* — аргивский герой, принимавший участие в осаде Трои, отличавшийся необычайной силой своего голоса и прозванный поэтому «медноголосым». Пятьдесят человек своими совместными криками не в состоянии были покрыть его голос.

СОДЕРЖАНИЕ

В. П. Волгин. Этьен Кабе 5

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИКАРИЮ

Предисловие ко второму изданию 73

Часть первая

Путешествие. Рассказ. Описание.

Глава первая. Цель путешествия. Отъезд . . 83
Глава вторая. Прибытие в Икарию 90
Глава третья. Прибытие в Икару 103
Глава четвертая. Описание Икарии. Описание Икары 115
Глава пятая. Взгляд на общественный и политический строй и историю Икарии 137
Глава шестая. Описание Икары (продолжение) 156
Глава седьмая. Пища 175
Глава восьмая. Одежда (продолжение письма Евгения к брату) 185
Глава девятая. Жилище. Обстановка . . . 198
Глава десятая. Воспитание 216
Глава одиннадцатая. Воспитание (продолжение) 239
Глава двенадцатая. Труд. Промышленность . 259
Глава тринадцатая. Общественное здравие. Врачи. Больницы 279

Глава четырнадцатая. Писатели. Ученые. Адвокаты. Судьи 304

Глава пятнадцатая. Женская мастерская. Роман. Брак 327

Глава шестнадцатая. Динаиза не хочет выходить замуж. Отчаяние Вальмора 341

Глава семнадцатая. Сельское хозяйство . . . 344

Глава восемнадцатая. Сельское хозяйство (продолжение) 359

Глава девятнадцатая Сельское хозяйство. Торговля (продолжение). 375

Глава двадцатая. Религия 381

Глава двадцать первая. Излечение Вальмора. Тоска милорда 399

Глава двадцать вторая. Национальное представительство 402

Глава двадцать третья. Икарийское пэрство. Провинциальное представительство. Пантеон 427

Глава двадцать четвертая. Народные собрания 433

Глава двадцать пятая. Пресса 442

Глава двадцать шестая. Исполнительная власть 445

Глава двадцать седьмая. Брак. Бал. Танцы . . 452

Глава двадцать восьмая. Прогулка верхом . . 459

Глава двадцать девятая. Милорд любит Динаизу. История Ликедокса и Клорамиды. История Икара 462

Глава тридцатая. Театры 483

Глава тридцать первая. Историческая драма. Пороховой заговор. Суд и осуждение невинного 496

Глава тридцать вторая. Ревность и безумие. Разум и преданность 523

Глава тридцать третья. Прелюдия к юбилейным празднествам. День рождения школьника, рабочего, гражданина 542
Глава тридцать четвертая. Празднества, игры, развлечения, роскошь 567
Глава тридцать пятая. Колонии 578
Глава тридцать шестая. Религия (продолжение главы двадцатой) 582
Глава тридцать седьмая. Франция и Англия 607
Глава тридцать восьмая. Брак милорда решен 615
Глава тридцать девятая. Женщины 619
Глава сороковая. Внешние сношения. Проект коммунитарной ассоциации 628
Глава сорок первая. Первое обсуждение проекта ассоциации 633
Примечания 636

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

Редактор издательства *Ц. М. Подгорненская*
Технический редактор *Н. П. Аузан*
Корректор *В. К. Гарди*

РИСО АН СССР № 3199. А-09615. Издат. № 1429. Тип. заказ № 1044. Подп. к печ. 12/X 1948 г. Формат бум. 70×92¹/₃₂. Печ. л. 20¹/₂. Уч.-издат. 22. Тираж 15 000.

Цена в переплете 20 руб.

2-я типография Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10